

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ТРАНСКОММУНИКАЦИЯ:
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ МИРОВ
ЧЕЛОВЕКА**

Издательство Томского университета

2011

УДК 159.9:316.6

ББК 88.5

Т 65

Т65 Транскоммуникация: преобразование жизненных миров человека / Под ред. В.И. Кабрина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 400 с.

ISBN 978-5-7511-2005-4

Коллективная монография посвящена ключевому феномену постнеклассической науки и культуры постмодерна – транскоммуникации. Она содержит многосторонние исследования и теоретический анализ основных факторов транскоммуникации. Теоретические схемы и методологические модели транскоммуникативного потенциала, определяющего становление личности, реализуются в различных современных тренинговых программах с анализом их эффективности. Рассматриваются постметодологические перспективы развития транскоммуникативной ноэтической культуры в современном инновационном образовании.

Для психологов, социологов, философов, педагогов и всех читателей, интересующихся сложными проблемами человеческой коммуникации.

УДК 159.9:316.6

ББК 88.5

Монография выполнена при поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», проект № 2.2.2.4/12682

© В.И. Кабрин, Е.А. Рыльская,
В.Н. Петрова, В.В. Мацуга,
Я.Б. Частоколенко, Э.И. Мещерякова,
О.А. Пяткова, С.В. Лебединская,
И.В. Замарёхина, О.И. Муравьева, 2011

ISBN 978-5-7511-2005-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	8
ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ПАРАДИГМА И ТЕЗАУРУС КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИИ (Кабрин В.И.).....	10
Коммуникативный подход в постметодологической перспективе.....	10
Феномен транскомуникации.....	12
Транскомуникативный потенциал элементарной коммуникативной ситуации	16
Транскомуникативная ориентация базового коммуникативного пространства.....	20
Уровни коммуникативного пространства (ось избирательности)	21
Коммуникативный мир как первичная экзистенциальная реальность жизни личности.....	28
Литература	42
Раздел 1. ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ТРАНСКОММУНИКАЦИИ	45
Глава 1. ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ТРАНСКОММУНИКАТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (Рыльская Е.А.).....	45
1.1. Жизнеспособность человека в контексте транспективного анализа	45
1.2. Коммуникативный подход к исследованию жизнеспособности человека	51
1.3. Эмпирическое исследование жизнеспособности человека.....	59
1.4. Перспективы исследования жизнеспособности на основе нарративного метода: любовь как транскомуникация.....	66
Литература	70
Глава 2. МОДЕЛЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В ПРОЦЕССЕ ТРАНСКОММУНИКАЦИИ (Петрова В.Н.)	74
2.1. Коммуникативность мира как один из базовых объяснительных принципов современной психологии	75
2.2. Роль процессов коммуникации в формировании образа будущего	81
2.3. Основные методологические принципы исследования роли коммуникации в процессах становления образа будущего	87
2.4. Данные эмпирической апробации модели существования и развития образа будущего в процессе коммуникации.....	95

Литература	101
Глава 3. СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВА АУТОКОММУНИКАЦИИ (Мацута В.В.)	103
3.1. Историко-психологический анализ понятия «аутокоммуникация»	103
3.2. Интрапсихическая коммуникация	104
3.3. Внутренняя коммуникация	105
3.4. Внутренний диалог и внутренняя речь	106
3.5. Внутриличностная (интраличностная) коммуникация	111
3.6. Интрасубъектная коммуникация	114
3.7. Коммуникативный подход в исследовании аутокоммуникации	117
Литература	135
Глава 4. ТРАНСКОММУНИКАЦИЯ, ТРАНС-АРТ И ТВОРЧЕСТВО (Частоколенко Я.Б.)	140
4.1. К методологии невоспроизводимых про-явлений	140
4.2. Креативность и творчество в зеркале транскоммуникативного подхода	144
4.3. Концепция и практика транс-арта	146
4.4. Протонойальные аспекты творчества	153
4.5. Фрактал и транс-арт	158
4.6. Транс-арт на «палитре» психологических практик актуализации креативных возможностей личности и группы	168
Литература	174
Глава 5. ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА КАК ПСИХОСЕМИОЗИС ЕГО СУБЪЕКТИВНЫХ РЕАЛЬНОСТЕЙ (Мещерякова Э.И.)	176
5.1. Текст как психосемиозис знаковых систем различных модальностей	176
5.2. Текст как психосемиотическое пространство персонального мифа	180
5.3. Психосемиозис концепта «дорога» в транскоммуникативном пространстве персональной мифологии	186
5.4. Взаимосвязь со-бытийности эйдосов детства и семантик коммуникативного мира личности	191
5.5. Психосемиотическая организация сознания в реальной и виртуальной коммуникации	199
5.6. Взаимосвязь мифологической идентификации личности (персональный миф) и ольфакторного компонента самопрезентации	202
5.7. Транскоммуникативный потенциал одиночества в психосимволическом контексте творчества	207
Литература	210
Раздел 2. ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В ТРЕНИНГОВЫХ ПРОГРАММАХ	216

Глава 6. ДИНАМИКА ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫХ СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ В ГРУППАХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА (Пяткова О.А.).....	216
6.1. Методологические основы исследования динамики транскоммуникативных состояний личности в группах социально-психологического тренинга	216
6.2. Основные характеристики транскоммуникативных состояний личности в социально-психологическом тренинге	220
6.3. Стадии и типы транскоммуникативной динамики в группах социально-психологического тренинга	229
Литература	241
Глава 7. РАЗВИТИЕ ТРАНСКОММУНИКАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В ТРЕНИНГЕ МЕТАФОРИЧНОСТИ (Лебединская С.В.)	243
7.1. Теоретико-методологические основы программы тренинга метафоричности.....	243
7.2. Анализ личностной динамики участников тренинга	260
Литература	274
Глава 8. КОММУНИКАТИВНЫЙ МИР ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В ГРУППАХ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА (Замарёхина И.В.)	276
8.1. Феноменология коммуникативного мира личности	276
8.2. Особенности коммуникативного мира личности студентов первого курса	281
8.3. Возможности трансформации коммуникативного мира личности	285
8.4. Трансформация коммуникативного мира личности студента в группе «жизненного опыта».....	292
8.5. Транскоммуникативная динамика личности студента в группе «жизненного опыта»	299
Литература	304
Раздел 3. ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ТРАНСКОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАНИИ	305
Глава 9. ТРАНСКОММУНИКАЦИЯ КАК ОСНОВА ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК (Муравьева О.И.).....	305
9.1. Коммуникативная компетентность как ведущая компетенция современного профессионала	305
9.2. Психологические исследования коммуникации в ракурсе трансспективного анализа	306
9.3. Транскоммуникация в инновационных образовательных практиках	312
9.4. Транскоммуникация как имманентное свойство инновации: концептуальная интерпретация результатов исследования.....	328

Литература	332
Глава 10. Ноэтическая природа транскомуникативной потенциализации базовых человеческих отношений в образовании (Кабрин В.И.)	334
10.1. К метаистории ноэтического источника транскомуникации	335
10.2. Транскомуникативный универсум исследования ноодинамики душевной жизни человека	337
10.3. Транскомуникативная потенциализация жизненных событий в контексте ноодинамики	341
10.4. Базовые коммуникативные отношения человека и их транскомуникативная потенциализация	343
10.5. Метакоммуникация и метаноэзис: коммуникативный мир человека ноэтического	347
10.6. К постметодологии исследования и потенциализации неочевидной повседневности жизни	350
10.7. Транскомуникативный универсум психологических парадигм	352
10.8. Транскомуникабельность постметодологического релевантного исследования в психологии	354
10.9. Персональная образовательная траектория сотворения индивидуального транскомуникативного мира	367
10.10. Транскомуникативная экзистенция личности, социума, культуры в образовательном пространстве	368
10.11. Холархия поясов транскомуникативного пространства профессионализации личности	370
10.12. Первый имплицитный пояс персональной идентичности – система транскомуникативных Я-интенций личности	372
10.13. Второй эксплицитный пояс транскомуникативного мира личности – система свободных избирательных, значимых и взаимных коммуникативных отношений личности	373
10.14. Третий пояс персональной образовательной сети – система транскомуникативных связей личности в пространстве факультета	374
10.15. Четвертый пояс персональной образовательной сети – система транскомуникативных связей личности в пространстве университета	375
10.16. Пятый пояс персональной образовательной сети – система транскомуникативных связей личности в информационно-образовательном пространстве СМИ и Интернет	375
10.17. Шестой креативный пояс персональной образовательной сети – транскомуникативный полигон притязаний, испытаний и достижений личности	375

10.18. Седьмой рекреативный пояс персональной образовательной сети – транскоммуникативное пространство образовательных путешествий	376
10.19. Восьмой открытый диффузный пояс – атмосферное фоновое транскоммуникативное пространство	376
10.20. Пути исследования и повышения эффективности персональной образовательной сети	377
Литература	378
Заключение	382
Приложение. МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ МИРОВ ЛИЧНОСТИ (ММКМ).....	383
Стратегии транскоммуникативного анализа структуры и динамики личностного роста.....	383
Модель сбора информации	383
Невербальные показатели ММКМ.....	385
Вербальные показатели ММКМ.....	386
Факторы транскоммуникативного потенциала коммуникативного мира личности	389
Инструкция сбора информации для респондента «Ваш жизненный мир»	397
Сведения об авторах	399

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная монография является результатом спонтанной интеграции очень разных научно-практических проектов, отчетливо объединяемых единой направленностью – исследовать различные аспекты душевной динамики сквозь призму феномена и парадигмы *транскоммуникации*.

Когда в 1992 г. я написал книгу «Транскоммуникация и личностное развитие», возможно, я не ожидал, что возникнет серьезная проблема теоретического, методологического и далее постметодологического анализа нового видения душевной реальности, каким он высвечивается в контексте феномена транскоммуникации. Если сразу попробовать дать этому феномену операциональное определение, это будет возможным, но явно недостаточным для полного понимания. Например, транскоммуникацию можно определить как общение или сообщаемость *инаковых* и *разнопорядковых* миров как внутри, так и вне человека – геномного, клеточного, органического, соматического, группового, социального, культурного, кросскультурного, космического, нозического. Все эти измерения так или иначе будут соотнесены с духовно-душевно-телесным единством человека в различных главах монографии.

Здесь же следует сразу подчеркнуть, что качественная специфика данного подхода заключается не просто в понимании человека и его жизненного мира как потока коммуникации, а как постоянного меняющего себя потока. Это больше, чем максима Гераклита о том, что в один поток нельзя войти дважды. Глубинный смысл понятия транскоммуникации в том, что она «должна изменяться» (в духе морального закона Э. Канта), чтобы человек становился конгруэнтным, аутентичным и такими же сохранялись его отношения с другими как действительно Другими (инаковыми). Сквозь транскоммуникацию становятся видимыми обычно незамечаемые в повседневности события, так же как в «эффекте Кирилан» в потоке ультрафиолетового излучения становятся видимой живая аура ростка и растения.

В монографии представлены работы тех авторов, кто получил опыт прикосновения к этой неочевидной реальности.

Феномен и парадигма транскоммуникации выявляются при последовательном применении коммуникативного подхода к психологической

реальности. Поэтому вводная часть монографии посвящена тезаурусу и парадигме коммуникативного подхода (В.И. Кабрин).

Первый раздел посвящен исследованию психологических факторов транскомуникации: в контексте жизнеспособности (Е.А. Рьельская); в перспективе развития образа будущего (В.Н. Петрова); в структурно-функциональных характеристиках её аутокоммуникативного аспекта (В.В. Мацута); в экзистенциальном пространстве её творчества (Я.Б. Частоколенко); в междисциплинарном аспекте ее психосемиозиса (Э.И. Мещерякова).

Второй раздел непосредственно посвящен центральной теме монографии – транскомуникативному преобразованию жизненного мира человека в тренинговых программах: в группах социально-психологического тренинга (О.А. Пяткова); в тренинге метафоричности (С.В. Лебединская), в группах жизненного опыта (И.В. Замарёхина).

Третий раздел раскрывает научно-практические перспективы развития транскомуникативной культуры в образовании: в инновационных образовательных практиках (О.И. Муравьева); в ноэтической потенциализации базовых человеческих отношений (В.И. Кабрин).

Эта монография может представлять научный интерес не только для психологов, но и для представителей смежных наук, занимающихся проблемой человеческой коммуникации.

Научный редактор *В.И. Кабрин*

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ПАРАДИГМА И ТЕЗАУРУС КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИИ

Проясняя ключевые понятия, вынесенные в название этого коллективного труда, необходимо определить исходный научный контекст, который может рассматриваться как предыстория коммуникативного подхода в психологии и смежных науках.

В последующих разделах коммуникативные процессы будут рассматриваться во множестве социокультурных и исторических контекстов, что соответствует центральной задаче работы – показать преемственность данных исследований и выявить новые перспективы. Здесь же я намеренно концентрирую внимание на возможности рассматривать коммуникативный подход как *холодинамический*, показывающий универсальную форму целостности жизни человека. Поэтому здесь не будет интерпретироваться «монблан работ и фактов» большого разнообразия коммуникативных явлений – это сделано в других работах.

Цель данного раздела – показать новое голографическое видение известных и еще не изученных фактов в зеркале коммуникативного подхода как холодинамической парадигмы. Решение этой проблемы имеет вполне конкретные исторические контуры.

Коммуникативный подход в постметодологической перспективе

В 1978 г. мною была защищена диссертационная работа «Исследование самореализации личности в структуре коммуникативного мира». При этом возникла естественная необходимость в теоретической и методологической интеграции непривычных для отечественной психологии того времени ключевых понятий в качестве рабочих концептов и их операционализации в рамках единого подхода.

Тогда, опираясь на работы В.Н. Мясищева, А.А. Бодалёва, Б.Ф. Ломова, а также на идеи Я.Л. Морено, Д.Г. Мида, К. Ясперса и К. Роджерса, я сформулировал, как мне казалось, актуальное методологическое направление – коммуникативный подход в психологии (Бодалев, 1983; Кабрин, 1982; Роджерс, 1994; Ясперс, 1991). Сейчас важно отметить меняющийся современный контекст: понятие-метафора «подход» в последующих

его преобразованиях оказалось эвристичным в связи с фундаментальным метаанучным конструктом – методология. Это позволяет сегодня коммуникативный подход рассматривать в креативном континууме: методология – постметодология.

Именно в этом континууме можно видеть преимущество и общий смысловой вектор основных разделов данной коллективной монографии. Но здесь мы подходим к наиболее проблематичному аспекту коммуникативного подхода даже с точки зрения постнеклассической его интерпретации. Речь идет о внутренней его *постметодологической ориентации* как существенной необходимости преодоления методических ограничений исследования *коммуникативного опыта* как собственно психологического. Конечно, психологический язык далек от совершенства и несет в себе слишком много легкомысленных заимствований. Например, «психо-семантическое поле» или «креативный потенциал», наверное, еще долго будут обладать достаточной эвристичностью. Но если мы продолжаем мыслить душевную жизнь как «механизм», а «общение» приравнять к взаимодействию, то коммуникативный подход остается или пустой декларацией, или взаимообманом.

Постметодологическая «вынесенность» коммуникации кроется в ее *транс-факторе*, или транскоммуникабельности, открывающей *свободу встречи*, не продиктованную взаимодействием. Физическое взаимодействие с человеком, группой, миром – важное, частое, но *необязательное* условие встречи. Интенциональность, трансцендентальность *сонастроенности (синхронистичности)* душевных процессов, обладающих тем же *радикалом свободы*, – вот истинное основание встречи как момента транскоммуникации, или транс-такта. О трансцендентальном радикале свободы «психического», а точнее, душевной жизни я писал неоднократно в связи с древней, теперь альтернативной, гипотезой «ее немозгового», ноэтического духовного происхождения (Анаксагор, Платон, Кант, В.И. Вернадский, В.В. Налимов) (Вернадский, 1991; Налимов, 1989; Платон, 2009; Смотрицкий, 1988). Я показал, что трансцендентность, ноэтичность и, соответственно, транскоммуникабельность душевного обнаруживается на границах тех идеальных форм, «апорий», архетипов, в которых человек осваивает действительность – *времени, пространства, информации, энергии*.

Психологическая энергия (по сравнению с физической, локомоторной) обнаруживает «предшествование», первичность как предсвободу уже на уровне идеомоторных актов и аутотренинговых упражнений.

Психологическая информация (по сравнению с физической) обнаруживает парадоксальную недоступность, латентность, сокровенность в попытках ее любой «объективации», даже в речи.

Психологическое пространство (по сравнению с физическим) обнаруживает собственную размерность, сверхмерность, голографичность, холодинамичность (уже в опытах по управляемому и продуктивному воображению К. Юнга (1994) и Р. Ассаджиоли (1994)).

Психологическое время (по сравнению с физическим) обладает собственной онтологичностью, т.е. самостоятельным прошлым, настоящим и будущим в их сложных взаимоотношениях. С этой точки зрения само понятие физического времени похоже, скорее, на антропоморфную проекцию данного измерения в область физического, где время – исчезающая величина между прошлым и будущим.

Именно в онтологии психологической энергии, информации, пространства и времени мы можем понять загадку человеческого Я в целом и свободу подлинной человеческой коммуникации как транскоммуникации.

Таким образом, переход от методологии к постметодологии видится как естественный путь преодоления ограничений логики и структуры любого стандартного метода относительно свободных качеств душевной жизни и коммуникации. В частности, это возможно через более динамичное глубокое погружение в самопреобразующийся и преобразующий ситуацию коммуникативный процесс – *транскоммуникацию*.

Феномен транскоммуникации

Транскоммуникация – первичная экзистенциальная реальность, открывающаяся в последовательном коммуникативном подходе к душевной жизни человека. Этой реальности и соответствующему концепту будет посвящено достаточно много страниц нашей монографии, чтобы раскрыть ее многообразие, универсальность и холистичность. Сейчас лишь отметим ее феноменологические истоки.

Любой *первичный коммуникативный импульс* младенца, ребенка, взрослого содержит потенциальную *децентрацию*, рождающую переход в более ёмкую жизненную ситуацию – встречу, обеспечивающую, в свою очередь, транзит, и в более масштабную (чем тело) идентичность, с точки зрения которого и ребенок, и взрослый *по-новому переживают* себя в ситуации. Поэтому чем дифференцированнее и многограннее мы

понимаем коммуникативную реальность, тем яснее проявляется транскоммуникативная природа многоуровневого и разномасштабного спектра душевных движений и состояний – от смутных диффузных переживаний до мировоззренческих просветленных состояний сознания.

Таким образом, коммуникативный подход в психологии как минимум двунаправлен: с одной стороны, в нем транскоммуникация рассматривается как специфическая тотальная реальность (предмет), с другой стороны, она видится в качестве достаточно универсального «генерального фактора», порождающего наиболее существенные и активные душевные процессы самого различного масштаба. В этих порождаемых им психологических образованиях (пиковых переживаниях, экспектациях, ролях, персонификациях, нормах, ценностях, Я-концепциях, атрибуциях, приязаниях, самоутверждениях, идентичностях, идеалах достижений и т.п.) сама транскоммуникативная реальность и проявляется, и преобразуется.

Транскоммуникация проявляется как *синхронизация и соответствие* в самых разномасштабных и разномерных мирах (от геномного до трансперсонального и транскультурального) не просто через физическую, а именно через *смысловую синергию или смыслообразование*. Только в этом случае мы можем понять, почему простое физиологическое отправление – слезы – не случайно *соответствует* духовному потрясению человека – катарсису, а живой цветок вызывает такое же умиление, как улыбка младенца. Сюда же относятся свидетельства многих известных людей – моральный закон и звездная Вселенная И. Канта, «Благоговение перед жизнью» А. Швейцера, ноосфера и «Божественная среда» Т.Д. Шардена и др. (Шарден, 1992; Швейцер, 1992).

Очевиден нозтический трансперсональный смысл приведенных выше примеров. В этом контексте основная задача данной работы – показать, что феномен транскоммуникации может выступать и общим принципом, и конкретным инструментом анализа трансперсональных процессов любого масштаба: от мимолетных пиковых переживаний до альтернативных медитативных состояний сознания.

В транскоммуникации человек открывается навстречу Другому, в той степени в какой он *децентрируется*. При этом степень децентрации феноменологически ярко обнаруживается в возникновении «пиковых переживаний» (Маслоу, 2002). В контексте этих переживаний открывается многоуровневая динамика самого транскоммуникативного процесса. Эта динамика образуется особым взаимодействием *коммуникативного стресса* (разновидности эустресса) и *коммуникативного транса* (раз-

новидности «эутранса», ориентированного на децентрацию, транзит). Коммуникативный стресс и транс образуют реципрокное единство, как в архетипе «Инь – Ян». В результате динамическая стресс-транс-формация обнаруживает себя в общении как универсальный транскомуникативный фактор, инициирующий выраженные пиковые переживания.

Например, когда организм физиологически релевантно реагирует на духовные и душевные движения, проще всего это проявляется в смехе и слезах как конкретно физиологических процессах, адекватно откликающихся на пиковые переживания. При этом естественно изменяются и скрытые физиологические процессы, связанные с деятельностью кровеносной системы, метаболизма и т.п. Принципиально важно, что в этом процессе переживание, образ, мысль или эйдос, вызвавшие органический сдвиг, не теряют своей специфики и остаются самими собою; и в то же время организм оказывается адекватно отзывчивым этим состояниям в силу своих специфических возможностей. Только в таком случае можно говорить о транскомуникации разнопорядковых миров как внутри человека, так и в контексте его общения с Другим. По сути, в транскомуникации за счет такой горизонтальной и вертикальной децентрации начинает ощущаться нечто третье, что возникает между общающимися сторонами, – метакоммуникативный контекст: остроты и метафоры, которые образуют новые синтезы, новые интегративные движения, которые осознаются как чрезвычайно существенные большинством людей.

Диссертационные исследования, личные и моих учеников, в духе коммуникативного подхода показывают существенные изменения *когнитивно-смысловых образований личности* в различных коммуникативных контекстах и ситуациях. Исходными толчковыми моментами большого цикла исследований явились следующие впечатлившие нас «мини-открытия». Студенты со статистически значимыми различиями по уровню чувствительности к *противоречиям* (выявленными с помощью метода психосемантического графа) в образах *себя* и *партнера* в личностно значимых коммуникативных ситуациях обнаружили статистически достоверные различия в своих *коммуникативных мирах* как по количеству *взаимных* отношений, так и по количеству вербализуемых Я-образов. Значительно большее разнообразие взаимных предпочтений и Я-образов проявили студенты с более высокой чувствительностью к противоречиям. Это позволило нам говорить о коммуникативной природе *концепта* как наиболее крупной интерперсональной единицы психосемантического анализа сознания, которая в отличие от конструкта

(Дж. Келли) манифестирует сдвиг или *транспозицию смысла* в более широкий контекст *коммуникативного отношения*, где *противоречащие* конструкты объединяются когнитивно-смысловой динамической структурой более высокого порядка. Эта вертикальная динамика концептуализаций в различных коммуникативных контекстах и позволила нам выделить в последних особую трансдинамическую тенденцию, поднимающую личность над ситуативными противоречиями, – *транскоммуникацию*.

Она начинается как встреча личности с инаковостью и неопределенностью «Другого» и, ввергая личность в основные векторы пиковых «сверхнормативных» трансовых переживаний (инсайт – экстаз – импринтинг – катарсис), порождает концептуально-смысловую схему более высокого уровня. В этом контексте транскоммуникация понимается не как процесс избегания, преодоления или разрешения, а как процесс *освоения* противоречий через децентрирующее смыслопорождение концептуальных схем более высокого уровня. В коммуникативном пространстве личности этот процесс перманентен в силу её изначальной заряженности *экзистенциальным противоречием* – 1) *жаждой изречения* и 2) *страхом обреченности*. Жажда изречения реализуется в транспозициях концептуально-креативных динамических схем, а страх обреченности – в защитно-когнитивных фиксациях.

Последующие исследования многосторонне подтверждают эту гипотезу. Так, преобладание вербальных концептов стресс-транс-формации в коммуникативном мире личности достоверно связано со многими характеристиками её интернальности и самоактуализации, а преобладание концептов транс-стресс-формации определено связано с противоположными характеристиками – экстернальности и стереотипизации. Даже тяга к путешествиям – смене коммуникативного пространства – оказывается достоверно связанной с наличием во внутреннем мире личности неконцептуализированных и, таким образом, стрессогенных противоречий.

Реализация различных тренинговых программ в группах транскоммуникативного опыта показывает достоверные изменения показателей стресс-транс-формации личности, непосредственно связанных с характеристиками её развития в трансперсональном направлении.

Существенно, что вышеупомянутые трансовые переживания в группах транскоммуникативного опыта вызывают отчетливые изменения качества и масштаба *смыслообразования* у её участников, выражающиеся в увеличении частоты и оригинальности использования *метафор* при описании проблем как с партнерами в своих транскоммуникативных мирах,

так и в тестовых ситуациях транскомуникативных состояний. Между полюсами буквального и переносного смыслов метафоры может быть бесконечное множество оттенков, открывающее по сути иное, новое психосемантическое измерение более высокого порядка, относящееся уже к ментальному (в транскультуральном смысле) и ноэтическому (в трансперсональном смысле) планам бытия личности.

Концептуально-метафорические проявления, высказывания личности в общении являются симптомами выхода её за рамки нормативной или конвенциональной коммуникации в собственно транскомуникативный процесс. В отличие от конвенциональной коммуникации, реализующейся в стереотипах, нормативных оценках, декларациях, понятиях, терминах, *транскомуникация* протекает в пиковых переживаниях и проявляется в метафорах, шутках, острогах, каламбурах, юморе, иронии, «в слезах улыбки» и в смехе сквозь слезы.

Поэтому *транскомуникативные психосемантические образования личности* становятся синхронистичны и синтонны более простым жизненным мирам человека – психосоматическим состояниям и метаболизму его организма (нисходящая транскомуникация). В то же время эмпатически и интуитивно они становятся открытыми трансцендентному миру человека более высокого порядка и переживаются как *смысл* истории, мироздания, космоса, жизни, смерти, логоса или *ноэзиса*, становления жизни в духе (восходящая транскомуникация).

С одной стороны, это ведет к упорядоченному охвату многомерной душевной динамики понятием транскомуникации, с другой стороны, она сама должна быть осмыслена в качестве наиболее крупной, объемлющей единицы онтологии и анализа душевной жизни человека. Это направление является одним из центральных в данной монографии.

Транскомуникативный потенциал элементарной коммуникативной ситуации

Коммуникативный подход к исследованию культуры и личности сейчас общеизвестен, но не часто реализуется достаточно ясно и обнадеживающе (Вацлавик, 2000; Винер, 1958; Дольник, 1994; Хоманс, 1984; Юнг, 1997).

Исходная обыденность и «доступность» феномена коммуникации оборачиваются почти неразрешенными парадоксами. Лет десять назад и я, казалось, обнаружил «инвариант» или базовую коммуникативную ситуацию (ситуацию Встречи), обобщив все известные мне концепции

коммуникации в большом междисциплинарном пространстве – от кибернетики и биологии до эстетики и семиотики.

Этот инвариант-«зерно» должен был и действительно проявился в виде полной «четверичной», как будто «простой», почти архетипической структуры (рис. 1). Одна ось «проявляется» зеркальной (и возможно взаимной) оппозицией субъект – партнер, порождающей соответственно **интерсубъективность** и **партнерство**. Другая ось, в связи с которой только и возможны (!) указанные аспекты первой, «проявляется» оппозицией «**означаемое**» (предметность) – «**означающее**» (символика).

Поскольку первая ось «динамизирует» (энергообразует!) вторую, а последняя «информатизирует» (смыслообразует) первую, **Смысл образуется** как интегральный фактор и вектор роста (метаморфоз) такого «зерна».

Сверхподвижность транскомуникативного процесса поддерживается бинарным противоречием базовой коммуникативной ситуации. Понимая реальный динамизм процессов децентрации, опредмечивания, означивания и смыслообразования в целом в концепции транскомуникации, базовая коммуникативная ситуация неизбежно выглядит голографической.

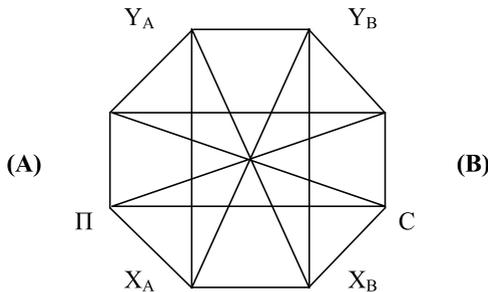

Рис. 1. Элементарная коммуникативная ситуация:

(А) и (В) – функционально дифференцированные «коммуниканты» (поскольку вся драма К-ситуации может развертываться в одном человеке); С – субъект, П – партнер – основные функциональные К-позиции коммуникантов (здесь субъект-объектная парадигма уже не адекватна, а «партнер» далеко не равнозначен «объекту»); X_A и X_B – предметы или «денотаты» (может быть одного объекта) общения соответственно в коммуникативных (субъект-партнерских системах (А) и (В) коммуникантов.

Y_A и Y_B – семиотические означивания (коды), тезаурусы (А) и (В) коммуникантов

В её модели могут быть развернуты и удвоены известные интерактивная (горизонтальная) и информативная (вертикальная) оси коммуни-

кативной ситуации, без любой из которых невозможна элементарная коммуникация. В то же время удвоенность основных факторов и делает их транзитивными относительно друг друга, т.е. порождает еще один феноменологический план транскоммуникации. Как минимум, это отчетливо проявляется в изменениях чувства стиля, чувства такта, чувства дистанции и чувства темы.

При более детальном анализе ситуация усложняется: субъект А, обращаясь к партнеру В (каким он видится в глазах субъекта А), понимает, что он как субъект воспринимает партнера В по-своему (не как партнер В сам себя) и, в зависимости от этого, эксплицирует или нет свойства предмета общения и его языковые интерпретации.

В этом описании нет «зеркального» отображения этой же ситуации глазами коммуниканта В, т.к. это оказалось бы слишком сложным. Однако это кажется «сложным» Разуму, требующему рассуждения. Транскоммуникативно эта проблема разрешается не так уж трудно на уровне *Интуитивного Ума*, актуализируя у участников «чувство такта» (интерактивная ось) и «чувство стиля, языка» (информативная ось) и т.д.

Таким образом, коммуникативная ситуация представляет собой голограмму, «систему зеркал», где каждый компонент реально, психосемантически отражается в остальных, влияя на всех. Так, например, потенциально, виртуально и фактически любой компонент коммуникативной ситуации может стать предметом разговора или же средством означивания любого из компонентов, включая себя. Такая эквилибристика виртуозно получалась у Ф.М. Достоевского, чем он и вошел в историю.

Учитывая непроговоренность большинства этих аспектов, даже в силу дефицита времени, мы вынуждены жить, тем не менее, в такой *неочевидной реальности*. Из таких «непроявленных точек» состоит «имплицитное» коммуникативное пространство, полноценность которого определяется пиковыми переживаниями транскоммуникативного процесса. Это особое измерение в базовой коммуникативной ситуации и есть *транскоммуникация*.

Примером динамизирующего транскоммуникативного фактора является *феномен одновременной обратной связи* в общении. Наше общение многоканальное, трансмодальное и более чем «визуально-аудиальное». Если я обращаюсь к партнеру вербально, произнося длинный *монолог*, то партнер уже в качестве субъекта (коммуникатора) обязательно выдает мне множество посланий по визуальному каналу (с помощью мимики, жестов, паузы, пантомимы, дистанции и т.п.), управляя, по сути, моим

монологом (если я не слеп к обратной связи) и тем самым превращая его в настоящий *диалог*. Трансодальные трансформации внутри каждого коммуниканта и между ними также являются одними из проявлений транскомуникации.

Волны динамики одновременной обратной связи и другие аспекты коммуникативной ситуации преодолеваются при достаточной выраженности векторов транскомуникативного процесса, представленных яркими пиковыми переживаниями. С учетом всех предыдущих аспектов они создают качественно новый тип интеграции.

Транскомуникативный процесс имеет выраженную архетипическую структуру, в которой можно различить: *нисходящую транскомуникацию*, гармонизирующую душевно-телесные соответствия и выраженную в *катарсисе* – очищающем переживании; *импрессивную транскомуникацию*, гармонизирующую отношения со средой и выраженную в *импринтинге* – переживании особого впечатления; *экспрессивную транскомуникацию*, гармонизирующую активную передачу впечатлений и выраженную в *экстенсии* (экстазе) – передаче новых впечатлений и в стремлении «выразить невыразимое»; *восходящую транскомуникацию*, гармонизирующую душевную и духовную сферу человека и выраженную в *инсайте* – переживании озарения, вдохновения.

Важно, что эти процессы образуют целостный цикл в виде четырехмерной восьмерки (рис. 2). В результате схема структуры транскомуникативного процесса выглядит более цельной.

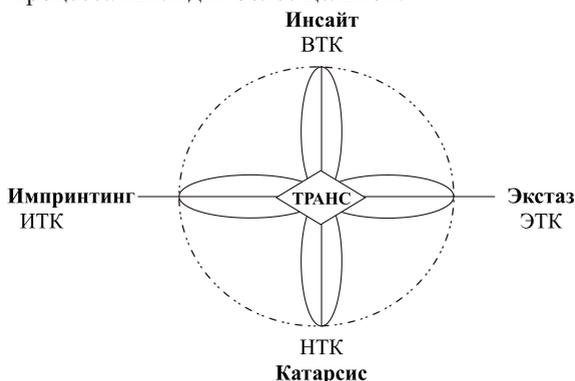

Рис. 2. Транскомуникативный универсум динамики элементарной коммуникативной ситуации:

четырёхмерная восьмерка показывает голографичность (или фрактальность) единого транскомуникативного процесса (*НТК* – нисходящая транскомуникация; *ИТК* – импрессивная транскомуникация; *ЭТК* – экспрессивная транскомуникация, *ВТК* – восходящая транскомуникация)

Уравновешенность всех векторов транскомуникации делает общение наиболее полноценным и наиболее адекватно отражает душевное состояние общающихся. Доминанта вектора восходящей транскомуникации делает ее наиболее динамичной и релевантной духовному миру человека. В этом смысле теория транскомуникации явилась основой понимания метаноэзиса (духовного становления человека в процессе жизни) и становится методологической перспективой исследования духовных процессов (протоноии, ортоноии, параноии и метаноии), о чем мы будем говорить в заключительном разделе монографии.

Транскомуникативная ориентация базового коммуникативного пространства

Тот факт, что наше общение всегда оказывается упакованным в основные элементарные формы коммуникации, т.е. мы всегда находимся в базовом коммуникативном пространстве контакта, беседы, дискуссии или в развитии отношений, вытекает из удивительной устойчивости структуры элементарной коммуникативной ситуации. Еще раз подчеркнем, что общий смысл, порожденный коммуникативной ситуацией, находится как бы на пересечении всех её связей (см. рис.1). В то же время основные оси этой ситуации – информационная – I (ось XY) и энергетическая – E (ось AB) определяют и устойчивые координаты базового коммуникативного пространства.

Теперь представим предельный случай биологической коммуникации. Речь идет о размножении, делении, т.е. *воспроизведении себе подобных* как передача (E) информации (I). Это происходит уже на уровне ДНК, воспроизводящей (I) и передающей (E) генетическую информацию. Т. Николов, известный палеобиолог, анализирующий развитие жизни, прямо отмечает недостаток понятийного аппарата в описании репликаций ДНК как основы жизненного процесса. Он пишет: «В понимании вопроса о происхождении жизни понятия «нуклеиновая кислота и белок» можно заменить понятиями «информация, содержащая инструкцию» и «функция». Тогда вопрос: «что первично?» становится абсурдным, т.к. не может осуществляться определенная функция, если нет информации. А информация обретает *смысл* только через функцию, которую она кодирует» (Николов, 1986. С. 50–54). Т. Николов в несколько иных терминах вводит фактически информационную и энергетическую оси коммуникативной ситуации, показывает их взаимообусловленность и невозмож-

ность понимания информационного процесса вне коммуникативного контекста.

Факт существования универсальных, инвариантных аспектов элементарных коммуникативных ситуаций, смыслообразующих в разнокачественных и разномасштабных жизненных пространствах, важен тем, что позволяет предполагать их потенциальную и реальную сообщаемость, т.е. *транскоммуникабельность*. С качественной точки зрения универсальные координаты «информация» и «энергия» в коммуникативном контексте могут рассматриваться соответственно их смыслу как *избирательность* и *взаимность*. Поскольку элементарная коммуникативная ситуация заряжена множеством противоречий, коммуникативное пространство можно представить как постоянно расширяющуюся горячую Вселенную с умножающимся разнообразием состояний и степеней свободы. Само универсальное противоречие избирательности и взаимности и реципрокность их отношений делают коммуникацию саморазвивающимся смыслотворческим процессом, который выталкивает коммуникацию из прежнего русла в новый, часто непредсказуемый модус общения, т.е. мы возвращаемся к транскоммуникации в качестве трансфактора, динамизирующего и синхронизирующего разноуровневые аспекты коммуникативного пространства. Поэтому обретая в нем духовность, человек не теряет своей первородности, органичности, естественности.

В нескольких работах мы постарались феноменологически и логически систематизировать основные структурные и динамические типы, виды и формы общения с точки зрения вышерассмотренных универсальных координат коммуникативного пространства – *избирательности* как структурно-уровневого аспекта и *взаимности* как функционально-динамического аспекта коммуникации (Кабрин, 1982, 1992, 2005). Представим далее в обобщенном виде матрицу коммуникативного пространства.

Уровни коммуникативного пространства (ось избирательности)

Первый уровень избирательности К-отношений¹, не имеющих еще ситуативной дифференцированности, реализуется как элементарное совпадение (совмещение) встречных ориентаций партнеров друг на друга. Интраличностная основа этих ориентаций может быть и импульсивно определенной, и когнитивно дифференцированной, и целенаправ-

¹ В тексте К означает коммуникативный.

ленной, и интегрированной смыслообразующим чувством. Поскольку в интерличностном плане речь идет лишь о мотивационной синхронизации, то для К-отношения на этом уровне существенны лишь два аспекта: а) определенность отношения к партнеру общения, когда он воспринимается как данный конкретный субъект, а не просто как «один из...» студентов, преподавателей, членов группы и т.п.; б) когда в регулярных контактах с данным партнером определяется и общая значимая предметная направленность, т.е. контакт не сводится к беспредметным или поверхностным защитным разговорам (погода, случайные анекдоты или случайные оценочные реплики). С точки зрения проблемы самореализации на этом уровне существенно, прежде всего, развертывание К-мотивации личности. В целом можно отметить, что первый уровень организации К-пространства определяется в основном исходными внутренними свойствами субъектов, так как контекст межличностного взаимодействия еще не сформирован, поэтому назовем его условно **интракоммуникативным**.

Второй уровень избирательности К-отношений в К-пространстве возникает на основе дифференцированного отражения субъектами общения основных факторов коммуникативной ситуации. Элементарная К-ситуация образуется минимум двумя партнерами, общим предметом контакта, системой коммуникативных средств и взаимосвязей между указанными факторами.

Дифференцируясь по данным факторам, исходное К-отношение каждого партнера развертывается в следующую систему:

– отношение личности к предмету общения в рамках коммуникативной ситуации оформляется в виде определенной темы контакта, которая, следовательно, не может быть сведена ни к предмету, ни к мотиву самим по себе, но выражает определенный характер отношений между ними;

– отношение к системе коммуникативных средств, определяющее характер их использования, оформляется в виде позиции, которую занимает партнер в рамках коммуникативной ситуации и которая определяет операциональные особенности его поведения в общении;

– объект (явление) становится предметом общения лишь будучи включенным в К-ситуацию с помощью системы средств. Поэтому предмет и коммуникативные средства образуют в К-процессе неразрывное единство, определяющее содержательную сторону общения; отношение к характеру взаимодействия этих факторов можно обозначить как продук-

тивную вовлеченность, поскольку от нее зависит продуктивное влияние партнера на развитие К-процесса, вклад партнера в формирование общей ситуации (следовательно, речь идет и о статусно-нормативных аспектах поведения субъекта общения);

– наконец, характер отношения субъекта общения к партнеру именно как к субъекту (а не средству или условию достижения своих личных целей) можно обозначить термином «близость», которая обозначает диапазон принятия партнера в зону «МЫ», т.е. диапазон единения.

Темы как исходные определители К-ситуации, следовательно, формируют позиции и в то же время интегрируются последними; позиции, в свою очередь, определяя первоначально характер вклада субъекта в К-процесс (его вовлеченность), укрепляются этими вкладами; наконец, диапазон приемлемости партнера интегрирует в себе все перечисленные выше факторы.

Таким образом, тема может оформиться на основе просто семантического поля, определенность же позиции невозможна без его достаточной дифференциации. Продуктивный вклад в К-процесс предполагает многообразные переструктурирования в многомерных семантических отображениях, а стабилизация межличностного отношения требует интеграции указанных процессов на основе относительно устойчивых и эмоционально значимых семантических доминант и, таким образом, связана с концептуализацией представлений о себе и партнере (Бодалев, 1983). Поскольку данный уровень определяется в основном внешними условиями, назовем его **экстракоммуникативным**.

Третий уровень избирательности К-отношений в К-пространстве личности определяется дифференциацией и интеграцией системы К-отношений в самом К-процессе.

В контексте межличностной интеракции были выделены четыре основных аспекта проявления К-отношения – коммуникабельность, коммуникативность, сопричастность и самоопределение. Коммуникабельность как степень понятности для **других** связана с экспрессивностью, раскованностью человека, с умением и желанием «подать себя», что во многом определяется интенсивностью К-активации и К-мотивации. Коммуникативность как способность понять другого и чувствительность ко многим сторонам и нюансам его коммуникабельности, базируясь на К-мотивации, реализуется в основном за счет когнитивной активности в К-процессе. Сопричастность как умение не только видеть то общее, что имеется между собой и партнером, но и, главное, умение опереться на

это общее при контакте с данным партнером, при решении общей проблемы предполагает регулятивную и преобразовательную активность, координирующую, уравновешивающую свойства коммуникабельности себя и партнера. Наконец, сложное чувство самоопределенности (самотождественности) в общении возникает в интегральном сопоставлении всех вышеперечисленных свойств себя с аналогичными свойствами партнера в определенном контексте общения (Бернс, 1986). Таким образом, рассмотренные факторы являются межличностными структурными проекциями универсальных стадий протекания К-актов и К-интеракций.

Специфика представлений личности о себе и партнерах (персонификации) и их отношения, варьируя по основным структурно-регулятивным свойствам (силе, сложности, активности и оценке), взаимосвязаны с особенностями проявления и формирования К-отношений в плане их коммуникабельности, коммуникативности, сопричастности и рефлексивности (самоопределенности) (Мелибруда, 1985). То есть яркий, живой, красочный мир персонификаций личности, образующий содержание и динамику ее специфической духовной жизни, реализуется в соответствии с интерактивными свойствами ее К-отношений, за счет которых система К-отношений в К-пространстве на этом уровне становится динамично координированной. Поэтому этот уровень назван **интеркоммуникативным**.

Четвертый уровень избирательности К-отношений в К-пространстве связан с интеграцией их в единое целое на базе формирующихся специфических ценностных К-ориентаций. Содержательный смысл обобщенных, надситуативных, транзактных ценностных ориентаций связан с самой феноменологией человеческого общения, наиболее существенные свойства которого могут становиться самостоятельными, более-менее осознанными и весомыми ценностями в жизни человека. По сути дела, универсальные, нравственные ценности человечества, такие как солидарность, верность, откровенность, искренность, отзывчивость и т.п., имеют вполне определенный коммуникативный смысл (Аронсон, 1998). Формирование и реализация ценностно-коммуникативных ориентаций в конкретном уникальном К-мире данной личности проявляются в том, насколько эти ценности воплощаются в устойчивых свойствах К-отношений.

Поэтому надситуативные, транзактные свойства К-отношений возникают как устойчивые тенденции, способы соотнесения и объединения самих интерактивных свойств. Например, человек может быть «не в

настроении», и это обязательно скажется на его интерактивных свойствах. Однако если он ценит общение с данным партнером, то постарается быть предупредительным, внимательным, будет стараться поддержать разговор и стремиться ответить взаимностью. То есть инвариантность таких соотношений интерактивных свойств партнеров заключается в том, что каждый из общающихся не может себе позволить быть не на уровне партнера, несмотря на падение конкретных значений коммуникабельности, коммуникативности и т.п., или не может не доставить партнеру удовольствие, хотя для этого необходимо преодолеть самого себя, свое неудачное состояние.

Самореализация личности на этом интегральном уровне К-пространства связана с формированием и проявлением наиболее обобщенных, коммуникативно значимых и устойчивых личностных черт, в которых воплотились определенные коммуникативные ценности, о которых было сказано ранее. То есть транскоммуникативные свойства К-отношений обнаруживают взаимосвязи с такими характеристиками личности, как альтруизм, правдивость, отзывчивость, уверенность, стремление к опеке, отношение к себе и к другим, уровнем собственного достоинства, толерантностью, миротворчеством и т.п., и в целом с устойчивостью ядра личности. Поэтому этот уровень назван **транскоммуникативным**.

Избирательность в качестве основных отличительных признаков К-отношения формирует у партнеров общения уникальный психосемантический контекст взаимодействия, позволяющий отличить общение в рамках К-пространства от случайных, отдельных контактов, бесед, дискуссий, но в то же время сами контакты, беседы, дискуссии являются способами реализации этих отношений на разных уровнях.

Структурные уровни общения обнаруживают определенные соответствия функционально-динамическим видам или фазам общения (Кабрин, 1992).

Виды (фазы) общения:

- а) побудительное общение (побуждение, стимуляция друг друга, силовое давление, силы желаний);
- в) информативное общение (информирование друг друга, обмен информацией, новостями, без определенных программ совместных действий);
- с) конструктивное общение (совместное решение каких-либо проблем, задач, планов, программ);

d) эмоциональное общение (передача друг другу каких-либо чувств по любому поводу; когда делятся своими печальями и радостями).

Структурные уровни в качестве типов общения в обобщенном виде выглядят следующим образом.

Типы общения:

А) импульсивное общение (непреднамеренная, непосредственная, неконтролируемая передача или обмен стремлениями, мыслями, планами, чувствами);

В) нормативное общение (когда мы стремимся и стараемся вести себя в общении в соответствии с общепринятыми нормами и правилами приличия, порядочности, достоинства);

С) ролевое проблемное общение (сотрудничество, в котором каждый старается действовать в соответствии с принятой на себя ролью – ученика или учителя; родителя или ребенка; руководителя или подчиненного и т.п. – своими правами, обязанностями и ожиданиями партнера в связи с проблемой их согласования);

Д) духовное общение, в котором партнеры стараются поддерживать и развивать друг в друге общие духовные ценности, вкусы и чувства (солидарности, справедливости, понимания, доверия, любви, красоты, истины и т.п.).

Основой всех этих планов и проекций общения в К-пространстве является 4-мерная интра-, экстра-, интер-, транскоммуникативная их природа, названная азбукой коммуникации А,а; В,в; С,с; D,d. Динамический и функциональный аспекты коммуникативного цикла, как было показано, достаточно определенно соотносятся в частности с основными психическими процессами: а – мотивационными; в – когнитивными; с – креативными; d – эмоциональными. Качественная специфичность («модальность»), несводимость их друг к другу может означать психологическую спецификацию основных способов контакта живого существа со средой (все они имеют генетические корни). Сама эта психодинамика (в широком смысле) проявляет, таким образом, свое коммуникативное происхождение и, следовательно, первородную коммуникабельность к миру, которая, впрочем, на последующих уровнях может деформироваться и блокироваться.

Пересечения основных ABCD-уровней и abcd-фаз общения соответствуют вполне определенные, социально фиксированные формы общения (Кабрин, 1982): (А, а) – контакт; (В, в) – беседа; (С, с) – дискуссия; (D, d) – отношение (дружба, любовь...).

Основные признаки К-отношений «избирательность» и «взаимность» приняты в качестве относительно стабильных координат К-пространства. На диагональной линии (центральная тенденция смыслообразования) этого пространства располагаются основные формы общения в соответствии с изменением их потенциала избирательности и взаимности. Уровень взаимности в К-отношении соответствует определенной фазе (виду) общения, а уровень избирательности – уровню (типу) общения.

При этом, естественно, возникает вопрос, можно ли увидеть соответствие между интра-, экстра-, интер- и транскомуникативными уровнями общения человека и его традиционно различаемыми уровнями психической организации.

Сравнительная, генетическая психология дает элементарный путь дифференцирования филогенетически различимых новообразований:

- 1) импульсивная сенсомоторная психика;
- 2) «перцептивная психика», обеспечивающая скачок в адаптации;
- 3) «интеллектуальная психика» (ментальная), максимально раскрывшая свои конструктивные возможности в социуме;
- 4) «духовная психика», развитие и оформленность которой возможны лишь при высоком уровне развития духовной культуры, социально-психологической культуры и включенности в нее человека.

Можно увидеть соответствие этого незавершенного генетического ряда уровням общения, которые были определены как интра-, экстра-, интер- и транскомуникативные. То есть, соответственно этим уровням, человек, будучи полисистемным существом, одновременно живет как *организм, индивид, субъект, индивидуальность*. Надо иметь в виду, что эти системные уровни «обеспечены» внутренними структурами, порожденными соответствующими К-процессами, имеющими внешнюю оформленность:

- темпераментом с его аффективностью,
- характером с его привычками,
- интеллектом с его функционально-инструментальной дифференцированностью,
- сознанием с его мировоззренческой рефлексивной смыслотворческой ориентацией.

Соответственно этим уровням жизни человека можно говорить об:

- А) «аффективном» (импульсивном, диффузном);
- В) «нормативном» (стереотипном, привычном, функциональном);

Рис. 3. Модель коммуникативного пространства личности

Динамически развертка К-процесса на каждом уровне может быть описана в рамках четырехфазной модели. В результате можно говорить о многоуровневом К-пространстве, которое будет выглядеть, как на рис. 3.

Коммуникативный мир как первичная экзистенциальная реальность жизни личности

Коммуникативный мир личности можно представить как созвездие разноуровневых коммуникативных отношений, каждое из которых может быть развернуто в качестве специфического коммуникативного пространства, модель которого рассмотрена выше. Легко представить, что в современной культуре подавляющее большинство наиболее важных коммуникативных процессов «упаковано» в личностные коммуникативные отношения, а случайные коммуникации, не ведущие к развитию отношений, образуют скорее диффузный фон жизни личности.

Следовательно, коммуникативный мир личности образуется как констелляция коммуникативных пространств, в которых личность стремится к оптимальной самореализации собственной уникально-

сти и аутентичности. Из сказанного следует, что не только глубинная, но даже поверхностная функциональная композиция К-мира не является очевидной не только для внешнего наблюдателя, но и для самого субъекта этого мира, что подтверждают наши многократные исследования (Кабрин, 1992). Поэтому желательна хотя бы условная экспликация того, как мог бы выглядеть коммуникативный мир конкретной личности.

Оттолкнемся от обыденной модели: «Скажи, кто твои друзья, и я скажу, кто ты». Без труда можно понять, что на самом деле она нуждается в существенном углублении: «Скажи, как *ты относишься* к своим друзьям, а также как *они относятся* к тебе, тогда, может быть, я и скажу, кто ты». Существенными в К-мире личности являются социосемантические и психосемантические характеристики и особенности её смыслотворчества как субъекта К-мира. Функциональный аспект может быть представлен достаточно просто, но требует внимательного погружения в потенциальные возможности всех типов отношений в К-мире (рис. 4).

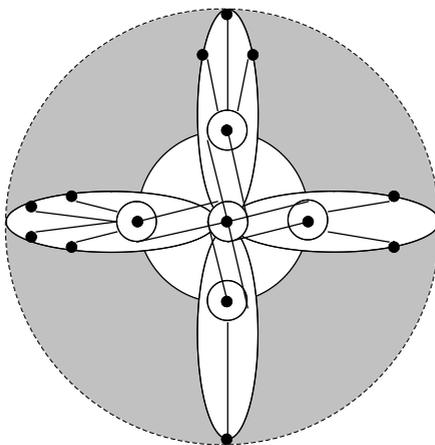

Рис. 4. Функциональная структура коммуникативного мира личности (К-мира).
 Уровни К-мира личности: ● — транскомуникативный, ○ — интеркоммуникативный,
 — — экстракоммуникативный, ○ — интракоммуникативный. Личность: ● — партнер
 общения, ○ — как субъект К-мира. К-отношения: ● — интракоммуникативное,
 ● — экстракоммуникативное, ● — интеркоммуникативное,
 ● — транскомуникативное

Если мы не боимся и хотим, то хорошо чувствуем, что на самом деле происходит **под тем** или **сверх того**, что мы для себя или для другого уже назвали «контактом», «встречей», «беседой», «дискуссией», «отношением» с определенными характеристиками-маркерами. И если мы поймем, что почти все, называемое нами общением, коммуникацией, – лишь полезный культурный (или личный) «миф», нам захочется заглянуть за него как за ширму, за которой – **сама жизнь** (т.е. миф более высокого порядка).

Просто вспомним: (я, он) мы считаем, что мы (уже) еще «в контакте», а на самом деле (еще) – уже нет;

(мы, он) я считаю, что продолжаю придерживаться «определенной» дистанции в общении, а на самом деле – уже нет;

(я, мы) он думает, что продолжает поддерживать разговор на ту же тему, а на самом деле – уже нет;

(я, он) мы продолжаем пытаться думать, что у нас прежние отношения, а на самом деле – уже нет.

Множество таких со-бытий бесконечно, ибо это и есть сама **жизнь**, т.е. *постоянное само-перерастание, самопреодоление себя прежнего, ежесекундное пере-живание со-бытий и самого себя, до неузнаваемости, при сохранении сути себя* (Роджерс, 1994).

Через цепи причудливых метаморфоз, меняющих структуры и функции до неузнаваемости, сохраняется и неукоснительно передается, **транспонируется** главное, что было уже в *гене, клетке, семени, зародыше*, – *жизненно значимая информация*, которая до бесконечности трансформативна. Сама жизнь – это такой транзитный процесс, в котором фиксация (дистанции, темы, позиции, роли, знака, отношения) равносильна «паузе». Так слабый сочный стебель прорастает сквозь камень, раскалывая его, из клетки рождается организм, из кокона – бабочка, из семени – пышное дерево.

Учитывая все перечисленные признаки жизненного процесса общения как развития, как **пере-живания** многообразного информационного транзита и трансформации, метаморфоз и трансмутаций событий, я попытался охватить его понятием **транскоммуникация – ТК** (Кабрин, 1992).

Несмотря на то, что транскоммуникация проявляется в важнейших и ярчайших событиях жизни, она остается трудноуловимой и неосознаваемой. Приведенные выше примеры метаморфоз жизни – это весьма сложные ТК-события. Еще более сложными ТК-событиями будут рождение

и смерть как глобальные кризисы «жизни в теле» и «жизни в духе». Все это – единый диахронический транскомуникативный процесс, который делает человека аутентичным, самоидентичным, т.е. интегрированным и цельным «сквозь время» и сквозь все метаморфозы от семени до зрелости, до увядания (Гроф, 1992; Налимов, 1989, 1995). Но каким образом умножающиеся в метаморфозах жизненного процесса разнопорядковые системы-миры организма-индивида сохраняют и развивают сообщаемость «по вертикали»?

У человека может быть прослежено такое состояние, когда клетки синтонны органу, орган функционирует синтонно общему состоянию организма, а организм синтонен жизненной позиции. При этом разнопорядковые «К-миры» человека *не механически, а символически* репрезентируют друг друга, т.е. развертывающаяся сложная иерархия жизни не механистична, а *транскомуникабельна*. К. Роджерс назвал бы такое состояние человека конгруэнтным (Роджерс, 1997). Я бы добавил, что такой человек не просто открыт общению с другим, но и транскомуникабелен в отношении его как *другого, инакового*. Этот анализ подводит к предварительному, но важному обобщению: *Транскомуникация – это процесс общения между инаковыми и разнопорядковыми субъектами интра- и интерперсональных К-миров; это сверхдинамичный смыслообразующий процесс гармонизации разноуровневых миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса.*

Репрезентативное подобие существ – это теоретически возможное коммуникативное со-бытие, практически же чрезвычайно маловероятное, пусть даже для лиц с внешне сходными признаками пола, возраста, культуры и профессиональной принадлежности (Мей, 1994; Франкл, 1990).

Но именно этот идеальный («невозможный») вариант имплицитно присутствует в обычном (иллюзорном) понимании *коммуникации как общения себе подобных*. Поэтому считается, что коммуникация тем лучше, чем определеннее (фиксированнее) дистанции, позиции, роли, темы, языки и контексты и т.д.

Реальное же человеческое общение как транскомуникация переживается (но редко осознается) в ежемоментных трансценденциях за пределы всех вышеуказанных «определенностей».

Рассмотрим более конкретно некоторые удивительно простые и таинственные ТК-события: вспомним пушкинское: «и жизнь, и слезы, и любовь». Речь идет о вечно свежем лекарстве от вышеобозначенной «нор-

мальной коммуникации», неизбежно рождающей или автоматический, обезличенный транс, или *дистресс*, который заявляет о себе в странных чувствах скуки, опустошенности, одиночества. «Нормальные» в нашей культуре способы избавления от него печально известны, а хотелось бы вернуть «пушкинское средство».

Транскокоммуникативные события просты и мудры, как все тайны жизни. Вспомним наворачнувшиеся на глаза слезы при переживании духовной драмы, или духовного просветления, или любви. Физиологический отклик желез, клеток, реализующих функцию физиологического очищения, становится точным и адекватным *Символом* (метафорой) духовного очищения. Возникшая в этот момент *синтонность, транскокоммуникация* между «клеточным» и «духовным» мирами человека и рождает уникальный для индивидуальности ТК-смысл, который «говорит» о духовном здоровье, «выражает» конгруэнтность и аутентичность личности в духовной ТК-ситуации. Нетрудно представить, сколько жизненных миров объединяются во внутренне и взаимно синтонные состояния синхронистичности при зачатии по любви, которой благоволят небеса.

Научному анализу уже доступен весьма широкий спектр синхронизаций: ген – клетка – орган – организм – индивид – личность – социум – культура... [48]. Можно ли предполагать пределы *универсума ТК-синхронистичности*?

Рассмотренные ранее характеристики, признаки, типы ТК-событий не дают нам возможности, оставаясь в пределах общенаучной парадигмы, ни констатировать, ни даже предполагать начало, источник и конец ТК-процесса. Можно лишь предполагать, что базисные ТК-проявления в нашем мире должны быть связаны с наиболее фундаментальными его атрибутами – *Энергией, Информацией, Пространством, Временем*. А поскольку фундаментальные загадки-парадоксы-тайны души заявляют о себе именно по этим координатам нашего мира, то их можно рассматривать и в качестве основных векторов-лучей проявления ее транскокоммуникабельности, по которым собственно и осуществляется личностное развитие. При благоприятных условиях оно осуществляется как спонтанный рост личности.

Решая проблему транскокоммуникативного роста личности, необходимо рассмотреть коммуникативный процесс на метауровне (психологический универсум в целом), макроуровне (транскокоммуникативные миры психологического универсума личности) и микроуровне («стресс-трансформация» переживания, обеспечивающая личностный рост).

На *метауровне* речь идет о следующих парадоксальных или транскоммуникативных качествах душевной жизни в целом (обозначенных в более широком контексте в первой главе):

А. Первичная реализация психической энергии (желания, образа) в любой человеческой акции, например, в «идеомоторном акте», «внутреннем ожоге» и т.п., условно может быть обозначена как нисходящий луч или *нисходящая транскоммуникация* (НТК).

В. Сокровенность (скрытость, латентность, «невидимость», недоступность, недостижимость) *психической информации* (представлений, впечатлений) относительно внешнего, объективного наблюдения (т.е. восприятия физической информации) – в этом смысл импрессивного луча или *импрессивной транскоммуникации* (ИТК). При этом осуществляется символическая субъективизация опыта, как основа внутреннего мира личности.

С. Сверхмерность (проективность, безразмерность, n-мерность) *пространственных качеств* психики обнаруживается в психологическом пространстве личности, т.е. во внутренней душевной динамике мыслей, образов, чувств; и это можно назвать экспансивным (экстенсивным) лучом или *экстенсивной транскоммуникацией* (ЭТК).

Д. Сверхвременность душевной жизни человека подтверждает преодоление границ, свободное перемещение и синтез в прошлом-настоящем-будущем, связь апперцепций и антиципаций, ведущая к озарению, просветлению, вдохновению, и этот аспект можно обозначить как восходящий луч или *восходящую транскоммуникацию* (ВТК).

Общность этих ТК-лучей – в проявлении *душевной свободы* человека относительно фундаментальных определенностей (ограничений) физического мира: энергии, информации, пространственности, временности. Отсюда понятно, почему эти $A \rightarrow B \rightarrow C \rightarrow D$ векторы-потенциалы нашей души или парадоксальны, или трансцендентальны, и почему она (к сожалению или к счастью) призвана оставаться *Метафорой-Символом*, как и любые другие проявления сверхмира в мире более простом.

В координатах этого ТК-пространства существенно меняется представление о природе психического и сущности жизни. Как только мы понимаем, что результат транскоммуникации – это трансляция и транспонирование одной коммуникативной ситуации в другую, одного коммуникативного мира в другой с одновременным их взаимопреобразованием и сохранением каждого в контексте другого, мы можем понять, что основные «странности» или сущностные свойства душевной жизни свя-

заны именно с ее транскомуникабельностью. Так, например, душевное переживание (образ, чувство, желание...), вызывая существенные физиологические сдвиги в организме, не растворяется в них, а остается образом, чувством; а физиологические изменения, оставаясь таковыми, одновременно преобразуются в *символы* этих душевных переживаний. Таким образом, речь идет о транскомуникативном альянсе как наиболее деликатном, ибо при всем их единстве душевное и органическое измерения жизни сохраняют свою закономерную автономию. Поэтому, преобразаясь, человек остается тем же.

Мы получаем, следовательно, возможность видеть биосоциальное, биокультурное и биодуховное единство жизни, не путая и не смешивая одно с другим. Транскомуникативное видение жизни, по сравнению с «уплощенным» органическим или даже социокультурным, оказывается «стереоскопичным» и «холодинамическим», но не только. Все «таинственные», а по существу они же наиболее важные, выдающиеся события жизни человека, – начиная с тех, которые вызывают смех и слезы, и, восходя к таким, как любовь, рождение, смерть, – оказываются классическими выражениями, символами *транскомуникативных событий* [45].

Выявление единой транскомуникативной природы духовной культуры, социальных и натуральных качеств психики человека дает возможность содействовать развитию психологического универсума человека как биокультурной целостности.

Таким образом, *ТК-фактор*, заключающийся в сообщаемости и взаимопрезентированности разнопорядковых, «инаковых» миров в человеке (от геномного до духовного) и в социуме (личность-группа-этнос...), проявляется в метаморфозах природы и метафорах культуры, а также в универсальных формах синтоний и синхроний универсума, показывая тем самым смыслообразующее единство культурного и природного творчества.

Поэтому наиболее парадоксальные свойства психики относительно базисных измерений физического мира – энергии, информации, пространства, времени – оказываются смыслотворческими проявлениями ее транскомуникабельности относительно и более сложных, и более простых миров.

Отсюда и единая на *макроуровне* структура ТК-миров психологического универсума личности, в которой каждый ТК-луч образует специфический «мир души» и каждый мир образован всеми ТК-лучами.

А. Нисходящий луч транскомуникации души (НТК) образует биодуховную целостность человека. Так, Слезы, становясь реальным правдивым символом Духовной драмы в человеческом катарсисе, олицетворяют позитивный аспект НТК, так же как «внушенный ожог», «внушенные язвы» и другие психосоматические осложнения открывают ее негативный аспект. Здесь существует универсальный момент первичной символизации психической энергии душевного движения в физическом проявлении (как в идеомоторном акте). Это основа «первого» *катарктического мира «Радикальной психики»*.

В. Импрессивный луч душевной транскомуникации (ИТК) образует объектно-субъектную целостность человека. В период становления психологии как естественнонаучной дисциплины психологи, может быть, слишком упорно были ориентированы на исследование способностей души, уподобляться простым свойствам физического или социального мира. Но сейчас уже для многих внутренне очевидны значительно более тонкие ее качества и соответствия более тонким аспектам мира в наших сокровенных мыслях, идеях, впечатлениях, чувствах, переживаниях самих по себе. Отражаемые в них объекты становятся уже не физическими, самодостаточными источниками-причинами, а символами-шифрами сверхсложного целого, сокровенная сопричастность которому оказывается еще более существенным атрибутом душевных переживаний. Это основа *мира функциональной психики*, ориентирующей в среде и регулирующей поведение.

С. Экспрессивный луч душевной транскомуникации (ЭТК) образует творческий потенциал и психологическую культуру человека в элементарных и высших своих проявлениях, связанную с ориентировкой в динамике масштабов переживаний, в которые вовлечен и которыми по существу живет человек. Их безграничность и гипермерность в отношении физического масштаба существования задает амбивалентную транскомуникативную перспективу личностной самореализации и самотрансценденции человека. Это основа *мира субъективной психологии «персонификаций» и «отношений»*, образующих собственно ментальную сферу личности.

Д. Восходящий луч душевной транскомуникации (ВТК), преодолевая фатальные ограничения и качества физического времени, делает актуальным единство апперцепций и антиципаций и перспективными свершающиеся достижения души, наиболее ярко заявляющие о себе во вспышках интуиции, предвосхищениях, инсайтах. Это основа *психоло-*

гического мира трансцендирующих доктрин жизни человека и космоса, духовного, мировоззренческого уровня души.

Главное, что соединяет эти транскомуникативные миры личности в органичное целое, – это ее осознанная свобода в отношении мира физического и потенциально осознаваемая ответственность-отзывчивость в отношении более сложных миров. Это две стороны единого интегрального качества души – ее транскомуникабельности.

Транскомуникабельность души делает естественным духовно-душевно-телесное единство человека и его открытость как миру мистического сверхсознания, так и миру коллективного бессознательного в трансцендентальном, символическом, психосемантическом процессах (Что такое просветление, 1996; Юнг, 1996). *Между этими маргинальными мирами психологический универсум человека достаточно определенно просматривается как многомерная психосемантическая синергия выше означенных транскомуникативных миров* (Кабрин, 1995а). Именно личность является той центральной ТК-инстанцией и символом, которая реализует эту синергию.

Субъективные состояния и переживания, сознаваемые личностью в себе, чувствуемые и осознаваемые в других, так или иначе структурированы по базовым ТК-лучам: НТК→ИТК→ЭТК→ВТК. Актуализация этих лучей задает специфическую структуру и динамику душевной жизни. В свою очередь, соответствующие особенности субъективных переживаний могут быть использованы в качестве ключей-дешифраторов структуры ТК-процесса и ТК-потенциала личности.

Здесь предложена концептуальная схема анализа, раскрывающая транскомуникативную природу единого духовно-душевно-телесного переживания как «кванта» личностного развития.

Транскомуникация как смыслотворческий процесс на уровне личности имеет, по сути, ментальную форму существования и в результате образует ментальное пространство и ее коммуникативного мира. Любое личностное транскомуникативное переживание содержит «отзеркаливание» ситуации и чувства «Я». К-стресс содержит переживание экзистенциальной тревоги, а К-транс – переживание экзистенциальной решимости в определенных смысловых контекстах переживаемой К-ситуации.

Суть гипотезы в том, что ТК-фактор, реализующий новый смыслообразующий синтез во внутреннем и трансперсональном пространстве личности, представляет собой холодинамический цикл, развертывающийся как «Стресс-Транс-формация». Предполагается, что Стресс и

Транс являются первичными, базисными, универсальными компонентами целостной динамики душевной жизни: переживания – переосмысления – преобразования. Несмотря на то, что по проблемам стресса и транс существует очень разноречивая и противоречивая литература, я нахожу все больше подтверждений представляемой здесь модели.

Благодаря работам Г. Селье (1979, 1996) стресс на физиологическом и психофизиологическом уровне трактуется как первичная, естественная и «неспецифическая» (универсальная) реакция индивидуума на внешние и внутренние изменения в жизненном процессе.

Большинство проведенных исследований (Китаев-Смык, 1983) касались негативных последствий стресса, связанных с трудностями адаптации, истощением ресурсов организма и личности, возникновением разнообразных нарушений и болезней.

При этом оказывалась на втором плане первичная, жизненная функция стресса – мобилизация возможностей в направлении активной преадаптации или трансформации жизненного процесса в соответствии с воспринятыми изменениями. В результате в центре внимания преимущественно оказывается негативная физиологическая и социально-психологическая симптоматика (тревога, негативные эмоции, нарушения сна, питания, контактов и т.п.). Поэтому в практической психологии и психотерапии в основном разработаны методы борьбы, сопротивления, преодоления и избегания всего, что связано со стрессом, который фактически сводится к *дистрессу*.

В контексте нашей гипотезы важнее, однако, вернуться к исходным идеям Г. Селье, который продемонстрировал именно холистическое видение специфики стресса как целостной и жизненно значимой сверхактивности, ориентированной на эффективное переживание изменений (нового!). В этом смысле успешная, плодотворная, полноценная жизнь – это жизнь в эустрессе, т.е. стрессе приятном, позитивном, полезном. Поэтому нужна не борьба на уничтожение или преодоление стресса, а поиск его глубинного позитивного смысла и эффекта.

И смысл этот оказывается удивительно простым и неожиданным. Достаточно вспомнить переживания после прыжка в воду или с парашютом, холодного душа, восхождения на вершину... и как относятся к этому «практически здоровые» люди.

Организм и личность едины в потребности мобилизации на обновление. И хотя Г. Селье, следуя концепции К. Бернара, видел в этом преимущественно гомеостатический смысл, многие психологи увидели в этой

активности еще более важную антигомеостатическую ориентацию на самоактуализацию и саморазвитие (Г. Олпорт; А. Маслоу), трансцендирование и самотрансценденцию (К.Г. Юнг; В. Франкл), «сверхнормативную, надситуативную активность», риск, интеллектуальную инициативу, креативность и т.п. (Р.С. Немов, В.А. Петровский, Д.Б. Богоявленская). В очень разнообразной феноменологии эустресса я бы выделил универсальный вектор: *Актуализация – Любопытство*. Эволюционная глубина и культурная перспектива этого вектора общеизвестны в сравнительной психологии.

Существенно, что у человека психологический ряд: любопытство-удивление-опасение-тревога-испуг-страх – весьма пронизаем, подвижен и часто слабодифференцирован. Поэтому остается актуальной проблема защиты от дистресса, которая эффективнее всего решается *позитивной «Транс-формацией» энергии стресса*.

Ключевым моментом в гипотезе о ТК-факторе является понимание душевного переживания как инверсии, точнее, цикличной реверсии: Стресс↔Транс.

Интересно, что очень многие методы «борьбы» со стрессом базируются на технологиях «наведения» искусственного гипнотического транса (Бендлер, Гриндер, 1995; Психотерапевтическая энциклопедия, 1998).

Сегодня психологи уже хорошо осознают, что транс не менее естественное проявление жизни и переживаний индивида, нежели стресс (Гиллиген, 1997; Уилбер, 1996). Но в прошлые десятилетия и столетия транс в основном связывали с наведенным гипнотическим состоянием или особым состоянием, вызванным ритуальными церемониями или/и психоделическими средствами (шаманские, жреческие и другие культовые традиции).

Во всех этих случаях транс ассоциировался преимущественно также и с аномальными проявлениями – автоматизм, потеря ориентировки и самоконтроля, галлюцинации, различные болезненные проявления. Естественно, подобные представления рождают или страх и негативное отношение к трансовым состояниям, или компенсаторное аддиктивное их принятие. Однако в основе Транса, как и стресса, лежит естественная жизненная способность – расширение, раскрытие границ восприимчивости (эмпатия, импринтинг) и переживаний (экстаз, инсайт, катарсис).

Ст. Гиллиген суммирует понимание транса как специфического естественного состояния души и/или сознания в следующих характеристиках:

- «Естественное переживание, феноменологически аналогичное другим психологическим переживаниям...
- Первичный способ обработки информации (т.е. менее критичный и оборонительный и более образно-ориентированный)...
- Спонтанная идиодинамика с парадоксальной логикой «оба/и» («это и то», «внутри и вне», «здесь и там», «часть и целое»...)...
- Ритмичность, текучесть, полифункциональность, трансситуативность и транскультурность...
- Фундаментальные процессы, порождающие психологический опыт (смыслообразование, регрессия, прогрессия, гипермнезия, амнезия, воображение...)...
- Усиленные проявления нормальных бессознательных процессов...
- Поглощенность переживаниями...
- Самопроявление, не требующее усилий...
- Переживаемое, неконцептуальное участие...
- Готовность экспериментировать с открывающимися новыми ресурсами...
- Гибкость пространственно-временных отношений...
- Обострение всех чувств...
- Динамизм степени вовлеченности...
- Моторно-вербальная заторможенность...
- Метафорическая обработка информации...
- Автономизация психологического времени (вплоть до исчезновения)...)» (Гиллиген, 1997. С. 54–75).

Здесь речь идет об универсальных качествах транс, характерных для всего спектра многообразных измененных состояний сознания, представленных в других работах (Уилбер, 1996; Что такое просветление, 1996).

При этом существенно, что, как и в «векторе стресса», в «векторе трансa» (расширение-раскрытие границ переживания → поглощенность переживанием → реориентация-дезориентация в пространстве-времени внешнего и внутреннего мира → снятие самоконтроля → спонтанный автоматизм → невменяемость) процессы взаимно проницаемы и слабо дифференцированы, что также порождает опасность психических нарушений. Интересно, что наиболее простым противоядием будет рациональная «стресс-терапия» в духе «борьбы с аддикциями». Таким образом, в крайних аномальных положениях «маятника комплементарных состояний» Транс↔Стресс, можно сказать, что патологический стресс пытаются лечить трансом, а аномальный транс – эустрессом.

Следующий аспект гипотезы ТК-фактора заключается в том, что общим признаком аномальности этих полярных состояний является потеря коммуникабельности как смыслообразующего отношения к миру и к себе (невменяемость как без-отчетность и без-ответственность в коммуникативном смысле). Следовательно, в нормальном диапазоне коммуникативный стресс и коммуникативный транс образуют гармоничный холодинамический ТК-фактор, в котором взаимоотношения К-стресса и К-транса лучше всего раскрываются общеизвестной древневосточной метафорой-символом «Инь–Ян». Являясь универсальным, ТК-фактор, вероятно, определяет особенность холодинамики каждого уровня (ТК-мира) психологического универсума личности, рассмотренного выше.

В комплексном лонгитюдном исследовании коммуникативных миров студентов этому допущению получено существенное подтверждение. Факторный анализ динамики К-мира личности в трехлетний период обнаружил два универсальных сквозных фактора, которые оказалось возможным интерпретировать как (1) фактор К-транса, ответственного, собственно, за личностный рост, и (2) фактор К-стресса, ответственный за сохранность личностной определенности (Кабрин, 1992). Поэтому есть основания эту разрозненно, диффузно и эклектически очерченную в литературе феноменологию стресса и транса и на *микроуровне* представить в ранее рассмотренном холодинамическом пространстве лучей транскомуникации.

Сделать это нетрудно, поскольку большинство исследователей и практиков, работающих с трансовыми и стрессовыми состояниями человека, в своих описаниях в той или иной мере указывают и на «нисходящую» (психофизиологическую, психосоматическую, нейропсихическую, катарктическую и т.п.), и на *импрессиивную* («завороженность», замирание, ориентировочный рефлекс, эмпатия, поглощенность впечатлением, импринтинг), и на *экстенсивную* (демонстративность, экспрессия, гиперактивность, гипердинамика, энтузиазм, экспансия, экстаз), и на *восходящую* (душевный подъем, эйфория, гордость, тщеславие, вдохновение, прозрение, окрыленность, провидение, ясновидение, просветление, инсайт и т.п.) *составляющие*.

Выбирая ключевые слова-символы, я хотел бы сохранить и культурно-историческую ретроспективу (ведь речь идет о базовых вечных качествах души), и уже заявленную возможность научной репрезентации. Этим условиям удовлетворяют следующие достаточно известные понятия: для НТК – *Катарсис*, для ИТК – *Импринтинг*, для ЭТК – *Экстенсия*, для ВТК – *Инсайт*.

Сохраняя общепринятые во многом метафорические значения этих слов и привнося в них транскомуникативную интерпретацию и семантику, так же рефлексивно-метафорическую по сути, получаем концептуально-метафорические конструкты в качестве инструментов исследования (контент-анализ) и моделей тренинга. Указанные типы переживаний несут специфический смысл, конгруэнтны соответствующим невербальным поведенческим паттернам, содействуют самоактуализации и самотрансценденции, т.е. личностному росту, если их внутренняя холодинамика осуществляется как стресс-транс-формация, т.е. как ТК-фактор.

Если неадекватный, дисгармоничный, аномальный транс обозначить как «*дистранс*» аналогично *дистрессу*, обладающему этими же характеристиками, то оппозицию ТК-переживаниям, воплощающим личностный рост, составят дисгармоничные переживания по типу дистресса или дистранса по каждому ТК-лучу:

А. Катарсису (гармония очищения в адекватных ситуациях, эмоциях, смехе, слезах) противостоит *регрессия*, как редукция, примитивизация переживания и поведения, ведущая к потере адекватного контакта с актуальной ситуацией.

В. Импринтингу (освежающие впечатления, помогающие глубже почувствовать ситуацию, партнера) противостоит гипнотическая или стрессогенная *фиксация* на переживаниях и объектах, выключающая адекватное восприятие динамики ситуации и контакта.

С. Экстенсии (сверхнормативная вовлеченность в действие, позволяющая раскрепостить внутренние ресурсы, «выразить невыразимое», «превзойти себя», стать понятнее партнерам) противостоит *демонстративность*, истероидность, вычурность, ведущая к психопатической неадекватности или автоматическому конформизму.

Д. Инсайту (вдохновение, озарение, просветленная мудрость) противостоят *прожекторство*, претенциозность, синдром перфекционизма.

Таким образом, ТК-фактор личностного роста показывает холодинамику жизненных процессов более высокого порядка – известная поляризация «транс-стресс» сменяется холодинамикой гештальта переживания: К-стресс – К-транс//дистресс – дистранс.

По вышеназванным признакам может проводиться исследование доминирования или транскомуникативных (развивающих) или компенсаторно-регрессивных тенденций в общении (дистресс-дистранс). Опыт пилотажного исследования поведения и переживаний

студентов в ТК-ситуациях показывает, что на уровне экспертных оценок респондентов-наблюдателей и контент-анализа видеозаписи эта главная поляризация достаточно различима. Более того, углубленный анализ вербально-невербальных гармоний и дисгармоний личности в ТК-ситуации позволяет с помощью видеозаписи уловить и тонкие «Стресс-Транс-формации» в качестве «квантов» ТК-процесса как личностного роста в конкретной транскомуникативной ситуации.

Итак, система идей, концепций, моделей, модельных качеств и их эмпирических признаков, представленных в контексте макрофеноменологии коммуникативного мира личности, имеет и самостоятельное, и эвристическое значение в развитии понимания коммуникативной сущности человеческой жизни. Таким образом, в постметодологическом смысле коммуникативный мир личности – это парадигма и модель жизненного мира личности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. М.: Аспект-Пресс, 1998.

Ассаджоли Р. Психосинтез: теория и практика. М.: REFL-book, 1994.

Бендлер Р., Гриндер Дж. Наведение транса. М., 1995.

Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.

Бодалев А.А. Личность и общение. М.: Педагогика, 1983.

Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере / Под ред. А.Л. Яншина. М.: Наука, 1991.

Вацлавик Б. Психология межличностной коммуникации. СПб.: Речь, 2000.

Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Прогресс, 1958.

Гиллиген Ст. Терапевтические транссы. Руководство по эриксоновской гипнотерапии. М., 1997.

Грибак Л.П. Общение с собой. Начала психологии активности. М., 1991.

Гроф Ст. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1992.

Дольник В. Непослушное дитя биосферы. М.: Педагогика-Пресс, 1994.

Кабрин В.И. Коммуникативный подход в психологии и многомерная метрическая модель общения // Психолого-педагогические вопросы обучения и воспитания. Томск, 1982. С. 75–99.

Кабрин В.И. Транскомуникация и личностное развитие. Томск, 1992.

Кабрин В.И. Коммуникативный стресс и личностный рост // Психологический универсум образования человека ноэтического. Томск, 1995а. С. 71–74.

Кабрин В.И. Психологический универсум образования в транскомуникативной перспективе // Образование и наука: современные стратегии развития. Томск, 1995б. С. 68–76.

Кабрин В.И. Транскоммуникативная холодинамика психологического универсума личности (Стресс-транс-формация) // Вестн. Том. ун-та. 1999. № 268. С. 155–120.

Кабрин В.И. Личность как встреча // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность, коммуникация, толерантность. Томск, 2002. С. 73–103.

Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.

Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М., 1983.

Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.

Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Изд. группа «Евразия», 2002.

Мей Р. Искусство психологического консультирования. М., 1994.

Мелибруда Е. Я – ТЫ – МЫ. Психологические возможности улучшения общения. М.: Прогресс, 1985.

Нашилов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989.

Нашилов В.В., Дрогалкина Ж.А. Реальность нереального. М., 1995.

Николов Т. Долгий путь жизни. М.: Мир, 1986.

Платон. Диалоги. М.: Эксмо, 2009.

Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб., 1998.

Пути за пределы «Эго». Трансперсональная перспектива. М., 1996.

Роджерс К. Взгляд на психотерапию, становление личности. М., 1994.

Роджерс К. Клиентоориентированная терапия. М., 1997.

Селье Г. На уровне целого организма. М., 1996.

Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1979.

Смотрицкий Е.Ю., Шубин В.И. Вернадский и Кант: Поиски гуманистической концепции науки // В.И. Вернадский и отечественная наука. Киев, 1988. С. 78–120.

Тьюбинг Д.А. Избегайте стрессовых ситуаций. М., 1993.

Уилбер К. Вечная психология: спектр сознания // Пути за пределы «Эго». Трансперсональная перспектива / Под ред. Р. Уолша, Ф. Воон. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1996. С. 209–215.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 5. Мотивация, эмоции и личность. М., 1975.

Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная психология. Тексты. М.: МГУ, 1984. С. 82–92.

Что такое просветление? исследование цели духовного пути. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1996.

Шарден П.Т. Божественная среда. М.: Интербук, 1992.

Швейцер А. Благоговение перед жизнью, М.: Прогресс, 1992.

Юнг К. Синхроничность. М., 1997.

Юнг К., Нойман Э. Психоанализ и искусство. М., 1996.

Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1994.

Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

РАЗДЕЛ 1. ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ТРАНСКОММУНИКАЦИИ

ГЛАВА 1. ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ТРАНСКОММУНИКАТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Жизнеспособность человека в контексте транспективного анализа

Исследования жизнеспособности сегодня востребованы как осознанием глобальной гуманитарной задачи формирования жизнеспособной личности, о которой заявляет ЮНЕСКО (Н.К. Зотова), так и парадигмальной переориентацией психологической науки «в направлении от концепции болезни к концепции здоровья», как считают представители позитивной психологии (А. Шапиро). Перспективы исследования жизнеспособности – сложного, метасистемного, интегрально-динамического качества человека – позволяет определить транспективный анализ – метод, адекватный постнеклассической науке, основное назначение которого – вскрывать тенденции развития открытых саморазвивающихся систем (Клочко, 2009). Попытка оценить тенденции в развитии представлений о жизнеспособности человека сопряжена с определенными трудностями, объяснимыми как чрезвычайной глобальностью, объемом и сложностью проблемы, так и ее слабой разработанностью. В связи с этим осуществление транспективного анализа в данном случае будет включать выявление тенденций становления научных направлений в исследовании не только самого концепта «жизнеспособность», но и соответствующих предпосылок его психологического познания.

Жизнеспособность как проблема классической психологии. На до-системном (микросистемном) уровне научного мышления, сконцентрированном на познании простых психологических систем, «эмпирические предикторы» жизнеспособности – близкие ей по сущности явления – рассматривались в рамках конкретной теории или модели при пристальном внимании к проблеме детерминизма в поиске причинно-следственных

связей. Наиболее обширными были гомеостатически ориентированные исследования, делающие акцент на обеспечение устойчивости. У. Эшби дал одно из первых определений жизнеспособности как способности системы сохранять свои характеристики в заданных пределах (Эшби, 1975). Система гомеостатического регулирования рассматривалась как жизнеобеспечивающая функция организма в границах допустимых отклонений. Высокая устойчивость к воздействию различных, особенно экстремальных факторов, отождествлялась с полной адаптацией, которой соответствует формула «жить в условиях, ранее не совместимых с жизнью» (Ионеску, 2007). Результаты этих исследований привели к пониманию адаптации как процесса интеграции функциональных систем жизнеобеспечения в ответ на изменение среды, когда формирование системного ответа обеспечивает человеку экологическое равновесие, возможность осуществления всех видов социальной деятельности и поддержание собственной жизнеспособности (Слоним, 1976).

Идея устойчивого равновесия как основы жизнеспособности человека отчетливо просматривается в гомеостатически ориентированных исследованиях адаптации. Эта же идея положена в основу копинга, предназначение которого состоит в том, чтобы как можно лучше адаптировать человека к требованиям ситуации, позволяя ему овладеть ею, ослабить или смягчить эти требования, постараться избежать или привыкнуть к ним и таким образом погасить стрессовое действие ситуации (Нартова-Бочавер, 1995). В целом проблематика жизнеспособности на этом этапе лишь просматривается в отдельных ее элементах – свойствах и потенциалах человека, которые ответственны за преодоление им трудных жизненных ситуаций. В основном исследования жизнеспособности концентрировались на факторах, влияющих на нее негативно, и очевидно, что исследователи были больше осведомлены о причинах нарушений в личностном развитии, чем о том, что способствует позитивному становлению человека.

Исследования жизнеспособности в неклассической психологии. Неклассическая исследовательская парадигма и макросистемный уровень научного мышления открыли новые объекты познания – сложные саморегулирующиеся системы. И хотя психика как система остается предметом изучения, принцип отражения дополняется принципом саморегуляции, а физиологической основой «неклассического психического отражения» становится гетеростаз. Наука научилась различать простые системы и сложные саморегулирующиеся. Способность саморегуляции теперь

рассматривается как важнейшая составляющая и центральный механизм реализации личностного потенциала, обеспечивающего преодоление жизненных трудностей (Завьялова, 1998; Моросанова, 2002).

Заложенный в идее саморегуляции механизм обратной связи позволил увидеть в психологической жизнеспособности человека результат взаимодействия личности и среды как особого «адаптационного конфликта» (Посохова, 2001), «баланса факторов защиты и риска» (Dohrenwend, 1978), «баланса между требованиями среды и ресурсами, удовлетворяющими этим требованиям» (Lazarus, 1990). Именно этот баланс стали рассматривать как условие неустойчивого, подвижного равновесия системы, а устойчивость или жизнеспособность системы были поставлены в зависимость от гомеостатического регулирования.

Проблематика жизнеспособности прослеживается уже не на уровне отдельных элементов, она переориентируется на идеи многомерности в поиске источников жизненной силы: не во внутреннем или внешнем их выражении, а в системном их единстве. Способность к противостоянию трудностям теперь рассматривается как многомерный конструкт (Handbook for working with children and youth..., 2005), системное интегральное свойство, детерминированное комплексом личностных характеристик (Махнач, 2007; Folkman, 1980).

На смену поэлементному микросистемному анализу структуры жизнеспособности как свойства, обеспечивающего *устойчивость* системы, приходит макросистемный анализ, направленный на выявление системообразующих признаков, обеспечивающих ее *целостность*. Эти системообразующие признаки Д. Мораитоу, А. Ефклидес находят в мудрости – целостном взгляде на мир, помогающем преодолевать трудности, решать проблемы окружающей действительности, устанавливать равновесие между противоречивыми силами (Зараковский, 2005), а Г.Г. Горелова – в генеративности, которая способствует психологической устойчивости и субъективному «омоложению личности» (Горелова, 2001).

Общие законы жизнеспособности живых систем, сформулированные Н.Ф. Реймерсом (1994), позволили заметить, что устойчивость и надежность систем имеют пространственные и временные границы («локусы» существования). Жизненные способности как ресурс преодоления человеком трудностей и преград стали рассматриваться в контексте его жизненного пути в неразрывной связи с пространственно-временными, метапсихологическими характеристиками жизненного мира, определяемыми как «качество жизни» (Kottke, 1982), «чувство связности» (Antonovsky,

1979). В работах К.А. Абульхановой жизнеспособность выводится в контекст сознания и жизненного мира как способность личности, связывающая смысловым, ценностным, проблемным образом разные ее позиции, обнаруживая тем самым определяющую жизнь личности, интегрирующую способность (Абульханова, 2009).

Гомеостатические постулаты адаптивности как основы жизненных способностей и классические традиции обозначать неадаптивное (сверхадаптивное) поведение как патологию начинают утрачивать свой непрекаемый авторитет. О.С. Разумовский и М.Ю. Хазов формулируют важный принцип жизнеспособности живых систем – принцип гармонизации, выступающий как условие стабильности системы. Это позволяет посмотреть на проблему жизнеспособности не только с позиции совладания со стрессовыми, экстремальными ситуациями, но и с точки зрения ее понимания как согласия с внешним миром и самим собой. Это согласие не может быть результатом простого приспособления человека к меняющейся среде в процессе ее отражения, оно связано с идеей динамики смыслов у Д.А. Леонтьева (1999), оптимального смысла у В.Э. Чудновского (2003), смысла преодоления у Р.Х. Шакурова (2003) как факторов, обеспечивающих развитие личности.

Изучение жизнеспособности с позиции деятельностного подхода позволило увидеть ее источники в творческой деятельности (Уразаев, 2002), не просто опосредующей связи личности с миром, а выступающей как средство построения нового жизненного пространства. Если классическая психология была склонна вовсе не замечать в жизнеспособности ее сверхадаптивного характера, то неклассическая психология, безусловно, делает шаг вперед в этом направлении. Теперь инициативное, сверхадаптивное, открытое, творческое, нестандартное, сверхнормативное поведение уже видится многими исследователями как нормальное поведение человека, обусловленное его человеческой сущностью (Богоявленская, 1987; Красноярцева, 1991; Немов, 2004; Петровский, 1992) и, соответственно, может рассматриваться как естественное проявление жизнеспособности. Что это как не зачатки постнеклассического понимания феномена?

Транспективный анализ – это метод не только тенденциональный, но и ретроспективный, предполагающий «взгляд из прошлого». В этой ретроспективе особая роль отводится Б.Г. Ананьеву – ученому, который несколько десятков лет назад одним из первых провозгласил целостного человека, заявил о его жизнеспособности и даже наметил тот ориентир ее

исследования, который представляется актуальным в свете современных постнеклассических представлений: это идея о коммуникации как «глубинной психодинамике человека» (Ананьев, 2001).

Жизнеспособность человека в фокусе внимания постнеклассической психологии. В современной постнеклассической психологии существует ряд подходов, в которых коммуникация рассматривается в органической связи с процессами самоорганизации живых систем и порождаемым ими транссубъективным (ментальным) пространством. Так, В.И. Кабрин видит в коммуникации «универсальный смыслообразующий процесс жизни любой формы и уровня» (Кабрин, 1992. С. 72). Через коммуникацию снимается дихотомия объективного и субъективного, социум становится не только внешней, но и внутренней средой человека, трансформируется в жизненный мир, вбирая в себя все, «что творилось, изобреталось и накапливалось людьми миллионы лет в генофондах и тысячелетиями в истории культуры в постоянном противоречивом, многозначном и опасном общении их с миром» (Там же).

В транскомуникативной теории В.И. Кабрина человек рассматривается как открытая система, «созвездие коммуникативных миров», в которое включен генетический опыт прошлых человеческих жизней и иных человеческих миров. Идея транскомуникации «как процесса общения между инаковыми и разнопорядковыми субъектами в интра- и интерперсональных планах; как сверхдинамичного, смыслообразующего процесса гармонизации разноуровневых миров человека, открывающего в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса, как таких межличностных взаимодействий и взаимодействий человека с культурой, в которых формируется транссубъективное пространство человека, т.е. новая психическая реальность» (Клочко, 2009. С. 140) стала чрезвычайно продуктивной для понимания сущности человеческой жизнеспособности. В работах В.И. Кабрина она получила наиболее ясное и конкретное гипотетическое выражение: коммуникабельность – это сквозная многоуровневая тенденция, обеспечивающая жизнеспособность личности (Кабрин, 2005). Ведь, по сути, способность создавать свое собственное коммуникативное жизненное пространство – это и есть основа жизнеспособности человека как целостной открытой системы, это – осуществление человеческой жизнеспособности человеческим способом, которую, по-видимому, имел в виду австрийский психиатр А. Беттельгейм, переживая ужасы Дахау и Бухенвальда.

С другой стороны, разработанная В.Е. Клочко теория психологических систем (ТПС) может служить общей методологической основой по-

нимания жизнеспособности человека как открытой самоорганизующейся системы. Идеи ТПС – это идея системной детерминации, когда во взаимодействии субъекта с объектом рождается новая реальность – сверхчувственная, характеризующая всю систему (значения, смыслы, ценности). Через эту реальность человек получает возможность воздействовать на самого себя. Это идея избирательного взаимодействия системы со средой, обусловленная стремлением системы удержать свою целостность, что делает ее восприимчивой к тем элементам, которые по отношению к системе являются необходимыми условиями ее устойчивого существования (Клочко, 2000).

Теория психологических систем позволяет рассматривать жизнеспособность человека с точки зрения его целостного понимания, с позиции самоорганизации и саморазвития системы, способной «производить жизнённость» и удерживать внутреннюю гармонию. Это при том, что сам автор в теории психологических систем термин «жизнеспособность» не использовал и никаких аналогий между устойчивостью систем и их жизнеспособностью не проводил.

Итак, транспективный анализ представлений о жизнеспособности человека позволил заметить, что тенденции становления процесса научного познания этого феномена складывались в соответствии с законами развития самой психологической науки. Сначала жизнеспособность анализируется и изучается с позиций структурной «статики», и только постепенно исследователи переходят к изучению динамической стороны этого явления, к пониманию жизнеспособности как открытой саморазвивающейся системы, способом устойчивого существования которой является транскомуникация.

В этой последовательности можно увидеть некую, в целом вполне объяснимую закономерность в движении научной рациональности, получившую отражение и в логике данного исследования. Осуществленное нами эмпирическое изучение обыденных представлений о жизнеспособности показало (Рыльская, 2008), что имеющихся данных об этом феномене и методов классической науки явно недостаточно для его адекватного объяснения. Недостаточно потому, что сама жизнеспособность как «фрагмент реальности» начинает теряться, ускользать именно в той ее части, которая касается ее сущности, обусловленной принадлежностью к более сложному «фрагменту реальности». Именно поэтому в нашей работе существует два взаимосвязанных пласта: традиционный, базирующийся на принципах и методах классической психологии, и нетрадиционный,

ассимилировавший идеи постнеклассической рациональности, возникший в ходе самого исследования, в процессе переосмысления, осознания недостаточности имеющихся концептуальных позиций. В данном варианте постнеклассика не отвергает, а продуктивно использует все, что ранее было наработано классикой, и позволяет выдвинуть обоснованное предположение о транскоммуникативной природе жизнеспособности, что, в свою очередь, ориентирует на рассмотрение этого феномена в русле коммуникативного подхода.

1.2. Коммуникативный подход к исследованию жизнеспособности человека

Жизнеспособность человека и уровни его коммуникативных отношений. Соответствующий угол зрения на проблему жизнеспособности позволяет полагать, что существует определенное соответствие между компонентами жизнеспособности (способности к адаптации, к саморегуляции, саморазвитию и осмысленность жизни, которые были выделены нами посредством эмпирического изучения обыденных представлений о жизнеспособности человека с последующим теоретическим обоснованием) (Рыльская, 2009а) и уровнями общения (интра-, экстра-, интер- и транскоммуникативным) как системы относительно устойчивых, добровольных и взаимных коммуникативных отношений субъекта со своими партнерами (Кабрин, 2005). Первый уровень общения реализуется как элементарное совпадение (совмещение или приспособление) встречных ориентаций партнеров друг на друга. Этот уровень определяется в основном исходными внутренними свойствами субъектов и условно назван интракоммуникативным. Компонент адаптации реализуется как тенденция приспособления, т.е. такого функционирования системы, которое определяется соответствием ее целей и достигаемых в ходе деятельности результатов, что выражается в их согласованности или элементарном совпадении (совмещении), синхронизации. Следовательно, можно говорить о том, что этот компонент соответствует интракоммуникативному уровню общения. Он характеризуется импульсивностью, спонтанностью, агрессивностью (борьба за «место под солнцем») и определяется в основном исходными внутренними свойствами человека и внешней среды.

Второй уровень общения характеризует отношения субъекта общения к партнеру именно как к субъекту (а не средству или условию достижения своих личных целей), что можно обозначить термином «близость».

Она обозначает диапазон принятия партнера в зону «МЫ», т.е. диапазон единения или гармонии. Поскольку данный уровень определяется в основном внешними условиями, он был назван экстракоммуникативным.

Саморегуляция, на наш взгляд, соотносится с экстракоммуникативным уровнем общения. В общем виде саморегуляция – это целесообразное функционирование живых систем разных уровней организации и сложности. Саморегуляция психическая – один из высших уровней регуляции активности биологических систем, отражающий качественную специфику реализующих ее средств отражения и моделирования действительности, в том числе рефлексию субъекта на самого себя и свою деятельность и поступки. Саморегулируемость рассматривается как характеристика, обеспечивающая гармонию внутри человека и между ним и средой (Словарь практического психолога, 1997).

Осознанность психической регуляции в значительной мере определяется тем, что ее субъект – не столько исполнитель программы, сколько создатель деятельности в целом, ее управляющий, а также судья, причем не только прямого результата, но и опосредствованных этим результатом последствий, выходящих по своему значению за рамки конкретного деятельностного акта (Конопкин, 2004, 2008). В этих словах заключен экстракоммуникативный смысл саморегуляции.

Третий уровень общения характеризуется чувством самоопределенности (самотождественности) в общении и возникает в интегральном сопоставлении свойств себя с аналогичными свойствами партнера в определенном контексте взаимодействия. Этот уровень назван интеркоммуникативным.

Современные представления о развитии, характеризующиеся научно обоснованной ассимиляцией знаний, фактов и подходов, не исключающих, а взаимодополняющих друг друга, позволяют рассматривать способность человека к саморазвитию как детерминированную потенциалами глубоко осознанного целеобразования, зрелостью рефлексивных механизмов, сензитивностью к разнообразным противоречиям сознания и бытия, а также творческими возможностями их конструктивного анализа. Способность к саморазвитию можно соотнести с интеркоммуникативным уровнем общения и рассматривать как сопоставление знаний о себе и готовности к изменениям. Она характеризует человека как носителя жизненных планов, идей, проектов, активного творца собственной жизни. Это уровень взаимодействия субъективных образов будущего и объективной реальности, обеспечиваемый созидательной силой интеллекта и жизнетворчества.

Четвертый уровень связан с формированием и проявлением наиболее обобщенных, коммуникативно значимых и устойчивых личностных черт, в которых воплотились определенные коммуникативные ценности (солидарность, верность, откровенность, искренность, отзывчивость, эмпатийность), выходящие за пределы конкретной коммуникативной ситуации. Этот уровень назван транскоммуникативным. Он соотносится, в нашем представлении, с компонентом осмысленности жизни – признаком «самого человеческого в человеке» и определяет собственно человеческое существование. Это высший, духовный компонент жизнеспособности. Он отражает переживание человеком самого себя и своего бытия. На высшем транскоммуникативном уровне реализуется подлинно человеческая жизнеспособность – способность к жизни как «носителнице духа», которая попадает под определение А. Бергсона: «Жизнь – это те усилия, которые предпринимает человеческий дух, чтобы подняться по тому склону, по которому опускается материя» (В. Лега).

Жизнеспособность человека и виды коммуникации. Рассматривая компоненты жизнеспособности как информационные (коммуникативные) структуры, можно установить их соответствие не только уровням общения, но и видам коммуникации: внешней и внутренней. Актуализация адаптивных способностей и способностей к саморегуляции в большей мере связана с внешней коммуникацией, саморазвитие и смысловознательный поиск – с внутренней. Если внешняя коммуникация – это процесс, в котором проявляется сущность человека, то внутренняя коммуникация – это процесс постижения человеком своей собственной сущности, реализуемый в общении с другими людьми.

Жизнеспособность предполагает гармонию, согласие внешней и внутренней коммуникации. Нежелание общаться с другими людьми, если оно приобретает устойчивый характер, – тревожный признак. Если человек отделяется от других, замыкается в себе, это нарушает его связи с внешней средой, деформирует его собственный жизненный мир. Не случайно в клинических проявлениях суицидов часто встречаются примеры аутизма, получившие отражение не только в пособиях по психиатрии, но и в литературном творчестве. Так, например, в стихотворении А.К. Лозина-Лозинского, русского поэта, имя которого сейчас практически забыто, ясно звучит тема невозможности какого бы то ни было общения с ближним:

Наверно, человек когда-нибудь устанет
Блуждать за новизной под добрый смех веков;

Быть может, некогда земля безмолвной станет
И люди будут жить с иронией богов.
И в библиотеке улыбкой сфинкса ранит
Брат брата своего средь саркофагов слов (Лозина-Лозинский, 1916.
С. 23).

Эти строки написаны тоскливейшим январским днем последней мирной зимы в жизни еще той – старой, патриархальной России. Через полгода грянет страшная бойня Первой мировой войны, а затем и апокалипсические революционные перевороты. Впрочем, их поэт уже не увидит...

А вот еще один пример. Еще одна смерть, еще одно убийство, совершенное над собой, и слова, ему предшествующие: «От времени до времени в моей душе без всякой внешней причины поднимается темная волна. Тень ложится на весь мир, как будто от облака, радость начинает звучать неправдоподобно, музыка кажется пошлой. Душой овладевает тоска, смерть кажется лучше жизни... Люди, дома, краски, тона, которые до того нравились, производят какое-то сомнительное впечатление и кажутся фальшивыми... Письма раздражают, в них кажутся скрытые упрёки. Быть принужденным в эти часы говорить с людьми для меня мука» (Зиновьев, 1927).

Неспособность жить, таким образом, ассоциируется с нежеланием общаться. Причем общаться не только с другими, но и с самим собой. Боязнь самого себя доходит до самоотвращения, что еще более удручающе, ибо в этом случае становятся невозможными всяческий поиск и всяческое нахождение смысла. А жить без смысла человек не может (Конопкин, 2008).

Жизнеспособность и коммуникативный мир человека. Коммуникативный подход к жизнеспособности предполагает ее исследование в русле широкой жизненной проблематики, которая в психологии связана с оперированием понятиями «жизненный мир», «многомерный мир», «жизненные ситуации», «жизненное пространство», «социальный мир» и др. Каждое из них допускает различные, довольно широкие толкования. В постнеклассической науке понятие «мир» получило дополнительную разработку. В теории психологических систем многомерный мир человека выступает как особая совмещенная реальность, субъективно-объективное пространство, не сводимое ни к внешнему, ни к внутреннему. «Человек как открытая система проявляет свою способность к избирательному взаимодействию со средой на основе ее превращения в

многомерный мир, становление которого является предпосылкой устойчивого бытия человека в непрерывно создаваемом им самим жизненным пространстве (самоорганизация) (Клочко, 2007). Соответственно, жизнеспособная система (система устойчивая) – это система, находящаяся в процессе постоянного становления, а жизнеспособный человек – это человек, способный к становлению собственного жизненного (многомерного) мира. Многомерный мир человека всегда существует в пространстве человеческих отношений, в реальном выражении коммуникативного мира (Кабрин, 2005), поэтому способом посредничества, определяющим процесс становления в человеке (и самим человеком) своего жизненного мира, является коммуникация как внутренняя, сущностная основа всех жизненных процессов.

С точки зрения коммуникативного подхода коммуникация – это смыслообразующий, смыслотворческий процесс жизни человека, в котором информация, имеющая жизненный смысл, не просто передается, но трансформируется и «творится», воплощаясь в самых различных кодах (языках) – от генетического до культурного (Кабрин, 2007). Поэтому коммуникабельность человека как сквозной фактор, интегрирующий разноуровневые способы жизни биологической, психологической, социальной, культурной природы, выступает как жизнеспособность, актуализирующаяся в смыслотворчестве.

Жизнеспособность человека и смыслотворческая коммуникабельность. В традиционном представлении творчество существует как способ реализации плодов человеческого активного воображения. Исследования Б.Г. Ананьева и его учеников, проведенные в 60-е гг. прошлого века, продемонстрировали положительную взаимосвязь креативности и жизнеспособности человека в показателях его активного долголетия (Пако, 1960). Однако, с другой стороны, известно, что развитие креативности сопровождается увеличением частоты невротоподобных реакций, что прямо свидетельствует о тесной взаимосвязи этих психических состояний с творческим процессом. Эти парадоксы творчества, вероятно, имел в виду и В.Д. Шадриков, утверждая, что «нормативные способности и способности творчества трагически противостоят друг другу» (Шадриков, 1997. С. 7).

Вместе с тем среди творческих самоактуализирующихся личностей встречаются и такие, которые близки к человеческому совершенству. Их большую совершенность А. Маслоу связывал с наличием опыта трансценденции как актуализированного «набора» пик-переживаний – осо-

бенно радостных и волнующих моментов в жизни каждого человека. «Без трансценденции к трансперсональному мы становимся больными или яростными, нигилистическими, лишенными надежды или апатичными», – писал А. Маслоу в предисловии ко второму изданию книги «Навстречу психологии бытия» (Maslow, 1968. С. 3).

В. Франкл считал способность к самотрансценденции фундаментальной онтологической характеристикой человека (Франкл, 1990). Многие исследователи связывают понятия «трансцендентность» и «духовность», рассматривая их как освобождение от собственной замкнутости, преодоление своей ограниченности, устремленности к контакту с миром других людей, природой, богом и т.п. Так, М. Боуэн описывает переживание духовного момента как ощущение своего внутреннего «Я», при котором границы между Я – Ты – Природа – Бог исчезают и сливаются в одно (Боуэн, 1992).

Феномен трансценденции получил свое логическое развитие в феномене транскомуникации как процессе, выводящем человека (через трансцендирование) из состояния самодостаточности для настоящего понимания с Другим (Кабрин, 2007).

Если говорить о связи творчества и жизнеспособности, то можно полагать, что она является неоднозначной. С одной стороны, жизнь как таковая есть творчество. Творчество – это не только прерогатива человека, это феномен, пронизывающий все живое (Частоколенко, 2007). С другой стороны, творчество – это источник и причина мучительных метаний, напряженных поисков, дезадаптивных контактов, нередко приводящих к болезням тела и духа. Стремление человека к самоопределению, самовыражению, расширению собственных границ вступает в противоречие со стремлением к сохранению своей собственной целостности, устойчивости. Это противоречие может разрешиться особым транскомуникативным способом – способом сообщаемости разнопорядковых коммуникативных (жизненных) миров человека. Решение основного творческого противоречия на одном уровне коммуникативного мира постоянно «выталкивает» его на новый уровень, требующий постоянного изменения себя как условия обретения внутренней устойчивости. Транскомуникация – это способность к согласованному взаимодействию, к продуктивному общению с социальной средой и самим собой, вектор, определяющий направленность творчества – жизнеутверждающую или жизнеразрушающую. Таким образом, способность к транскомуникации лежит в основе готовности к творчеству, включающему взаимопонимание с другим и са-

ним собой, к «транскоммуникабельному» творчеству не для себя или не только для себя, но и для других. Такое творчество и выступает, прежде всего, как смыслотворчество, как духовная сущность жизнеспособности человека, как форма ее реализации.

Смыслотворческая коммуникабельность проявляется как актуализированная способность человека к творческому, имеющему жизненный смысл информационному обмену с окружающей средой, реализуемому в специфически человеческой форме общения, это актуализированная способность к транскоммуникации. Актуализированный характер смыслотворческой коммуникабельности как компонента жизнеспособности придает особый статус этому структурному компоненту. Если элементы адаптации, саморегуляции, саморазвития, осмысленности жизни выступают как синергия потенциалов жизнеспособности, то смыслотворческая коммуникабельность является актуальной и интегральной формой ее реализации, тем, что «синергирует» жизнеспособность в ее реальной, а не потенциальной форме.

Непротиворечивость и цельность этого структурно-функционально-динамического соотношения обеспечиваются основаниями коммуникативного подхода, позволяющего рассматривать адаптацию, саморегуляцию, саморазвитие и осмысленность жизни как специфические информационные (коммуникативные) процессы, соотносимые с уровнями и видами человеческого общения, а смыслотворческую коммуникабельность – как сквозной фактор, «обеспечивающий» становление многомерного жизненного (коммуникативного) мира человека.

Однако смыслотворческая коммуникабельность выполняет не только интегративную функцию. Она придает жизнеспособности динамичный, «текучий» характер, делает ее саморазвивающимся, самоорганизующимся процессом, обеспечивая непрерывный процесс становления жизненного мира человека.

На наш взгляд, смыслотворческая коммуникабельность человека является особым (присущим только человеку) средством, которое позволяет отбирать из окружающей среды то, что нужно системе жизнеспособности как открытой системе в каждый конкретный момент жизни, и обеспечивать тем самым становление жизненного мира человека. Смыслотворчество в процессе коммуникации – это не простая трансляция смыслов, их привнесение, «навязывание», это транскоммуникативный процесс всякий раз нового самопорождения смыслов, результатом которого является динамическая устойчивость (порядок) жизнеспособности человека

как синергетического единства потенциалов адаптации, саморегуляции, саморазвития и смысложизненного потенциала. В отличие от этих потенциалов смыслотворческая коммуникабельность является актуальным, всегда имеющимся в наличии средством, позволяющим «запустить» систему жизненных потенциалов человека, обеспечивающих становление его жизненного мира.

Выше уже отмечалось, что жизненный мир всегда существует как коммуникативный мир или мир коммуникативных отношений – особая форма личностного общения, которая характеризуется:

- избирательностью, т.е. свободным, добровольным выбором тем и партнеров общения;
- определившимися в результате регулярных контактов отношениями между партнерами, когда контекст становится существеннее конкретного текста сообщения;
- относительной преемственностью в отношениях через соотнесение образов себя и партнера на базе анализа и синтеза запомнившихся диалогов;
- достижением определенного уровня взаимности (эквивалентности и дополнительности) в отношениях.

Избирательность и взаимность, по мнению В.И. Кабрина, являются существенными характеристиками коммуникативного мира человека, определяющими особенности его смыслотворчества как субъекта этого мира. Поскольку они допускают достаточно широкую интерпретацию как для элементарных ситуаций жизни клеток, связанных с жизненно значимым энергообменом, так и для сложных коммуникативных ситуаций общежизненного масштаба, это позволяет предполагать, что любой жизненный смысл (вплоть до «смысла жизни») образуется определенным единством или соотношением ценности взаимности и значимости избирательности (Кабрин, 2005). Категории «избирательность» и «взаимность» конкретизируют представления о «самоотборе» и «законе ограничения взаимодействия» применительно к проблеме жизнеспособности. Можно полагать, что баланс избирательности и взаимности в реальных коммуникативных отношениях выступает операциональным средством смыслотворчества как формы реализации жизнеспособности человека.

Вышеизложенное позволяет с достаточной степенью теоретической обоснованности гипотетически «снять» вопрос о статусе коммуникабельности в структуре жизнеспособности. Если смысложизненный потенциал – это духовная вертикаль всех остальных потенциалов

(адаптации, саморегуляции, саморазвития), «динамический параметр порядка»..., субъективная «разметка» объективной реальности, вырезающая из безразличной «среды» (или столь же безразличного «окружения») то, что соответствует человеку здесь и теперь в качестве необходимого условия жизни» (Клочко, 2007. С. 113), то смыслотворческая коммуникабельность – это конкретное средство «разметки», реализации возможности подниматься по этой вертикали все выше и выше.

Итак, в соответствии с исходными концептуальными положениями в качестве интегральной формы реализации жизнеспособности человека мы рассматриваем смыслотворческую коммуникабельность. Смыслотворческая коммуникабельность не является научным понятием, это, скорее, метафора, которая в нашем случае будет выступать в качестве теоретического конструкта, позволяющего объяснить влияние фактора коммуникабельности на жизнеспособность человека через особенности ее структурной организации.

Элементы смыслотворческой коммуникабельности – это минимальные единицы коммуникативной сферы (в широком смысле, как допускает коммуникативный подход), интегрально реализующие жизненный потенциал человека. Их правомерно рассматривать как операциональные дескрипторы (термин В.Н. Дружинина) смыслотворческой коммуникабельности – сквозного фактора, интегрирующего жизнеспособность человека. Связи операциональных дескрипторов смыслотворческой коммуникабельности и жизнеспособности человека будут формировать общую психологическую структуру этого интегрального феномена. Для эмпирической проверки данного положения было проведено специальное исследование, результаты которого изложены в следующем параграфе.

1.3. Эмпирическое исследование жизнеспособности человека

Задачи исследования психологической структуры жизнеспособности человека заключались в том, чтобы:

– выявить значимые корреляции между тестовыми показателями общей жизнеспособности и различными коммуникативными характеристиками человека;

– установить различия по некоторым показателям смыслотворческой коммуникабельности между группами испытуемых с разным уровнем жизнеспособности.

В качестве операциональных дескрипторов рассматривались различные свойства человека, проявляющиеся в общении и обеспечивающие ин-

формационный обмен человека со средой. Эти свойства были выявлены на основе теоретического анализа и изучения обыденных представлений о жизнеспособности человека и условно соотносились с «внутренними структурами, имеющими внешнюю оформленность и защиту: темпераментом с его аффективностью, характером с его привычками, интеллектом с его функционально-инструментальной дифференцированностью, сознанием с его мировоззренческой рефлексивной смыслотворческой ориентацией» (Кабрин, 2005).

В исследовании приняли участие 102 человека в возрасте от 23 до 55 лет (24 мужчины и 78 женщин) различного статуса и профессиональной принадлежности. На первом этапе осуществлялось тестирование испытуемых по разработанному нами тесту жизнеспособности человека (Рыльская, 2009б) и блоком методик, конкретные значения показателей которых представлены ниже.

Затем комплекс переменных подвергся корреляционному анализу по Спирмену, позволяющему определить силу и направления корреляционной связи между анализируемыми переменными. Для обработки использовалась программа SPSS 11,5 for Windows.

Корреляционный анализ показал, что жизнеспособность отрицательно связана с интенсивностью эмоционально окрашенных жалоб по поводу состояния здоровья ($r = -0,510$; $p = 0,01$), показателями нейротизма ($r = -0,518$; $p = 0,01$), психической ригидности ($r = -0,431$; $p = 0,01$) и тревожности ($r = -0,593$; $p = 0,01$), что вполне объяснимо. Эмоциональная неустойчивость, склонность к быстрой смене настроения, чувства виновности и беспокойства, озабоченности, депрессивные реакции, неустойчивость в стрессовых ситуациях, неадекватно сильные реакции на различные внешние воздействия, характеризующие невротиков, создают неблагоприятные предпосылки для эффективного информационного обмена с окружающей средой.

Выявлена также значимая положительная связь между уровнем жизнеспособности и экстраверсией-интроверсией ($r = 0,593$; $p = 0,01$), что тоже выглядит вполне логично. Поскольку экстраверты, направленные на внешний мир, более открыты для контактов с окружающей средой, коммуникация выступает для них естественной природной потребностью.

Что касается связи между уровнем жизнеспособности и типами темперамента, по К. Юнгу, то она оказалась случайной. В данном случае проявляется тенденция, отмеченная в свое время Д. Кейрси – представители всех четырех типов темперамента (Дионисий, Эпиметей, Апполон,

Прометей) равны в своей психической полноценности, жизненной стойкости, борьбе за существование (Овчинников, 1994). Мы предполагаем, что типы темперамента определяют не количественные параметры жизнеспособности, а ее качественное своеобразие.

Общая жизнеспособность значимо коррелирует с субъективным ощущением одиночества ($r = -0,631$; $p = 0,01$). Это свидетельствует о значимости для человека социальных контактов как факторов, способствующих решению жизненных задач в различных сферах бытия. Выявлены значимые положительные связи с личностными характеристиками, представленными показателями теста Р. Кеттелла: общительность–замкнутость ($r = 0,239$; $p = 0,05$), подчиненность–доминантность ($r = 0,223$; $p = 0,05$), робость–смелость ($r = 0,383$; $p = 0,01$), и значимые отрицательные связи с показателями уверенности–тревожности ($r = -0,285$; $p = 0,01$), конформизма–нонконформизма ($r = -0,220$; $p = 0,05$), расслабленности–напряженности ($r = -0,220$; $p = 0,05$).

Отмечены отрицательные зависимости между общей жизнеспособностью и негативными коммуникативными установками: установкой открытой жестокости ($r = -0,556$; $p = 0,01$), обоснованного негативизма ($r = -0,451$; $p = 0,01$), брюзжания ($r = -0,305$; $p = 0,01$) и негативного опыта общения ($r = -0,348$; $p = 0,01$).

Предположение о связи жизнеспособности с защитными механизмами личности в общении подтвердилось лишь частично. Положительная зависимость выявлена между жизнеспособностью и единственной стратегией психологической защиты – миролюбием ($r = 0,272$; $p = 0,01$), ни избегание, ни агрессия, судя по результатам корреляционного анализа, не продемонстрировали своего значения для жизнеспособности. Положительная связь выявлена также между общей жизнеспособностью человека, коммуникативными ($r = 0,832$; $p = 0,01$) и организаторскими склонностями ($r = 0,573$; $p = 0,01$).

Еще ряд дескрипторов смысловтворческой коммуникабельности представлен самоэффективностью ($r = 0,821$; $p = 0,01$), самоконтролем в общении ($r = 0,821$; $p = 0,01$), интеллектуальным фактором теста Р. Кеттелла «консерватизм–радикализм» ($r = 0,261$; $p = 0,01$) и показателями самоактуализации: компетентностью во времени ($r = 0,469$; $p = 0,01$), внутренней поддержкой ($r = 0,273$; $p = 0,01$), ценностями самоактуализации ($r = 0,279$; $p = 0,01$), спонтанностью ($r = 0,315$; $p = 0,01$), самоуважением ($r = 0,459$; $p = 0,01$), позитивным представлением о природе человека ($r = 0,331$; $p = 0,01$), познавательными потребностями ($r = 0,253$; $p = 0,01$). Со-

ответственно, можно предполагать, что более жизнеспособные люди, как правило, уверены в себе, самостоятельно и эффективно управляют всеми формами собственной активности, они творчески реагируют на встречу с необычными, проблемными жизненными ситуациями, готовы спонтанно и непосредственно выражать свои чувства, вести себя естественно и раскованно, воспринимать природу человека как положительную.

Выявлена также положительная связь жизнеспособности с уровнем эмпатии ($r=0,346$; $p=0,01$) – свойством, имеющим ярко выраженную транскомуникативную природу.

Таким образом, корреляционный анализ первично подтвердил наши предположения о связи операциональных дескрипторов смысловторческой коммуникабельности и общей жизнеспособности.

Для дальнейшей проверки этого предположения был использован метод вычисления статистических различий между крайними группами с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни. Полученные результаты в основном подтвердили наше предположение. По всем дескрипторам, кроме конформизма, доминантности и уровня макиавеллизма были выявлены значимые различия между испытуемыми с высокими и низкими показателями жизнеспособности.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить общую психологическую структуру жизнеспособности человека. Первоначальная задача, как отмечалось выше, заключалась в том, чтобы проверить, связаны ли коммуникабельность и жизнеспособность человека. Статистически обоснованное решение этой задачи, заключающееся в выявлении иерархии связей операциональных дескрипторов смысловторческой коммуникабельности и жизнеспособности человека, вполне удовлетворило бы «классического» исследователя. Однако постнеклассика не ограничивается разработкой структурно-функциональных моделей изучаемых феноменов, ее интересуют процессуально-динамические построения. Следовательно, с точки зрения постнеклассического понимания жизнеспособности человека его коммуникативные свойства (дескрипторы смысловторческой коммуникабельности) важны не сами по себе, а как средства создания транссубъективного пространства. Содержательный анализ этих свойств позволит понять, как порождается жизненное пространство и какие свойства в большей мере ответственны за это порождение, что, в свою очередь, выводит нас на новый уровень исследования – критериально-прогностический.

Психологические критерии жизнеспособности человека. В качестве средства статистического решения проблемы определения критериев

жизнеспособности нами использован множественный регрессионный анализ – статистический метод, предназначенный для изучения взаимосвязи одной переменной (зависимой, результирующей) и нескольких других переменных (независимых, исходных). Соответственно, при помощи регрессионного анализа мы выявляем, какие свойства человека в наибольшей степени важны для его жизнеспособности, являются теми решающими качествами, которые в первую очередь определяют общие закономерности и качественное своеобразие становления жизненного мира человека, т.е. выступают как критерии этого становления, точнее, как критерии-предикторы.

Фактическим материалом для регрессионного анализа послужили показатели общей жизнеспособности, выступающие в качестве зависимой переменной, и совокупность независимых переменных – операциональные дескрипторы смысловторческой коммуникабельности, измеренные в количественной шкале. Поскольку строгих указаний о числе объектов в случае регрессионного анализа нет, мы ограничились имеющимися данными (102 взрослых человека разного рода занятий). Количество признаков, включенных в процедуру регрессионного анализа, составило 25 (по числу статистически значимых связей операциональных дескрипторов смысловторческой коммуникабельности и общей жизнеспособности). При проведении регрессионного анализа учитывались следующие требования. Все переменные были измерены в метрической шкале и имели нормальное распределение. Независимые переменные значимо коррелировали с зависимой переменной и слабо друг с другом. Для процедуры многомерного регрессионного анализа был использован обратный пошаговый метод, позволяющий «отсеивать» несущественные для анализа независимые переменные.

Результирующая предсказательная модель, полученная посредством данного метода, включает 9 независимых переменных с наибольшим вкладом в регрессию: негативные коммуникативные установки, самоэффективность, общительность, ригидность, способность к эмпатии, тревожность, субъективное ощущение одиночества, консерватизм, интенсивность эмоционально окрашенных жалоб по поводу состояния здоровья. Остальные переменные, предсказательная возможность которых недостаточна, были исключены из регрессионной модели.

Можно полагать, что предикторы жизнеспособности в первую очередь являются теми свойствами, которые обеспечивают баланс избирательности и взаимности (или ограничение взаимодействия), определяя

тем самым устойчивость существования человека как самоорганизующейся системы. Данное положение можно иллюстрировать примерами.

Негативные коммуникативные установки, «заряженные» общей энергетикой направленной неконструктивной коммуникации препятствуют гармоничному становлению жизненного мира человека, так как в процессе этого становления фокус всякий раз смещается в сторону избирательности, причем избирательности, окрашенной негативно, когда фиксируется, воспринимается, прежде всего, патогенная информация, а позитивная, имеющая жизненный смысл, блокируется. Проблемы возникают даже в том случае, если человек пытается маскировать свой отрицательный настрой по отношению к окружающим. Эмпирический опыт свидетельствует о том, что возникающее при этом напряжение рано или поздно приведет к нервному срыву.

Проявление такого свойства, как самоэффективность (вера в успешность собственных действий, убежденность в возможности удачного поведения в сложных ситуациях), показывает, что для психического благополучия важны не столько объективные результаты сами по себе, сколько их интерпретация человеком. Ожидание и получение успеха – основная функция самоэффективности – также может рассматриваться как проявление баланса избирательности и взаимности.

Именно баланс избирательности и взаимности гарантирует «нужный» для жизнеспособности уровень общительности, отличный и от болезненной «зажатости», и от фатической болтливости. Благодаря балансу избирательности и взаимности эмоциональное восприятие собственного физического самочувствия не приводит ни к нахождению у себя всех без исключения болезней, «кроме родильной горячки» (Дж. К. Джером), ни к полнейшему игнорированию тревожных симптомов. Тем самым обеспечивается такой необходимый для человека контакт с собственным телом, которое удивительно отзывчиво той внутренней гармонии, которая заключена в словах, мыслях, чувствах. И это великий потенциал!

Отрицательная зависимость между жизнеспособностью и психической ригидностью также может быть интерпретирована в контексте баланса избирательности и взаимности. Ригидность как категория анализа психологической системы подробно проработана в рамках теории фиксированных форм поведения Г.В. Залевского (2007). Рассматривая жизнеспособность человека как открытую самоорганизующуюся систему, условием устойчивого существования которой является информационный обмен со средой (реализуемый в специфически человеческой форме

общения), можно полагать, что чем выше ригидность, тем сильнее блокируются каналы выхода во внешний мир (доминирует избирательность), тем сильнее игнорируются возможности согласованного информационного обмена (нивелируется взаимность).

Баланс избирательности и взаимности «сопровождает» и проявление эмпатии – «способа сосуществования с другим человеком, который выражается в возможности войти во внутренний мир другого и быть в нем как дома, быть сенситивным к изменениям чувственных значений, непрерывно происходящих в другом человеке, временно проживать жизнь другого, продвигаясь по ней осторожно, тонко, без суждения о том, что другой едва ли осознает» (Rogers, 1988). Значение эмпатии как важнейшего транскомуникативного свойства трудно переоценить. Однако не следует считать, что чем выше эмпатия, тем лучше. Очень высокая, «неизбирательная» эмпатийность может привести к сильной эмоциональной зависимости от эмоциональных состояний окружающих. Неприятны и противоположные эмпатические переживания. Ни для кого не секрет, что некоторые люди на неудачу знакомых отвечают радостью, а на радость – огорчением.

Еще один предиктор жизнеспособности, а точнее нежизнеспособности, – это личностная тревожность. Ярким примером буквальной нежизнеспособности человека, связанной с высоким уровнем тревожности, служит замечательное произведение Н.В. Гоголя «Смерть чиновника». Специфика проявления законов избирательности – взаимности и ограничения взаимодействия хорошо иллюстрируется известным симптомокомплексом личностной тревожности (Словарь практического психолога, 1997).

Оптимальный уровень тревожности, обеспечиваемый балансом взаимодействия, является необходимым условием гармоничного становления коммуникативного или жизненного мира человека.

О недостатке взаимности можно говорить также при субъективном ощущении одиночества, «шаблонной», «стереотипной» избирательности при недостаточной гибкости мышления.

По сути, функцией всех выделенных посредством регрессионного анализа критериев-предикторов жизнеспособности человека является создание баланса избирательности и взаимности или проявление закона ограничения взаимодействия. Однако сочетание избирательности и взаимности или принцип самоотбора в обеспечении жизнеспособности человека проявляются не механически, как заученная пьеса. Они действуют

в контексте базовых отношений или жизненных задач, в которых реализуется жизненный смысл, и не только реализуется, но и порождается, вследствие чего человек как сложная психологическая система за счет активного взаимодействия с миром открывает для себя особое жизненное многомерное пространство – многомерный мир, существующий в форме коммуникативного мира. Отношения же по своей природе транскомуникативны. «Транскомуникативная суть отношения в том, что оно становится явным именно в ситуациях, когда происходит смена формы, способа, стиля, темы, обстоятельств общения, а нечто более существенное, характеризующее связь с данным партнером, сохраняется, остается инвариантным» (Кабрин, 1992. С. 103).

Избирательное взаимодействие выступает в этом случае как нормотворчество, позволяющее человеку осуществить свою жизнеспособность специфически человеческим – личностным способом в контексте базовых коммуникативных отношений, в контексте иерархии различных уровней внешних и внутренних коммуникаций, динамически интегрирующих компоненты «Я» (мотивы, черты, склонности, способности, конструкты, когниции, интеракции, установки, чувства, ценности, смыслы, нормы, роли, отношения, деятельности персонификаций и персонализаций) в новое качество – коммуникативный мир (Кабрин, 1992). Этот мир предполагают обязательное наличие «Другого» в транскомуникативном пространстве, которое «творится» самим человеком.

Таким образом, законы ограничения взаимодействия и баланса избирательности-взаимности применительно к проблеме жизнеспособности человека позволяют говорить не только об их детерминирующем характере. Очевидно, что классический принцип детерминизма здесь оказывается существенно дополненным принципом «синхронистичности» как дополнительной свободой жизненного смыслообразования, содержательный анализ которой, в свою очередь, предполагает рассмотрение жизнеспособности в более широком онтологическом контексте.

1.4. Перспективы исследования жизнеспособности на основе нарративного метода: любовь как транскомуникация

Основной фактической процедурой на этом этапе исследования был избран нарративный метод. Целесообразность его использования обосновывается необходимостью учета онтологического контекста проявления жизнеспособности человека, а допустимость сочетания классических и

неклассических методов «объективации субъективного» в рамках одного исследования – «демократичностью», «мультипарадигмальностью» постнеклассической науки, которая ввела принцип самоорганизации, не отменяющий тех принципов, по которым функционирует наука классическая.

Анализ нарративов (120 жизненных историй, описанных взрослыми людьми) показал, что наиболее часто встречаемой смысловой единицей, характеризующей ценностно-смысловую сферу жизнеспособного человека, является любовь: «люблю свою семью», «мои близкие любят меня», «мой муж меня любит», «люблю свою работу», «любовь к семье, к людям, к природе», «я, как Маргарита у Булгакова, не могу жить без любви»...

В нарративах людей с низкими показателями жизнеспособности эта категория встречается гораздо реже (соответственно 75 и 15 %), отмечается депривация в отношении любви: «любви и заботы от мужа не видела», «хочется написать про самых человечных в мире людей, любовь и счастье, но в нашей жизни типичная картина: озлобленность, ненависть, жестокость, ненависть друг к другу»; «жизнь остановилась, не стало любящих меня близких»; «...сильнейшее желание бросить когда-то любимую, а теперь опустылевшую работу, закрыть за собой дверь тихо, но плотно...».

В полученных результатах, по сути, нет ничего нового. Значение любви в жизни человека трудно переоценить. Многие исследователи отмечают, что любовь является важнейшим сущностным свойством человека. Концепция сущности любви лежит в основе философии христианства. Она образно представлена в одном из самых емких определений любви П. Тейяра де Шардена: «Любовь соединяет сутью» (Тейяр де Шарден, 1987).

С.Л. Рубинштейн отмечает, что любовь выступает как утверждение бытия человека. Лишь через свое отношение к другому человеку человек существует как человек. В настоящей любви другой человек существует... не как носитель определенной функции, которая может быть использована, а как человек в полноте своего бытия. Человека любят не за тот или иной его поступок, который может быть случайным и не за его заслуги, а за него самого, за его подлинную сущность... (Рубинштейн, 2003).

Аналогичное отношение к объекту любви как к одной из высших ценностей, сущность которой созвучна, родственна своей собственной сущности, свойственно и всем другим проявлениям любви – привязанности к родным местам и отчому дому, любви к своему делу (призванию),

природе, музыке, многообразным непреходящим глубоким интересам и увлечениям, любви к Отчизне. История и художественная литература богаты многочисленными примерами небывалого патриотизма, который дает невиданные силы человеку, позволяющие ему оставаться жизнеспособным в условиях, физически несовместимых с жизнью. Вот только один пример. Это отрывок из рассказа А.Н. Толстого «Странная история».

«...Это случилось в те дни, когда Красная Армия прорвала на одном из участков немецкий фронт и выбила немцев из сел и деревень. Медведовка была занята, первыми туда ворвались партизаны. На улице к Евтюхову подошла Анна, – волосы у девочки были, как колтун, забиты землей, лицо обтянутое, старушечье, пыльное, платышко изодрано на коленях.

– Вы папашку моего ищите?

– Да, да, что такое с ним?

– Нашу избу сожгли немцы, маму, брата убили. Папашку моего четыре дня пытали, он еще живой висит, идемте.

Анна, как сонная, пошла впереди Евтюкова к прежнему горшковскому дому под железной крышей. Обернулась, с трудом приоткрыла зубы:

– Вы не подумайте, папашка мой ничего им не сказал...

В коровьем сарае под перекладной висел Горшков, в одних подштанниках, с синими опущенными ступнями; искривленное туловище его было все исполосовано, руки скручены за спиной, ребра выпячены, с правой стороны в грудь был всунут крюк, – он висел под перекладной, повешенный за ребро...

Когда Евтюхов, крикнув ребят, попытался приподнять его, чтобы облегчить муку, Петр Филлипович, видимо, уже не в себе, проговорил:

– Ничего... Мы люди русские» (Толстой, 1985).

Ярким примером великой силы любви (и далеко не единственным) может служить жизнь и смерть М. Цветаевой. Она не могла жить не любя, не могла не любить. Обреченность на любовь была одной из доминант ее жизненного мира: «...Я никого сильно не полюбила за это лето, а только это важно» (из письма к Вере Муромцевой) (Фенько, 1993). И еще один пример. Это строчки из стихотворения известного психолога, нашего современника, жизнь которого оборвалась трагически нелепо и необъяснимо:

Боже мой, человек!

Мне уже тридцать восемь.

Сквозь светоносный вечер,

Раздвигая локтями осень,

На берег опустелый
Выйду. Перед тобою
Не душа моя – только тело
С невостребованной любовью.

Собственно любовь, сущностное чувство, по определению соединяет с объектом любви сутью, и в этом единении дает знание предмета любви. Знание сути объекта любви является важнейшим свойством самого чувства. Поэтому признавая великую жизненную силу любви, следует признать и то, что способность к жизни определяется наличием у человека великой силы отказаться от объекта любви, воплощающего те ценности, которые им не приемлемы. Это происходит в том случае, если существующая реальность (образ жизни) вступает в противоречие с образом мира, неотъемлемой сверхзначимой частью которого является отношение к объекту. Жизнеспособный человек перестраивает образ мира посредством трансформации ценностно-смысловых оснований жизненного мира:

«...Я поняла, что в мире есть не только он, не любящий меня и не достойный моей любви... Я поняла, что солнце светит, травка растет и цветы цветут...»

По мнению Э. Фромма, любовь – это состояние, в котором человек способен почувствовать и пережить свою абсолютную незаменимость, смысл своего существования для другого и смысл существования другого для себя. Любовь помогает человеку проявиться, выявляя, увеличивая, развивая в нём хорошее, положительное, ценное. Это высший синтез смысла существования человека. Только любя, отдавая себя другому и проникая в него, человек находит себя, открывает себя, открывает человека. Говоря о любви, Э. Фромм утверждает, что любить – значит, прежде всего, давать, а не брать: «В каждом акте давания я осуществляю свою силу, свое богатство, свою власть. Такое переживание высокой жизнеспособности и силы наполняет меня радостью... в акте давания проявляется выражение моей жизнеспособности» (Фромм, 1990).

Согласно В. Франклу, «человеческое существование есть... самотрансценденция» (Франкл, 1990). Поэтому подлинная любовь всегда связана с самотрансцендированием – выходом мотивации человека за рамки направленности на самого себя. В. Франкл говорит о том, что быть человеком означает быть всегда направленным на что-то или на кого-то, отдаваться делу, которому себя посвятил, человеку, которого любишь, богу, которому служишь (Там же). Другими словами, любовь – это транском-

муникативное чувство. Способность любить, быть любимым – это способность к транскоммуникации, к общению и единению душ, без которого невозможна подлинная жизнеспособность человека как «торжества мироздания», как существа, законы существования которого не поддаются описанию законов функционирования любой другой живой материи.

ЛИТЕРАТУРА

Абульханова К.А. Сознание как жизненная способность личности // Психол. журн. 2009. Т. 30, №1. С. 32–43.

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001.

Богоявленская Д.Б. Психологические основы интеллектуальной активности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1987.

Боуэн М. Духовность и личностно-центрированный подход // Вопр. психол. 1992. № 3. С. 24–32.

Горелова Г.Г. Личность и профессия: Профессионально-личностная реадaptация в условиях «тройного» кризиса. Челябинск, 2001.

Завьялова В.В. Социально-психологическая адаптация женщин в современных условиях (профессионально-личностный аспект): Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1998.

Залевский Г.В. Личность и фиксированные формы поведения. М.: Смысл, 2007.

Зарковский Г.М. Международная конференция «Качество жизни и психология» // Психол. журн. 2005. Т. 26, № 5. С. 113–114.

Зиновьев П.М. Душевные болезни в картинах и образах. М., 1927. С. 117–118.

Зотова Н.К., Мухаметжанова Н.М. Личностные достижения учащихся в образовательном процессе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bank.orenipk.ru/text/t13_122.htm

Ионеску Ж.К. Оценка сопротивляемости: совокупность факторов риска и защиты и необходимость их культурной адаптации // Травматизм, психологическая безопасность, сопротивляемость и культура: Матер. междунар. конф. / Под ред. В.В. Латюшина. Челябинск, 2007. Ч. 1. С. 65–69.

Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы исследования. Томск, 2005.

Кабрин В.И. Транскоммуникативный мир человека в постметодологической перспективе психологической антропологии // Коммуникативное измерение в психологической антропологии. Томск, 2007. С. 290–334.

Кабрин В.И. Транскоммуникация и личностное развитие. Томск: ТГУ, 1992.

Клочко В.Е. От саморегуляции личности к самоорганизации человека: системные основания парадигмального сдвига в научной психологии // Субъект и личность в психологии саморегуляции. Москва; Ставрополь, 2007. С. 68–84.

- Клочко В.Е., Галажинский Э.В.* Психология инновационного поведения. Томск, 2009.
- Клочко В.Е., Галажинский Э.В.* Самореализация личности как проявление самоорганизации в психологических системах // Самореализация личности: системный взгляд. Томск, 1999. С. 79–82.
- Клочко В.Е.* Человек как самоорганизующаяся психологическая система // Человек как самоорганизующаяся система: Матер. рег. конф. Барнаул, 2000. С. 3–7.
- Конопкин О.А.* Общая способность к саморегуляции как фактор и показатель субъектного развития // Вопр. психол. 2004. № 2. С. 127–135.
- Конопкин О.А.* Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вопр. психол. 2008. №3. С. 26–27.
- Красноярцева О.М.* Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991.
- Лега В.* Современная западная философия. Анри Бергсон. Режим доступа: www.liveinternet.ru/users/35451/post71158462/
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 1999.
- Лозина-Лозинский А.К.* Тротуар. Пг., 1916.
- Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М., 2007.
- Морсанова В.И.* Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психол. журн. 2002. Т. 23, № 6. С. 5–17.
- Нартова-Бочавер С.К.* Копинг-поведение в системе понятий психологии личности // Психол. журн. 1995. № 5. С. 19–24.
- Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб., 2004.
- Немов Р.С.* Сверхнормативная деятельность как выражение активной социальной позиции коллектива и личности // Вопр. психол. 1985. № 4. С. 93–101.
- Овчинников Б.В., Павлов Б.В., Владимирова И.М.* Ваш психологический тип. СПб., 1994.
- Пако С.* Старение психологических особенностей человека // Основы геронтологии. М., 1960. С. 38–41.
- Петровский В.А.* Психология неадаптивной активности. М., 1992.
- Посохова С.Т.* Психология адаптирующейся личности: субъектный подход: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2001.
- Разумовский О.С., Хазов М.Ю.* Проблема жизнеспособности систем // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. №1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: annals.xlegio.ru/sbo/contens/gns.htm

- Реймерс Н.Ф. Экология: Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. М., 1994. С. 5–36.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
- Рыльская Е.А. Жизнеспособность человека: понятие и концептуальные основы исследования // Сибирский психол. журн. 2009а. №31. С. 6–12.
- Рыльская Е.А. Жизнеспособность человека в представлениях обыденного сознания // Вестник МГОУ. 2008. №3. С. 100–106.
- Рыльская Е.А. Методика исследования жизнеспособности человека // Вестник ЧГПУ. 2009б. №1. С. 130–139.
- Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин. Минск, 1997.
- Слоним А.Д. Среда и поведение. Формирование адаптивного поведения. Л., 1976.
- Тейар де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
- Толстой А.Н. Повести и рассказы. М., 1985.
- Уразаев Г.Н. Деятельность общественной организации как средство развития жизнеспособности личности: Дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2002.
- Фенько А.Б. Психология ностальгии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1993.
- Франкл В. Плюрализм науки и единство человека // Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 45–49.
- Фромм Э. Искусство любви. Минск, 1990. С. 15.
- Частоколенко Я.Б. Феномен первичного творчества в зеркале коммуникативного подхода // Коммуникативное измерение в психологической антропологии. Томск: Иван Федоров, 2007.
- Чудновский В.Э. Психологические составляющие оптимального смысла жизни // Вопр. психол. 2003. № 3. С. 3–14.
- Шадриков В.Д. Способности человека. М., 1997.
- Шакуров Р.Х. Психология смыслов: теория преодоления // Вопр. психол. 2003. № 5. С. 30.
- Шапиро А. Позитивная психология [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/articles/117/1011716/1011716a.1.htm>
- Эйбл У.Р. Введение в кибернетику. М., 1975. С. 14–15.
- Antonovsky A. Health stress and coping. San Francisco, 1979. P. 15–18.
- Dohrenwend B.S., Dohrenwend B.P. Some issues in research on Stressful life events // J. Nerv. Ment. Disease. 1978. Vol. 166. P. 7–15.
- Folkman S., Lazarus R.S. An analysis of coping in middle-aged community sample // J. of Health and Soc. Behavior. 1980. Vol. 21. P. 219–239.
- Handbook for working with children and youth. Pathways to resilience across cultures and contexts. Thousands Oaks-L-New Delhi: Sage Publications, Inc., 2005.
- Kotke F.G. Philosophic considerations of quality of life for disabled // Arch. Phys. Med. Rehabil. 1982. Vol. 63. P. 60–62.

-
- Lazarus R.S., Vaillant S.* Adaptation to life. Chicago, 1990.
- Maslow A.* Toward a Psychology of Being. N. Y., 1968. P. 3–4.
- Rogers C.* Client-centered therapy // Comprehensive textbook on psychiatry. 1988. №5.
P. 10.

ГЛАВА 2. МОДЕЛЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В ПРОЦЕССЕ ТРАНСКОММУНИКАЦИИ

Современные гуманитарные науки признают коммуникативную природу мира, когда личность рассматривается как субъект внешнего межличностного и внутреннего пространств, в котором она поддерживает и развивает коммуникативные и ментальные структуры своего «Я». Коммуникация рассматривается в качестве внутренней, сущностной основы жизненного процесса, внешней, исходной стороной которого является общение человека с миром (Кабрин, 2005). Применение данного подхода к изучению феномена образа будущего, как нам кажется, образует предпосылку для того, чтобы данное понятие обрело новый методологический статус в психологии. Это позволяет сделать более строгое очертывание специфических эффектов регулирующего воздействия коммуникативного мира человека на процессы формирования и функционирования образа будущего в его сознании.

Выдвижение данного подхода к рассмотрению проблемы на передний план вызвано рядом причин: во-первых, внутренней логикой развития самой психологической теории; во-вторых, происходящим бурным ростом сферы практической психологической работы с личностью в контексте ее коммуникативной природы; в-третьих, как следствие, возникновением задачи осмысления подобной практики и отработки необходимых для ее успешной реализации теоретических и методологических средств. В результате возникает проблема всесторонней реконструкции понятия образа будущего с учетом его коммуникативной природы, опирающейся на теоретические и эмпирические исследования.

Тем самым, на наш взгляд, феномен будущего может претендовать на роль одного из центральных понятий в новой неклассической психологии «изменяющейся личности в изменяющемся мире» (Клочко, 2005) и позволяет осуществить системное психологическое осмысление триады образ будущего – непрерывный процесс внешней и внутренней коммуникации – самореализация личности в контексте человеческой жизни. Анализ этих эффектов, проявляющихся в специфических группах феноменов, помогает уяснить характер той психической реальности, которая стоит за перечисленными выше понятиями; рассмотреть их как фиксиру-

ющие функционально различные структурные элементы единой сложно организованной системы регуляции жизнедеятельности субъекта.

2.1. Коммуникативность мира как один из базовых объяснительных принципов современной психологии

Попытки объяснения соотношения внешнего и внутреннего в человеке прослеживаются еще у Л.С. Выготского в его поисках «переходных форм» между духом и материей, в «жизненных пространствах» К. Левина, в «трансубъективных пространствах» Д.Н. Узнадзе, в «многомерном образе мира» А.Н. Леонтьева. Д.Н. Узнадзе уже в 1923 г. в своей работе «Impersonalia» использовал понятие «трансубъективное пространство»: «...объединение психического материала в виде определенного комплекса восприятия... определяет подпсихическая область, которая выступает посредником между объектом и ощущением и представляет трансубъективное, для которого противоположные полюсы субъективного и объективного совершенно чужды и в котором мы имеем дело с фактом их внутреннего, нерасчлененного единства» (Узнадзе, 1997. С. 36–37).

Приоритет в разработке проблемы человека, его места в мире и мира в соотношении с человеком, без всякого сомнения, принадлежит С.Л. Рубинштейну. Основные идеи, связанные с этим вопросом, систематизированы им в работе «Человек и мир»: «Мир – это общающаяся друг с другом совокупность людей и вещей, точнее, вещей и явлений, соотносенных с людьми. Иными словами, мир есть организованная иерархия различных способов существования» (Рубинштейн, 2003. С. 264). «Мир – это совокупность вещей и людей, в которую включается то, что относится к человеку и к чему он относится с силу своей сущности, что может быть для него значимо, на что он направлен» (Там же. С. 295). Двойственность человеческой сущности отмечали также Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, М.М. Бахтин и др. (Бердяев, 2006; Франк, 1998; Бахтин, 1995). М.М. Бахтин описывал диалогическую основу человека: сознание есть диалог – диалог не только внешний, но и внутренний, отраженный в самой структуре индивидуального сознания. Высказывая свое, человек предвидит, предчувствует, мыслит о возражении, мнении другого, имеет его в себе.

Многие психологи указывают на важность анализа системы отношений субъекта к миру и с миром. Роль и место человека по отношению к внешнему миру рассматриваются в ряде теорий: теория психического

отражения К.К. Платонова; теория деятельности А.Н. Леонтьева; теория персонификации В.А. Петровского; теория человека и мира С.Л. Рубинштейна; теория жизненного мира Ф.Е. Василюка; теория личности как человека в мире и мира в человеке Д.А. Леонтьева и др. Еще А.Ф. Лазурский настаивал на необходимости включения в анализ личности ее «социальной физиологии», на важности знания отношения личности к природе, продуктам труда, другим людям и группам, к материальным и культурным ценностям (Лазурский, 2001). В.Н. Мясищев (2004) разработал концепцию отношений («отношений личности», «психологических отношений»), считая, что отношения образуют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Б.Ф. Ломов (1999) говорил о том, что в процессе жизни «у каждого индивида формируется сложнейшая – многомерная, многоуровневая, динамическая – система субъективно-личностных отношений», организованная в виде «субъективного пространства».

Размышления о сущности диалога присутствуют и у А.А. Ухтомского (2002), отделившего собеседника от двойника и связавшего эти понятия с учением о доминанте.

Схожие представления развивались и в зарубежной психологии. Анализируя роль среды в жизни человека, К. Ясперс говорит о том, что функция среды сводится к тому, что она порождает ситуации, в которых имплицитно присутствует индивид. «Он может создавать их самостоятельно, осознанно стимулировать или предотвращать их возникновение. Он подчиняется сложившимся в мире порядкам или условностям и в то же время может их использовать в качестве инструментов для того, чтобы пробить в этом мире брешь» (Ясперс, 2000. С. 38). Сторонники феноменологического направления традиционно рассматривают социальные феномены с точки зрения действующих лиц и описывают мир как переживаемый субъектами, исходя из допущения, что важнейшая реальность такова, какой люди ее воспринимают.

Представители символического интеракционизма (Дж.Г. Мид, Т. Шибутани, Г. Блумер, А. Шюц и др.) считают человеческую природу и социальный порядок продуктом коммуникации. Личность формируется в процессе взаимодействия с окружающими. Поэтому внутренний мир зависит от внешнего бытия, а его характеристики – от особенностей внешнего. Главным ориентиром для «Я» человека является «Я» другого – представление индивида о том, что думают о нем окружающие.

Ч.Х. Кули в своей теории «зеркального Я» особо подчеркивает значение субъективно интерпретируемой обратной связи, получаемой от других людей как главного источника данных о собственном «Я». Развивая эту идею, Дж.Г. Мид считал становление «Я» как целостного психического явления социальным процессом, происходящим внутри и вне индивида одновременно. Социальному процессу присуща особая внутренняя фаза, которая становится возможной благодаря интериоризации общества человеком (цит. по Андреевой и др., 2001).

Нормативная антропология признает коммуникативное «устройство» бытия, считает личностное бытие, которое высвечено в ней, принципиально динамичным, открытым, разомкнутым, перспективным.

На наш взгляд, все эти точки зрения суммируются понятием «коммуникативный мир личности» – интеграл «точек зрения» на мир, мегаобраз, предельно широкое целое, которое содержит информацию о совокупном наличном бытии индивида. По мнению В.А. Кольцова (2005), он выполняет функцию контекста, позволяющего субъекту экстраполировать чувственные характеристики действительности.

Согласно В.И. Кабрину (2005), коммуникативный мир личности рождается на пересечении эйдетических возможностей и ментального опыта, содержит многообразие представлений, воззрений, установок, мифов, сценариев, ценностных ориентаций, паттернов переживаний и динамичных партитур ментальной жизни личности в социокультурном масштабе. Эти партитуры декорированы индивидуально, межиндивидуально нарративами и энергетически наполнены, напряжены заботами, ожиданиями, мечтами и пр. в направлении открываемого личного смысла жизни. Коммуникативный мир личности можно представить в виде многоуровневой системы устойчивых, добровольных и взаимных коммуникативных отношений ее как субъекта со своими партнерами.

В коммуникативном подходе В.И. Кабрина личность рассматривается как субъект внешнего межличностного и внутреннего пространств коммуникативного мира, в котором она поддерживает и развивает коммуникативные и ментальные структуры своего «Я». Коммуникация рассматривается в качестве внутренней, сущностной основы жизненного процесса, внешней, исходной стороной которого является общение человека с миром. Таким образом, выделяется внутренняя (смысловая) и внешняя (объективируемая) стороны этого процесса.

В.И. Кабрин в любой коммуникации выделяет четыре уровня, которые применимо к особенностям внешней и внутренней коммуникации в

процессе построения образа будущего можно сформулировать следующим образом:

1. Интракоммуникация – характеризуется спонтанностью, импульсивностью, общей агрессивностью. Характерно осознание проблемно-конфликтной ситуации с нарастанием негативных эмоций. Для данного типа коммуникации характерно наличие катарсиса в направлении душевное – телесное.

2. Экстракоммуникация – носит адаптивный характер, является реакцией на внешнее воздействие и ориентирована на установление гармоничных отношений с внешним миром. Для данного типа коммуникации характерен разрыв между душевной и физической информацией.

3. Интеркоммуникация – сопровождается активным формированием жизненных планов, проектов, программ конкретных действий. В этом случае происходит развитие личности через встречу с неизвестностью и принятие на себя ответственности за конкретные решения. Психологическое пространство личности обнаруживает свою безразмерность и сверхразмерность.

4. Транскомуникация – строится на основе переживаний, чувств, озарений, тесно связана с творчеством и характеризует построение первичного образа будущего. Именно переживание является основой любого психического акта, действия. Транскомуникация – это переживание человеком себя самого, ситуации, на основе чего строится его отношение к самому себе, и ситуации, что предполагает трансцендентность психологического времени (взаимную трансформацию прошлого, настоящего и будущего), чувство вечности. Транскомуникация подразумевает сверхмногообразие жизни, она включает катарсический, импринтинговый, экстатический и инсайтный компоненты. Транскомуникация в узком смысле – особый вид и уровень общения, непосредственно порождающий процессы развития личности, интегрирующий и дифференцирующий душевную жизнь человека. На наш взгляд, чтобы понять человека, необходимо понять транскомуникативный процесс взаимной синхронизации его коммуникативных миров в межличностном и внутриличностном планах (Кабрин, 2005).

Описанные уровни коммуникации проявляются в наличии «пиковых переживаний», специфичных для каждого уровня, которые обеспечивают нередуктивное понимание душевной жизни человека в целом. В своей работе «Транскомуникация и личностное развитие» В.И. Кабрин выделяет транскомуникативные процессы, состояния и отношения, под

которыми он понимает «обратимые переходы и новые синтезы между разными видами, формами, уровнями и мирами человеческой коммуникации на основе их универсальной информационно-энергетической природы. Феноменология транскомуникации чрезвычайно разнообразна. В смехе, плаче, слезах и любви, катарсисе и вдохновении возникает удивительная синхронизация, эквивалентность, взаимность, гармония, синтонность духовных и органических процессов. Не от этого ли остаются у человека самые яркие его жизненные впечатления? Не в этом ли залог его физического и душевного здоровья, личностной силы и зрелости?» (Кабрин, 1992. С. 8).

Мы полагаем, что внутриличностная коммуникация характерна в большей степени для уровня транскомуникации, поскольку они обе – это уровень отношений человека к самому себе и отношений человека к миру, это контакт на основе ощущений, переживаний, чувств.

Приведенных концепций достаточно для того, чтобы сделать существенные для дальнейшей работы выводы:

- рассмотренные теории указывают на обязательную связь личности и коммуникации;
- различия во взглядах заключаются в том, что одни подходы отдают приоритет личности над коммуникацией, другие говорят, что личность является функцией коммуникации;
- большинство теорий основное внимание уделяют внешним аспектам коммуникации – межличностному общению и взаимодействию. На наш взгляд, внутриличностный аспект коммуникации по-прежнему остается малоизученным, особенно в контексте влияния на образ возможного будущего.

Нам видится важным и необходимым в эмпирическом исследовании более детально рассмотреть соотношение межличностной и внутриличностной коммуникации в процессе формирования и развития образа будущего.

Для более детального рассмотрения особенностей влияния процесса межличностной и внутриличностной коммуникации на формирование образа возможного будущего требуется описать структуру этого процесса более полно и подробно. Наиболее информативно это можно сделать с помощью модели элементарной коммуникативной ситуации (базовой коммуникативной ситуации, ситуации встречи), которая может быть сведена к взаимодействию четырех функционально значимых элементов (рис. 2.1):

1. Коммуникатор – передающий, порождающий информацию (А).
2. Перципиент – принимающий, осваивающий информацию (В).
3. Знак, код, язык – материал, в котором кодируется информация (Y).
4. Значение, информационная структура или образ того, что зафиксировано в информационной модели (X).

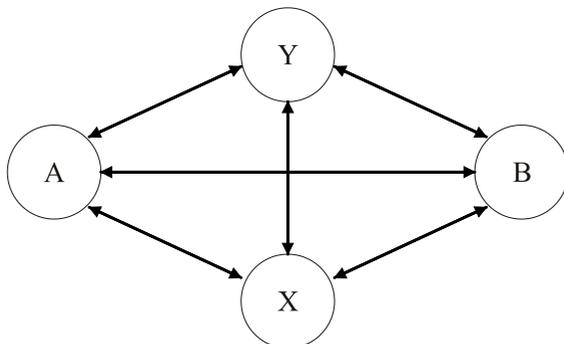

Рис. 2.1. Модель элементарной коммуникативной ситуации:
 А – коммуникатор; В – перципиент; X – значение; Y – знак

Коммуникативную ситуацию порождает любой психосемантический процесс как в межличностном, так и интраличностном плане. Важно подчеркнуть, что коммуникация всегда виртуальна, т.е. все позиции в ней имеют не физический, а смысловой характер. При этом конкретный человек может выполнять функцию любого из четырех перечисленных элементов, а в процессе аутокоммуникации он может это делать одновременно. В связи с этим особо важное значение обретают связи, образующиеся между вышеперечисленными элементами:

- связь Y – X образует «план репрезентации» или контекст предъявления информации, который в аутокоммуникации человек задает сам;
- связь А – В образует «план отношения» или «связь». В случае аутокоммуникации это есть отношение к самому себе;
- связь А – Y конкретизирует способ проявления информации в знаках;
- связь А – X описывает способ идентификации передаваемой информации;
- связь В – Y характеризует особенности восприятия и расшифровки информации;
- связь В – X показывает возможности понимания и воссоздания (вторичного синтеза) передаваемой информации (Кабрин, 2005).

Мы предполагаем, что основа построения образа будущего – осмысление человеком своего духовного мира, постижение своего характера, своих привязанностей и склонностей, своих достоинств и недостатков, своих целей и мотивов, воззрений на мир, человека, природу. Момент, когда человек обращается к себе, является началом и итогом самопознания. Все это реализуется в процессе внутриличностной коммуникации, когда человек наблюдает за внутренним планом собственной психической жизни, что позволяет ему фиксировать ее проявления (переживания, мысли, чувства и пр.). Дальнейшее развитие образ будущего получает в ходе общения с другими, в процессе усвоения социального опыта и средств его осмысления, т.е. в процессе межличностной коммуникации. В результате человек осознает свой образ будущего в относительной целостности психических и личностных проявлений.

Таким образом, признавая коммуникативную природу современного мира, мы не можем не учитывать ее влияния на процессы формирования и функционирования образа будущего. Причем, на наш взгляд, особое значение в этом вопросе приобретает соотношение межличностной и внутриличностной коммуникаций, которые являются неотъемлемой частью процессов его формирования и развития.

Именно отношения человека с миром и составляют сущность процессов межличностной и внутриличностной коммуникаций личности. В широком смысле коммуникация – это связь, в ходе которой происходит обмен информацией между системами в живой и неживой природе, это есть смысловой аспект социального взаимодействия. В нашей работе мы исходим из того, что коммуникативные действия сознательно ориентированы индивидом на смысловое восприятие другими людьми. Применительно к процессу внутриличностной коммуникации можно сказать, что личность в этом случае обменивается информацией о себе самой, сознательно воспринимает и осмысливает саму себя.

2.2. Роль процессов коммуникации в формировании образа будущего

Согласно С. Кьеркегору, в «ядре» процесса постановки жизненных целей происходит взаимодействие эмоций интереса и страха, взаимодействие развития и разрушения (Кьеркегор, 2002). Таким образом, говоря о процессах непрерывного взаимодействия, мы переходим от рассмотренных статичных характеристик образа будущего к динамическим. А они

подразумевают наличие коммуникации. Это дает нам основания рассмотреть процесс построения образа будущего через призму коммуникативного подхода, применив в нашем исследовании его методологические основания.

Признавая множественную природу личности, мы приходим к идее коммуникации между ее отдельными элементами, выражающими различные потребности, смыслы и социальные роли. У. Джеймс (1991) выделил «Я познающее» и «Я познаваемое». Внутри этой структуры он выделяет различные «слои»: «Я духовное», «Я реальное», «Я социальное», между которыми возникает внутриличностная коммуникация. Исходя из положений коммуникативного подхода, в процессе коммуникации информация, которую человек передает и воспринимает, может существенно изменяться, в том числе, под влиянием образа возможного будущего. Если следовать идее о множественной идентификации личности, о которой говорили еще У. Джеймс, К.Г. Юнг, Р. Ассаджиоли и др., каждый человек может столкнуться с проблемой возникновения конфликта между разными идентичностями, может оказаться в ситуации потери истинной идентичности и пр. Во всех этих случаях у человека нарушается процесс непрерывного формирования и модернизации образа будущего, изменяется картина внутреннего мира, представления о себе, своей сущности. Поэтому особенно важно изучать процессы существования образа возможного будущего в форме непрерывной коммуникации как в целом, так и в проявлении их возможных аспектов (Джеймс, 1991; Юнг, 1998; Ассаджиоли, 1997).

Б. Ньюгартен и Г. Хагестад (Neugarten, Hagestad, 1976) установили, что представление о будущем не является феноменом индивидуального сознания, а обусловлено факторами социальной среды. В сознании членов различных социальных групп представлен определенный временной порядок («расписание») основных событий жизни. Отставание от этого «расписания» субъективно рассматривается как неуспех. Аналогично временной перспективе П. Фресс вводит понятие «временной кругозор», рассматривая его как интегративную характеристику развития временных представлений личности, формирующихся в процессе социальной деятельности. Он считал, что временной кругозор, являющийся интегративной характеристикой развития временных представлений личности, формируется в процессе социальной деятельности (Фресс, 1978. С. 88–135). Ш. Бюлер изучала специфику временных отношений в биографическом масштабе, рассматривая жизненный путь личности сквозь призму

качественного содержания различных возрастных этапов жизни. В результате был установлен существенный факт, заключающийся в том, что в сознании членов различных социальных групп представлен определенный временной порядок основных событий жизни, причем отставание от этого «расписания» (плана) субъективно воспринимается как жизненный неуспех. Это означает, что будущее человека, его образ, не является феноменом индивидуального сознания, а обусловлено факторами социальной среды личности (цит. по Логиновой, 2001).

К.Р. Роджерс и А.Г. Маслоу рассматривают бытие человека как бытие коммуникации. Трудности межличностного общения являются результатом коммуникативных проблем, существующих внутри личности. Согласно К.Р. Роджерсу, для сохранения психологического комфорта необходимо приспособление «образа Я», включающего образ будущего, к каждой из имеющихся социальных ролей. В результате коммуникация становится средством развития конгруэнтности, принятия себя и других, эмпатии. То есть внутриличностная и межличностная коммуникации способствуют формированию и развитию качеств, помогающих конструктивно изменяться и получать удовлетворение от общения и жизни в целом. Они помогают реализовать тенденцию к самоактуализации, благодаря чему человек стремится к более сложному и полноценному развитию (Роджерс, 2001). А.Г. Маслоу (1997) особо подчеркивал взаимосвязь двух видов коммуникации. Преодоление дихотомии между ними приводит к гармонии внешнего и внутреннего миров, а тем самым приближает к тому, чтобы становиться и быть самоактуализированной личностью.

М. Бубер говорил, что если индивидуализм охватывает только часть человека, то коллективизм берет только человека как часть: ни тот ни другой не постигают цельность человека, человека как целое. «Встреча человека с самим собой может и должна будет осуществиться только как встреча отдельного человека с другими людьми. Лишь тогда, когда отдельный человек познает другого во всем его отличии от себя, как человека и отсюда прорвется к другому, он в строгой и изменяющей встрече прорвет свое одиночество» (Бубер, 1998. С. 91). Фундаментальным фактом человеческого существования не являются ни отдельный человек как таковой, ни общность как таковая. «Мы можем подойти к ответу на вопрос, что такое человек, ближе, если мы научимся понимать его как существо, в диалогике которого, во взаимном представленном существовании которого в каждом случае осуществляется и познается встреча одного с другим» (Там же. С. 95).

М. Волдер (Volder, 1979) считал, что формирование временной перспективы является результатом социализации личности: на будущее ориентированы не все люди, а лишь те, которые обладают определенными качествами, а именно, здоровые и социализированные.

В.Ф. Сафин рассматривает самоопределение в качестве стержневого процесса социального созревания через осознание и соотнесение индивидом своих возможностей и социальной необходимости, овладение значимыми сферами жизнедеятельности, обуславливающими самореализацию его как личности. По его мнению, самоопределившаяся личность – это социально зрелый человек, обладающий высоким уровнем развития умений и навыков, необходимых для социально направленной жизнедеятельности. Суть самоопределения заключается в особой активности личности, направленной на самосозидание через осуществление самопознания и саморегуляции, формирование субъектом себя как самореализующейся личности или, по сути, это есть процесс внутриличностной коммуникации. При этом главным в процессе самоопределения, по мнению автора, является способность самостоятельно ставить жизненные цели, т.е. формировать образ возможного будущего и разрабатывать способы его реализации с учетом требований социальной среды (Сафин, 2007).

В.И. Кабрин (2005) понимает личность как иерархию различных уровней межличностных и внутриличностных коммуникаций, динамически интегрирующих различные характеристики личности (мотивации, черты, склонности, способности, конструкты, когниции, интеракции, установки, чувства, ценности, смыслы, нормы, роли, отношения, деятельности) в новое качество – коммуникативный мир. При таком подходе феномен коммуникации начинает рассматриваться как «смыслообразующий, смыслотворческий процесс любой формы и уровня, поскольку в живых системах информация, имеющая жизненный смысл, не просто передается, но трансформируется и творится, воплощаясь при этом в самых различных кодах (языках) – от генетического до культурного. Естественным шагом от гипотезы о коммуникативной природе личности будет предположение о коммуникативной природе формирования образа будущего. Личность, с одной стороны, – продукт разнообразных коммуникаций, а с другой стороны – «творец» многоуровневого коммуникативного мира.

В.И. Кабрин утверждает, что помимо понятия «жизненного мира» как формирующейся и трансформирующейся данности существуют представления о коммуникативном универсуме переживания «жизни в мире».

Исходная идея коммуникативного подхода – понимание первичности коммуникативного процесса, в который погружен человек относительно всех других форм его активности, включая поведение и деятельность. Внутреннее противоречие коммуникативного процесса – одновременная избирательность и взаимность – делает его саморазвивающимся. Эту его глубинную тенденцию В.И. Кабрин (2005) называет транс-фактором – фактическим прообразом транскомуникации, которая получает свое оформление как наиболее сложный, динамичный, многомерный способ жизни и развития.

В процессе взаимодействия личности с внешним миром обнаруживается тесная связь внутриличностной и межличностной коммуникаций. Встреча с другим невозможна без встречи с собой. Еще Н. Коперник говорил: «Я нахожу свое не в себе самом (его во мне видят другие), а вовне меня существующим – в собеседнике, в природе...». Иначе говоря, другой человек становится поводом для уникальной встречи с собой. Исходя из этого, мы предполагаем, что каждый человек неисчерпаем как внутри себя (интракоммуникативное измерение), так и в своих связях с миром (транскомуникативное измерение).

В контексте проблемы образа будущего преобладающая роль в этих процессах принадлежит внутриличностной коммуникации. Остановимся более подробно на описании ее специфики в процессе функционирования и развития образа будущего. Мы полагаем, что процесс внутриличностной коммуникации влияет на самосознание, в котором обычно выделяют следующие компоненты: когнитивный – образ своих качеств, способностей, внешности и пр., социальной значимости и эмоциональный – самоотношение, самооценка. Иногда эти составляющие рассматриваются отдельно как собственно самосознание, иногда они интегрируются в рамках Я-концепции личности, иногда признаются компонентами образа возможного будущего (как в нашем случае).

В то же время важнейший вопрос о том, как человек формирует то или иное представление о самом себе, на основе каких эталонов, суждений, умозаключений, образов, что влияет на обращение человека к самому себе при всей значимости и большом интересе к нему, остается, на наш взгляд, все еще малоизученной психологической проблемой.

Фактически образ будущего настолько взаимосвязан с коммуникацией, что может развиваться во всей своей полноте только через коммуникацию, пассивную и активную.

На наш взгляд, можно говорить о коммуникативном цикле, присущем процессу построения образа будущего, который связан с процессом транскомуникации – переживанием катартических (различного рода эмоции и чувства), импрессивных (способность восхищаться миром и запечатлевать сокровенное), экспрессивных (выражение невыразимого и неопределенного), инсайтных (просветляющая, озаряющая интуиция) образов и состояний. Второй аспект коммуникативного цикла характеризуется двуединым процессом «встраивания» переживания субъективного в «объективное» и, наоборот, переживанием «объективного мира» как данности.

Выделение в качестве специального предмета исследования динамики формирования образа будущего в процессе межличностной и внутриличностной коммуникации открывает новые возможности взгляда на образ будущего как готовность созидания мира, другого человека, самого себя.

В целом мы понимаем коммуникацию как саморазвивающийся процесс, связанный во смыслообразованием и самоопределением, предполагающий ценностное отношение к партнеру и самому себе, открытость и реалистичность восприятия и самовосприятия. Этот процесс предполагает динамичность, смену коммуникативных позиций, тем и центраций.

Большинство теорий основное внимание уделяют внешним аспектам коммуникации – межличностному общению и взаимодействию. На наш взгляд, внутренний аспект коммуникации по-прежнему остается малоизученным, особенно в контексте влияния на образ возможного будущего.

Психофизиологической основой общения человека с самим собой является внутренний диалог в форме речи или же в виде образных представлений. Это предполагает наличие чаще всего нескольких точек зрения на собственное внутреннее переживание или действие, отражаемое понятием «борьба мотивов». Конечным результатом такой коммуникации является жизненный выбор.

Важным для нас является понимание первичности коммуникативного процесса, в который погружен человек относительно всех других форм его активности, включая поведение и деятельность. Внутреннее противоречие коммуникативного процесса – одновременная избирательность и взаимность – делает его саморазвивающимся.

Признавая коммуникативную природу современного мира, мы не можем не учитывать ее влияния на процессы формирования и функционирования образа будущего.

Личность есть инструмент реализации человеческой сущности. Коммуникация – это процесс, в котором проявляется и реализуется сущность человека, происходит постижение им своей сущности, которую он как личность реализует в общении и взаимодействии с другими. Мы полагаем, что активизация процессов развития образа будущего характерна в большей степени для уровня транскоммуникации, поскольку они обе – это уровень отношений человека к самому себе и отношений человека к миру, это контакт на основе ощущений, переживаний, чувств.

Современные тенденции в теоретическом исследовании личности учитывают идею личностных смыслов как одной из основных составляющих сознания. На наш взгляд, данные смысловые образования существуют именно в форме образа возможного будущего, который детерминируется непрерывными процессами внутрличностной и межличностной коммуникации. Образ будущего, жизненная перспектива – та действительность, которая существует и воспроизводится личностью постольку, поскольку она имеет ценность для личности.

На наш взгляд, процесс внутрличностной коммуникации – процесс самопознания личности, когда человек постигает свои внутренние переживания, анализирует свои мысли, состояния, свое поведение, так или иначе оценивает себя, делает соответствующие выводы. Главное, личность в процессе обращения к себе постигает свое многообразие.

Говоря о процессах непрерывного взаимодействия, мы переходим от рассмотрения статичных характеристик образа будущего к динамическим. А они подразумевают наличие коммуникации. Это дает нам основания рассмотреть процесс построения образа будущего через призму коммуникативного подхода, применив в нашем исследовании его методологические основания.

2.3. Основные методологические принципы исследования роли коммуникации в процессах становления образа будущего

В качестве общенаучной, философской методологической основы решения проблемы формирования образа будущего мы считаем целесообразным использовать философию диалога М.М. Бахтина. Его значение в мировой философии состоит в том, что в XX в. он заложил новую – диалоговую, коммуникативную – парадигму мышления (Бахтин, 1995). Наше методологическое внимание было привлечено к работам как этого философа, так и других отечественных специалистов – В.С. Библера,

Г.С. Багищева, В.И. Тюпа, И.П. Смирнова и др. – тех, кто писал и пишет о коммуникациях и коммуникативной природе современного мира (цит. по Березиной, 2001).

Значимым для нас также является положение Б.С. Братуся о принципиальной неопределимости духовных проявлений человека в рамках позитивистской сциентистской методологии. В свете современных положений ключ к пониманию природы человека лежит не в нем самом, как некотором телесном объекте, а в тех различных системах, в которых осуществляется его жизнь (Братусь, 1997). В результате традиционные для общепсихологической теории деятельности концепты наполняются новым содержанием. Понятие мотива предлагается рассматривать в единстве предметной и энергетической сторон; обосновывается подход к сознанию, в котором его действенная преобразующая роль по отношению к внешнему миру выдвигается на передний план; становление зрелой личности связывается с ее превращением из «элемента» социальной системы в субъект деятельности, который обладает известной автономностью и способен управлять собственным поведением с помощью системы внутренней регуляции деятельности.

В социальной психологии широкое распространение получил теперь уже ставший классическим системный подход, в рамках которого любой изучаемый объект (личность, микрогруппа, макрогруппа, общество) понимается как целостная сложная открытая система, относящаяся к типу нелинейных, флуктуирующих, стохастических «нечетких» систем. Для такой системы характерна сложная, многофакторная детерминация, описывать ее систему можно только вероятностно (Семенов, 2007). Системный подход требует анализа любой социальной системы в единстве структурного, функционального и историко-динамического аспектов, т.е. как структурно-функционального активного образования в его развитии.

Современная наука работает за пределами очевидного, ее механизм – теоретическое мышление, которое приводит к единству противоположностей, той психологической онтологии, которая превращается в теоретически определенный предмет постнеклассической науки. Введение в методологическую основу исследования принципа порождения взамен принципа отражения перестраивает не только программу исследования, но и ценностно-смысловую основу профессионального образа мира самого ученого-исследователя. Это вынуждает его понимать смысл и ценность своих действий не только по отношению к тому участку реальности, который он исследует, но и по отношению к внутренней тен-

денции развития научного знания в данной сфере, логике ее становления как теоретической системы.

Интересным и многообещающим, на наш взгляд, является введение В.И. Кабриным понятия постметодологии, характеризующего новый тип знания, которое он обозначает как трансперсональное, ноэтическое, трансцендентальное, явно ориентированное на преодоление традиционных форм редукционизма, считавшихся неизбежными для науки, в результате применения концепта транскоммуникации. Данный подход предполагает использование специфической схемы исследования:

- интуитивное понимание предмета исследования на основе синтеза вербально-невербальных и понятийно-метафорических средств в более широком семиогенезе;
- переход от предмета исследования к аутентичной синтонной теории, обеспечивающей непосредственную релевантность исследования;
- создание транскоммуникативной ситуации исследования, непосредственно релевантной теории и предмету;
- инициирование транскоммуникативного процесса исследования, соответствующего ситуации, теории и предмету.

Предполагается, что реализация данной схемы может привести к получению нередуктивного релевантного аутентичного психологического знания.

В данном исследовании главное внимание уделялось вопросу о коммуникативной природе образа будущего. Выделение данного аспекта не является традиционным и требует пояснения. На наш взгляд, именно через построение образа будущего, целеполагание, постановку различных задач и целей человек получает возможность не только творить мир, но и отыскивать смысл своего существования, воплощать его в жизни в процессе реализации сущностных сил.

Конкретно-научная методология нашего исследования опиралась на теорию коммуникации, которая, возникнув в естественнонаучном знании, характеризует сегодня и знание гуманитарное. Область компетенции гуманитарных исследований – взаимодействия человека и информационной среды, коммуникативных отношений – до сих пор представляется недостаточно четко очерченной.

В качестве одного из методологических оснований данной работы предпринято рассмотрение образа будущего в структуре коммуникативного подхода, который базируется на основной антропологической идее о человеке как целостном активном существе, находящемся в постоян-

ном взаимодействии со своим природным и социальным окружением. Это позволяет рассматривать процесс формирования образа будущего в его наиболее актуальном, экзистенциально-бытийном, коммуникативном контексте, как внутренний диалог, аутокоммуникацию, текст самосознания, повседневного существования человека, его «фундаментальную онтологию», в познании возможную только как феноменология.

Коммуникативный подход, выполняя методологическую функцию в нашем исследовании, приводит к построению предмета нашего исследования – образ будущего как интенциональная система и его динамика в коммуникативном пространстве мира. Термин «интенциональность» был нами заимствован из феноменологии Э. Гуссерля, в рамках которой интенциональные системы – это подвижные структуры сознания. Сознание – ядро любого опыта (эмоционально-волевого, телесного, когнитивного, речевого, социального, образовательного и т.п.), способ ориентации человека в мире. Его априорной структурой являются: во-первых, самосознание, соотнесенность «Я» с самим собой (самопонимание, самочувствие); во-вторых, способы интенциональной сопряженности «Я» с иными объектами и субъектами (Гуссерль, 1994).

Возможности применяемого нами коммуникативного подхода к исследованию образа будущего несоизмеримо шире в методологическом и практическом отношении сопоставительно с другими моделями исследования, так как последние чаще всего ограничиваются констатацией наличных форм и структур образа будущего в узкопрофессиональном или узковозрастном его срезе, в то время как коммуникативный подход дает выходы и к генезису образа будущего, и к совокупности причин и особенностей его формирования.

Тем самым методологический ракурс рассмотрения особенностей формирования образа возможного будущего в контексте процессов внешней и внутренней коммуникации состоит не в обособлении, как принято, психологического «аспекта» социальной проблемы, а именно в единстве исследования объективных (жизненных, образовательных, трудовых и т.д.) условий проявления образа будущего и самих его психологически-личностных уровней и форм.

Основная задача данного исследования заключалась в том, чтобы теоретически, а затем в определенных пределах и эмпирически выявить основные характеристики процесса коммуникации, непосредственно связанные с сущностью и генезисом образа будущего. Другой важнейшей задачей исследования являлось определение конфликтных взаимо-

отношений между разными слоями опыта. Главным методом диагностики являлся контраст между вербальным (сознательным) и невербальным (интуитивно-эмоциональным).

При анализе значений образа будущего в процессе внешней и внутренней коммуникации наиболее изученными являются формы фиксации его в языке, наименее – образы. По-прежнему мало изучено влияние эмоций на семантическую организацию значений. Эмоциональные состояния способны трансформировать психический образ и, увеличивая субъективный вес тех или иных параметров, нарушать его предметную логику, а значит, и трансформировать его значение. Это обусловило наш подход к подбору методов исследования образа будущего, а именно, вербальных и невербальных методик. В результате системное исследование процесса формирования и развития образа возможного будущего в процессе внешней и внутренней коммуникации позволило выявить систему значений, объединенных между собой, их некоторый предельный смысл и содержание эмоциональной окраски образа будущего.

Отбор методик проводился с учетом понимания того, что кроме чувственных качеств, воспринимаемых органами чувств и доступных для выявления классическими методами исследования (наблюдение, эксперимент, квазиэксперимент), не менее реально существуют и сверхчувственные качества предметов и явлений, которые также определяют их качественную специфику, но о наличии которых можно узнать не через ощущения и восприятия, а через мышление.

С этой целью мы использовали понятие «ментальное пространство человека» как попытку связать субъективное и объективное в человеке в одной «системе координат» и разглядеть в их взаимодействии и взаимопереходе порождение новой (собственно психологической) онтологии – особой реальности, возникновение и усложнение которой составляет сущность процессов формирования и развития образа будущего в процессе внешней и внутренней коммуникации. Ментальное пространство человека не субъективно и не объективно. Оно транссубъективно, а коммуникации, в которых оно формируется, логично считать транскомуникациями (такими межличностными взаимодействиями и взаимодействиями человека с культурой, в которых формируется транссубъективное пространство человека). Предварительно исследование было направлено на понимание образа будущего как возможного горизонта всякого понимания Бытия.

Образ будущего был исследован на различных жизненных этапах и в разнообразных формах, включая вербальную и невербальную активность

личности по построению образа будущего, особенности решения различных проблем в процессе его развития и переформирования, а также проявления самосознания в процессе активного поиска решения жизненных задач у взрослой личности. Исследования образа будущего на разном возрастном контингенте были направлены на выявление не возрастных, а типологических особенностей образа будущего как следствия приобретенных (или не приобретенных) личностью в ее индивидуальном жизненном пути способов его проявления и реализации в процессе внешней и внутренней коммуникации.

В результате средства выявления и изучения образа возможного будущего разделились на две основные категории: средства активации, оказываемые в процессе тренинга, и средства, используемые самим субъектом, преимущественно рефлексивные. Основной метод исследования: сопоставление структурных (варианты семантического интеграла) и динамических (моделирование испытуемыми семантического пространства) характеристик образа будущего. Это обеспечило полноту описания параметров образа будущего, его системное исследование как многопараметрального, многоуровневого, сложнотерминированного явления.

Основными являлись следующие методы исследования.

1. Сочинение «Мое будущее» – исследование образа будущего как текста личности, как коммуникативной системы, отражающей общую концептуальную картину, включающую вербальные ассоциации, организованные по принципу поля, имеющего ядро (наиболее частотные ассоциации) и периферию. В процессе написания текста происходит как первичная коммуникация автора с будущим читателем, так и вторичная в процессе восприятия, понимания, интерпретации и рефлексии созданного текста. Лексическая структура сочинения рассматривается нами как сложная вербальная сеть, являющаяся «ключом» к его интерпретации (Мещерякова, 2001).

2. Проективный графический тест «Мое будущее». Известно, что человеку легче выразить свое состояние, свои мнения, свою проблему невербально, творчески, чем проговорить, проанализировать ее на словесном уровне. Именно в этом случае человеку легче вступить в коммуникацию с самим собой, в результате чего происходит актуализация характеристик его «Я». Именно поэтому рисуночные тесты можно применять к людям, различным по жизненному опыту, по социально-демографическим характеристикам. Информация об образе будущего актуализируется, структурируется и формализуется в исследовании через сочетание вербальных

и невербальных данных. Свободный рисунок «Мое будущее» контекстуально и процедурно сопоставим с проективной техникой.

В инструкции испытуемым предлагалось нарисовать собственное будущее так, как они его представляют. При этом желательно было отразить в рисунке то, что делает их будущую жизнь уникальной, непохожей на другие. Этот метод способствует актуализации ассоциаций, что облегчает последующую вербализацию образов.

Мы склонны проводить аналогию между пониманием текста и рисунка и пониманием человеком самого себя, собственного поведения и событий своей жизни. Самопонимание рассматривается как создание «образа» самого себя, непрерывная самоинтерпретация и самоистолкование (Gergen, 1988).

3. Сокращенный вариант методики моделирования коммуникативного мира (ММКМ) – проективная психосемантическая технология описания коммуникативного мира личности, специфики внутренней и внешней коммуникации (Кабрин, 1992). В соответствии с конкретными исследовательскими задачами нами была осуществлена модификация методики. Применяемый вариант позволяет реконструировать основные координаты жизненного мира личности: коммуникативное пространство и коммуникативное время (прошлое – «ретроспектива», настоящее – «актуальность», будущее – «перспектива»). В аспекте описания образа будущего главными составляющими коммуникативного пространства являлись эмоции (внутренние) и существенные для респондента характеристики самого себя как партнера в диалоге (внешнее и внутреннее одновременно). Бланк методики представлен в приложении.

В верхней половине таблицы испытуемому предлагалось не менее пяти и не более десяти характеристик, возникающих при мысли о будущем, а также оценить переживания, связанные с каждой из них в прошлом, настоящем и будущем. Для количественной оценки личностной значимости параметров предлагалась классическая семибалльная шкала семантического дифференциала с полюсами от «очень неприятные переживания» (-3) до «очень приятные переживания» (+3).

Главным невербальным параметром исследования личности в рамках данной методики являлся «вектор роста». Он показывает временную направленность личности в эмоциях и особенности внутреннего коммуникативного мира, способствующие или препятствующие формированию образа возможного будущего в процессе коммуникации. Кроме этого, использовались показатели общей удовлетворенности и неудовлетворен-

ности, по которым оценивалась тенденция к коммуникативному трансу или стрессу. Также оценивалось разнообразие используемых шкальных типов, характеризующее когнитивную оценочную детализированность тем аутокоммуникации; узость или широту взглядов.

4. Методика личностного дифференциала. В основе этой части исследования лежало представление о способности человека к множественной идентификации (Артемьева, 1999). В перечень оцениваемых качеств вошли характеристики, отражающие социальные, гендерные, профессиональные образы, роли, которые каждый человек играет в жизни. Респонденту предлагался список из 30 качеств, он должен был оценить их предполагаемую выраженность у себя в будущем по семибальной шкале. Отрицательные значения выраженности качеств оценивались цифрами 1, 2, 3; нейтральные – 4 балла; положительные – 5, 6, 7.

5. Методика изучения образа возможного будущего (Петрова, 2002). Относится к разряду проективных методов и является модифицированным вариантом Теста неоконченных предложений. Опросник включает в себя 45 пунктов: в 32 из них необходимо закончить предложения, а в остальных дать ответ на поставленный вопрос. Применение данной диагностической методики не ставит перед собой цели контроля и констатации наличия некоторых качеств личности. На наш взгляд, она служит стимулированию активности испытуемого, развитию его потребностно-мотивационной сферы в области самоопределения и планирования собственного будущего с целью построения индивидуальной жизненной траектории. Методика позволяет оценить следующие параметры (шкалы): пространственно-временная жизненная перспектива (структурирование будущего и установление его целевой, смысловой и временной связи с настоящим); осознанность предельных смыслов (предполагает наличие идеологической поляризации, базовой философии и религии, которые обеспечивают фундаментальное доверие к жизни, включает способность самостоятельно ставить жизненные цели и добиваться их достижения); уровень самосознания (наличие адекватных представлений о себе, сформированность определенных личностных качеств, общая осмысленность образа будущего); характер внешней и внутренней коммуникации (социальная зрелость, восприятие макросоциума – отношение к собственной нации, менталитету, культуре, этнической группе, государству и микросоциума – отношение к собственному окружению, друзьям, коллегам, противоположному полу); готовность к реализации образа будущего (способность принимать адекватные решения в различных ситуациях

жизненного выбора). Обработка результатов предполагает количественный и качественный анализ данных. Количественная обработка полученных данных предполагает кодирование ответов. Качественный анализ – использование следующих критериев:

- продолжительность и дифференцированность временной перспективы, представленность ближней, средней и дальней перспективы;
- реалистичность;
- сочетание конкретности и перспективности;
- согласованность жизненных планов, целей и ценностей;
- активность и самостоятельность при формировании жизненной перспективы;
- оптимистичность представлений о будущем.

2.4. Данные эмпирической апробации модели существования и развития образа будущего в процессе коммуникации

Всего в данном исследовании приняло участие 215 человек. Состав выборки по полу: 49 % женщин, 51 % мужчин; по возрасту: средний возраст – 32 года, минимальный – 19 лет, максимальный – 47 лет. Выборку составили работники административно-управленческого аппарата, студенты дневного и заочного отделения Томского государственного университета, представители сферы обслуживания г. Томска. Сбор эмпирического материала проводился в период с 2000 по 2007 г.

В анализе структуры и содержания текстов мы руководствовались следующими фундаментальными положениями: тезис классического структурализма о взаимосвязности всех элементов текста, положении постструктурализма о том, что связь между элементами текста носит трансуровневый характер и ни слово, ни предложение не могут быть единицей семантического анализа. Словообразование происходит в рамках всего текста как более общего единства.

На следующем этапе нашего исследования перед нами встала задача учета специфики процессов внутренней и внешней коммуникации и определения их влияния на содержание, особенности формирования и развития образа будущего.

В качестве базовых характеристик коммуникации в процессе формирования и развития образа будущего мы выделяли следующие: открытость, децентрация, десубстанциализм, толерантность, коммуникативное действие и ряд других.

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что в основе внутренней структуры и механизма развития образа будущего лежит внешняя и внутренняя коммуникация, которая выявляется через рассмотрение биографики образа будущего как диалога автора с читателем или с идеальным образом своего Я.

Для определения эффектов влияния характера внешней и внутренней коммуникации на семантические оценки образа будущего применялся однофакторный дисперсионный анализ ANOVA (фиксированные эффекты). Показатель каждого из типов коммуникации включался в дисперсионный анализ по отдельности как независимый межгрупповой фактор (качественная переменная) с тремя градациями его значений: высоким, низким и средним уровнем. Зависимую переменную составили показатели семантических оценок образа будущего. Далее проводился пошаговый дискриминантный анализ данных и вычислялись коэффициенты канонических дискриминантных функций для определения уникального вклада каждой из зависимых переменных в дискриминацию групп по уровням процесса внешней и внутренней коммуникации. Были получены следующие основные результаты.

По данным дисперсионного анализа тип коммуникации оказал значимые эффекты на показатели следующих семантических шкал:

- субъектная позиция по отношению к образу будущего ($F=6,29$; $p<0,002$);
- гармоничное сочетание прошлого, настоящего и будущего ($F=6,83$; $p<0,001$);
- общая сконцентрированность на карьере в образе будущего ($F=3,14$; $p<0,05$);
- структурированность образа будущего ($F=7,52$; $p<0,001$);
- надежда на удачу в будущем ($F=4,72$; $p<0,01$);
- озабоченность собственным статусом в будущем ($F=3,07$; $p<0,05$);
- непредсказуемое будущее в целом ($F=4,4$; $p<0,01$);
- стремление к стабильности в будущем ($F=7,36$; $p<0,01$);
- наличие альтернатив ($F=9,55$; $p<0,001$);
- согласованность вербальных и невербальных компонентов образа будущего ($F=7,35$; $p<0,001$);
- акциональность ($F=7,3$; $p<0,001$);
- наличие альтернатив ($F=3,26$; $p<0,04$);
- романтизм ($F=9,57$; $p<0,001$).

Однако наиболее адекватным способом решения задачи учета характера коммуникации в процессе формирования и развития образа будущего

го нам представляется применение процедуры кластеризации к полученным результатам контент-анализа с учетом специфики личностных особенностей испытуемых, выявленной в ходе применения дополнительных диагностических методов. Наличие необъяснимых (в рамках моделей ортогонального базиса) косоугольных сцеплений частных координат и скопления точек в субъективных пространствах также потребовало применения неметрических алгоритмов кластерного анализа.

Для установления взаимосвязей между психосемантическими признаками описаний образа будущего была проведена кластеризация данных признаков по центроидному методу. При применении Евклидовой метрики и группирующего метода Уорда учитывалось положение о том, что субъективная обрезка дерева и выделение кластеров одного уровня не должны зависеть от наших представлений о «правильной» структуре данных. Кластерный анализ в итоге позволил выделить группы описаний образа будущего с единым психосемантическим пространством, т.е. установить типы описаний образа будущего в зависимости от характера внешней и внутренней коммуникации. Во всех кластерах обнаруживается достаточно большая дисперсия, что свидетельствует о четкой дифференциации типов образа будущего по выделенным признакам.

В результате применения процедур статистического анализа были выявлены 4 кластера, отражающие специфику процесса формирования и развития образа будущего в процессе внешней и внутренней коммуникации (рис. 2.2).

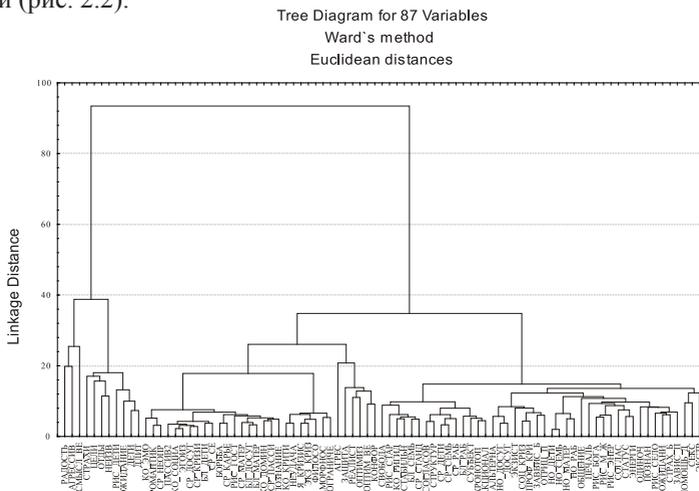

Рис. 2.2. Кластерная структура особенностей формирования и развития образа будущего в контексте внешней и внутренней коммуникации

Эти данные в очередной раз подтверждают характеристику психосемантического пространства образа будущего как униполярного, построенного на взаимодействии различных смыслов, отражающих его сложность и системность. На основе выделенных четырех кластеров были введены четыре новые качественные переменные, показывающие, в какой именно кластер входит конкретное описание:

– спонтанный, агрессивный, доминирующий характер внешней и внутренней коммуникации в процессе формирования и развития образа будущего;

– адаптивный, рациональный, нормативный, конформный характер внешней и внутренней коммуникации в процессе формирования и развития образа будущего;

– оптимистичный, эмоциональный, энергичный характер внешней и внутренней коммуникации в процессе формирования и развития образа будущего;

– уверенный, целостный, осознанный, рефлексирующий характер внешней и внутренней коммуникации в процессе формирования и развития образа будущего.

Вышеназванные переменные и содержание тем сочинений и рисунков образа будущего послужили основанием для построения нами модели формирования и развития образа будущего в процессе внутренней и внешней коммуникации. В результате были выделены четыре способа формирования и развития образа будущего, соотносимые с характером внешней и внутренней коммуникации.

1. Спонтанный, агрессивный, доминирующий характер формирования и развития образа будущего, которому свойственна интракоммуникация, характеризующаяся импульсивностью, общей агрессивностью. Преобладает осознание проблемно-конфликтной ситуации с нарастанием негативных эмоций, наличие катарсиса в направлении душевное – телесное. Предполагает построение ригидного образа будущего либо отказ от его формирования вообще. Примеры описаний образа будущего: «Это наглядные образы предметов, сцен и событий, возникающие на основе продуктивного воображения. Это развитие психологической жизни личности». «Каждый человек ставит перед собой несколько жизненных целей, которые зависят от притязаний». «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее».

2. Адаптивный, рациональный, нормативный, конформный характер формирования и развития образа будущего, который определяется

экстракоммуникацией. Носит адаптивный характер, является реакцией на внешнее воздействие и ориентирован на установление гармоничных отношений с внешним миром. Для данного типа коммуникации характерен разрыв между душевной и физической информацией. Предполагает построение адаптивного образа будущего. Примеры описаний образа будущего: «Вся информация, которая находится в смысловом поле слова «будущее», представляется крайне неразборчивой и далека от согласованности». «Это субъективная картина мира, представленная фрагментами внешнего мира».

3. Оптимистичный, эмоциональный, энергичный характер внешней и внутренней коммуникации в процессе формирования и развития образа будущего. Характерна интеркоммуникация, сопровождающаяся активным формированием жизненных планов, проектов, программ конкретных действий, т.е. формированием вторичного многовариативного образа будущего. В этом случае происходит развитие личности через встречу с неизвестностью и принятие на себя ответственности за конкретные решения. Психологическое пространство личности обнаруживает свою безразмерность и сверхразмерность. Примеры описаний образа будущего: «Я хочу, чтобы все события в моем будущем соответствовали моим желаниям и возможностям на тот момент, хотя иногда я могу хотеть совершенно противоположные вещи одновременно». «Будущее для меня близкое и далекое одновременно, а главное – внезапное. Это можно сравнить с поездкой за грибами».

4. Уверенный, целостный, осознанный, рефлексирующий характер внешней и внутренней коммуникации в процессе формирования и развития образа будущего. Транскомуникативный, целостный образ будущего. Транскомуникация строится на основе переживаний, чувств, озарений, тесно связана с творчеством и характеризует построение первичного образа будущего. Именно переживание является основой любого психического акта, действия. Транскомуникация – это переживание человеком себя самого, ситуации, на основе чего строится его отношение к самому себе и ситуации, что предполагает трансцендентность психологического времени (взаимную трансформацию прошлого, настоящего и будущего), чувство вечности. Транскомуникация подразумевает сверхмногообразие жизни, она включает катарсический, импринтинговый, экстатический и инсайтный компоненты. Этот уровень характеризуется целостностью образа будущего, его интенсивным развитием. Он связан с интеграцией в единое целое на базе формирующихся специфических ценностных

коммуникативных отношений. Коммуникативные отношения обнаруживают связи с такими характеристиками личности, как альтуризм, отзывчивость, уверенность, толерантность, миротворчество и т.п. Транскоммуникация в узком смысле – особый вид и уровень общения, непосредственно порождающий процессы развития личности, интегрирующий и дифференцирующий душевную жизнь человека. На наш взгляд, чтобы понять человека, необходимо понять транкоммуникативный процесс взаимной синхронизации его коммуникативных миров в межличностном и внутриличностном планах. Примеры описаний образа будущего: «Хочу прожить всю жизнь, чувствуя завораживающую красоту мира и жизни». «Прошлое – это лед, настоящее – вода, а будущее – пар. Это как облако на небе. Сейчас ты посмотришь на него, запомнишь форму, размер, цвет. А буквально чуть-чуть отвлечешься, и оно уже другое. И того, прежнего облака, которое ты увидел впервые, уже никогда не будет, потому что оно осталось в прошлом».

Данная модель позволяет рассматривать личность как субъект внешнего межличностного и внутреннего пространств коммуникативного мира, в котором она поддерживает и развивает коммуникативные и ментальные структуры своего «Я». Коммуникация рассматривается в качестве внутренней, сущностной основы образа будущего, внешней, исходной стороной которого является общение человека с миром. Таким образом, выделяется внутренняя (смысловая) и внешняя (объективируемая) стороны процесса формирования и развития образа будущего.

Полученные результаты позволяют понимать образ будущего как иерархию различных уровней межличностных и внутриличностных коммуникаций, динамически интегрирующих различные характеристики личности (мотивации, черты, склонности, способности, конструкты, когниции, интеракции, установки, чувства, ценности, смыслы, нормы, роли, отношения, деятельности) в новое качество – коммуникативный мир. При таком подходе феномен коммуникации начинает рассматриваться как «смыслообразующий, смыслотворческий процесс любой формы и уровня, поскольку в живых системах информация, имеющая жизненный смысл, не просто передается, но трансформируется и творится, воплощаясь при этом в самых различных кодах (языках) – от генетического до культурного».

Привлечение объяснительного потенциала коммуникативного подхода к анализу феномена «образа будущего» позволяет рассматривать его как общесистемный конструкт, определяющий процессуально-деятельностный состав процессов самореализации человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Г.М., Боголюбова Н.Н., Петровская Л.А.* Зарубежная социальная психология XX столетия. М., 2001.
- Артёмьева Е.Ю.* Основы психологии психосемантики. М.: Смысл, 1999.
- Ассаджиоли Р.* Психосинтез и другие интегративные техники психотерапии. М.: Смысл, 1997.
- Батищев Г.С.* Введение в диалектику творчества. СПб.: РХГИ, 1997.
- Бахтин М.М.* Человек в мире слова. М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995.
- Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: АСТ; Хранитель, 2006.
- Березина Т.Н.* Многомерная психика. Внутренний мир личности. М.: ПЕР СЭ, 2001.
- Библер В.С.* О логической ответственности за понятие «диалог культур» // Ежегодник культурологического семинара. М., 1996. Вып. 2. С. 126–134.
- Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопр. психол. 1997. № 5. С. 3–19.
- Бубер М.* Проблема человека. Киев.: Ника-Центр; Вист-С, 1998.
- Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 281–426.
- Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени // Собр. соч. Т. 1. М., 1994.
- Джеймс У.* Психология. М.: Педагогика, 1991.
- Кабрин В.И.* Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.
- Кабрин В.И.* Транскоммуникация и личностное развитие. Томск: ТГУ, 1992.
- Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005.
- Кольцов В.А.* Онтологические характеристики перцептивного образа // Идея системности в современной психологии. Гл. 8, разд. 3. «Структура и динамика познавательного мира человека» / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Ин-т психологии РАН, 2005. С. 219–236.
- Кьеркегор С.* Несчастнейший. М.: Библ.-богосл. ин-т св. ап. Андрея, 2002.
- Лазурский А.Ф.* Психология общая и экспериментальная. СПб.: Алетейя, 2001.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Академия [и др.], 2004.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007.
- Логинова Н.А.* Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: Казак университети, 2001.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1999.

- Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук; Ваклор, 1997.
- Мещеракова Э.И.* Текст в психодиагностике и консультировании. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.
- Мясищев В.Н.* Психология отношений. Избранные психологические труды. Москва: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2004.
- Петрова В.Н.* Методика изучения образа возможного будущего // Сибирский психол. журн. 2002. № 16–17. С. 32–36.
- Петровский В.А.* Феномены субъектности в развитии личности. С., 1997.
- Роджерс К.Р.* Становление личности. Взгляд на психотерапию. М.: ЭКСМО-пресс, 2001.
- Рубинштейн Л.С.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Сафин В.Ф.* Внутренние барьеры и конфликты в личностном выборе при самоопределении // Вестник Башкир. гос. пед. ун-та им. Акмуллы. Уфа, 2007. № 2 (13). С. 75–87.
- Семенов В.Е.* Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психол. журн. 2007. Т. 28, № 1. С. 38–45.
- Узнадзе Д.И.* Теория установки. Москва, Воронеж: МОДЭК, 1997.
- Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002.
- Франк С.Л.* Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. М.: Факториал, 1998.
- Фресс П.* Восприятие и оценка времени // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1978. С. 88–135.
- Юнг К.Г.* Аналитическая психология: ее теория и практика. Тэвистокские лекции. Исследование процесса индивидуализации. М.: Рефл-бук Ваклор, 1998.
- Ясперс К.* Всемирная история философии. Введение. СПб.: Наука, 2000.
- Gergen K.J.* If persons are texts // Hermeneutics & psychological theory. L.: New Brunswick, 1988. P. 28–51.
- Neugarten Bh., Hagestad G.O.* Age and the life course // Handbook of aging and the social sciences / Ed. By R.H. Binstock, E. Schanas. N. Y.: Litten Edu. publ., 1976. P. 35–55.
- Volder M.* Time orientation: A Review // Psychologica Belgica. 1979. P. 61–79.

ГЛАВА 3. СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВА АУТОКОММУНИКАЦИИ

3.1. Историко-психологический анализ понятия «аутокоммуникация»

В научной литературе под аутокоммуникацией принято понимать процесс общения человека с самим собой. Однако, как показывает теоретический анализ, для обозначения подобного коммуникативного процесса используется целый ряд понятий. В работах зарубежных и отечественных исследователей можно встретить разные определения аутокоммуникации, которые характеризуют одно и то же явление. Наиболее употребимыми среди них являются «автокоммуникация» (Лотман, 2000), «внутриличностная («интраперсональная») коммуникация» (Roberts, 1987; Пивоваров, 2006), «внутренний диалог» (Бахтин, 1994; Кучинский, 1988), «интрасубъектная коммуникация» (Петровский, 1981; Петренко, 1988), «интрапсихическая коммуникация» (Фрейд, 1997; Перлз, 1993, 2001).

Понятие «внутренняя коммуникация» говорит о разграничении внешнего и внутреннего пространства. Понятие «интрапсихическая коммуникация» говорит, что коммуникация реализуется внутри психики. Понятие «внутриличностная коммуникация» показывает, что коммуникативный процесс осуществляется внутри личности, а понятие «аутокоммуникация» предполагает разграничение общения с другим (от греч. «autos» – сам, само и лат. «communicatio» – разговор) и общения с самим собой (Постмодернизм: энциклопедия, 2001). Анализ понятий демонстрирует то, каким образом исследователь определяет пространство, в котором реализуется аутокоммуникация, и ее функциональную роль.

По нашему мнению, неоднозначность формулировок аутокоммуникации сложилась в процессе движения психологической науки и отражает определенные стадии этого движения. Поэтому наиболее прогрессивным выглядит применение историко-психологического анализа, позволяющего продемонстрировать, каким образом в процессе развития психологического познания происходили становление, расширение и дифференциация представлений о пространстве реализации аутокоммуникации и каким образом эти представления изменяли представление о функции аутокоммуникации.

3.2. Интрапсихическая коммуникация

Интрапсихическая коммуникация выводит к представлению об аутокоммуникации, дислоцирующейся «внутри сознания», являющейся результатом работы сознания (психики) и выполняющей функцию адаптации.

Эта идея, характерная для классического периода развития психологического познания, существует и в современном варианте. Так, с точки зрения информационно-коммуникативного подхода аутокоммуникация необходима для выживания и адаптации к среде – с ее помощью человек осмысливает перцептивные данные для более эффективного функционирования (Roberts et al., 1987).

Как отмечают представители данного подхода, процесс коммуникации предполагает наличие внутренней активности индивида, получающего и передающего сообщения. Эта активность выражается в интерпретации поступающих и генерировании исходящих сообщений, что осуществляется с помощью интрапсихической коммуникации. То есть ее движущей силой выступает потребность индивида в создании из многочисленных сенсорных данных осмысленных сообщений, которые призваны помочь ему в дальнейшем поведении.

В рамках данного подхода интрапсихическая коммуникация понимается как тип коммуникации, происходящий внутри индивида, включающий оценивание поступающих вербальных и невербальных стимулов и реагирование на них (West, Terner, 2004). Эти процессы помогают человеку справляться с пониманием идей, событий, объектов и переживаний. Интрапсихическая коммуникация – это «вся совокупность процессов по физиологической и психологической обработке сообщений, которая происходит внутри индивида на сознательном и бессознательном уровнях, по мере того, как он пытается понять самого себя и свое окружение» (Roberts et al., 1987. P. 2). Интрапсихическая коммуникация происходит независимо от того, возникают ли стимулы, подлежащие декодированию, внутри или снаружи индивида, выражаются ли кодируемые стимулы или остаются внутри (Shedletsky, 2002). Исследователи отмечают: иногда то, что репетируется человеком, остается внутри него, например: разговор с самим собой, видение образов, физиологические ощущения. А иногда, наоборот, выражается вовне (в форме речи или жестов). Мышление является одной из форм интрапсихической коммуникации (Barker, Kibler, 1971).

3.3. Внутренняя коммуникация

В дальнейшем идею о сознании как пространстве аутокоммуникации заимствуют представители интеракционизма (Мид, 1964, 1967; Блумер, 1986; Шюц, 2004). Они интерпретируют сознание как внутреннюю коммуникацию, полагая ее интериоризированной формой социальных отношений, формирующей структуру человеческой личности.

Дж.Г. Мид считал становление личности, человеческого «Я» как целостного психического явления социальным процессом, происходящим «внутри» субъекта. По Дж.Г. Миду, социальное взаимодействие на внутриличностном уровне – процесс, протекающий внутри человеческого «Я» – Self-process, когда человек относится к себе как к объекту с позиции воспринятой им системы социальных установок. То есть в рамках этого процесса возникают «Я – сознающее» и «Я – как – объект».

В концепции Г. Блумера (1986) внутренняя коммуникация представлена как само-интеракция. Человек является социальным существом в том смысле, что он участвует в социальной интеракции с самим собой. Само-интеракция – это «интернализированный социальный процесс, в котором актор взаимодействует с самим собой» (Blumer, 1986. P. 5). Само-интеракция заключается в том, что человек может делать наблюдения над собой и затем реагировать на них. Эта социальная интеракция является формой коммуникации между личностью, адресующей сообщение, и личностью отвечающей (Там же). С помощью само-интеракции возможна реализация самоуправления и существование человека как «активного организма».

А. Шюц (2004) считает, что осознанная и полноценная внутренняя коммуникация может инициироваться во внутреннем мире только при условии возникновения проблемы – несоответствия имеющегося опыта, информации и реальной ситуации. В «проблематичных» ситуациях может произойти не пассивное взаимодействие нового опыта с уже имеющейся системой представлений, а рациональное осмысление нового опыта, а также создание новых схем интерпретации. Здесь обнаруживается влияние когнитивной психологии, которая рассматривает человека как активного преобразователя поступающей информации. В данном контексте аутокоммуникация необходима для анализа и переработки информации, решения проблем. Особенно важной является ее роль в устранении когнитивного диссонанса.

3.4. Внутренний диалог и внутренняя речь

В работах отечественных авторов также отмечается, что сознание имеет коммуникативную природу, а диалог является основной формой его существования (Бахтин, 1994, 1997; Библер, 1990; Ухтомский, 1973; Выготский, 2005; Брушлинский, 1996; Столин, 1983; Орлов, 1995, 2002; Улыбина, 2001; Хараш, 2000).

Понимание внутреннего диалога как механизма, осуществляющего процессы мышления, появилось у Л.С. Выготского и Ж. Пиаже и развивалось в работах В.С. Библера (1981), Г.М. Кучинского (1985), К.А. Абульхановой-Славской (1973). Г.М. Кучинским были проведены экспериментальные исследования внутреннего диалога в ходе решения мыслительных задач. Речь субъекта, решающего задачу вслух, включает несколько точек зрения, взаимодействие которых порождает внутренний диалог. В результате своих изысканий Г.М. Кучинский пришел к выводу, что мыслительные процессы диалогичны не только по форме, но и по содержанию.

Внутренний диалог как форма аутокоммуникации показывает наличие в сознании человека разных точек зрения, например по поводу причин или последствий какого-либо явления. Иногда человек, решающий мыслительную задачу, поочередно склоняется то к одному, то к другому решению, которые могут быть несовместимыми. Г.М. Кучинский отмечает, что иногда задача может быть настолько сложной или неразрешимой, что поиск ответа на нее продолжается всю жизнь. Тогда внутренний диалог длится столько, сколько сама жизнь, и может остаться незавершенным.

Наряду с изучением внутреннего диалога, Г.М. Кучинский рассматривает и монологическую форму аутокоммуникации. В данном контексте в общении с собой выражается только одна смысловая позиция. Аутокоммуникация как внутренний монолог понимается как «форма, способ сложного, однонаправленного воздействия человека на самого себя». Она нужна как способ самоутешения, самовнушения, самооценки и оценки других. Человек сам его произносит и сам внимательно слушает. Само высказывание оказывает на человека определенное воздействие. Также монолог является формой разных умственных действий, например, он может быть способом выражения конечного результата своих рассуждений.

Г.М. Кучинский отмечает, что упрощенным вариантом внутреннего монолога является «внутреннее реплицирование», при котором человек осуществляет коммуникацию с собой краткими, отдельными, не

взаимосвязанными высказываниями типа: «Спокойно!» (самоприказ), «Какая ерунда!» (комментарий) и т.д. Оно может возникать и в неречевых ситуациях, где нет ни своих, ни чужих высказываний. Находясь в любой жизненной ситуации, человек может реагировать на нее так, как если бы рядом был реальный собеседник. Но таким же образом человек может говорить так, как в этой ситуации реагировал бы на него другой человек. «Что это с тобой?» – обращается человек к себе, как к другому. Реплицирование выражает отношение человека к ситуации и иногда бывает оформлено как чужое слово о себе: «Ай да Пушкин! Ай да... сын!». Также оно может быть нацелено на изменения отношения человека к ситуации: «Держи себя в руках! Еще не вечер!» Очевидно, что свою речь, т.е. возникшую реплику, человек воспринимает сам и сам на нее может отреагировать, подчиняясь, успокаиваясь и т.п.

Возвращаясь к вопросу о диалогической форме аутокоммуникации, следует отметить, что в отечественных исследованиях внутреннего диалога (Кучинский, 1988; Визгина, 1987; Россохин, 1993; Россохин, Измагурова, 2000) отмечается трудность четкого обозначения этого феномена как реального жизненного процесса, поскольку имеются сложности формализации исследовательских методик и точного определения эмпирической основы понятия.

Тем не менее объективному изучению вполне доступны вербализованные формы внутреннего диалога и аутокоммуникации. Возможно и субъективное наблюдение внутреннего диалога, отчасти преобразующее его протекание. В первом случае понятие внутреннего диалога конструируется на основе анализа феномена вербализованного внутреннего диалога; во втором – на основе осознания собственного внутреннего диалога.

Некоторые авторы, опираясь на результаты своих исследований, приводят различия внешнего и внутреннего диалогов. В плане протекания внутренний диалог является интрапсихическим. В работах некоторых авторов отмечается, что аутокоммуникация как внутренний диалог разворачивается между «воображаемыми собеседниками» – различными смысловыми позициями, точками зрения на один и тот же вопрос (Кучинский, 1988, 1990; Россохин, Измагурова, 2000; Измагурова, 2006). Причем выразителями разных смысловых позиций во внутреннем диалоге могут быть «концепции, парадигмы, точки зрения, существующие в рамках определенного сознания» (Ополев, 1990). Во внешнем, интерпсихическом диалоге взаимодействие происходит между двумя реальными собеседниками (Измагурова, 2006).

Темы внутреннего диалога относятся к категории чувств и мыслей, он ведется в отношении всегда лично значимой, актуальной для человека в данный момент проблематики. Внешний диалог может касаться незначимой для человека темы. Внутренний диалог отличается свернутостью ввиду открытости контекста для человека. В нем возможны дополнительные смыслы слова – здесь смысл преобладает над значением. Во внешнем диалоге слова используются собеседниками в общепринятом смысле, происходит апелляция к значению слова, реплики участников развернуты в той степени, в какой это необходимо для пояснения контекста разговора.

По мнению некоторых авторов, участниками внутреннего диалога являются внутренние объекты психической реальности человека: различные «образы Я», интериоризированные образы значимых людей. Человек обращается к собеседнику, представляя, как тот мог бы ответить ему. Он ожидает ответную реакцию «собеседника» или даже происходит ее реальное проявление. Во внутреннем диалоге «Я» человека может идентифицироваться с позицией любого из внутренних собеседников, выражая его мысли и чувства, в отличие от внешнего общения, когда высказывание осуществляется человеком от своего лица (Россохин, Измагурова, 2000; Измагурова, 2006).

Причем смысловая позиция не является готовым и завершенным представлением. Она как смыслопорождающий центр, отталкиваясь от которого, человек достраивает детали предмета или явления, не данные ему в непосредственном опыте. Близкой этому пониманию является теория М.М. Бахтина, в которой диалог определяется наличием не самих по себе двух или нескольких собеседников, а двух или нескольких полноценных и несводимых одно к другому пониманий. Только в этом случае и возникают собственно диалогические отношения. Опираясь на концепцию полифонического сознания М.М. Бахтина, Г. Херманс и его последователи выделяют в структуре «Я» множество относительно самостоятельных «голосов» («Я-позиций»), которые ранее представляли собой участников некоторых социальных отношений. Каждая из этих позиций выражает различные части личностного сознания, порождая соответствующие им воспоминания или истории (нарративы) (Hermans, 2001, 2006).

В отличие от внешнего диалога, в котором «Я» собеседника существует реально и независимо, позиции собеседников во внутреннем диалоге определяются и контролируются самим человеком, т.е. не существуют в его сознании «сами по себе». Психологическое различие общения с реальными и воображаемыми собеседниками состоит в том,

что реальные субъекты побуждаются в общении своими мотивами и преследуют собственные цели, а воображаемого собеседника наделяют представляемыми, приписываемыми свойствами человек – субъект аутокоммуникации. Этим аутокоммуникация отличается от межличностной.

Можно заключить, что исследования внутреннего диалога составляют основной массив данных в области изучения аутокоммуникации, раскрывая ее возможные формы, уровни развития, а также характеристики ее участников.

Следует отметить еще одно направление изучения внутреннего диалога. Подтверждение коммуникативной природы сознания было получено и при исследовании внутреннего диалога в особых ситуациях – в ситуации вынужденного одиночества, измененных состояниях сознания (Гроф, 1996, 1997; Россохин, 1993; Мухелишвили, Шрейдер, 1997; Лебедев, 1999, 2002; Налимов, 2007). При прерывании связи человека с внешним миром он начинает общаться сам с собой, а его сознание представляет собой коммуникативные связи между ним и образовавшимся «собеседником».

В экспериментах, проведенных О.Н. Кузнецовым и В.И. Лебедевым, убедительно показано усиление аутокоммуникации при прерывании связи человека с внешним миром. Оказавшись в ситуации вынужденного одиночества, изоляции, лишенный реального общения, человек «выделяет» партнера из своего собственного сознания. Появляется спонтанная речевая активность, вместо привычной внутренней речи он начинает разговаривать сам с собой вслух, задавая себе вопросы и отвечая на них. Хотя у психически устойчивого человека сознание собственной идентичности при этом не теряется, здесь уже появляется основа для возникновения синдрома психического автоматизма, при котором собственные мысли и переживания воспринимаются как навязанные, пришедшие извне (Лебедев, 1999, 2002).

С. Гроф исследовал аутокоммуникацию в измененном состоянии сознания, вызванном с помощью техник холотропного дыхания. По его мнению, ткань сознания состоит из бесконечных коммуникативных потоков общения между разными частями самого человека. Сознание – это и есть живая ткань общения, оно создано общением и им соединено в одно целое, а это значит, что между одной частью целостного сознания и другой всегда существует мгновенная коммуникация, мгновенное понимание, нет никакой дистанции, никакого барьера – это качество всесвязности, качество потенциально неограниченной возможности коммуникации (Гроф, 1996, 1997). Качество всесвязности говорит о возможности познания и понимания разных сторон личности как принадлежащих целостному «Я». Особую

роль аутокоммуникации С. Гроф видел в самопознании, которое осуществляется как интеграция в холотропном состоянии сознания. Именно с возможностью самопознания С. Гроф связывал успешность психотерапии.

Можно заключить, что в работах исследователей, рассматривающих аутокоммуникацию как внутренний диалог, обнаруживается принцип взаимодействия, что позволяет отнести данные работы к неклассическому периоду развития психологического познания. В дальнейшем представление об аутокоммуникации как о внутреннем диалоге раскрывается через взаимодействие «элементов» личности, в качестве которых в разных теориях выступают различные «Я-образы», представления человека о самом себе, его субличности и т.п. Диалог между ними возможен, поскольку они выражают разные, зачастую и противоположные смыслы и ценности.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению аутокоммуникации с точки зрения неклассического периода развития психологического познания, необходимо отметить еще одну особенность, которая заключается в сопоставлении понятий внутреннего диалога и внутренней речи. Так, ряд исследователей отождествляют эти понятия, постулируя факт генетической и функциональной диалогичности человеческого сознания (Бахтин, 1986, 1994; Выготский, 1996, 2003, 2005). В противоположность этому подходу другие авторы по аналогии с внешнеречевыми процессами выделяют монолог и диалог как основные формы внутренней речи (Страхов, 1969). Третьи подчеркивают, что внутренняя речь является лишь средством вербального выражения внутреннего диалога. Л.С. Выготский (1996) использовал термин «внутренняя речь» и для обозначения разговора с собой, и для процесса выражения мысли словами.

Зарубежные исследователи, анализируя феномен внутреннего диалога, используют термин «внутренняя речь», не отличая его от последней. Зарубежные исследования группируются вокруг нескольких тем: латентной диалогичности организации нарратива, роли внутреннего диалога как переработки информации в процессе обучения, в процессах предвидения возможного развития текущей ситуации. В работах зарубежных авторов подчеркивается ведущая роль внутреннего диалога в процессах протекания эмоций и самосознания (Wandel, 1990).

В работах американской исследовательницы Д. Вокейт (Vocate, 1994) аутокоммуникация рассматривается как внутренний разговор. Внутренняя речевая активность разделяется на два типа – внутреннюю речь и внутренний разговор. Внутренний разговор есть диалог с самим собой, а основной функцией внутренней речи является кодирование мысли с помощью язы-

ка и декодирование воспринимаемых слов в значения. Внутренний разговор (или внутренняя беседа) может произноситься человеком как «про себя», так и вслух, тогда как внутренняя речь всегда является безмолвной и скрытой. Внутренний разговор основан на процессах кодирования и декодирования, т.е. на внутренней речи. Таким образом, внутренняя речь является основным средством аутокоммуникации. Речь необходима для рационализации смысла, к которому человек выходит в процессе аутокоммуникации, поскольку для осмысления необходимы слова и понятия.

3.5. Внутриличностная (интраличностная) коммуникация

Как уже отмечалось, в рамках неклассического периода аутокоммуникация рассматривается как взаимодействие «элементов» личности. В работах К.Р. Роджерса, А.Г. Маслоу, Т. Шибутани функции «*внутриличностной коммуникации*» раскрываются через ее роль в обеспечении связности, согласованности и целостности личности на основе самоопределения и самоидентификации (Роджерс, 1993, 1994; Маслоу, 2004; Шибутани, 1998).

По К.Р. Роджерсу, внутриличностная коммуникация является способом достижения интегрированной «Я-концепции». В повседневной жизни человек играет множество различных социальных ролей. Для каждой значимой роли у него формируется образ себя в данной роли. Одни люди видят себя в разных ролях одним и тем же человеком, с теми же личностными свойствами, тогда как другие воспринимают себя в разных ролях по-разному.

К.Р. Роджерс говорит, что слишком высокая вариабельность «Я-концепции» неблагоприятна для психического здоровья, поскольку свидетельствует о фрагментарности и отсутствии единого «ядра Я». Согласно К.Р. Роджерсу, организм человека функционирует таким образом, чтобы сохранить конгруэнтность между разными образами себя, между «образами Я» и опытом. Психологические проблемы могут быть связаны с рассогласованностью «Я-концепции» в разных ролях. В этом смысле внутриличностную коммуникацию можно трактовать как средство достижения конгруэнтности между разными образами «Я» (Роджерс, 1993, 1994).

Однако определенная вариабельность «Я-концепции» необходима, поскольку она обеспечивает для каждой роли специфическое самосознание – это позволяет человеку гибко реагировать и приспосабливаться к различным ролевым требованиям. И здесь снова необходима внутриличностная коммуникация. По К.Р. Роджерсу, она необходима человеку для восстановления психологического комфор-

та, ощущения постоянства своей личности: в ее ходе человек может выстраивать иерархию ролей, осознавая при этом характеристики, всегда присутствующие в нем независимо от изменчивых ролей.

Аналогичное представление обнаруживается в работах Т. Шибутани, который определяет интеграцию множества «Я-образов» в единую «Я-концепцию» как основную функцию внутриличностной коммуникации. Он отмечает, что в обществе, где нормы составляющих его групп часто не согласуются, человеку сложно интегрировать различные «Я-образы» в единую концепцию. В жизни человек одновременно играет множество ролей, в том числе и несовместимых. Он действует по-разному в каждой ситуации, и всякий раз у него возникает различные «Я-образы». Когда различия слишком велики, человек страдает от внутренних конфликтов, что иногда может приводить к «распаду» личности. Поэтому внутриличностная коммуникация необходима для интеграции «Я-концепции» и обеспечения непрерывности опыта человека. Т. Шибутани отмечает, что в ходе ее человек способен смотреть на себя со стороны, выходить за пределы частных позиций всех групп, в которые он вовлечен.

Именно благодаря внутриличностной коммуникации возможны осознание опыта, повышение самосензитивности и самопонимания. Если человек не видит то, что в нем происходит, не воспринимает этого из-за собственной защитной реакции, не дающей возможности осознать свои чувства, происходит так называемая «неудача». Только воспринимающий и понимающий себя человек способен эффективно общаться с другими.

А.Г. Маслоу (2004) подчеркивает роль внутриличностной коммуникации в аутотерапии. Он указывает на следующую связь внешней и внутренней коммуникации: трудности межличностного взаимодействия являются продуктом коммуникативных барьеров, существующих внутри личности. «Расколы внутри личности», вызванные, например, борьбой между индивидуальными запросами и требованиями общества, искажают коммуникацию человека с миром. Поэтому для улучшения коммуникации с миром необходимо освобождение личности от «войны» между ее частями, повышение ее цельности. Если человек хочет сблизиться с какой-то сферой внешнего мира, ему необходимо сблизиться с той ее частью, которая находится внутри него самого. По мере того, как человек становится более цельным, увеличивается и его способность «слиться в гармонии с миром». Причем исследователь подчеркивает необходимость осмысленной аутокоммуникации: человек способен привести множество «внутренних личностей» в гармоничное неделимое

единство, интегрируя их именно под контролем сознания. Если человек поймет, чего ему не хватает, каковы его фундаментальные желания, если научится распознавать симптомы, указывающие на неудовлетворенность этих желаний, он получит возможность сознательного восполнения этой неудовлетворенности. Для А.Г. Маслоу очевидно, что осмысленный поиск эффективнее бессознательных попыток восполнения дефицита.

Идея диссоциации личности на различные элементы особенно четко обнаруживается при анализе терапевтических работ. Психотерапевтический контекст изучения аутокоммуникации включает феномены саморегуляции, воображаемого компаньона, множественной личности. В практиках психосинтеза, психоанализа, аналитической психологии, трансактового анализа, гештальттерапии и нейролингвистического программирования существует предположение, что психологическое благополучие человека определяется особенностями его аутокоммуникации: то, как он существует «в ладах с самим собой», напрямую связано с характером его внутреннего диалога. При этом отмечается отсутствие принципиального отличия аутокоммуникации от обычного общения с собеседником.

В гештальттерапии (Визгина, 1987; Перлз, 1993), трансактовом анализе (Берн, 1994), когнитивной психотерапии (Бек, 2002), интерактивной психотерапии ИСС (Росохин, 1995) описаны как конфликтные, так и позитивные, приводящие к разрешению внутреннего конфликта формы внутреннего диалога. Описываются стадии развертывания внутреннего диалога, предлагаются техники его актуализации (Ассаджиоли, 1997; Руффлер, 1998).

Основное внимание терапевтического воздействия в гештальттерапии и других практиках уделяется развертыванию скрытых, в неполной мере осознанных внутренних диалогов. Как отмечают представители указанных выше терапевтических подходов, такое осознание само по себе в некоторых случаях может способствовать разрешению внутреннего конфликта. В данном контексте основная роль аутокоммуникации заключается в установлении психического равновесия, снятии стрессовых состояний за счет разрешения внутренних конфликтов (Гримак, 1991).

Помимо идеи взаимодействия, важной является и идея становления, обнаруживаемая в работах К.Р. Роджерса и А.Г. Маслоу. Они считают, что человек по своей природе – активное, творческое существо, способное к самосозиданию и саморазвитию: у него есть не только прошлое, но и будущее. Поэтому психология не должна ограничиваться изучением сложившихся форм поведения. И поэтому особенно актуальным представляется исследование аутокоммуникации как про-

цесса общения «себя сложившегося» с «собой становящимся», помогающего удерживать целостность человека в условиях саморазвития, в условиях постоянного «несовпадения с самим собой» (Бахтин, 1997).

3.6. Интрасубъектная коммуникация

Позднее в неклассическом периоде развития психологического познания понятием, описывающим общение человека с самим собой, является *«интрасубъектная коммуникация»*. Коммуникативное пространство находится «внутри субъекта». У. Джемс одним из первых разделил «Я» на «Я познающее» и «Я познаваемое»: «О чем бы я ни думал, я всегда в то же время более или менее осознаю самого себя, свое личное существование. Вместе с тем ведь это я сознаю, так что мое самосознание является как бы двойственным – частью познаваемым и частью познающим, частью объектом и частью субъектом; в нем надо различать две стороны» (Джемс, 1991). То есть в его теории человек выступает субъектом познания и самопознания, перераспределяющим свою активность между «Я познающим» и «Я познаваемым». «Я» – это одновременно и «Я – сознающее», и «Я – как – объект». Рефлексивный акт предполагает идентификацию «Я – как – объекта» и в то же время устанавливает неразрывную связь познаваемого и познающего: одно без другого в данном случае невозможно.

Выход на проблематику аутокоммуникации с позиции субъекта общения обнаруживается в работах отечественных авторов (Леонтьев, 1999; Ломов, 1999; Андреева, 2004; Бодалев, 2001; Мерлин, 1982). Аутокоммуникация является особой формой взаимодействия человека с самим собой, осуществляемой речевыми и неречевыми средствами. В процессе аутокоммуникации, как и в межличностном общении, человек передает информацию, выражает эмоции, воспринимает и воздействует. Например, в ходе аутокоммуникации часто осуществляются самоубеждение, самовнушение и другие виды самовоздействия (Панферов, 1990). Таким образом, аутокоммуникация сохраняет присущие общению стороны и функции: перцепция, интеракция, обмен информацией, эмоциональное реагирование на нее, воздействие (как поведенческий отклик на информацию).

Поскольку «особенность диалога как информационного процесса состоит в том, что в нем не просто обмениваются информацией, но создают новое знание» (Панферов, 1990. С. 102), функция аутокоммуникации состоит в порождении, формировании нового знания, смысла, что уже само по себе предполагает изменение человека как субъекта общения. Кроме того, «диалог представляет собой направленную духовную

деятельность, осуществляющуюся за счет взаимодействия двух или более различных интеллектуальных позиций» (Ополев, 1990. С. 109).

Именно возможность преобразование позиций обеих сторон в диалоге многие авторы считают главным признаком диалога как вида общения. Субъекты диалога в процессе его протекания постоянно пересматривают, заново осознают свои взгляды и позиции. С одной стороны, диалог – причина таких изменений, с другой – он становится результатом этих преобразований и приостанавливается, если они прекращаются. Относительно аутокоммуникации как внутреннего диалога некоторые авторы отмечают, что в этом процессе возможно появление качественно новых содержаний сознания и самосознания (Измагурова, 2006). Можно сказать, что аутокоммуникация «дает» материал для работы сознания человека. В этой связи аутокоммуникацию можно считать способом формирования и развития его личности.

А.А. Бодалев (1997, 2001), включив в объем общения внешне ненаблюдаемые проявления аутокоммуникации, существенно расширил понятие общения и отметил его сложность, ранее не представлявшуюся исследователям. Аутокоммуникация подразделяется им на различные виды, в зависимости от того, с кем или чем человек взаимодействует. Видами аутокоммуникации являются: разговор со значимыми людьми, которые ушли из жизни, с героями произведений искусства, с Богом, с самим собой, с животными, техникой и даже с местами, где человек когда-то жил. В аутокоммуникации осуществляются: «репетиция поведения», проигрывание в уме различных вариантов предстоящего разговора, продолжение полемики с отсутствующим в реальной ситуации оппонентом, прогноз реакции собеседника на основе прошлого опыта общения с ним. Причем эффективность человека как субъекта общения предполагает равномерность развития данных видов аутокоммуникации.

В теориях, разработанных в рамках деятельностного подхода, аутокоммуникация рассматривается как элемент любой деятельности, формируемый в ее процессе и сопровождающий ее в виде внутренней речи (Петренко, 1997; Леонтьев, 2005). С другой стороны, аутокоммуникация может пониматься как особый вид деятельности, выступающий самостоятельно на определенном этапе онтогенеза. По некоторым признакам аутокоммуникацию можно рассматривать как один из видов деятельности, поскольку она также имеет цель и мотив, приводит к определенному результату и контролируется усвоенными человеком социальными нормами.

Кроме того, с помощью аутокоммуникации сама деятельность организуется и развивается (Андреева, 2004). В ходе аутокоммуни-

кации происходит построение плана деятельности: человек уясняет цели и задачи, специфику объекта деятельности и свои возможности как ее субъекта. Он оценивает условия и требования внешнего мира, в котором его деятельность реализуется, согласует свою деятельность с деятельностью других людей. При этом могут появляться новые связи и отношения человека с другими людьми и миром в целом.

В отечественных и зарубежных подходах отмечается, что аутокоммуникация формируется в процессе общения и взаимодействия. Так, В.Ф. Петренко (1997) отмечает: «Возможность речевого общения с другими людьми в ходе совместной трудовой деятельности ведет к формированию аутокоммуникации, внутреннего диалога с самим собой, что, по Бахтину, является основой, механизмом сознания...» (С. 11).

Подчеркивается, что внешняя коммуникация со значимыми другими порождает с помощью интериоризации аутокоммуникацию, которая впоследствии может оказывать существенное влияние на компетентность человека в межличностном общении. Тот факт, что аутокоммуникация является интериоризированной формой социальных отношений, только подчеркивает ее значение в формировании внутреннего мира личности (Российская социологическая энциклопедия, 1998). Таким образом аутокоммуникацию понимают представители интеракционизма. Они считают, что, однажды возникнув в человеке в результате перехода социального процесса во внутренний план, аутокоммуникация будет функционировать, даже если человек «обречен на пожизненное одиночество» – в этом случае он будет воссоздавать социальную структуру отношений внутри себя.

В дальнейшем в работах некоторых авторов обнаруживается стремление объединить человека и мир в одну систему. Так, в трудах представителей экзистенциальной психологии отмечается, что только во взаимодействии с миром человек обретает свои сущностные характеристики. «Человек с момента рождения находится в постоянном взаимодействии со своим жизненным миром, с миром, в котором находятся потенциальные смыслы его существования, которые он должен открыть, найти для себя. Мир несет в себе как определенную угрозу и опасность, так и позитивные возможности и альтернативы, из которых человек должен делать выбор, и в процессе этих выборов он себя самого строит» (Леонтьев, 1999. С. 46). То есть взаимодействие человека с миром преломляется через процесс аутокоммуникации, в котором человек открывает смыслы, определяет и созидает самого себя.

В зарождающемся постнеклассицизме появляется понятие «пространства», охватывающего единство человека и его мира. О таком

пространстве говорил еще К. Левин (2000), имея в виду «жизненное пространство», охватывающее единство человека и его психологической среды. К. Левин вводит два понятия, одно из которых (локомоция) схватывает движение человека в психологической среде, а другое (коммуникация) – внутриличностную динамику. Подчеркивается «проницаемость» границ между человеком и средой, что предполагает их взаимное влияние и изменение. Нахождение человека на границе со средой меняет состояние его внутреннего мира – что-то уходит, а что-то приходит. Человек как бы «продлен» в среду. Поэтому пространство аутокоммуникации расширяется до пространства этой среды.

Далее перед психологами открывается еще более развернутый образ пространства аутокоммуникации, представленный теориями, основанными на развитии идеи единства человека и мира: транс-субъективное пространство (Узнадзе, 1998), смысловое поле (Выготский, 1984), многомерный мир (Леонтьев, 1983), конструирование миров (Асмолов, 1996), жизненный мир (Василюк, 1984, 1995), субъективная реальность (Слободчиков, 1995), многомерное пространство жизни (Клочко, 2005), коммуникативный мир (Кабрин, 2005).

В рамках указанных теорий человек является частью мира, которая этот мир не только активно отражает и воспроизводит, но и преобразует, конструирует. Человек не просто «сталкивается» с объективным миром, не просто «адаптируется» к нему в процессе жизни, а наделяет его смыслами и ценностями своего бытия, превращая его тем самым в свое внутреннее содержание, в свою индивидуальную действительность. Под аутокоммуникацией же понимается свойственный человеку как выразителю высшей формы жизни процесс коммуникации, представляющий особую форму взаимодействия человека с самим собой.

Таким образом, проведенный нами историко-психологический анализ показал постепенное усложнение представлений о пространстве аутокоммуникации и влияние трансформации этих представлений на понимание ее функции. Определение различных функций аутокоммуникации обусловлено использованием различных теоретико-методологических средств.

3.7. Коммуникативный подход в исследовании аутокоммуникации

В коммуникативном подходе аутокоммуникация рассматривается как интраличностный (интраперсональный) уровень социальной коммуникации, реализуемой в умозрительных многомерных пространствах и вре-

менах, т.е. в психическом (личностном) хронотопе, где бытуют значения, смыслы и ценности человека (Соколов, 1996; Шарков, 2004). В теории транскомуникации В.И. Кабрина этим хронотопом является коммуникативный мир человека. Он формируется в процессе жизнедеятельности человека через его взаимодействие с объективным миром, другими людьми и самим собой, в результате которого раскрываются и образуются его смыслы и ценности. Это позволяет считать коммуникативный мир областью духовной жизни, а аутокоммуникацию – формой духовной работы человека. В соответствии с теорией транскомуникации В.И. Кабрина подобная «духовная работа» имеет свою динамику, которая обнаруживается при рассмотрении модели уровневой организации коммуникативного мира, предложенной В.И. Кабриным (Кабрин, 1992, 2005). Коммуникативный мир представлен как система относительно устойчивых, добровольных и взаимных коммуникативных отношений (связей) человека с другими людьми и миром в целом, в которой порождаются его смыслы и ценности.

Первый уровень коммуникативного мира – *интракоммуникативный* – определяется исходными внутренними свойствами человека как субъекта общения. Главную роль на этом уровне играет его мотивация.

Второй уровень – *экстракоммуникативный* – определяется внешними условиями. Основой являются восприятие и отражение человеком основных факторов коммуникативной ситуации: предмета общения, себя самого как субъекта коммуникации, коммуникативных средств и взаимосвязей между указанными факторами.

Третий уровень – *интеркоммуникативный* – определяется дифференциацией и интеграцией коммуникативных отношений в самом процессе взаимодействия. Основными аспектами коммуникативных отношений на этом уровне являются коммуникабельность, коммуникативность, сопричастность и самоопределение.

Четвертый уровень – *транскомуникативный* – связан с интеграцией коммуникативных отношений в единое целое на основе формирующихся ценностных ориентаций. Самореализация человека на этом интегральном уровне связана с формированием и проявлением наиболее обобщенных, коммуникативно значимых и устойчивых личностных черт, в которых воплотились определенные ценности: солидарность, верность, откровенность, искренность, отзывчивость, ответственность и т. п. (Кабрин, 2005).

Уровни коммуникативного мира, будучи спроецированы на главные координаты коммуникативного пространства – взаимность и избирательность, которые обеспечивают значимость коммуникации для человека, образуют основные виды и типы межличностного общения (Кабрин, 1992, 2004, 2005).

Можно говорить о многоуровневом пространстве коммуникативного мира (рис. 3.1).

Рис. 3.1. Пространство коммуникативного мира

В результате эмпирического исследования аутокоммуникации было обнаружено, что коммуникативное пространство аутокоммуникации имеет уровневую структуру, аналогичную межличностной коммуникации (табл. 3.1). Основными материалами эмпирического исследования аутокоммуникации послужили данные метода моделирования коммуникативного мира (ММКМ), спонтанные дневниковые записи и рефлексивные самоотчеты 475 участников исследования. На основе результатов контент-анализа также были определены функции аутокоммуникации (см. табл. 3.1). Они обнаруживаются при анализе темы аутокоммуникации, которая является содержательной характеристикой этого процесса.

Компенсаторная функция показывает, что аутокоммуникация инициируется для продолжения общения, восполнения дефицита позитивного общения. Посредством внутренних диалогов человек компенсирует избыток «отрицательного» либо дефицит «положительного» межличностного общения.

Функция самоизоляции указывает, что аутокоммуникация необходима для ухода от негативного общения.

Эмотивная функция предполагает, что в аутокоммуникации реализуются эмоциональная разрядка и оценка происходящего.

Таблица 3.1. Уровни и функции аутокоммуникации

Коммуникативный уровень	Функции (процент встречаемости в текстах)	
1. ИНТРА	Компенсация	4,3
	Самоизоляция	4,7
	Эмотивная	4,1
	Аутотерапия	4,8
2. ЭКСТРА	Социальное восприятие	4,3
	Социальная дифференциация	3,9
	Социальная рефлексия	6,2
3. ИНТЕР	Устранение когнитивного диссонанса	4,5
	Интеллектуально-аналитическая	5,6
	Коммуникативная антиципация	5,3
4. ТРАНС	Самоанализ	6,7
	Самоопределение	5,4
	Нравственная регуляция	5,4
	Личностный рост	7,1
	Самопознание	6,4
	Самопонимание	7,7
	Становление картины мира	3,4
	Экзистенциальная	4,5

Согласно концепции В.И. Кабрина, на интракоммуникативном уровне коммуникация является побудительной и импульсивной. То есть на этом уровне побуждением к аутокоммуникации является потребность «передать» себе какое-либо чувство или мысль. Причем это стремление к контакту с собой непреднамеренное, неконтролируемое, что позволяет говорить о том, что аутокоммуникация начинается с эмоционального контакта человека с самим собой. Побуждением для аутокоммуникации является желание человека изолироваться от окружающего (в том числе от негативного общения), желание выразить эмоции, разрядить напряжение. Поэтому такие функции аутокоммуникации, как самоизоляция, компенсация и эмотивная, соответствуют интракоммуникативному уровню. Хотя это базовый уровень, аутокоммуникация не сводится к беспредметному или поверхностному разговору – на этом уровне определяется ее значимая предметная направленность.

Функция аутотерапии показывает, что аутокоммуникация необходима для реализации самопомощи и самоподдержки в трудных ситуациях.

Социальное восприятие и дифференциация говорят, что в аутокоммуникации осуществляются восприятие других людей, их оценка, социальное сравнение, в том числе самооценка и сравнение оценки своего положения с положением других людей.

Социальная рефлексия говорит о необходимости аутокоммуникации для осознания того, как человек воспринимается и оценивается самим собой и другими.

Экстракоммуникативному уровню соответствуют информативная и нормативная аутокоммуникации. На этом уровне общение определяется внешними условиями. Здесь реализуются самоинформирование, выражение идей, мнений, но еще без создания определенных программ дальнейших действий с информацией. В контексте нашего исследования к данному уровню относятся социальное восприятие и дифференциация, устранение когнитивного диссонанса. При решении подобных задач на первое место выходят когнитивные процессы. В процессе аутокоммуникации человек информирует самого себя, производит социальную оценку и сравнение, во многом основываясь на внешних критериях, заимствованных им из его социальной среды. Функцию аутотерапии аутокоммуникация может выполнять и на первом, и на втором уровне. На экстракоммуникативном уровне она реализуется как более осмысленный монолог или диалог, в котором человек уже не просто себя успокаивает, утешает, но и убеждает, приводя рациональные обоснования, разумные доводы.

Функция устранения когнитивного диссонанса показывает необходимость аутокоммуникации для устранения внутриличностного конфликта.

Коммуникативная антиципация говорит, что аутокоммуникация необходима для планирования, моделирования деятельности и общения, репетиции поведения, «проживания» ситуаций.

Интеллектуально-аналитическая функция предполагает необходимость аутокоммуникации для осмысления впечатлений, приобретения и распространения новых знаний и умений, решения задач и проблем.

Принятие решения относительно раскрытого смысла или действия с этим смыслом осуществляется на интеркоммуникативном уровне, на котором аутокоммуникация является конструктивной и ролевой. Человек решает какую-либо задачу, выстраивает план дальнейших действий, соотнося его со своими ролями. Человек обращается к себе для решения какой-либо проблемы, построения планов, создания модели поведения или деятельности. В этой свя-

зи к данному уровню относятся интеллектуально-аналитическая функция, коммуникативная антиципация, социальная рефлексия.

Нравственная регуляция и развитие показывают, что аутокоммуникация необходима для анализа соответствия человека требованиям совести и самоизменения в результате подобного сравнения. Реализуется как самокритика, самовоспитание, самопохвала и самоодобрение.

Гносеологическая функция говорит, что аутокоммуникация необходима для реализации познания и самопознания.

Самоанализ и самоопределение указывают на необходимость аутокоммуникации для самоанализа, самоопределения, принятия решения относительно самого себя, совершения ответственного выбора и т.д.

Функция понимания предполагает, что аутокоммуникация необходима для понимания и самопонимания.

Функция личностного роста говорит о необходимости аутокоммуникации для самоизменения и саморазвития.

Экзистенциальная функция предполагает, что в аутокоммуникации осуществляется познание внутреннего мира, души, встреча с собой, открытие самости, осознание сущностных характеристик, подтверждение своего бытия и поиск смыслов.

Функция мировоззрения показывает, что аутокоммуникация необходима для становления индивидуальной картины мира, жизненной философии.

Транскоммуникативному уровню соответствуют эмоциональная и духовная аутокоммуникации. На этом уровне человек осмысливает свои ценности, старается их поддерживать и развивать, как и свои духовные чувства. Это уровень самоопределения, порождения собственных смыслов и ценностей, от раскрытия которых зависят самопонимание и самоотношение. Функции аутокоммуникации, соответствующие данному уровню, характеризуют ее как процессы самоанализа и самопознания, создающие условия для самоопределения, раскрытия сущностных характеристик, идентификации человека с истинным представлением о себе (духовная и экзистенциальная аутокоммуникации). Причем определение смыслов и ценностей реализуется и через диалог с совестью. Поэтому аутокоммуникация может способствовать нравственному развитию.

Анализ текстовых материалов показывает, что аутокоммуникация может выполнять одновременно несколько функций, но, как правило, одна из них может быть «ведущей». Причем многие функции аутокоммуникации демонстрируют ее связь с межличностным общением. На каждом уровне аутокоммуникативная ситуация включает следующие компоненты: темы, формы, партнеров и средства общения. Подобная коммуникативная схема является базовой моделью комму-

никации в большинстве коммуникативных теорий (Соколов, 1996; Почепцов, 2001; Шарков, 2004; Яковлев, 2006). В исследовании были выявлены основные тематические блоки, в которых выражаются определенные потребности, интересы, смыслы и ценности человека (табл. 3.2).

Таблица 3.2. Тематические блоки аутокоммуникации

Темы	Тексты	ММКМ
	Процент встречаемости	
Внутренний мир	32	35
Взаимоотношения с другими	25	21
Жизненная философия	12	9
Творчество	10	10
Профессиональная деятельность	11	15
Вопросы бытия, мироустройства	10	10

При анализе данных тем были обнаружены рассмотренные выше функции аутокоммуникации. Кроме того, с помощью контент-анализа текстовисодержательной части ММКМ были определены наиболее частовстречающиеся тематические блоки, отражающие представления респондентов о некоторых функциональных особенностях аутокоммуникации (табл. 3.3).

Таблица 3.3. Тематические блоки, отражающие функции аутокоммуникации

Темы	Тексты	ММКМ
	Процент встречаемости	
Внутренний диалог	43	46
Рефлексия (самоанализ)	30	24
Общение с совестью	17	20
Личный дневник	10	10

Как видно из табл. 3.3, респонденты чаще ведут речь о *внутреннем диалоге*. Этот факт может служить еще одним подтверждением диалогичности сознания и перехода общения с другими людьми во внутренний план. Причем, как показывает анализ текстовых материалов, аутокоммуникация может быть диалогом как по форме, так и по содержанию.

В 30 % текстов и в 24 % содержательной части ММКМ аутокоммуникация выступает в форме *рефлексии (самоанализа)*. Анализ текстов показывает, что рефлексия дает человеку представление о динамике собственного психологического состояния, «приучает» фиксировать события своей жизни и размышлять над ними. Причем респонденты отмечают два аспекта относительно «полезности» самоанализа для человека.

С одной стороны, они подчеркивают его важность и необходимость, поскольку он «дает выход болезненным переживаниям», «помогает разобраться в мыслях и чувствах», с другой стороны, считают его бесполезным «самокопанием», уводящим человека от решения реальных проблем.

Здесь речь может идти о разных целях самоанализа. Самоанализ конструктивен, если служит желанию человека стать лучше, душевно богаче и сильнее, если является ответственной попыткой понять и изменить себя. Если самоанализ является самоцелью, заключается в самолюбование или пробуждении жалости к себе, в излишних самообвинениях, он не только бесполезен, но и, как отмечает К. Хорни (2002), вреден.

В 17 % текстов респондентов и в 20 % содержательной части ММКМ обнаруживается *общение с совестью*, которая оценивает поступки человека с точки зрения должного и идеального. В текстах респондентов обнаруживаются стремление к самосовершенствованию и стремление избежать переживаний, вызванных несоответствием требованиям совести. Если человек понимает, что открывшиеся качества, несмотря на негативный характер, ему соответствуют, если он признает эти черты как присущие ему, тогда у него появляется возможность самокоррекции.

В 10 % текстов и в 10 % содержательной части ММКМ аутокоммуникация выполняет функцию *личного дневника*. В этом контексте аутокоммуникация является способом оперативного отображения человеком (для себя же самого) внешних и внутренних событий своей жизни. Следует отметить, что аутокоммуникация как личный дневник по форме может быть как монологичной, так и диалогичной, но содержательно она практически всегда диалогична. Еще одна особенность аутокоммуникации как личного дневника заключается в том, что она, как показывает анализ, чаще всего сугубо личностна. Она соединяет в себе выражение личностно значимых и ценных для человека переживаний и размышлений.

Однако, как показывают результаты анализа, не все респонденты готовы к аутокоммуникации (табл. 3.4). Значительная часть респондентов (37 % от всей выборки) склонны к избеганию аутокоммуникации.

Таблица 3.4. Причины избегания аутокоммуникации

Причины избегания	Тексты	ММКМ
	Процент встречаемости	
Боязнь одиночества	42	45
Боязнь встречи с совестью	36	42
Дефицит времени	17	11
Аутокоммуникация – неестественный процесс	5	2

Как показывают результаты контент-анализа, среди причин избегания (подавления) аутокоммуникации первое место занимает *страх одиночества* – в 42 % текстов и в 45 % содержательной части ММКМ респонденты описывают ощущение одиночества, возникающее при самопогруженности.

В данном контексте важно дифференцировать возможные варианты понимания одиночества. Существует «ситуативное одиночество» – объективная физическая или вынужденная социальная изоляция, исключение из общения с людьми вообще или с определенными, значимыми категориями людей. Такое одиночество вызвано особыми жизненными обстоятельствами, к которым принято относить: резкую перемену условий жизни и круга общения (болезнь, перемена места жительства, учебы, работы), потерю близких, кризисные точки личностного развития. Каким бы напряженным ни было это одиночество, с течением времени оно обычно проходит, уступая место новым отношениям и эмоциональным привязанностям (Суворов, 2000).

Участники нашего исследования отмечают, что одиночество связано с неприятным ощущением внутренней изоляции. Как показывает анализ текстов, оно связано с проблемами в отношениях, среди которых на первое место выходят непонимание и неприятие другими. Можно сказать, что подобное переживание одиночества связано с неудовлетворенной потребностью в общении и человеческой поддержке. Анализ текстовых материалов позволяет говорить, что, возможно, респонденты не хотят оставаться наедине с собой из-за возникающих чувств неполноценности и жалости к себе и отчаяния, которые негативно сказываются на представлении человека о себе, на его самооценке и самоуважении.

Некоторые респонденты готовы заполнить свое время поверхностными контактами, бессмысленным времяпрепровождением, только бы не оставаться наедине с собой, поскольку им «просто бывает скучно». В данном контексте уместны слова немецкого социолога К. Гехта (1979), который считает, что «люди боятся оставаться наедине с собой потому, что когда они остаются одни, им не с кем поговорить о своих проблемах».

Возможно, респонденты избегают «встречи с собой», поскольку, как показывает анализ текстов, опасаются наедине с собой увидеть «совершенно другого» человека, бояться осознать, что их реальная жизнь расходится с мечтами и целями. Бояться осознать, что они сами себя не понимают, ничего не достигли в жизни, неинтересны самим себе, не по-

нимают, кем являются в глазах окружающих. Однако именно в ходе аутокоммуникации человек способен пересмотреть свои замыслы, соотнести их с личными смыслами и ценностями, с жизненными реалиями, «выработать» соответствующий образ жизни и деятельности, т.е. найти своему «Я» место в новых условиях. Для реализации этого процесса необходимо уединение, которое некоторые авторы рассматривают как добровольное одиночество, ограничение «внешних» связей и контактов ради размышлений, аутокоммуникации.

Многие исследователи отмечают необходимость подобного одиночества, считая его одной из главных духовных потребностей и естественным свойством развитой личности (Ясперс, 1994, 1997; Гехт, 1979; Суворов, 2000; Хараш, 2000). Одиночество и есть время общения с собой, когда человек способен ощутить себя личностью – почувствовать свою принадлежность самому себе, «наладить» отношения с собой, что часто бывает сложнее, чем «наладить» отношения с другими. В уединении собственной души человек осознает смысл своего существования и реальную ценность общения с миром.

В 36 % текстов и в 42 % содержательной части ММКМ обнаруживаются боязнь *встречи с совестью* и актуализация чувства вины, возникающего в результате осознания реального или воображаемого несоответствия представления о себе, своего поведения собственным моральным требованиям. Можно сказать, что совесть – самая понятная человеку норма нравственных поступков, и она первая определяет его поведение. В текстах респондентов упоминается, что совесть – это внутренний голос, который говорит человеку, является ли его поведение хорошим или плохим, предостерегает, требует, осуждает, критикует, обвиняет, заставляет задуматься о последствиях своих действий, призывает быть ответственным и т.п.

Несоответствие нормам совести вызывает негативные эмоции, снижение самооценки или, как отмечает один из респондентов, «подрывает мой авторитет передо мной же самим». То есть респонденты избегают общения с совестью, так как боятся «не выдержать суда своей совести», не хотят быть честным с самим собой. Не хотят признать тот факт, что обнаруживаемые ими «неприглядные» черты им соответствуют, а значит, не хотят делать выбор и принимать ответственное решение относительно своего дальнейшего поведения и существования в целом.

В 17 % текстов и в 11 % содержательной части ММКМ некоторые респонденты отмечают, что не имеют времени на общение с собой по причине занятости и интенсивного межличностного общения. Как пока-

зывает анализ текстов, внимание респондентов большей частью занято окружающими событиями и общением с другими. Вероятно, чем активнее информационный обмен между человеком и окружающим миром, тем меньше у него оснований задумываться о самом себе. Однако данную причину можно считать «отговоркой» – вероятно, респонденты избегают аутокоммуникации по другим причинам.

Наконец, в 5 % текстов и в 2 % содержательной части ММКМ респонденты представляют аутокоммуникацию «ненормальным» процессом, и отдают приоритет межличностному общению. Хотя подобное представление о аутокоммуникации характерно для небольшого числа респондентов, его нельзя не принять во внимание. К тому же такая идея уже упоминалась некоторыми исследователями. Так, Л.П. Гримак (1991) пишет, что человеку прививают навыки общения с другими людьми, образцы поведения в обществе, в то время как общению с собой человека никто и нигде не учит. Вероятно, поэтому люди не имеют понятия о «правилах» аутокоммуникации. Многие даже не подозревают, что такой вид общения существует и в том или ином виде является непременным условием психической деятельности человека, во многом определяя его работоспособность, настроение, самочувствие, состояние здоровья.

К сказанному выше можно добавить и следующее: человек с раннего возраста привыкает к тому, что действовать можно только «наружу», а все, что находится внутри, недоступно его активности. Иными словами, он знает, что на внешнее можно каким-либо образом повлиять, а по отношению к внутреннему человек остается бессильным, поскольку зачастую просто не знает, как на него воздействовать (Кемпински, 1975). По всей видимости, по этим причинам респонденты считают аутокоммуникацию «нестественным процессом», «чем-то на грани шизофрении». С другой стороны, это звучит как оправдание для респондентов, не желающих занимать рефлексивную, ответственную преобразующую позицию по отношению к себе и своей реальности.

Однако приведенные выше причины избегания аутокоммуникации не означают полного отказа от нее. Здесь речь идет о подавлении аутокоммуникации. В каждом конкретном случае она может осознаваться человеком в большей или меньшей степени. Как показывает проведенный нами анализ, это может зависеть от степени осознания самой проблемы, инициирующей процесс аутокоммуникации.

Партнерам отводится важное место в любой коммуникативной модели (Соколов, 1996; Почепцов, 2001; Шарков, 2004; Яковлев, 2006). В аутокоммуникативной ситуации человек одновременно является и ком-

муникатором, и реципиентом, т.е. взаимодействующие стороны совмещаются в одном лице. Ю.М. Лотман (2000) ввел понятие «автокоммуникации», которое говорит о совпадении адресата и адресанта. Однако в аутокоммуникации человек сознает и познает себя, поскольку в определенной степени является для себя другим (Выготский, 2005).

Человек вступает в аутокоммуникацию, когда у него возникает какая-либо потребность, определяющая что, зачем и почему человек хочет сообщить самому себе (хотя сам он может этого и не осознавать). Причем независимо от конкретного тематического содержания этого процесса аутокоммуникация начинается с эмоционального контакта, который, в свою очередь, инициируется какой-либо потребностью. Определенная ситуация вызывает у человека определенные эмоции. Он обращается к самому себе, чтобы осмыслить эти эмоции. Осознав эмоции, он раскрывает значение ситуации для него самого.

Результаты контент-анализа текстов и содержательной части ММКМ показывают (табл. 3.5), что партнером аутокоммуникации является сам человек, образ реального другого, а в некоторых случаях – образ воображаемого другого («виртуальный партнер», «вымышленный собеседник»).

Можно сказать, что в аутокоммуникации человек общается с собой как с другим. В ходе аутокоммуникации у человека есть возможность обратиться к самому себе в различных ситуациях: например, в ситуации общения с взрослыми в детстве, в ситуации общения с друзьями или коллегами в настоящем, в ситуации самонаблюдения и самоанализа и др.

Таблица 3.5. Партнеры аутокоммуникации

Партнер	Тексты	ММКМ
	Процент встречаемости	
Я сам	53	57
Образ реального другого	30	28
Вымышленный собеседник	17	15

Партнерами могут быть образы других людей (вымышленных или реальных, но значимых). О вымышленных (воображаемых) партнерах упоминал еще У. Джеймс. Контент-анализ показывает, что в роли вымышленных партнеров часто выступают совесть, альтер эго, внутренний голос.

Аутокоммуникацию можно рассматривать как представляемую коммуникацию. Она основана на способности человека представлять партнера и «общаться» с ним в условиях его реального отсутствия. Причем пред-

ставленность одного человека в сознании другого человека, также обладающего сознанием, является необходимым условием, позволяющим считать аутокоммуникацию видом или уровнем социальной коммуникации.

Вымышленные собеседники обладают социально-психологическими характеристиками (статусом, ролью) и выражают различные смыслы. Однако следует отметить, что характеристики партнеров во многом приписываются им человеком («носителем» аутокоммуникации). Разные смыслы, выражаемые партнерами, принадлежат одному человеку – носителю аутокоммуникации. Поэтому аутокоммуникацию нельзя сводить только к рефлексии. Задачей рефлексии являются осмысление опыта и его отражение в форме определенного смысла. Аутокоммуникация как взаимодействие партнеров предполагает порождение нового смысла. В ней важным является не отражение, а порождающее взаимодействие. Кроме того, аутокоммуникация инициируется возникновением проблемы, для решения которой человеку необходимо не только ее осознание, но и «присутствие» в сознании образа другого человека, в диалоге с которым он анализирует возможные, в том числе противоположные, варианты ее решения с целью выбора оптимального. Можно сказать, что в аутокоммуникации взаимодействуют разные смыслы и значения.

Особенность аутокоммуникации как общения с реальным другим заключается в том, что реальный другой является значимым – он выступает своеобразным референтом. Анализ текстовых материалов обнаружил, что для внутреннего коммуникативного мира можно построить социограмму, предложенную Я.Л. Морено для межличностной коммуникации. В аутокоммуникации человек может обращаться к так называемым «лидерам» – наиболее значим для человека реальным другим, «голос» которых важен для человека в самых разных ситуациях. Человек при решении какой-либо проблемы может учитывать и мнение «большинства» – как правило, это реальные другие, точку зрения которых человек разделяет.

Интересен тот факт, что человек при рассмотрении какой-либо ситуации может учитывать и мнение «аутсайдеров». Как известно, «аутсайдеры» не участвуют в принятии решений, однако они необходимы человеку как выразители другой точки зрения. Хотя человек может не считаться с их позицией, он знает, что такая позиция существует и что она собой представляет. С другой стороны, благодаря смыслопорождающему характеру аутокоммуникации, «аутсайдер» может стать «лидером» – если в ходе коммуникации с ним человек окажется способным иначе посмотреть на ситуацию, осмыслить ее с новых позиций. Смена партнеров может отражать ха-

рактен изменения существующих смыслов или появления новых смыслов человека, происходящих в процессе аутокоммуникации. Это относится и к смене функций партнера – поскольку смыслы «подвижны», могут изменяться, первоначально партнер может выполнять одну функцию, затем – тот же партнер играет уже другую роль для носителя аутокоммуникации.

Необходимо отметить и тот факт, что партнером аутокоммуникации чаще является реальный, а не вымышленный другой. Вероятно, это можно объяснить тем, что мнение реального, близкого и значимого другого имеет наибольшее значение для человека – носителя аутокоммуникации. Реальный другой может выступать в роли эксперта по какому-либо вопросу, проблеме. Диалог с ним помогает человеку точнее выразить и понять собственную идею. Понятие обретает определенность и точность, только отобразившись от чужой мыслительной способности. В ходе аутокоммуникации «смутная» идея приобретает ясность благодаря словам, обращенным к себе как будто от близкого человека.

Наличие определенного партнера указывает на *форму* аутокоммуникации. Образы других людей практически всегда указывают на диалог и полилог. Причем диалог «определяется наличием не самих по себе двух или нескольких собеседников, а двух или нескольких полноценных пониманий, несводимых одна к другой смысловых позиций. Только в этом случае возникают собственно диалогические отношения» (Бахтин, 1997). Кроме того, смысловые позиции не являются завершенным представлением. В диалоге они «достраиваются», человек доопределяет свое отношение и видение, свою позицию, в диалоге возможно появление нового смысла. Поэтому диалог имеет наибольшее значение для самоизменения.

Диалог является самой распространенной формой – встречается в 57 % текстов и в 61 % содержательной части ММКМ (табл. 3.6). Этот факт еще раз подтверждает представление о диалогической природе сознания. Ведь даже мышление сопровождается стремлением к вопросу и ответу: «Мыслить – значит говорить с самим собой, слышать самого себя» (Библер, 1990).

Таблица 3.6. Формы аутокоммуникации

Форма	Тексты	ММКМ
	Процент встречаемости	
Монолог	31	25
Диалог	57	61
Полилог	12	14

Контент-анализ текстов и содержательной части ММКМ показывает, что темы диалогического текста отличаются от тем монологического текста – в диалогическом тексте есть появление нового смысла относи-

тельно задачи или проблемы. В нем можно увидеть, как человек выражает свое отношение к ситуации, увидеть его размышления о проблеме. В диалогическом тексте обнаруживается и определенная последовательность высказываний, каждое из которых выражает свою точку зрения.

Аутокоммуникация зачастую инициируется в тех ситуациях, когда необходимо решение какой-либо проблемы. В процессе аутокоммуникации человек выстраивает модель решения проблемы через осмысление и понимание. Интересующая человека проблема переносится в новое смысловое поле, появляется возможность увидеть ее с других позиций. В диалоге человек анализирует разные точки зрения на проблему, взвешивает все «за» и «против», оценивает «риски» возможных вариантов решения проблемы, апробирует варианты ее решения с целью выбора, нахождения оптимального в данных условиях. Поэтому аутокоммуникация может быть регулятором отношений человека с миром и другими людьми. Кроме того, в диалоге человек доопределяет и свое отношение к проблеме, выясняет его для самого себя, т.е. понимает себя. Сказанное выше позволяет заключить, что аутокоммуникация во многом необходима, когда у человека нет готовых средств решения возникшей проблемы.

Таким образом, аутокоммуникация (как внутренний диалог) – это не просто рефлексия, понимаемая как одностороннее субъективное отражение совершившегося или совершаемого факта мышления, переживания или действия. Внутренний диалог – это наличие нескольких точек зрения, мнений на собственное переживание, мнение или поведение, которое может сохраняться достаточно длительное время. В данном контексте можно говорить о «борьбе мотивов», когда в ходе аутокоммуникации осознается наличие различных смысловых позиций и способов действий, ведущих к неоднозначным и даже противоположным результатам. Выбор определенной смысловой позиции, способа действий и стратегии поведения может быть результатом аутокоммуникации.

В 31 % текстов и в 25 % содержательной части ММКМ аутокоммуникация осуществляется в форме *монолога*. В монологе отражается одна смысловая позиция. Обычно с помощью монолога человек фиксирует конечные результаты собственного мыслительного процесса. Поэтому для монолога характерны определенная цельность и непрерывность содержания, которые во многом обеспечиваются единством темы. Как показывают результаты контент-анализа, монолог может быть средством успокоения, утешения, оценки человеком собственного поведения, способом осмысления отношений с другими людьми, выражением отношения к их словам и поступкам. В текстах некоторых респондентов монолог разворачивается

по поводу непосредственно воспринимаемой речи другого человека. Однако он происходит после ее завершения, поскольку трудно вести процесс создания развернутого высказывания одновременно с его восприятием.

В текстах многих респондентов обнаруживаются отдельные, краткие высказывания, выражающие эмоциональное отношение к себе или к ситуации. Например, они характеризуют самопохвалу или самообвинение. Как правило, это возникает в ходе выполнения какой-либо деятельности, т.е. не в речевой ситуации. С помощью таких фраз человек выражает непосредственные, актуальные в конкретный момент времени мысли и ощущения. Это позволяет говорить о еще одной форме аутокоммуникации – внутреннем реплицировании, описанном Г.М. Кучинским (1988, 2002). Такие реплики, как правило, не рассчитаны на инициирование продолжительного внутреннего монолога или диалога. С их помощью человек выражает эмоции по отношению к себе, ситуации или ее отдельному аспекту.

В 12 % текстов и в 14 % содержательной части ММКМ обнаруживается *полилогическая* форма аутокоммуникации. Опорой для определения диалогической и полилогической формы стало наличие двух и более несовпадающих точек зрения (в том числе противоположных) относительно одной темы. Кроме того, было принято во внимание присутствие в тексте Я-, Ты-высказываний, глаголов во втором лице настоящего времени, речевых оборотов, указывающих на обращение человека к собеседнику, а также присутствие в тексте образов других. Как показывает анализ текстовых материалов, полилог является в основном триалогом, когда при «разговоре» двух партнеров присутствует третий участник. Он может исполнять функции наблюдения, рефлексии, оценки, выражения эмоций.

Что касается *средств* аутокоммуникации, то, как показывают результаты анализа текстовых материалов, ее внешнее проявление наблюдается в мимике и жестах, внешняя вербализация – в так называемых «мыслях вслух» (табл. 3.7). В аутокоммуникации человек использует как вербальные, так и невербальные *средства* общения.

Таблица 3.7. Средства аутокоммуникации

Средства	Тексты	ММКМ
	Процент встречаемости	
Мимика	58	51
Жесты	25	16
«Мысли вслух»	17	33

Основным средством аутокоммуникации является речь (внешняя и внутренняя). Она возникает под влиянием как коммуникативных, так и некоммуникативных факторов. Ведущим коммуникативным фактором

является ситуация общения, в котором прямо или косвенно участвует человек. Вероятно, в этом проявляется генетическая связь между внешней и внутренней речью. Возникновение внутренней речи может быть обусловлено и некомуникативными факторами, такими как физическое восприятие окружающего мира и вид деятельности, в которую включен человек. Поэтому аутокоммуникация включает проявления внутренней речи, образующие и процесс межличностного общения, и мыслительный процесс: громко произносимые, развернутые фрагменты речи, предназначенные только для себя; речь, произносимая про себя, и т.д.

Внешние проявления аутокоммуникации могут быть разнообразными. На основании анализа текстового материала мы обнаружили следующие наиболее распространенные случаи подобных проявлений: изменение выражения и цвета лица, жесты и движения (кивание, мотание головой, взмахи рукой, пожатие плечами, схватывание себя за голову и т.п.), плач, слезы или улыбка, смех, звуки, не являющиеся речевыми сигналами (вздых). Особым случаем внешнего проявления аутокоммуникации является тот момент, когда внутренняя речь «прорывается» наружу в «мыслях вслух». То есть человек (чаще бессознательно) озвучивает какой-то фрагмент своих размышлений.

Внешние проявления аутокоммуникации отражают эмоциональное состояние человека. Переживаемые человеком эмоции произвольно или непроизвольно отражаются в его мимике и пантомимике, сигнализируя о самых глубинных изменениях в его ментальной и эмоциональной сфере. Диапазон подобных реакций настолько широк, что их четкой и однозначной классификации до сих пор не существует. Вероятно, этому препятствуют многосторонность и неоднозначность конкретных жизненных ситуаций, в которых возникают эмоции.

Как показывает анализ текстовых материалов, человек может краснеть от смущения, реагируя на собственные мысли, бледнеть от испуга, вызванного собственными рассуждениями, и т.д. Такие внешние проявления аутокоммуникации, как слезы, сопровождают, в основном, отрицательные эмоциональные состояния: печаль, обиду, стыд (смущение), испуг.

Большинство жестов также являются проявлениями определенных мыслей и эмоций человека и совершаются им неосознанно. Не соглашаясь с собственным высказыванием, человек обычно качает головой, а кивок свидетельствует о достижении согласия во внутреннем диалоге.

При негативных высказываниях по отношению к внутреннему собеседнику и себе самому (требования, угрозы, обвинения, упреки) человек может топтать ногой, сопровождая этим жестом свое высказывание. Ха-

рактерным жестом в подобной ситуации является также удар кулаком (ладонью) по ближайшей поверхности: стол, стена, собственное колено и т.п.

Такая мимическая реакция, как «сдвинутые брови», может сопровождать неодобрение, возражение, протест.

Типичными внешними проявлениями аутокоммуникации являются изменения положения тела в пространстве. К данной категории относится достаточно широкий диапазон различных движений, совершаемых человеком в процессе аутокоммуникации. Например, конфликтная ситуация ведет к возникновению напряженного и достаточно продолжительного внутреннего диалога. Его внешним проявлением может быть перманентное движение человека, пытающегося разрешить мучающую его проблему. Он может безостановочно ходить туда-обратно по помещению, «мечется как тигр в клетке». Человек может совершать мелкие движения руками (перебирать вещи на столе, сплести и расплести пальцы, тереть какую-то деталь одежды, например крутить пуговицу и т.п.).

Причем аутокоммуникация может не только инициировать какое-либо движение, но и, наоборот, приостанавливать действие. Это происходит, когда какое-либо высказывание настолько удивляет человека (как в негативном, так и позитивном плане), что он перестает выполнять совершаемое действие и «застывает» на месте.

Проявлениями аутокоммуникации также выступают неречевые звуки, относящиеся к паралингвистическим средствам общения: респонденты отмечают, что в процессе аутокоммуникации они замечают за собой вздохи, покашливание, заикание, всхлипывание, междометия. Интерпретация подобных невербальных реакций зависит от знания контекста ситуации: вздох может быть и сигналом эмоций, выражающих неудовлетворение (разочарование, печаль, обиду), и сигналом эмоций, выражающих удовлетворение («вздох облегчения»). Это зависит от того решения (вывода), к которому пришел человек в процессе аутокоммуникации.

Подводя общие итоги, можно заключить, что аутокоммуникация обладает структурными и функциональными особенностями. В исследовании были обнаружены структурные характеристики аутокоммуникации: темы, формы, партнеры и средства общения, т.е. основные компоненты элементарной коммуникативной ситуации. Кроме того, в исследовании были определены причины избегания (подавления) аутокоммуникации. На основании полученных результатов можно заключить, что аутокоммуникация является многоуровневым и полифункциональным феноменом. С помощью анализа текстовых материалов было обнаружено, что

внутренний коммуникативный мир представляет собой многоуровневую систему коммуникативных отношений. Причем уровни внутреннего коммуникативного мира отличаются по тем функциям, которые аутокоммуникация выполняет в определенных жизненных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова-Славская К.А.* О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1983.
- Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2004.
- Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Изд-во Ин-та практической психологии, 1996.
- Ассаджоли Р.* Психосинтез и другие интегративные техники психотерапии / Под ред. А.А. Бадхена, В.Е. Кагана. М.: Смысл, 1997.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1994.
- Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х годов.
- Бек А., Фримен А.* Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб.: Питер, 2002.
- Берн Э.* Транзакционный анализ и психотерапия. СПб., 1994.
- Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. С. 20.
- Библер В.С.* Понимание Л.С. Выготским внутренней речи и логика диалога // Методологические проблемы психологии личности. М., 1981. С. 117–134.
- Бодалев А.А.* Личность и общение. М., 2001.
- Бодалев А.А.* О содержательном богатстве феномена общения и его вариативности // Психологические проблемы самореализации личности: Сб. науч. тр. Краснодар, 1997. Вып. 2. С. 18–25.
- Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. Москва; Воронеж : Ин-т практ. психологии : МОДЭК, 1996.
- Василюк Ф.Е.* Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психол. журн. 1995. № 3. С. 90–101.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Визгина А.В.* Роль внутреннего диалога в самосознании личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1987.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. М., 1996.
- Выготский Л.С.* Проблема возраста // Психология развития ребенка. М., 2003. С. 5–27.

- Выготский Л.С.* Раннее детство // Собр. соч. : В 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. С. 340–367.
- Выготский Л.С.* Сознание как проблема психологии поведения // Психология развития человека. М., 2005. С. 18–41.
- Гехт К.* Психогигиена. М., 1979.
- Гримак Л.П.* Общение с собой. Начала психологии активности. М.: Политиздат, 1991.
- Гроф Ст.* За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1996.
- Гроф Ст.* Космическая игра : Исследование рубежей человеческого сознания. М., 1997.
- Джеме У.* Психология. М., 1991.
- Измагурова В.Л.* Внутренний диалог как механизм развития сознания: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Кабрин В.И.* Архетипика и этос коммуникативного мира личности // Психология и мораль. СПб., 2004. С. 87–97.
- Кабрин В.И.* Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005.
- Кабрин В.И.* Транскомуникация и личностное развитие. Томск, 1992.
- Кемпински А.* Психопатология неврозов / Пер. с польск. Варшава, 1975.
- Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах : проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005.
- Кучинский Г.М.* Диалог и мышление. Минск : Университетское, 2002.
- Кучинский Г.М.* Психологический анализ содержания диалога при совместном решении мыслительных задач // Психол. исследование общения. Минск, 1985. С. 252–264.
- Кучинский Г.М.* Психология внутреннего диалога. Минск, 1988.
- Кучинский Г.М.* Психология внутреннего диалога: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1990.
- Лебедев В.И.* Личность в экстремальных условиях. М. : Логос, 1999.
- Лебедев В.И.* Психология и психопатология одиночества и групповой изоляции. М., 2002.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб. : Речь, 2000.
- Леонтьев А.А.* Психология общения. М.: Смысл, 1999.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2005.
- Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 2.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1999.

Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. СПб., 2000. С. 159–165.

Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2004.

Мерлин В.С. Индивидуальный стиль общения // Психол. журн. 1982. Т. 3, № 4. С. 26–36.

Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Автокоммуникация как необходимый компонент коммуникации // Научно-техническая информация. М., 1997. Сер. 2, вып. 5. С. 1–9.

Нахимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Водолей Publishers, 2007.

Ополев В.Т. Диалог как деятельность // Человек в мире диалога: Тез. докл. и сообщений. Л., 1990. С. 108–109.

Орлов А.Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // Вопр. психол. 1995. № 2. С. 5–19.

Орлов А.В. Психологическое консультирование и психотерапия: триалогический подход // Вопр. психол. 2002. № 3. С. 3–19.

Панферов В.Н. Диалог и общение // Человек в мире диалога: Тез. докл. и сообщений. Л., 1990. С. 100–103.

Перлз Ф. Опыты психологии самосознания : практикум по гештальттерапии. М.: Гиль-Эстель, 1993.

Перлз Ф. Практика гештальттерапии. М., 2001.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.

Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988.

Петровский А.В. Личность в психологии с позиций системного подхода // Вопр. психол. 1981. № 1. С. 57–66.

Пивоваров А.М. Внутрличностная коммуникация как предмет теоретико-социологического анализа: Дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2006.

Постмодернизм: энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Минск: Интерпрессервис книжный дом, 2001.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. Москва: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001.

Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.

Роджерс К.Р. О групповой психотерапии. М.: Гиль-Эстел, 1993.

Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1998.

Россохин А.В. Личностная рефлексия в измененных состояниях сознания: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1993.

Россохин А.В., Измагурова В.Л. Проблема внутреннего диалога в психологии // Психология общения 2000: проблемы и перспективы. М., 2000. С. 252–253.

Россохин Л.В. Интерактивная психотерапия в измененных состояниях сознания как метод разрешения внутрличностных конфликтов // Симптоматика и этиология конфликтов. Белгород, 1995. С. 91–97.

- Руффлер Ф.* Игры внутри нас / Пер. с англ. Ч. Чхеидзе. М.: Инфра-М, 1998.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности: Учеб. пособие для вузов. М.: Школа-Пресс, 1995.
- Соколов А.В.* Введение в теорию социальной коммуникации. СПб., 1996.
- Столин В.В.* Самосознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983.
- Страхов И.В.* Психология внутренней речи. Саратов, 1969.
- Суворов А.В.* Уединенный труд души как основная форма саморазвития личности // Конфликт и личность в изменяющемся мире: Матер. междунар. науч.-практ. конф. Ижевск, 2–5 окт. 2000 г. Ижевск, 2000. С. 51–54.
- Узнадзе Д.Н.* Теория установки / Под ред. Ш.А. Надирашвили и В.К. Цаава. Москва: Ин-т прак. психологии: Воронеж: МОДЭК, 1998.
- Улыбина Е.В.* Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ. М., 1997.
- Хараш А.У.* Психология одиночества // Педология. 2000. № 4. С. 7–16.
- Хорни К.* Самоанализ. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
- Шарков Ф.И.* Основы теории коммуникации. М.: Перспектива; Социальные отношения, 2004.
- Шибутани Т.* Социальная психология. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
- Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М., 2004.
- Яковлев И.П.* Основы теории коммуникаций. СПб.: Авалон; Азбука-классика, 2006.
- Ясперс К.* Общая психопатология. М.: Практика, 1997.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.
- Barker L., Kibler K.* Speech communication behavior: perspectives and principles. New Jersey, 1971.
- Blumer H.* Symbolic Interactionism. Perspective and Method. California: University of California Press, 1986.
- Hermans H.J.M.* Counselling Psychology Quarterly // Special issue: the dialogical approach to counselling theory, research, and practice. 2006. Vol. 19, № 1. P. 1–120.
- Hermans H.J.M.* The construction of a personal position repertoire; method and practice // Culture & Psychology. 2001. Vol. 7. P. 323–365.
- Mead G.H.* Mind, self, society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago: University of Chicago Press, 1967.
- Mead G.H.* On social psychology: selected papers. Chicago, 1964.
- Roberts C., Edwards R., Barker L.* Intrapersonal communication processes. Scottsdale, 1987.
- Shedletsky L., Aitken J.* Intrapersonal Communication, Interpersonal Communication and Computer-Mediated Communication: A Synergetic Collaboration // Communication and

Collaboration in the Online Classroom : Examples and Applications. Bolton Massachusetts, 2002. P. 92–123.

Vocate D.R. Self-talk and inner speech: understanding the uniquely human aspects of Intrapersonal communication // Intrapersonal communication : Different voices, different minds. Hillsdale; New Jersey Hove, 1994. P. 3–33.

Wandel J.E. Use Of Internal Speech In Hearing By Hearing And Hearing-Impaired Students in Oral, Total Communication Cs Programs // Cued Speech Journal. 1990. Vol. 4. P. 1–3.

West R., Terner L. Introducing communication theory. Analysis and application. N. Y., 2004.

ГЛАВА 4. ТРАНСКОММУНИКАЦИЯ, ТРАНС-АРТ И ТВОРЧЕСТВО

Современная психологическая наука неизбежно сталкивается с непривычными и неожиданными качествами знания, связанными с его трансперсональностью, трансубъективностью, трансцендентальностью (Кабрин, 2008). Экзистенциальная и трансперсональная психология начала пересмотр основ психологических исследований и практик. Новое качество научного знания последние годы анализируется отечественными психологами нового поколения на уровне методологической рефлексии как существенная особенность постнеклассической психологии (Василюк, 2003; Гусельцева, 2005; Знаков, 2005; Кабрин, 2008; Мазилов, 2006; Юревич, 1999).

Психология подошла к тому рубежу, когда насущно необходимо искать идеи и методы, адекватные самому бытию с его многомерностью, целостностью и уникальностью.

4.1. К методологии невоспроизводимых про-явлений

Концепция транскоммуникации позволяет осознать парадоксальный характер психики, стремящейся к союзу, а не уничтожению многомерных противоположностей. Еще в Древней Греции существовало представление о изменчивой сущности личности, включающей в себя потенциал преображения. Эти идеи нашли отражение в мифах о Протее – божестве, способном не только к перевоплощению в какие-то иные образы, но и к глубинному преображению в ходе своих метаморфоз. Многомерность, разнообразие и непоследовательность являются неотъемлемым свойством человеческой природы, основой творческого потенциала, средой актуализации креативных возможностей. Долгое время в психологических концепциях личности безраздельно господствовали теории стабильности или константных черт, неких постоянных свойств человека. Концепция транскоммуникации предлагает совершенно иной взгляд на личность, позволяя реально изучать психологическое многообразие личности.

В свое время Дж. Мид сказал емко и просто: «Личность – это коммуникация», тем самым задав для исследований личности вектор парадигмы всеобъемлющей коммуникации.

Представители «транскоммуникативной психологии» концентрируют взгляд на коммуникативной природе личности, представляя человека как сложное созвездие коммуникативных миров. Чем в большей степени человек существует в качестве личности, тем больше он является *автором* своего созвездия коммуникативных миров как *уникального места встречи* разносторонних био-культурных процессов, т.е. развивает общаемость разноплановых миров в транскоммуникативных процессах (обратимых переходах и синтезах разнокачественных уровней и форм общения) на основе универсальных составляющих коммуникативного пространства, делающих *личность* все более *цельной и пластичной*.

Эволюция взглядов на коммуникацию прошла путь от узкого понимания коммуникации как обмена информацией между общающимися индивидами до широкого: «Коммуникация – это связь, в ходе которой осуществляется обмен информацией между системами в живой и неживой природе» (Андреева, 2001. С. 84). Г.М. Андреева отмечает, что при рассмотрении человеческой коммуникации *информация не только передается, но и формируется, уточняется, развивается*. В работах А.Н. Леонтьева отмечается, что люди не просто «обмениваются» значениями, а стремятся выработать при этом *общий смысл*. Если согласиться с этой позицией, то коммуникация предстает как особая форма *совместного смыслотворения*. Помимо творения смысла, мы способны на генерацию и восприятие переносного смысла метафоры, т.е. *трансмысла*. Следующий шаг в эволюции представлений о коммуникации связан с пониманием того, что, общаясь, *мы выходим за пределы себя, т.е. транскоммуницируем*, но происходит это, видимо, эйдетически, ментально, нозтически (Кабрин, 2008).

При этом коммуникация и тем более транскоммуникация – предстает не просто как «общение людей», но как общение душ. Подобное общение возможно только в том случае, если происходит преодоление конвенциональных трафаретов, в которых закована традиционная коммуникация. Это – путь к более аутентичной экзистенциальной коммуникации (Ясперс, 1991) и далее – к *транскоммуникации*, которая уже открыта «трансперсональной реальности» (Кабрин, 2008).

«В контексте транскоммуникации, существующей лишь в *динамике трансцендирующей встречи* человека с самим собой, другим, ситуацией, миром, конвенциональная нормативная коммуникация выглядит коллективной (и индивидуальной) иллюзией, или мягче – стереотипом. Однако реальная, или трансцендирующая, коммуникация (транскоммуникация) всегда *уникальна, несамостождественна, но этим и универсальна*» (Кабрин, 2008. С. 100).

Казалось бы, очевидный транскомуникативный парадокс – универсальность «уникальности» и «несамотождественности». Однако именно такая «парадоксология» позволяет нам эскизно обозначить **методологию невоспроизводимых про-явлений**.

Сначала несколько слов о существующем понимании коммуникативных явлений и наметившихся тенденциях. По отношению к коммуникативным явлениям психология долгое время вела себя подобно мифологическому царю Мидасу, превращавшему в золото все, к чему он прикасался. Классическая психология своими «прикосновениями» к коммуникации выявляла устойчивые, достаточно легко определяемые как экспериментально, так и в реальной повседневной жизни закономерности, отражающие особенности межличностных отношений в группе и раскрывающие психологическую специфику тех процессов, которые хоть порой и в упрощенном, схематическом виде, но содержательно характеризуют основные параметры контактного взаимодействия и общения. Обращалось внимание на воспроизводимые явления, устойчивые эффекты. Все случайное, не попадающее в русло выявленных закономерностей, отбрасывалось. Между тем любое явление – это не только обнаружение «предмета», формы его существования, но и всевозможные случайные отношения.

Что касается коммуникации, то, помимо традиционно акцентированного плана взаимоотношений (коммуникатор–реципиент), у нас есть план репрезентации или контекст предъявления информации, в котором разворачивается связь обозначаемое – знак (то, что означает). Коммуникативное явление «играет» с обозначаемым и знаком, уничтожая простую связь между тем, что означает, и тем, что обозначается. Как только мы чуть-чуть отходим от конвенциональной коммуникации, то видим, как разверзается целая пропасть, которую всякое значение прокладывает между двумя своими сторонами: означающим и означаемым (Барт, 1975). Значение мыслится не как задаваемое рядом означаемого, чья онтологическая определенность гарантирует пусть относительную, но все же данную сознанию константность значения, – но как сугубо процессуальный феномен: «значение – это соединение того, что означает, и того, что означается; это не форма и не содержание, а связующий их процесс» (Там же). Коммуникативное явление – не только «обнаружение» устойчивых смыслов мира, но и генерация смыслов, а также вкладывание смысла в то, что само по себе не имеет никакого смысла. Репрезентативный план коммуникации подразумевает свободную процессуальность означивания.

Под «невоспроизводимыми про-явлениями» мы понимаем такие явления, которые предстают как *перманентно процессуальная аутотранс-*

формация, не результирующая в каком-либо определенном (финальном) варианте своего конфигурирования. Их уникальность и несамостоятельность являются той универсалью, которая обеспечивает («настраивает», создает «прото-матрицу») видение бытия в качестве нон-финальной, аутотрансформационной процессуальности, не характеризующейся ни изначальным, ни финально обретенным смыслом. Рассматривая коммуникацию как процесс совместного смыслообразования, мы приходим к тому, что смысл конкретной коммуникации конституируется лишь в качестве одной из возможных версий принципиально нон-финального означивания.

Это очень важный момент, так как для нормативной коммуникации, для процедур прочтения мира как «текста» предполагается, что смысл уже есть, вопрос лишь в том, как его понять. Иными словами, имплицитно наличный смысл может и должен быть прочитан в когнитивно-интерпретационном усилии и текста как подлежащего пониманию, т.е. герменевтической реконструкции его исходного смысла. Однако когда мы выходим за стандартные рамки конвенциональной стереотипной коммуникации, становится очевидной невозможность герменевтической процедуры экспликации имманентного смысла текста (или мира как текста): любой интерпретационный акт, приписывающий некой событийности тот или иной конкретный смысл, выступает как некая «практика навязывания». При претензии на постоянство (по любым параметрам – аксиологической предпочтительности, корректности, целесообразности и т.п.) интерпретация превращается по отношению к интерпретируемой предметности в своего рода «путы и клещи» (Делез, 1990; Гваттари, 1990), не столько генерируя смысл, сколько *симулируя* его. Здесь мы согласны с постмодернистской оценкой интерпретации: интерпретировать – это подчинить себе, насильно или добровольно (Гваттари, 1990; Делез, 1990; Деррида, 1993).

Коммуникативная «предметность» бесконечно открыта для вариативного конфигурирования подобно тому, как децентрированный постмодернистский текст открыт для вариативных нарративов, снимая саму постановку вопроса о так называемом «правильном» прочтении.

Коммуникативный, а тем более транскомуникативный смыслогенез, таким образом, не может быть «объективным» процессом обнаружения смысла.

Такой взгляд на коммуникацию позволяет нам сформулировать ряд положений, значимых для разработки психологических практик, направленных на актуализацию креативных возможностей личности и группы.

4.2. Креативность и творчество в зеркале транскомуникативного подхода

Мы полагаем, что существуют два «пласта» творческих коммуникаций – оформленных и рождающихся.

Пласт «оформленных коммуникаций» подразумевает наличие устойчивого, но очень широкого коммуникативного пространства. В его рамках происходит выход за пределы «стандартной нормы» для этого пространства эмоциональности, впечатлительности, «вовлеченности» в игру с неизвестностью. Этот пласт «выталкивает» коммуникацию за пределы определенных конвенциональных норм.

Пласт «рождающихся коммуникаций» открывает доступ для перестройки коммуникативного мира личности, обретения ею новых языков. Это выход за пределы устойчивости «оформленных коммуникаций». Этот пласт «выталкивает» коммуникативный процесс в область, где вообще нет «норм», которые можно отрицать, преодолевать, выходить за их рамки.

Но самый главный вопрос, который возникает, – где и как «обрести почву под ногами» в мерцании значений постоянного смыслообразования, смыслотворчества, непрерывно «выталкивающих» коммуникативный процесс из его прежнего русла на часто непредсказуемый поиск нового русла, нового модуса общения со средой.

Очевидно, что современный мир, ушедший от «Я-эмпирического», делящий и противопоставляющий единство Тела-Души-Духа, нуждается в идеях, адекватных самому бытию.

Соединенность разнопорядковых миров в человеке при несводимости друг к другу и представляет собой проблемное поле: Тело, Душа и Дух – единение разного. В живом теле «сходятся» формы Духа, «прозрачивающего» бытие и создающего соразмерность и соотнесенность иного с иным: плотного и тонкого, телесного и ментального, тела и Души (Лаврова, 2001). М.М. Бахтин писал о том, что тело как таковое, с одной стороны – «абсолютный низ», но, с другой стороны, что-то нетелесное созревает в теле, снимая его биологическую природу, «прозрачивая» его бытие. Важно и то, что при наличии только одной собственно «телесной» формы – физического тела у человека колоссально многообразии ментальных форм: архетипов, идей, смыслов, образов.

Древние мудрецы чувствовали, что человек – это микрокосм, т.е. подобие макрокосмоса. Строгим наукам пришлось об этом забыть. Феномен, или, точнее, сквозной космический фактор транскомуникации,

позволяет понять, по крайней мере, на уровне микрокосма, как это происходит в человеке. Нередуктивный целостный взгляд на человека предполагает понимание его как *духовно-душевно-телесного соответствия* (т.е. сообщаемости) в духе «холархии» (Уилбер, 2004). Это связано с проблемой «собственно человеческого» в человеке, акцентированной гуманистическими и экзистенциальными психологами, возмущившимися доминированием «зоологизма» в традиционной психологии (психофизиология, бихевиоризм, психоанализ и пр.). Феноменология транскоммуникации показывает, как тело может соответствовать духу (т.е. общаться с ним)» (Кабрин, 2008). Во многих своих статьях В.И. Кабрин упоминал об уникальности человеческих слез и улыбки. «В отличие от звериного оскала, человеческая улыбка связана не только с радостью, но и с юмором, восприятием переносного смысла метафоры, (трансмысла). Человеческие слезы (физиологическая функция которых – очищение от инородного) воплощают духовное очищение (катарсис) и при чтении книг, и на спектаклях, и в сложных человеческих отношениях. Смех и слезы часто образуют динамичное единство: способность смеяться до слез и способность перейти от слез к улыбке. Заторможенность таких способностей означает ослабление транскоммуникации между телом и духом, что ведет к соматическим и психическим расстройствам» (Кабрин, 2008. С. 105).

Для психологических практик актуализации креативных возможностей важны 4 континуума-вектора креативности человека, охватывающих проблемное поле Дух-Душа-Тело и организующих разноразличные и разнорядковые миры человека: переживание катартических, импрессивных, экспрессивных, инсайтных образов и состояний.

1. Катартическая креативность избавляет взрослого и охраняет ребенка от эгоизма в очищающем и духовном сочувствии смеха и слез. В концепции транскоммуникации осмысливается как нисходящая транскоммуникация.

2. Импрессивная креативность, т.е. способность восхищаться миром и запечатлеть сокровенное. В концепции транскоммуникации может быть осмыслена как импрессивный луч транскоммуникации.

3. Экспрессивная креативность, выражая невыразимое, как шаг в бездну, как отодвигание тьмы неведомого, реализует луч экспрессивной транскоммуникации.

4. Трансцендирующая, инсайтная креативность как просветляющая озаряющая интуиция – эйдос может быть осмыслена как восходящий луч транскоммуникации (Кабрин, 1999).

Проводя исследование спонтанных и организованных форм актуализации креативных возможностей личности и группы, мы

вплотную приблизились к проблеме многомерности и полярности творческого переживания, проявляющего жизненный потенциал в со-общаемости разноуровневых миров человека в указанных континуумах-векторах. Личность переживает свой потенциал как открытую возможность через трансформацию «недоступного» в «доступное», через «нереальное» к «реальному». Драматизм и напряженность проявления творческого потенциала связаны с тем, что «возможное» и «реальное» далеко не всегда трансформируются в «действительное».

Транскокоммуникативный вектор творчества направлен к пиковым переживаниям, потрясениям, стресс-транс-формациям. Занимаясь поиском методов развития и интеграции спектра креативных состояний сознания, мы пришли к идее транс-арта, объединяющего активную творческую среду разнообразных искусств и активные психологические практики актуализации креативных возможностей личности и группы.

4.3. Концепция и практика транс-арта

Мы сочли необходимым обратиться к сфере искусства по целому ряду причин.

Первое. Искусство, и в частности, художественная литература пока лучше описывает психологию живого человека, чем научная психология. Факт, в свое время отмеченный Г. Олпортом (1999).

Второе. Эйдетика душевной жизни человека, Духовно-Душевно-Телесное со-ответствие и драма несоответствий ярче всего заявляют себя в искусстве, сновидениях, аутогенной тренировке, медитации, воображении и удивительно трудно ассимилируются академической психологией (Кабрин, 2008).

Третье. По меткому выражению Юнга, «в любой психологической дискуссии мы не высказываемся о психическом; это психическое всегда высказывается о себе» (Jung, 1956. Цит. по Перри, 2007. С. 2). Именно это делает проблематичным обсуждение психического как в устной, так и в письменной форме, а использование языка символов и фантастических образов для описания всего неопишуемого – важной частью психологического метода.

Эти три основные причины обусловили наш интерес к искусству.

На основе транскокоммуникативной методологии мы формируем концепцию, модели и технологии транс-арта, ядро которых – *невозпроизводимые про-явления*, универсальные в своей уникальности и неповторимости.

Наш Транс-арт-проект включает в себя в качестве творческой среды разнообразные средства искусства, а в качестве содержания – разработку

принципов и условий создания транскомуникативных ситуаций, актуализирующих креативные состояния сознания участников тренинговых групп, творческих мастерских, арт-терапевтических и транс-арт-сессий. Источником переживаний, актуализирующих креативные состояния сознания человека на 4 континуумах-векторах креативности, являются:

1. Специально подобранные художественные произведения (живопись, литература, музыка, танец и др.). Принцип подбора – наличие эффектов психологических синергий. В данном случае понятие «психологическая синергия» строится от классического понимания синергии в синергетике – *когда два разных элемента системы сообща порождают эффект, который отличен от эффекта любого из этих элементов в отдельности*. Психологическая синергия – *«примирение» противоположных характеристик, производящих на переживания особые эффекты*. «Примирение» происходит в силу того, что противоположности связаны с одной и той же сущностью (например, личностью, событием, ситуацией). Они производят свои эффекты тем, что несовместимы друг с другом. В этом смысле можно говорить об их парадоксальности: в синергии то, что присуще идентичности, переживается как наличие таких свойств, которые не могут логически сочетаться. Например, когда мы рассматриваем стереокартины, мы видим, что изображение вдруг оказывается трехмерным. Но мы все равно точно знаем, что картина двумерна. Мы осознаем, чувствуем, переживаем одновременно и плоскость, и глубину, что при обычном восприятии (без синергии стереоэффекта) невозможно.

Подборка художественных произведений инициирует одновременное «переживание и проживание» четырех состояний безграничности и бесконечности:

- безграничность и бесконечность времени (психологическая синергия «вечного» и «сиюминутного»);
- безграничность и бесконечность пространства (психологическая синергия «везде» и «здесь»);
- безграничность и бесконечность энергии (психологическая синергия материальной и духовной энергии);
- безграничность и бесконечность информации (психологическая синергия «неисчерпаемости» и «конкретности»).

2. Коллекции фрактальных изображений (используются как специально подобранные, так и спонтанно формируемые коллекции), а также активные художественные практики фрактального морфинга. Обращение к фракталам имеет не только психологический, но

и философский смысл. Фрактал позволяет выйти за укоренившуюся привычку делить мир на бинарные оппозиции, и в частности, самую «тяжелую» для психологии оппозицию «внутреннее – внешнее». Фрактал – это граница, жизнь на границе, где нет ни внешнего, ни внутреннего, универсальное в своей уникальности и неповторимости «третье», рождающееся и способное существовать только «между мирами» Порядка и Хаоса, никогда не становясь ни тем, ни другим.

3. Первичное художественное творчество – это активные художественные практики, в которых главной действующей силой являются законы самоорганизации материи, существующие в природе.

4. Специально индуцируемые, креативные фантазии-инсайты, осознаваемые и выражаемые в широком спектре психосемантических модальностей и пространств – аудиальном, визуальном, кингестетическом, статусно-ролевом, социодраматическом, мифологическом, архетипическом, символическом, трансперсональном, духовном, холодинамическом.

Транс-арт-ситуации создают потребность и возможность выхода за рамки стереотипного поведения, вступления в контакт с неизвестным на основе интенсивного, глубокого погружения в поток художественно-психологических, психоэстетических переживаний.

Транс-арт-практики позволяют, во-первых, лучше и глубже понимать и развивать целостность беспредельного разноуровневого спектра измененных состояний сознания, а во-вторых, трансформировать, преобразовать измененные состояния сознания в креативные, в смысло- и жизнотворческие, проявляющие и полноценно реализующие творческий, а следовательно, и жизненный потенциал человека.

Поскольку в рамках небольшой статьи невозможно подробно изложить все составляющие Транс-арт-проекта, мы отметим лишь особые, специфические подходы к использованию сферы искусства (и, в частности, художественного творчества), которые мы разработали для Транс-арт проекта.

Творческое мышление, особенно в сфере искусства, слишком легко останавливается на стадии хаоса. В искусстве сам по себе уход от старых идей возводится в ранг добродетели. Оригинальность – вот к чему стремится искусство. Здесь всегда живо желание выйти из границ укоренившегося порядка в безграничную возможность хаоса, и нередко один только этот шаг рассматривается уже как достижение. Именно это свойство искусства заставило нас искать особую форму искусства, которое не требует вообще ничего: ни «новых идей», ни «оригинальности», ни «выхода» из границ укоренившегося порядка. Единственное, что нужно, – естественность.

Такой особой формой для нас стало первичное художественное творчество.

Первичное художественное творчество построено на тех же самых принципах, по которым идет самоорганизация материи в живой и неживой природе. Сами способы рисования настолько просты, что не требуют никаких умений и навыков. Изображения-отражения самоорганизации материи получаются, например, через контакт листа бумаги с падающей на воду краской или через естественные движения краски по гелиевой массе. Огонь и вода творят через расплавленный воск следы своего взаимодействия. В первичном художественном творчестве задействуется весь калейдоскоп стихий: воды, огня, земли и воздуха.

Итак, к «палитре» способов первичного художественного творчества относятся такие, в которых задействуются естественные, «природные» способы организации и самоорганизации исходного материала: будь то краска, воск или гипс (Частоколенко, 2005). Сходство художественных форм и образов с природными объектами, такими как структура камня, виды Земли со спутника, галактиками не является результатом копирования природного объекта, это не «срисовывание с натуры». Способы первичного художественного творчества, такие как монотипия, гелиевая печать, солевая живопись, «воздушная кисть» и многие другие, задействуют те самые природные способы самоорганизации материи (и материальные, и энергетические), которые творят и микро-, и макромир Вселенной.

Первичное художественное творчество – Встреча с миром. Интуитивно понятно, что человек, способный *встретиться* (не просто взаимодействовать) с деревом, рекой, облаками, звездами и другими людьми, будет встречаться *иначе*, чем человек, который может встречаться только с людьми, «усвоивший», что сама природа с ним общаться не может (Кабрин, 2008). Встреча с миром посредством первичного художественного творчества идет не по принципу простого сходства с природными формами или объектами – это со-общаемость *разнопорядковых* субъектов, сущностей и миров в силу их *инаковости*.

Первичное художественное творчество – *это минимальные действия, встроенные в естественные ритмы мира.*

В первичном художественном творчестве соединяются и взаимообогащаются творческие силы Природы и Личности. Есть способы, при которых почти все делает природа: человек лишь «запускает» процесс самоорганизации. Есть противоположные ситуации: человек прикасается рукою Творца к аморфной материи, которая рас-

крывается и развивается по законам своей самоорганизации, но на каждом этапе подчиняется направляющей воле Творца. Первичное художественное творчество – уникальный «инструмент» соединяющий творческие силы Природы и Личности, захватывающий эстетическое сознание и актуализирующий первичную креативность.

В творческом пространстве транс-арт мастерской ярко и рельефно выступает «переходным мостиком» между «духом и материей», материализующим духовный мир, эмоции, переживания и «дематериализующим» мир материальный, переводя «физическое» в тонкую ткань психического. Этому немало способствует использование транскоммуникативных «каналов» первичного художественного творчества.

В качестве примера можно привести слова, сказанные художником В. Кандинским (1996) о физическом воздействии цвета, которое «...если проникает глубже, вызывает... глубокие чувства и целую цепь психических переживаний... Первоначальная элементарная физическая сила становится путем, по которому цвет доходит до души» (Там же. С. 185). Влияние цвета невозможно объяснить «ассоциативной теорией»: краски таят в себе малоисследованную, но огромную силу, которая может влиять на все тело, на всю психику человека. «Вообще цвет является средством, которым можно непосредственно влиять на душу. Цвет – это клавиш; глаз – молоточек; душа – многострунный рояль. Художник есть рука, которая посредством того или иного клавиша целесообразно приводит в вибрацию человеческую душу» (Там же. С. 186). Это справедливо не только для цвета, но и для формы. Цвет и форма – пришельцы из мира физического непосредственно, сами из себя «ткут ткань» психического.

Практики первичного художественного творчества побудили нас вспомнить, как смотрит на мир, на себя и на окружающих людей маленький человек. «Его способ восприятия прямолинейно логичен, в том смысле, что его мироощущение не знает запретов и противоречий, не дробится на восприятия разновеликих сущностей, не имеет нужды расщеплять, противопоставлять и взаимоисключать. Первичным процессам ребенка не нужен Аристотель и его логика. Они независимы от контроля, табу, дисциплины, ограничений, отсрочек, планирования, учета возможностей и вероятностей. Они не принимают законов времени и пространства, причинно-следственных связей, закона вероятности, законов общества и законов вселенной. Такой мир не имеет ничего общего с физическим миром. Он может преобразовывать объекты, сливать несколько явлений в одно и придавать одной вещи несколько сущностей. Это недействитель-

ный и недействующий мир, ему ничего не стоит произвести вещь, явление или поступок без «реального делания», одним «вздохом фантазии». Большинство из нас знает этот мир, порождаемый первичными процессами, – бессловесный, сверхконкретный, почти осязаемый и, как правило, зримый. Это преоценочный, предморальный, пред-этический, предкультурный мир. Он предшествует добру и злу. Цивилизация понуждает человека к дихотомизации, и только потому, что этот мир *отделяется* от «реального», сознательного, вторичного мира, он оценивается как ребяческий, незрелый, «сумасшедший», «опасный», «пугающий» (Маслоу, 1999. С. 100). Человек, у которого разрушены вторичные процессы, скорее всего, больной шизофреник. Но человек, у которого подавлены первичные процессы, который полностью оградился от своего подсознания, не менее болен. «У здоровых людей, особенно у тех, которые отличаются высокой креативностью, обнаруживается способность сплавлять и синтезировать свои вторичные и первичные процессы, свое сознательное и бессознательное, свое глубинное «Я» и сознающее «Я» (Маслоу, 1997. С. 101). Такое «слияние» вполне возможно, но, к сожалению, не очень распространено. В идеальном варианте в результате «слияния» первичные и вторичные процессы взаимообогащают друг друга, вследствие чего *меняется характер протекания и «первичных», и «вторичных» процессов*. «Бессознательное перестает страшить человека; человек вступает в новую жизнь, и это жизнь в согласии со своей сущностью. С ребенком в душе, со своими фантазиями, со своим воображением, со своими желаниями... со своим поэтическим и безумным началами. Такой человек... чтобы укрепить свое «Эго», позволяет себе регрессировать. Это добровольная, *сознательная* регрессия. Именно у такого человека имеется в распоряжении креативность, доступная, легко реализуемая креативность, которая нас интересует» (Там же). Именно поэтому в психологии творчества «в полный голос» звучит проблема обретения взрослым человеком той самой «первичной креативности», о которой писал А. Маслоу.

Первичное художественное творчество оказалось тем самым окном, которое открывается в очищающие сознательные регрессии.

Первичное художественное творчество потому «первично», что непосредственно связано с творческими законами природы. Оно не интеллектуально, неабстрагируемо. Оно, с одной стороны, очень конкретно – являет единство мира в его формах и законах развития, а с другой стороны, обладает «пред-символьной» и «пред-образной» глубиной, открыв которую, личность получает доступ к самым основам рождения образов

и явления символов. Конкретность и абстрактность в первичном творчестве не являются взаимоисключающими противоположностями, они вообще еще не присутствуют в нем как некие самостоятельные единицы.

Мы используем понятие «первичное творчество» не только потому, что обращаемся к «первичным» формам самоорганизации материи, задействуя их в художественном творчестве. Дело в том, что транс-арт-практики максимально обнажают *первичное творческое противоречие* между стремлением к сохранению, обретению устойчивости и стремлением к расширению границ, выхода за собственные пределы, трансценденции. Это противоречие – динамическая «пра-потенция» творчества, которая реализуется в любой «мерности» (многомерного мира, многоуровневой коммуникации).

Первичность мы понимаем как возможность: «способ бытия того, что есть, как оно есть» (Пирс, 2001. Цит. по Лукьяновой, 2007. С. 92), т.е. это категория Непосредственного, чистой возможности, «еще не дифференцированного качества и независимости». Таким образом, Первичность можно рассматривать как «качество в возможности». На этом уровне объекты не определяются, но их можно идентифицировать. Первичность – необходимая предпосылка опыта. *Вторичность – существование*: это «бытие в отношении ко второму. Это категория Другого» (Там же). Если феномены Первичности содержат чистые возможности, то феномены Вторичности относятся к миру фактов. Следовательно, Вторичность – это уровень существования вещей, когда можно увидеть вещи и отношения в их множественности и индивидуальности.

Анализируя результаты работы с первичным художественным творчеством, мы пришли к мысли об уместности использования метафоры Делеза «дикий опыт» (Делез, 1990), предложенной для обозначения исходного состояния субъективности, т.е. своего рода до-субъективности, понятой как тотальная аструктурированность и принципиальная неорганизованность, т.е. «натурализм» опыта. Подобное состояние опыта выступает основанием для соответствующего состояния сознания, которое Делез определяет как «дикое (до-предикативное) сознание». Феномен «дикого опыта» может быть оценен как аналог исходного субъективного хаоса – как в смысле отсутствия выраженной структуры, так и в смысле *потенциальной креативности*: именно «дикий опыт» выступает исходной субстанцией конституирования субъективности в собственном смысле этого слова, что реализуется в процедурах интериоризации. Немаловажно исчезновение классической оппозиции «внешнее–внутреннее». «Внешнее» мы вполне можем, вслед за Делезом, трактовать в качестве «неоформленного внешнего» как распределения интенсивностей. Неоформленное

внешнее – это битва, это бурная штормовая зона, где определенные точки и отношения сил между этими точками носятся по волнам. Таким, казалось бы, экзотичным путем мы приходим к специфическим формам практик, которые позволяют реализовывать фундаментальное положение К. Левина о психологическом единстве человека с окружающим миром.

«Первичное творчество» возвращает взрослого человека к эмоциональному миру детства, когда весь мир искрится яркими красками, волнующая и влекущая Тайна ждет на каждом шагу. Взрослый человек, прикоснувшийся к Тайне, переходит в измененные состояния сознания, может стать дикарем, шаманом, мудрецом. Образность, метафоричность, изменение восприятия времени в сочетании с освобождением от груза «социализованности» и «культурности» порождают опыт постижения собственной «первичной», глубинной реальности. Происходит Встреча с тем, «кто мной является». При этом чрезвычайно важной является одна черта, присущая первичному творчеству: способность одновременно реализовывать сиюминутные побуждения и потребности, в то же самое время актуализируя новые, совершенно другого уровня тенденции и потребности. С одной стороны, в первичном творчестве личностью решаются ее уже актуализированные, конкретизированные потребности, причем в формах «предметной» деятельности. С другой стороны, тот же самый процесс «взламывает» определенность осознанных потребностей, выводя в пространство непредопределенного развития пространство, в котором формируются и рождаются психологические новообразования, выталкивающие личность на новый виток самоактуализации.

Видимо, имеет смысл говорить о первичном диалогическом опыте – опыте переживания потенциала («чистой» возможности») и, одновременно, переживания «обозримых» («опредмеченных») возможностей. (Например, феномен «первого инсайта» – пиковое переживание чистой творческой возможности до совершения опредмеченной творческой деятельности; эмоциональное пред-решение в школе Тихомирова и т.п.). Человек – не то, что есть, а то, чем он может стать. Первичная диалогика – это *Диалог возможного и становящегося*.

4.4. Протонойальные аспекты творчества

Понятие первичного диалогического опыта вписывается в концепт «протоной», предложенный В.И. Кабриным (2002).

«С ноэтической точки зрения судьба рождающегося человека не исчерпывается соотношением биогенетической наследственности,

экологии и социокультурной среды. Первичные эйдосы, в которых по существу своему рождается человек, не случайны, образуют его «*колыбель духа*», защищающую от «глупостей» взрослых, гарантирующую автономию судьбы и своеобразную реализацию нозгической по источнику его одаренности. Эту «колыбель духа» и «*кокон детской души*», уже переживающей реликтовые впечатления о «вечном духовном блаженстве», «вселенской любви», «океаническом чувстве», «жутком страхе отпадения», «вселенской тоске», «космическом одиночестве», – эту колыбель можно назвать *Протонойей* (Кабрин, 2002. С. 99).

Протонойя пронизана первичными коммуникациями, в которых максимально обнажена и недеформирована первичная коммуникабельность миру. Способность к «первичной коммуникабельности», к «первичному восприятию», «спонтанности» лежит в основе заложенной в каждом человеке первичной креативности.

Очевидно, насколько мощным источником креативной потенциализации является протонойя. На наш взгляд, первичное художественное творчество – один из путей, ведущих туда, к бесконечному источнику креативной потенциализации.

Еще несколько важных аспектов творчества, которые мы обозначили как «протонойальные аспекты».

В психологии давно идут поиски термина, который бы обозначал чистый потенциал, иными словами, «чистую возможность», не имеющую содержания. Р. Мей пытался обозначать нечто подобное термином «тревога». Работы Г. Селье склонили ряд ученых к пониманию стресса (его мобилизационной функции) как первоисточника творчества. Мы предлагаем ввести понятие «протонойальное волнение», обозначающее «чистую возможность», не имеющую содержания.

В авантюре саморазвития человек не то, что есть, а то, каким может стать. Творчество соединяет мобилизационную, «волнующую» функцию стресса, обеспечивающую готовность к действиям и позитивный аспект транса, обеспечивающий готовность к восприятию нового, высокую чувствительность, склонность к трансформациям. Идея «волны» нам показалась вполне подходящей: волна *готовности к изменениям (транс)* и волна *мобилизации возможностей (стресс)* создают векторы течения волн *вероятных преобразений (творчество)*. Термин «волнение» свободен от тех негативных оттенков, которые закрепились за «тревогой» и тем более «стрессом». Волнение – это точка неустойчивости. Если у человека актуализируется готовность к «приобретению», то волна пойдет в сторону век-

тора роста и будет идентифицироваться как «интерес». Если актуализируется готовность к «потере», то волна пойдет в сторону вектора разрушения и будет идентифицироваться как «тревога». Такое соотношение понятий кажется более целесообразным и отвечающим потребностям практики.

Погружение в «протоною», «протонояльное волнение» имеет 2 стороны:

Протонояльный стресс – первичная (потенциальная) готовность к мобилизации возможностей. Это – потенциал концентрации.

Протонояльный транс – первичная (потенциальная) готовность к изменениям, трансформациям, преобразованиям. Это – потенциал децентрации.

Встреча протонояльного стресса и транса образует *прото-такт* творчества (одновременно инсайтный скачок новообразования и пауза предопределения). Это – точка встречи «волны готовности» и «волны возможностей»: объединяет первый инсайт и такт, выступая, с одной стороны, как «ядро» кристаллизации, структурирующее хаос, а с другой стороны, оно же – «ядро» создания неустойчивости, рождения «перемешивающего слоя».

Возможное и становящееся создают «зону повышенного напряжения», пространство порождения коммуникативных событий.

Коммуникативное событие мы понимаем как то, что может быть, а может и не быть. Внешне события проявляются в знаках, внутренняя форма – момент «схватывания», «созидания», «творения» смысла. Событие порождает *нетривиальный смысл*, иногда *способно осуществить поворот* по отношению ко всему пути и всем предшествующим событиям: в точке события присутствуют прошлое, настоящее и будущее, отношение к которым переструктурируется за счет рефлексии события. Событие начинается как следствие, обращенное в прошлое, а заканчивается как причина, обращенная в будущее (Лукьянова, 2007). Смысл проявляется как событие перехода из одного состояния в другое и может «кочевать» из одного события в другое как некое предзаданное поле возможностей. *Событие «схватывается» самим собой, становясь актуальным в формировании своего собственного, особенного существования* – это событие «сращения» (терминология А.Н. Уайтхеда). В житейском контексте *событие схватывается другими событиями, т.е. существует и актуализируется за счет других событий*, – это событие «перехода». Сращение и переход, в ходе которых возникает множество новых состояний, – своеобразный центр структурной организации творческих коммуникаций.

На наш взгляд, указанное выше понимание коммуникативного события позволяет прояснить суть процесса «перехода» изме-

ненных состояний сознания в креативные, жизнетворческие. Поясним на примере. В наших активных практиках (творческих мастерских с использованием средств первичного творчества) мы выявляли два основных типа измененных состояний сознания. 1-й тип – состояния сознания, тяготеющие к трансу. 2-й тип – состояния, тяготеющие к стрессу (стрессу в его «позитивной» ипостаси – эустрессу).

Мы выделили для анализа именно стресс и транс, поскольку они отражают наиболее первичные и естественные реакции индивидуума на контакт с неизвестностью, их вербализация свидетельствует о выстраивании индивидуальной траектории адаптации и самоизменений (самопреодоления, расширения границ «эго-оболочки») в открытой творческой ситуации.

Основной источник информации о состояниях участников творческих мастерских – спонтанные высказывания в процессе работы, обсуждения после, свободные тексты, которые писались непосредственно после работы на мастерской и через месяц. Через полгода проводилась фокус-группа, посвященная воспоминаниям о мастерской и ее влиянию на жизнь участников. На основе контент-анализа спонтанных высказываний в ходе тренинга мы получили отражение актуальной динамики процесса. На основе анализа письменных текстов, писавшихся через месяц, и материалов фокус-группы мы получили картину произошедших с течением времени изменений.

В вербализации трансa выделены следующие кластеры: автономизация психологического времени; метафоричность; динамизм степени вовлеченности; обострение всех чувств; гибкость пространственно-временных отношений; готовность экспериментировать с открывающимися новыми ресурсами; переживаемое неконцептуальное участие; самопроявление, не требующее усилий; поглощенность переживанием; усиленные проявления нормальных бессознательных процессов; фундаментальные процессы, порождающие психологический опыт (воображение); парадоксальная логика; первичность в отношении к информации (некритичность, образноориентированность); самовыражение; единение с миром; свобода, раскрепощенность; измененная реальность.

В вербализации стресса выделены кластеры, отражающие негативную (тревожную) сторону стресса и эустресс: чувство опасной грани; страх измененной реальности; раздражение; сущность страха; тревожная неопределенность; ажиотаж; азарт; восторг; радость; восхищение; возбуждение; гиперактивность.

Полученные данные позволяют наблюдать динамику количественных изменений вербализации стресса и трансa с течением времени и

сделать следующее заключение: динамической особенностью первичного творчества является развивающееся по принципу маятника динамическое равновесие стресса и транса в процессе мастерской и уравновешивание до состояния статического равновесия стресса и транса после мастерской. Это означает, что непосредственно на мастерской мы имели «выброс» измененных состояний сознания, открывающих личности новые перспективы. Осознание открывшихся новых возможностей, т. е. переход из измененного состояния сознания в креативное, вызвал у участников противоречивое чувство: открывшиеся новые потенциальные возможности настоятельно требовали изменения жизни личности. Вот несколько примеров высказываний на эту тему: «я уже не смогу вернуться туда, откуда пришел»; «да... творчество. Это было здорово, но лучше бы этой мастерской вообще не было. Пока не знала – все было хорошо». На этих двух примерах наиболее ярко показана драматичность переживания открытия собственных новых потенциальных возможностей. В данном случае переживание выводит человека за пределы его собственной жизни: осознание творческого потенциала переживается как открытие горизонта возможностей, по высказыванию одного из участников, «взламывание скорлупки прежней жизни». Практически для всех участников мастерской (и тех, кто воспринял ее позитивно, и тех, кто настороженно или негативно) жизнь четко разделилась на «до» и «после». Те участники мастерских, которые приняли «потенциализацию» собственной жизни, вышли на «актуальный сектор» креативности, т. е. на готовность к действию. Те, кто досадовал на открывшиеся возможности, переживал их как помеху своей устоявшейся жизни, направили свои креативные возможности на перевод переживания в простые воспоминания. Измененные состояния сознания «сделали свое дело» непосредственно на мастерской – буквально «выдернув» участников в новое «поле возможностей». А вот коммуникативное событие-переживание, выводящее участников за пределы собственной жизни, – это уже «работа» креативных состояний, которые направлены в реальную жизнь личности, «обслуживают» ее потребности или отказы от самоизменений.

Наличие значимого индекса стресс-трансформации и проведенный качественный контент-анализ материалов, полученных спустя длительное время после мастерской, показали, что с течением времени наблюдается трансформация происходивших на мастерской событий-переживаний в символы этих событий и переживаний, подталкивающих личность к самотрансформациям, расширению жизненного мира.

Невключенное наблюдение за работой групп и контент-анализ спонтанных высказываний, выявившие в ходе творческого процесса такие проявления, как «детскость», «естественность», «свобода», свидетельствуют о том, что личность путешествует в мир первичного восприятия и первичного творчества в непосредственных переживаниях. Трансформация непосредственных первичных творческих переживаний в образы и чувства является истоком рождения психологических новообразований, преобразующих личность. Полученные эмпирические данные показали, что мастерская с опорой на первичное творчество создает основные необходимые условия проявления и развития первичной креативности: преобладающие позитивные эмоции, спонтанность, принятие творческой свободы, актуализации готовности к встрече с изменениями себя и мира. Особо нужно отметить: подобные интенсивные мастерские не только открывают личности ее творческий потенциал, но и толкают ее в драму «потенциализации», требующей от личности принятия ответственности за себя и свою судьбу.

4.5. Фрактал и транс-арт

Далее, в качестве небольшой иллюстрации к другим аспектам проекта Транс-арт, мы приведем материалы исследования, которое соединило наши наиболее необычные теоретические и практические находки в рамках Транс-арт-проекта – соединение работы с первичным художественным творчеством и фракталом.

Исследование раскрывает некоторые аспекты восприятия личностью фрактальных картин и фракталоподобных изображений, полученных в процессе спонтанного художественного творчества.

Понятие «фрактал» зародилось в математике (Пайтген, Рихтер, 1993), открыв законы существования сложных нелинейных динамических систем. Фрактальный принцип позволил придать новый импульс в изучении самоорганизации сложных систем, в первую очередь, в математике и естественных науках. Однако понятие «фрактал» оказалось настолько емким и содержательным с общенаучной точки зрения, что его приход в психологию естествен и необходим по следующим причинам:

Во-первых, системный подход к анализу психики является общей методологической платформой для научных и научно-практических исследований, позволяя рассматривать изучаемый предмет как многокачественный, целостный и изменяющийся. Теория психологических систем (Клочко, Галажинский, 1999) делает акцент на динамическом

аспекте сложной системы – самоорганизации. Системный подход в психологии связан с общей научной тенденцией, активно развиваемой синергетикой – рассматриваются внутренние свойства системы как источник ее саморазвития (Синергетическая парадигма, 2002). Специфика системного познания состоит в возможности описания и объяснения целостностей. Фрактальный принцип самоорганизации сложных систем представляет еще один, интегральный уровень описания и объяснения целостных динамических образований, рассматривая динамическое единство. Этим объясняется эвристический потенциал «фрактального метода» в психологии и границы его применения.

Во-вторых, представляется важным воплощение фрактального принципа в «материал» психологической науки через анализ феномена творчества, поскольку творчество является и специфической формой самоорганизации личности, и, одновременно, путем ее самореализации и самоактуализации.

В-третьих, фрактальные структуры различных природных объектов (гор, облаков, космоса) и фрактальные компьютерные изображения вызывают эстетический отклик и никого не оставляют равнодушным. Это дает прочные основания для организации работы с фракталом через принципы психоэстетики и активные психологические методы, такие как тренинги креативности и творческие мастерские.

Наше понимание «фрактальности спонтанного творчества» базируется на представлениях о спонтанном творчестве как проявлении творческой самоорганизации личности, в процессе которого происходит «перевод» потенциальной творческой энергии в актуальную. Для нашей работы оказались наиболее значимыми следующие понятия:

1. Спонтанное творчество, которое воплощает в наиболее чистом виде природный принцип творческой самоорганизации личности. Представители гуманистической психологии А. Маслоу и Э. Фромм подчеркивали, что только лишь те качества, которые являются результатом нашей творческой активности, основанной на спонтанных проявлениях, придают личности силу и тем самым создают основу ее целостности.

2. Первичное творчество, которое понимается как процесс экстернизации первичной креативности, т.е. перевода потенциальной энергии творчества в актуальную.

3. Фрактальная эстетика, которая отражает динамический аспект эстетических переживаний (прекрасного, безобразного, трагического, комического, возвышенного, низменного и т.п.). Поскольку эстетическое (красота) является интегрирующим, смыслообразующим

и системным свойством многообразной сферы отношений человека с миром, то мы видим в ней наглядное проявление и воплощение фрактального принципа в психоэстетическом пространстве (Видгоф, 2001). Фрактальная эстетика – это встреча с фракталом, которая происходит на основе интенсивного, глубокого погружения в поток художественно-психологических, психоэстетических переживаний.

4. Первичное художественное творчество, понимаемое как актуализация первичной креативности и фрактальной эстетики в психоэстетическом пространстве. Как мы упоминали выше, подобное творчество осуществляется с помощью таких художественных средств, которые, с одной стороны, наиболее полно воплощают в себе принципы самоорганизации в природе, а с другой стороны, чрезвычайно просты и не требуют умения рисовать. Таким образом, первичное художественное творчество соединяет в себе творческую спонтанность и фрактальную эстетику, помещая их в целостное психоэстетическое пространство (Частоколенко, 2005).

Эвристическую значимость для нашей работы имеет понятие «творческое восприятие», введенное А. Арнхеймом (1974). Представители гештальтпсихологии показали, что на сенсорном уровне восприятие достигает того, что в царстве разума известно под названием «понимание». Т. Рибо, исследуя феномен творческого воображения, пришел к тем же выводам, подчеркнув творческую компоненту в акте первичного восприятия. Мы, следуя концепции указанных авторов, определяем творческое восприятие как восприятие, порождающее новые значимые для личности чувства, эмоции, переживания, ведущие к интенсификации творческой активности личности.

Указанные выше общенаучные причины введения «фрактального метода» и наше понимание спонтанного творчества послужили основанием для разработки программы исследования фрактальности спонтанного творчества.

Осуществляя программу исследования, мы предположили, что спонтанное художественное творчество развивается по фрактальному принципу, актуализируя творческое восприятие мира.

Цель данного исследования – выявить фрактальные особенности спонтанного творчества, инициирующие творческое восприятие.

Определяя круг интересующих нас фрактальных параметров, мы ориентировались на те принципы самоорганизации, которые существуют в неживой и живой природе. Первая группа параметров связана с самоорганизацией неживой материи (порядок и хаос); вторая группа – с

творческой самоорганизацией личности (избирательность и взаимность). Поскольку нас интересует возможность актуализации творческого восприятия, нам необходимо выявить оптимальные условия и методы соответствующих психологических практик. Таким образом, выстроились следующие задачи исследования:

1. Рассмотреть особенности восприятия фрактала в процессе спонтанного художественного творчества. Задача решается через организацию творческих мастерских с первичным художественным творчеством, воплощающим порядок и хаос самоорганизации неживой материи в психозстетическом пространстве.

2. Выявить динамические особенности спонтанного первичного творчества, проявляющего природные принципы творческой самоорганизации личности во взаимодействии с другими. Задача решается через активные методы психологического взаимодействия (тренинг креативности).

3. Описать феномен творческого восприятия фрактальных картин. Задача решается через организацию исследования восприятия коллекций фракталоподобных изображений и компьютерных фракталов.

Решению первой задачи нашей работы – изучение особенностей восприятия фрактала в процессе спонтанного художественного творчества – была посвящена самая объемная часть исследования: в течение 15 лет велись постоянные наблюдения за участниками творческих мастерских, занимающихся первичным художественным творчеством в свободном режиме и произвольное количество времени. Результаты наблюдений регистрировались в дневнике наблюдений, комплектовались творческие коллекции участников и записывались спонтанные высказывания как в процессе творчества, так и при восприятии художественных и фрактальных коллекций. В течение 6 лет (с 2003 по 2008 г.) регистрировалась частота спонтанных обращений участников мастерских к коллекциям фрактальных изображений и записывались их рассуждения как о конкретных изображениях, так и о коллекциях в целом.

Центральная часть мастерских – первичное художественное творчество, понимаемое нами как актуализация первичной креативности и фрактальной эстетики в психозстетическом пространстве. На мастерских с использованием первичного художественного творчества выявились несколько видов отношения к подобному творчеству:

1. Творчество как восторженная игра: *«Азарт, захватывающий процесс, ноги сами несутся, руки судорожно хватают пер-*

вые попавшиеся краски, и кап-кап – плюхаются цветные капли на воду. А потом взмах бумажкой и, о чудо, рождается шедевр!»

2. Чувство «хозяина» креативного пространства: «Свобода и беспрепятственность самовыражения на фоне радости, эмоционального подъема».

3. Творчество как слияние с миром, постижение себя: «Подъем на уровне «органики»; «...проявляет тебя целиком, во всех твоих связях с миром...».

4. Недовольство сутью такого творчества: «В работах мало своего, личного, как будто делают за тебя»; «... я не могла контролировать ситуацию...».

Таким образом, исследуемое нами творчество можно рассматривать на самых разных уровнях – от простой «игровой» деятельности до одной из форм духовного роста.

Все изображения, получаемые в процессе первичного художественного творчества, относятся к классу фракталоподобных изображений, так как автор работы не «рисует» и не «создает» картину, а запускает процессы самоорганизации аморфной материи в разных средах: краске, воске, гипсе.

Участники наших исследований, рассматривая творческие коллекции, говорили о чувстве «прикосновения к первоосновам Вселенной». В бесконечности и повторяемости фрактальных элементов ощущали «тайные письма, посланные нам Высшей силой, которые непередаваемы, но понятны каждой струночке Души».

Обобщение более 250 высказываний о фрактальных коллекциях позволило сделать вывод о том, что в восприятии фрактала есть сходство с восприятием музыки. В музыке, как и во фрактале, видишь по отдельности «партии инструментов» и как они переплетаются и взаимодействуют. И музыка, и фрактал воспринимаются в нескольких состояниях сознания: «нормальное» сознание ощущает нечто цельное и отдельное; «измененное» сознание ощущает музыку сплетенной из тишины и звуков, а фрактал как состоящий из пустоты и насыщенности; «мистическое» сознание ощущает, что звук и тишина, пустота и насыщенность по сути одно и то же.

Динамика восприятия фрактала разворачивается в следующей последовательности: сначала воспринимаются два «начала» – пустота и насыщенность. Далее ощущается «комбинаторика» – два начала образуют разнообразные последовательности. Последовательности периодически повторяются, задавая внутренний и внешний ритм: внешний

«задан» самим фракталом, внутренний определяется ритмом психологического пространства-времени воспринимающего фрактал. Ритмы конфликтуют друг с другом и адаптируются друг к другу. Взаимодействие ритмов видоизменяет их, порождая бесконечные метаморфозы. Фрактал выражает и отражает основы существования: отсутствие и присутствие (пустота, тишина, звуки, насыщенность) и формы существования: детерминированный хаос, конфигурирующий «отсутствие и присутствие», иными словами, задающий форму бесформенному.

Участники мастерских особо отмечают свою эстетическую реакцию на то, как фрактал сплетает Порядок и Хаос. На одной из мастерских спонтанно образовалась фокус-группа, участники которой выдвинули идею о глубинном единстве фрактала и творчества. Суть рассуждений свелась к следующим нескольким тезисам. Человеку постоянно приходится сталкиваться как с упорядоченными, так и с неупорядоченными процессами, порождаемыми различными динамическими системами. Упорядочение и хаотизация, созидание и разрушение, неопределенность дальнейшего развития – вот те «первоосновы», которые роднят фрактальное изображение с творческим процессом. По сути, фрактальная картина являет собой многозначный символ творчества, заменяя попытки его различных «однозначных определений».

Нам удалось выявить и рассмотреть несколько уровней «проекции» фрактального принципа в творческие процессы и творческие продукты участников мастерских:

1-й уровень – резонанс с существующими фракталами (природными, компьютерными, архитектурными, художественными). На этом уровне происходит актуализация эстетического сознания как универсальной и многомерной целостности, способной постигать, не расчлняя.

2-й уровень – развитие фрактала. Здесь ключевым моментом является феномен Встречи личности (точнее, ее направленности, тенденций, интенций) с окружающим ее «контекстом» творческого, физического, социального и любого другого пространства.

3-й уровень – рождение фракталов, дающее начало творческому самовыражению и саморазвитию в непредопределенном и не зажатом никакими «предметными» рамками направлении.

Таким образом, в результате первой части исследования мы рассмотрели особенности восприятия фрактальных изображений, к которым относятся: эффект эстетического резонанса с фрактальным принципом самоорганизации материи; «послойность» восприятия фрактала на

разных уровнях сознания (от «нормального» до «мистического»); восприятие фрактальной картины как многозначного символа творчества.

Вторая задача нашей работы – выявить динамические особенности спонтанного первичного творчества, проявляющего природные принципы творческой самоорганизации личности во взаимодействии с другими. Эту задачу мы решали с помощью активных методов психологического взаимодействия, разработав модель тренинга с использованием первичного творчества как средства актуализации креативных возможностей.

Мы предположили, что мотивационные, когнитивные, креативные, эмоциональные психические процессы, в которых психологически зафиксированы первичные способы контакта человека с миром, в ходе тренинга с использованием средств первичного художественного творчества окажутся максимально обнаженными и не деформированными.

Организация исследования. Идея тренинга – организация в реальных группах открытых творческих ситуаций, складывающихся из транскомуникативных микро-событий. (Кабрин, 1992; Частоколенко, 2005). Рождение нового психологического опыта происходит без потери «первичности», естественности творческих проявлений. Происходит яркая встреча с самим собой в совершенно новом, неожиданном для личности качестве, гармонизируя разноуровневые миры человека. Цель тренинга – переживание творческих состояний. Подчиненными этой цели являются задачи по созданию многомерной творческой ситуации в тренинге. Многомерная ситуация порождает события, состояния и синтезы как на уровне личности, так и на уровне группы. Особенность соотношения «группа – личность» заключается в том, что в тренинге они представлены не как «система» и «подсистема», включенная в нее, а как равновеликие и равнозначные коммуникативные системы. Личность и группа взаимно совмещаются и взаимореализуются. Каждая личность и группа выбирает и определяет свою собственную стратегию избирательности и взаимности, реализуемую в ходе тренинга.

Выборка участников исследования: реальные студенческие группы. Общее число участников – 120 человек обоего пола (30 мужчин, 90 женщин). Средний возраст – 19,5 года.

Нами были выявлены следующие динамические особенности первичного творчества:

А) Первичное творчество актуализирует состояния стресса и транса. Имеются в виду не патологические проявления стресса, а первичная, жизненная функция стресса – мобилизация возможностей в направлении активной переадаптации или трансформации жизненного процесса в со-

ответствии с воспринятыми изменениями. Также транс понимается не как патология, а как широкий спектр измененных состояний сознания.

Б) Первичное творчество аккумулирует транскомуникативные микрособытия. Личность путешествует в мир детского восприятия (не в интерпретациях психологов, а в непосредственных переживаниях), встречается с новыми, неожиданными гранями собственного «Я» и партнеров.

В) Первичное творчество основано на одной из самых первичных реакций – спонтанности, что создает предпосылки для принятия личностью «позитивной свободы» творчества.

Г) Наиболее яркой динамической особенностью в нашем варианте тренинга является всплеск позитивных эмоций в самом начале и переживание состояния первого инсайта. Структура творческого акта представляет собой цепочку переживаемых микрособытий, сопровождаемых ритмом такт-инсайта. Переживание и спонтанные действия сливаются в цепочки взаимопорождающих событий-переживаний.

Участники тренинга вышли на работу по тем же самым принципам и природным законам, по которым разворачивается спонтанное естественное творчество ребенка, сопровождаемое непосредственными первичными эмоциональными и физическими проявлениями (смех, визг, шум, радостное подпрыгивание, горящие глаза, «лихорадочная» деятельность). Переживание творческих состояний трансформируется в образы и чувства, которые постепенно осознаются и вербализуются через спонтанные высказывания.

Таким образом, в результате второй части исследования была подтверждена исходная гипотеза и решена задача по выявлению динамических особенностей спонтанного первичного творчества.

Третьей задачей работы было описание феномена творческого восприятия фрактальных картин. Задача решается через организацию исследования восприятия коллекций фракталоподобных изображений и компьютерных фракталов. Поскольку нас интересуют прикладные аспекты наших исследований, в третьей части работы мы попытались найти оптимальные формы организации психологических практик, актуализирующих творческое восприятие мира и активизирующих творческую активность личности.

Мы предположили, что компьютерные фрактальные картины и первичное художественное творчество несут в себе один и тот же принцип, вызывающий актуализацию креативных возможностей человека, порождающий психологические новообразования и непосредственно участвующий в формировании жизненного мира личности.

В исследовании принимали участие студенты томских вузов гуманитарных и технических специальностей. Общее число – 131 человек (39 мужчин, 92 женщины), средний возраст 21 год. Участники были разделены на две группы. Первая группа (66 человек) участвовала в наших активных психологических практиках (тренинг), вторая (65 человек) участвовала только в работе с коллекциями фрактальных изображений. В исследовании мы использовали метод свободных описаний четырех коллекций: детское творчество (работы учащихся детской творческой студии); первичное творчество (коллекция была «чужой» для всех участников, она составлена из работ людей, не участвовавших в исследовании); природа (фотографии необычных природных состояний и объектов); компьютерное изображение фракталов. Эти коллекции отражают фрактальный принцип в разных средах, в разных материальных носителях. В коллекциях нет примитивной аналогии с математическим фракталом – есть единый принцип. Как форма спирали, «живущая» и в раковине, и в гигантской галактике, и в ДНК, так и в этих коллекциях фрактальный принцип «живет» в глубине и по-разному проявляется «на поверхности».

Анализируя спонтанные высказывания испытуемых, не участвовавших в тренинге, мы обнаружили большое сходство с первичным художественным творчеством: было выявлено глубоко личностное отношение испытуемых к фрактальным картинам; динамическое взаимодействие стресса и транса; переживание первого инсайта. Таким образом, был выявлен феномен инициации творческого восприятия, аналогичный для процесса первичного художественного творчества и для восприятия фрактальных компьютерных изображений.

Качественный анализ высказываний и текстов позволил сделать следующие выводы:

1) описание фрактальной картины соотносится с «Я-концепцией» и образом мира личности (Леонтьев, 1983);

2) фрактальная картина не просто «воспринимается» с какой-то личностной позиции, она непосредственно влияет на жизненный мир личности, порождая новые смыслы, и в этом ее сходство с первичным творчеством на творческих мастерских;

3) фрактальные картины порождают множество смыслов, тогда как изображения природы или художественные произведения порождают в основном описания.

Интересно, что все фрактальные картины обретали специфические смыслы, но это нельзя назвать «интерпретацией» в классическом пони-

мании этого слова. Дело в том, что интерпретируя «ничто», личность минимизирует неопределенность ситуации (или, если брать более широко – действительности), придавая определенность своему мнению, видению мира, выражению ценностей. Для того, что «происходило» с фрактальными картинками, более подходит термин «экспериментация», введенный постмодернистами. Через «экспериментацию» осуществляется выбор способа самовыражения, адекватного личности и ее состоянию. А способ самовыражения есть проявление индивидуальности, ее первичная свободная и спонтанная игра. В описаниях фрактальных изображений было выявлено несколько конструкторов, которые имели следующие формы:

1) суждение (в том числе и «оценочное»: «...безумно нравится. Это именно то, что нужно мне знать и делать»);

2) рассуждение (в том числе философское, «абстрагирующее»: «Картина излучает чистоту, возвышенность. Ассоциации с жемчугом. Как дорога к чему-то прекрасному. Хочется, чтобы и в жизни присутствовала подобная картина. В жизни подобное – любовь»);

3) диалог (как с партнерами по совместной работе, так и с воображаемым собеседником и самим собой: «...меня спрашивает эта картина, она задает мне вопросы, но не языком, в смысле обычной нашей речью, а горячей волной. Я могу только ответить: да!»);

4) наррация (спонтанно появляющиеся рассказы с развитием сюжета во время просмотра картин и вполне осознанные длинные истории, представленные в текстах свободных описаний).

Контент-анализ текстов выявил несколько стратегий восприятия фрактальных изображений, общих для всех испытуемых:

Стратегия внешнего восприятия – описание фрактального изображения как чего-то «внешнего»: как «пришельца» из мира компьютера; как проявление «внешних законов Вселенной».

Стратегия восприятия через личность того, кто этот фрактал создал.

Стратегия восприятия через контекст собственной жизни.

Стратегия личностного восприятия – описание фрактального изображения как чего-то своего, родного.

Стратегия восприятия через свое творчество.

Стратегия восприятия себя в контексте фрактала – явления и события собственной жизни как бы «сворачиваются» и оказываются «помещенными» во фрактальное изображение.

Таким образом, исследуя феномен творческого восприятия, мы пришли к выводу, что компьютерные фракталы способны выполнять функцию инициации творческого восприятия мира. Этот эффект можно

использовать в психологических практиках, направленных на актуализацию творческого восприятия.

Результаты проведенного исследования подтвердили изначальную гипотезу о том, что спонтанное художественное творчество развивается по фрактальному принципу. Однако результаты оказались гораздо шире, чем наши предположения. Так, были получены данные о том, что не только активные методы (тренинг, мастерская) актуализируют творческую самоорганизацию, но и восприятие специально подобранной коллекции фрактальных компьютерных изображений.

Полученные данные позволяют говорить о том, что фрактальное изображение воспринимается не как «картина». Процесс восприятия порождает личностные смыслы, по признанию самих испытуемых, «переворачивающие» взгляды на мир, на себя и свои возможности. Результаты наших исследований показали, что фрактальные изображения наряду с психодиагностическим потенциалом обладают огромным творческим потенциалом, выводящим личность на горизонты спонтанного творчества и творческой самоорганизации.

4.6. Транс-арт на «палитре» психологических практик актуализации креативных возможностей личности и группы

Творческое восприятие и художественная фантазия – особый способ отношения к миру. Это существенная часть значения или смысла, имплицитного действию. Вполне естественно использование потенциала транс-арта в таких практиках, как тренинги креативности, творческие мастерские, арт-терапевтические сессии. Транс-арт позволяет наполнить традиционные формы новым содержанием. Один из важнейших моментов «нового содержания» – возможность работать с потенциалом достижений личности. Как отмечает в своих работах В.И. Кабрин, чтобы развивать у человека потенциал достижений, необходимо понимать *динамику трансформации*, рождающую чувство этого потенциала. Важно различать четыре фазы потенциализации:

1) ожидание – спонтанное балансирование мотиваций достижений успеха, избегания неудачи и активация индивида на новую неизвестную ситуацию или ситуацию неопределенности, сопровождающуюся эустрессом;

2) реориентация – мобилизация перехода в новый масштаб ситуации, *транс*, переживание риска неопределенности, переход в новое состояние, соответствующее ситуации, расширение границ общения;

3) решение – преобразование ситуации в направлении новых возможностей, метаморфоза, преображение и переживание новой формы отношений;

4) рост – переживание роста в новом качестве, осознание и тестирование открывшихся возможностей в новой форме отношений.

Именно эти четыре фазы потенциализации совмещаются в рамках наших практик с универсальной четырехфазной структурой классических психологических практик, направленных на актуализацию креативных возможностей:

- a) фаза инициации, активации, мотивации;
- b) фаза поиска, ориентировки, когнитивной активности;
- c) фаза изменений, трансформаций, творчества;
- d) фаза завершения, консумации, интеграции, эмоциональной оценки.

Поскольку сфера искусства позволяет идти к построению практики, ориентированной на атгестацию зрелости не только знаний, но и культуры чувств, ценностных ориентаций, нам показалось целесообразным использовать возможности транс-арта в системе образования профессиональных психологов. Мы используем транс-арт в рамках специальных курсов «Психология творчества» и «Практикум по арт-терапии».

Однако наиболее интересный опыт работы с транс-артом получился в рамках специального курса по супервизии. Начальный шаг ориентирован на комплекс компетенций внутренней супервизии профессионального соответствия: индивидуальные особенности собственной личности рассматриваются в ракурсе основных профессиональных позиций и соответствующих им психологических практик. «Познакомиться с супервизией» означает начать знакомство-обучение с парадокса, на который мы обращали внимание в самом начале статьи: мы имеем парадоксальный характер психики, целью которой является союз, а не уничтожение многомерных противоположностей. Использование языка символов и фантастических образов для описания всего неопишуемого мы полагаем важной частью психологического метода. Мы построили курс через диалогические образы-метафоры своего «Я», метафоры жизненного пути и архетип Героя, путешествующего в поисках собственной идентичности. Размывание и синтез «Я» в диалоге субличностей позволяет осознавать индивидуальные особенности собственной личности; метафоры пути и архетип Героя позволяют показать, что во взаимоотношениях человека с миром путь к себе лежит через Мир. Коммуникативная культура понимается как основа успешного пути.

Созвездия существуют не на небе, а в голове: необходима возможность не только видеть небо, но и ориентироваться по созвездиям. Поэтому смысл курса – квалификационные требования к будущему психологу не «проговаривать» (не озвучивать, не «изучать»), а рефлексировать в транс-арте через метафоры и образы. «Небо» и «созвездия» не будут чуждыми друг другу «практикой» и «теорией»: возникнут живые, наполненные личностным смыслом образы профессиональных позиций и психологических практик.

Транс-арт представляется оптимальной формой, дающей место как творческому выражению (танец, рисунок, лепка, музыка, театр, пение, поэзия и сказительное творчество), так и анализу и дискуссиям, чтобы максимально открыть свою восприимчивость, расширить свое осознание процесса, увидеть и прожить его с различных углов зрения и позволить решению обрести свою форму. В основе такой супервизии транс-арт выступает как комплексный метод интермодальной «терапии» творческим выражением.

Необходимо уточнить, что мы понимаем под супервизией. Зинкин определял ее как «невозможную профессию», поскольку «супервизор одновременно присутствует и отсутствует, а это невозможно». (Zinkin, 1995. Цит. по Перри, 2007. С. 6). Вероятно, термин «субвизия» был бы предпочтительнее, поскольку как супервизор, так и супервизируемый заняты рассмотрением того, что происходит под поверхностью сознания. Еще более предпочтительным наименованием процесса представляется термин «призматическое видение». Это понимание заимствовано у Юнга, который писал о диапазоне звуковых частот, доступных слуховому восприятию человека, и о световых волнах, воспринимаемых человеческим глазом. Он размышлял о наличии нижнего и верхнего порогов переживания человеком психических событий и полагал, что «сознание, и особенно систему восприятия, можно сравнить со шкалой восприятия звука и света, имеющей, подобно им, верхний и нижний пределы» (Jung, 1960. Цит. по Перри, 2007. С. 3–4).

В супервизии представим себе взаимоотношения и процесс как звуковую и световую призму. Порой материал к супервизии может быть представлен в виде недифференцированного белого шума или света, который затем проецируется через супервизорские отношения, где «шум» разбивается на составляющие звуки, а свет – на цвета радуги. Юнг представлял образ спектра как подобие архетипа, выдвигая предположение, что на инфракрасном полюсе сосредоточены (удерживаются) инстинкты,

а на ультрафиолетовом – образы и значения. Оба полюса соприкасаются в бессознательном, где они формируют союз (*conjunctio*), созидающий энергию, проявляющуюся затем в сознании в виде потребностей, желаний, мыслей, зрительных образов и т.д. «Дикий опыт» и «белый шум» непосредственного материала супервизии переживаются не только в смыслах, но и в трансмыслах: мы одновременно воспринимаем и целостный «белый шум», и весь спектр радуги.

В основе композиции учебной программы лежит разработка В.И. Кабрина «Система профессиональной психологической подготовки. Модель практического психолога». *Комплекс компетенций «Внутренняя супервизия профессионального соответствия»:*

- способность к постоянной профессиональной рефлексии, основанной на базовой коммуникативной культуре;
- осознание качества внутренней коммуникации как инструмента понимания своей внутренней психологической жизни в ее слабоосознаваемых аспектах;
- освоение основных психологических практик на основе осознания индивидуальных особенностей собственной личности;
- выработка индивидуальной психогигиены для поддержания себя в профессиональной психологической форме;
- понимание широкого спектра профессиональных позиций и необходимого для их реализации соответствующего диапазона собственных психологических возможностей;
- мотивация достижения конгруэнтности и аутентичности актуализации своего психологического потенциала для реализации основных профессиональных позиций в соответствующих практиках;
- способность к импровизации, расширяющей психологический потенциал профессиональной деятельности и ее креативные качества.

В структуре курса 4 темы:

1. Образ «Я»: осознание индивидуальных особенностей собственной личности, движение к своему глубинному «Я».
2. «Я» в паутине повседневной жизни: осознание качества внутренней коммуникации как инструмента понимания своей внутренней психологической жизни: движение к полноте жизни.
3. Река жизни: способность к постоянной рефлексии, основанной на базовой коммуникативной культуре.
4. Путешествие Героя: образы основных психологических практик на основе осознания индивидуальных особенностей собственной личности.

Подобный подход к учебному курсу по супервизии позволяет не просто «дать знания», а принципиально изменить качество коммуникации участников учебных групп.

Измененные состояния сознания, получаемые посредством транса, ведут к переживанию риска неопределенности, обеспечивают переход в новое состояние, соответствующее ситуации, что естественным образом приводит к расширению границ общения.

Преображение измененных состояний сознания в креативные связано с преобразованием ситуации в направлении новых возможностей, коммуникативными метаморфозами и переживанием новой формы отношений. Креативные состояния проецируются в жизнетворчество через переживание роста в новом качестве, осознание и тестирование открывшихся возможностей в новой форме отношений.

В заключение хочется сказать следующее. *Целостное, нередуктивное понимание душевной жизни возвращается как главная ценность психологической науки* – холистическая психология обретает особое значение (Кабрин, 2008). И, как следствие, особое значение приобретают психологические практики, позволяющие осуществлять такое понимание.

Исходная идея коммуникативного подхода – понимание первичности коммуникативного процесса, в который погружен человек относительно всех других форм его активности, включая поведение и деятельность (Кабрин, 1992, 1999, 2001, 2008), оказалась весьма продуктивной в организации практик актуализации креативных возможностей личности и группы.

Транскоммуникативный подход, используемый как методология, позволяет вплотную подойти к организации психологических практик, максимально раскрывающих возможность непосредственного понимания живого психологического опыта и непосредственной работы с ним (медитация, управляемое воображение, различные виды рефлексии в альтернативных состояниях сознания). Возвращаются представления о «тонкой» – эйдетической, смысловой, ноэтической организации мира и интимной причастности ей человека.

Проблема креативных состояний сознания в контексте личностного развития, являясь классической и междисциплинарной, имеет богатую историю и характеризуется к настоящему времени чрезвычайно пестрой и разномасштабной феноменологией. Однако в силу глубины и непосредственной недосыгаемости для научного анализа базисных инсайтных состояний возможности их исследования определяются в основном рам-

ками научной парадигмы и методологии конкретной научной школы. Современная кардинальная смена научной парадигмы, глубины и масштаба видения психологической проблемы креативных состояний сознания происходит в русле холодинамического подхода. В конце XX в. явно ускоряется формирование принципиально нового понимания духовно-душевно-соматической интеграции человека в мире на основе «вечно-новых» идей математики («фракталы» Мандельброта), физики (имплицитный порядок и «холодинамика» Д. Бома), биологии (логика «живых метафор» Г. Бейтсона), медицины («медитативная биодинамика» К. Саймтона) и собственно трансперсональной холистической психологии, психотерапии, педагогики. Основателей последнего направления характеризует особая широта кругозора, нетрадиционность мировоззрения и мысли, идет ли речь о предшественниках (К.Г. Юнг, У. Джеймс, Р. Штайнер, Р. Ассаджиоли) или современниках (Ч. Тарт, К. Уилберг, С. Гроф, В.В. Налимов и многие другие). Наш Транс-арт-проект нацелен на две «возобновленные» идеи, выросшие в контексте новейшей психологии. Единство этих идей образует новую перспективу теоретической и практической психологии:

Во-первых, это преодоление упрощенной и ограниченной дихотомии «нормальное» сознание – «ненормальное» бессознательное и открытие многомерного спектра состояний сознания, соразмерного космосу.

Во-вторых, это возобновленное понимание того, что представление о «реальности» есть функция нашего состояния сознания.

Транскоммуникативная психология вносит два принципиальных дополнения:

1) необходимость понимания развития целостности беспредельного разноуровневого спектра измененных состояний сознания человека, группы, культуры на основе открытия и исследования феномена транскоммуникации сообщаемости разноуровневых коммуникативных миров, существ, сущностей;

2) необходимость *преображения измененных («иных») состояний сознания в креативные («наши»), т.е. в смысло- и жизнетворческие.*

Транс-арт-проект объединяет эти задачи как в гипотезу, так и в стратегию: измененные состояния сознания индивида, становясь транскоммуникабельными, преобразуются в креативные состояния сознания личности, а особые тренинговые ситуации и технологии транс-арта делают этот процесс более интенсивным и полноценным.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект-пресс, 2001.
- Архейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974.
- Барн Р.* <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/9/9a/1006639.htm>
- Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии: Учеб. пособие. М.: МГППУ; Смысл, 2003.
- Видгоф В.М.* Целостная модель человеческой эмоциональности. Опыт философской реконструкции. Томск: ТГУ, 2001.
- Гваттари Ф.* <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0219.htm>
- Гусельцева М.С.* Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психол. журн. 2005. Т. 26, № 6. С. 5–15.
- Делез Ж.* <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/e/ee/1006277.htm>
- Деррида Ж.* <http://slovari.yandex.ru/~книги/Энциклопедия%20постмодернизма/>.
- Знаков В.В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. С. 9–44.
- Кабрин В.И.* Креативность, духовность и личностный рост в нозтической и транскоммуникативной перспективе // Сибирский психол. журн. 1999. № 10. С. 83–86.
- Кабрин В.И.* Личность как встреча // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность—коммуникация—толерантность. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 73–103.
- Кабрин В.И.* Транскоммуникативные основания анализа ценностного мира человека // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 94–123.
- Кабрин В.И.* Транскоммуникация и личностное развитие. Томск, 1992.
- Кандинский В.* О духовном в искусстве // Психология цвета /Ред. С.Л. Удовик. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1996. С. 181–221.
- Клочко В.Е., Галажинский Э.В.* Самореализация личности: системный взгляд. Томск, 1999.
- Лаврова О.В.* Глубинная топологическая психотерапия: идеи о трансформации. Введение в философскую психологию. СПб.: Изд-во ДНК, 2001.
- Леонтьев А.Н.* Образ мира. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
- Лукьянова Н.А.* Роль события в управлениях коммуникациями / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. Томск: Изд-во ТГПУ, 2007.
- Мазюлов В.А.* Методологические проблемы в психологии в начале 21-го века // Психол. журн. 2006. Т. 27, № 1. С. 23–34.
- Маслоу А.Г.* Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997.
- Маслоу А.Г.* Новые рубежи человеческой природы / Пер. с англ.; под общ. ред.

Г.А. Балла и др. М.: Смысл, 1999.

Олпорт Г. О психологии личности. М.: Смысл, 1999.

Пайтген Х.-О., Рихтер П.Х. Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем. М.: Мир, 1993.

Перри К. Основные положения теории супервизии: //http://www.jungland.ru/node/2380

Постмодернизм: Энциклопедия ww.infoliolib.info/philos/postmod/index.html

Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-традиция, 2002.

Уилбер К. Интегральная психология. М.: Изд-во трансперсональной психологии; Изд-во К. Кравчука, 2004.

Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Попурри, 2000.

Частоколенко Я.Б. Динамические особенности первичного творчества. Томск, 2005.

Юревич А.В. Системный кризис психологии // *Вопр. психол.* 1999. № 2. С. 3–11.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

ГЛАВА 5. ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА КАК ПСИХОСЕМИОЗИС ЕГО СУБЪЕКТИВНЫХ РЕАЛЬНОСТЕЙ

5.1. Текст как психосемиозис знаковых систем различных модальностей

Транскоммунитивный подход, фокусируя внимание на природе и внутренних закономерностях бытия человеческой индивидуальности в мире, обращается к изучению качественной специфики индивидуального сознания, антропотипической сущностью которого является способность человека конструировать множество различных репрезентаций мира, разделяя в рефлексивных процессах объективный мир и его субъективные интерпретации. Сегодня явно недостаточно рассматриваются вопросы о природе и внутренних закономерностях становления феномена человека, его со-бытийности, в которой его потенциальность становится актуальностью. Но в настоящее время существует противоречие между назревшей необходимостью концептуализации символического пространства человека, представляемого текстами, и явно недостаточной разработанностью широкого круга теоретико-методологических оснований психологического исследования этого процесса. Действительно, изучение текста в психологии сводится зачастую к знакомству с техниками и приёмами его анализа, которые, порой даже игнорируя контекст, подтекст и интертекст, признаются психологами-практиками мобильным психодиагностическим средством (за счет легкости его получения от испытуемого почти любого уровня развития). Обвинения практиков в схематичности, невысокой эффективности, низкой диагностической релевантности технологий исследования текста заставляют обратиться к транскоммунитивной природе текста как психосемиотического феномена.

Семиотическое направление возникло в отечественной психологии в начале 70-х гг. XX в. на базе культурно-исторической концепции (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн), общие положения которого были разработаны М.В. Гамезо, Б.Ф. Ломовым, В.Ф. Рубахиным и обозначаются сегодня как *психосемиотическая* направленность проблем психологического изучения знаков и знаковых систем. Идеи о психологических функциях знаков высказывались и в трудах Б.Г. Ананьева, В.В. Давыдова,

В.С. Мухиной, А.Н. Леонтьева, Н.Ф. Талызиной, Дж. Брунера, Ж. Пиаже, А. Валлона. Особый акцент на знаке сделан в культурно-исторической концепции развития человека (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев). Л.С. Выготский, считая сигнификацию (создание и употребление знаков) центральным отличием человека от животных, отводил знакам особую орудийную (инструментальную) функцию, называя знак и способ его употребления «определяющим» или «фокусом» всего процесса формирования психики, основным моментом его конструирования.

Одним из первых понятие «психосемиотика» было осознано В. Рудневым, но только как продолжение и развитие психоанализа, в котором психоаналитический контекст, по существу, всегда и был не чем иным, как психосемиотическим. Изучение транскомуникативной природы текста как психосемиотического феномена, базируясь на семиотике Ч. Пирса и Ч. Морриса, семиологии Ф. де Соссюра, сематологии К. Бюлера, семантике Ч.К. Огдена и А.А. Ричардса, С. Ульманна, А. Шаффа, глоссематике Л. Ельмслева, «философии символических форм» Э. Кассирера и ее современных версиях (С.Р. Варгазаряна, А.А. Ветрова, Ю.С. Степанова, Ю.А. Шрейдера), выводит исследование в трансдисциплинарный контекст. Поэтому идея Р. Якобсона, еще в 30-х гг. предлагавшего на основе теории Ч. Пирса соединить когнитивный, коммуникативно-функциональный и герменевтический подходы, по сути, обращается к транскомуникативной природе знака и текста.

Текст, по М.М. Бахтину (1955), является первичной данностью «говорящего бытия», что придает ему статус метода гуманитарных наук, акцентирующего субъективную нагруженность текста. Как указывал А.Ф. Лосев (1993), в знаке, бесконечно варьирующем свое значение, всегда содержатся «все возможные проявления вещи», флюктуации ее смыслов в символическом пространстве транскомуникации (что обнаруживается как психосемиотический феномен).

В этом контексте, акцентирующем роль субъекта, реальность раскрывается знаковой ситуацией, концептуальной «сеткой», набрасываемой на действительность, особым способом видения «глазами» культуры, что создаёт специфику человеческого мира как его способности к трансцендированию, к открытию нового смыслового измерения в акте транскомуникации. В центре психосемиотики лежит представление о том, что знаки – это не только индикаторы внутреннего психического содержания, но и способы его развития и формирования». Символический интеракционизм, заостряющий символическую природу коммуникации,

символическое окружение которого создает вариабельность смыслов, их контекстуальность и интенциональность.

Язык, упаковывающий знания о мире и о себе в языковую структуру, в символ, сегодня становится важнейшим объектом исследования в психологии. Акцент на его коммуникативной природе отправляет к адресатам дискурсивных посланий, причем именно адресат, задавая транскоммуникативный контекст, несет особую смысловую нагрузку в акте коммуникации (Кабрин, 1998). В силу этого центр тяжести в исследовании языка с формальных, глубинных структур языка – линия Г. Фреге (1997), Б. Рассела (1999) и раннего Л. Витгенштейна (по А.Ф. Грязнову, 1990) – переносится в коммуникативную область ситуаций речевого общения. Лидером уникального рассмотрения языка как феномена человеческой субъективности является американский философ Д. Серл (2002), подчеркивающий, что онтология сознания – это онтология «от первого лица» и поэтому главными и требующими углубленного изучения являются такие свойства сознания, как темпоральность, единство, субъективность, структурированность, интенциональность – только через эти характеристики можно внятно артикулировать трансцендентальное, духовное измерение психологии человека.

Мир, собственное сознание и сознание другого раскрываются человеку посредством семиотических структур, образуя единое знаковое пространство взаимодействия человеческого бытия и сознания – семиосферу, представляющую собой нелинейную, самоорганизующуюся систему субъективных реальностей, репрезентирующую мир на эмоционально-перцептивном и ценностно-смысловом уровнях. Предполагая, что в праснове самоорганизации человеческого сознания лежит его первичная семиотическая расчлененность, из которой самоотстраиваются континуальность и полисемантизм его бытия в те пракультурные пласты, которые прямо или косвенно определяют собой семиотику современного культурного сознания (Сапогова, 2000), тогда обращение к семиосфере, к нелинейной динамике семиотической организации коммуникативных миров выводит на вопросы порождения ценностно-смысловых измерений субъективной реальности человека.

Семиосфера, семиозис как субъективная реальность человека, сконструированная и проанализированная через язык, текст личности, проблематизирует релевантность способов и методов извлечения информации из текстов. Поэтому основной проблемой научного становления психосемиотики в рамках транскоммуникативного подхода становятся

когнитивно-дискурсивные и культурно-символические представления человека. Семиозис, семиотическое пространство человека, психосемиозис, синонимичны термину «концептосфера». По Ю. Лотману (1978), концепты – это «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (Лотман, 1978. С. 40). Смыслообразование – это процесс порождения и трансформации смыслов (концептов), в котором взаимопроникновения и взаимопереходы коммуникативных миров создают уникальность субъективной реальности.

В серии исследовательских работ на факультете психологии Томского государственного университета 2000–2010 гг. проведено исследование особенностей субъективных реальностей, в котором транскомуникативная природа текста рассматривается в процессе порождения, открытия смысла в метафорической направленности сознания (интерпретации), т.е. как его психосемиозис. Методология психосемиотики основана на принципах «постметодологии» как методологии постнеклассической, конструктивистской науки, по В.И. Кабрину (1995–2010 гг.). Положения культурно-исторического, деятельностного и психосемиотического подходов к исследованию сознания, работы по моделированию понимания естественного языка Л. Выготского (1982), С. Рубинштейна (1997), А. Леонтьева (1974), Ю. Лотмана (1978), В. Петренко (1997), Р. Шенка (1980), психосемиотические представления Б. Ломова (1984), Т. Дридзе (1984), психосемиотические принципы построения структурных моделей знаковых образований Г. Щедровицкого и С. Якобсона (1973), представление о тексте как объекте психодиагностического анализа Н. Жинкина (1982), Ю. Караулова (1987), А. Брудного (1998) легли в основу осмысления феномена смыслообразования в «сетевой» парадигме синергетики (Дж. Чу, 1968; Ф. Капра, 2002). В таком «сетевом» дискурсе смыслы могут рассматриваться как «реперные точки» в модели становления индивидуального сознания, а транскомуникация – как процесс, запускающий смыслообразование, в котором смысл как феномен проявляется через возможность и необходимость флуктуаций (мерцаний) и бифуркаций (ветвлений) в его фрактальной многомерности текстового метафорического сознания.

5.2. Текст как психосемиотическое пространство персонального мифа

В проекте «Текст как персональный миф» (2001) ставилась задача выявления транскоммунитивного потенциала персонального мифа через выявление особенностей лексико-семантического образа Я по результатам психологического портретирования лексики текстов о своем персональном мифе, написанных студентами. Мифу присущи нарративная связность, повествовательное единство, цельная монументальная стилистика, но в то же время и аскетическая простота. Феномен персонального мифа по сути своей транскоммунитивен, поэтому текст как семиотическое пространство персонального мифа проанализирован с помощью вычленения его ассоциативных кодов (Барт, 1966; Калина, 1997), которые «захватываются» из коммуникации, обособляясь в ассоциациях с их потенциалом трансформаций и «ветвлений» смыслов. Это позволило осмыслить транскоммунитивную природу и аутопсихотерапевтическую функцию персонального мифа.

Текст как законосообразный поток ассоциаций отражает феноменологический опыт самосознания в его способности к трансцендированию. По представлению Э. Кассирера (1998), духовная сила и глубина языка в его основных понятиях – Бытия и Я. Построение языковых и мифических миров определяется духовными мотивами и подчиняется им. Пути смыслообразования личности, ее экзистенции в движении к самопониманию связаны с мифологизацией и отражаются в проблеме языкового сознания, языкового Я. Дж. Хиллман (1996) считает, что метафизика языка как выражение экзистенции человека, обращенность языка к трансцендентному связаны с «неуемностью» психического в беспрестанном поиске для себя символического выражения, со способностью языка быть средством существования души, текстом личности, сознания и бессознательного. Проблема мифологического в языке и речи, неявность смысла текста о себе как экзистенциального, авторского, его эзотеричность обуславливают методическую ценность текста как метода психологии, которая сопряжена с решением вопросов о его значении, содержании, типах, процессах порождения, понимания и его интерпретации.

Важность изучения языка, речи, текста в психологии подчеркивается многими психологами: язык существует как структура в коллективном сознании народа, в языковой компетенции каждого его члена. Психоло-

логическая культура личности, по В.И. Кабрину (1992), представлена в коммуникации как значимый для неё текст, в реальности языка переживания (психологический документ). Интерес к исследованию текста объясняет тенденцию к зарождению в недрах классической психологии ее нового гуманитарного варианта (Воробьева, 1995), трансформации методологии психологии, смене исследовательских парадигм (Знаков, 2000; Братусь, 1994; Зинченко, 1997), рассмотрению психических реальностей как множественной онтологии (Розин, 1988) и появлению новых методов психологических исследований (Зинченко, 1997; Мамардашвили, 1977).

Основания гуманитарного дискурса совмещаются в тексте с глубиной проникновения в многообразие культурно-исторического и индивидуального психологического опыта. Он опосредованно представляет непосредственное, заменяет события изображением событий, психомоторику – письменно сублимированными формами: представлением, размышлением, сочувствием и т.д. Текст является важным средством понимания психотерапии и смыслового подхода к анализу личности, жизненный мир которой доступен рефлексии и толкованию именно потому, что даже элементарные мотивации представляют собой смысловые структуры. Ввиду того, что текст отражает целостную жизненную коммуникативную ситуацию, раскрывая её семантику и самый сложный замысел автора, поэтому именно текст, а не отдельные предложения, слова и фонемы, интересен для психологического исследования.

На вопрос, как «работают» тексты, о событиях, которые происходят в процессе коммуникации между автором, текстом и читателем, отвечают многочисленные теории порождения, понимания и интерпретации текста. В философии языка, логике и психологии преобладают содержательные и структурно-функциональные определения текста, аналогичные его лингвистическим определениям в новых переводческих концепциях с семиотической интерпретацией, которые зачастую представляются даже более операциональными, чем в деятельностной парадигме психолингвистики. Перекликаясь со взглядами Л.С. Выготского (1982) на язык и символы как инструменты формирования ментальности личности, Г.Г. Шпет (1989) говорит об языке как универсальном средстве выражения действительности в ее социокультурных координатах, прямом доступе к ментальности другого. Философы-аналитики языка Л. Витгенштейн (1984), В.А. Ладов (1999), Р. Барт (1996), Вяч. Иванов (1979), В.Н. Топоров (1995) считают, что любое смысловое образование имеет имплицитную лингвистическую характеристику. Поэтому правомерно рассматривать транс-

коммуникативный контекст феноменологического опыта как социокультурного. Понятие смыслового горизонта, служащего коррелятом всех компонентов неопределенности в тексте, восходит к феноменологической философии Э. Гуссерля (1994) и проявляется в транскоммуникации.

Смысл как идеальная мыслительная модель открывается субъектом только в процессе транскоммуникации. Поэтому актуальной является задача понимания смыслов, опредмеченных в тексте, что выводит на проблему анализа категории «понимание», транскоммуникативная природа которой делает её трансдисциплинарной. В психологии «понимание» традиционно употребляется в теории интеллектуальной деятельности в двух значениях: как процесс и как результат этого процесса (Роговин, 1969).

Понимание текста как постижение духовной жизни автора, проникновение в его субъективный мир до недавнего времени были прерогативой искусства и литературы с их образным и метафорическим языком; в научной психологии ее решение стало возможным с развитием психологической герменевтики, которая позволяет неявно вписанное в смысловое поле текста как «второй», «задний» план текста как подтекста проявиться в акте транскоммуникации. Но, несмотря на явно психологический дискурс феномена понимания, проблема соотношения психологии и герменевтики в настоящее время, являясь остро дискуссионной, онтологически осмысливается именно в теории транскоммуникации В.И. Кабрина (2005). Язык «удваивает» мир человека и создает возможность его волевых действий, обеспечивает активность субъекта – способность к опережающему отражению действительности, возможность ставить и решать задачи. В процессе отражения субъект наделяет значимостью все элементы действительности по их способности удовлетворять потребности, возникающие в его жизнедеятельности. Семиотическое понимание психологического хронотопа текста (пространственно-временной составляющей) обусловлено самосознанием и самопониманием интерпретатора: автор незримо присутствует в сюжете и виден на глубинном уровне.

Семиотическая природа психической реальности явственно осознается в понимании транскоммуникативной природы текста как диалогической структуры, объективирующей ее субъективность в особенностях коммуникации. Впервые диалогическую природу слова, которая всегда устремлена к Другому для понимания, т.е. ее духовную природу, обозначил А.А. Потебня (1989). Текст у М.М. Бахтина (1996) рассматривается как построение, при котором архаическая, фольклорная, литературно-бытовая и личностная мифология управляет динамикой текста, сюжета. Этим

текст из имманентных структур сознания автора возвращается в реальность. Феномен транскоммуникации, являясь сквозной темой культурно-философских направлений, обуславливает трансдисциплинарность его понимания: диалог у М.М. Бахтина есть способ проявления личности и означает ее высшую открытость во внешний мир, в социальный «текст»; у М. Бубера (1995) диалог сознателен, онтологичен и является основанием бытия; у Ю. Кристевой (1993) – «интертекстуален» и создан как калька с понятия Бахтина. У Э. Мунье (1999) диалог синонимичен коммуникации как со-бытию во внешней открытости другим. Х. Ортега-и-Гассет (1997) рассматривает экзистенциальную идею диалога, в которой не только Я, но и мир – событие (как у Бахтина ситуация), у Я нет ограничений другим человеком, как у Хайдеггера и Сартра. Язык диалога О. Розенштока-Хюсси (2000) – понимается им как надындивидуальная целостность прообраза, целостная специфическая среда, в которой язык обеспечивает непрерывность жизни человека и совокупного человеческого опыта.

В настоящее время в социальной психологии текст, «погруженный в коммуникацию», все чаще стал называться «дискурсом» (лат. *discursus* – рассуждение). Понимание текста как дискурса, означающее коммуникативную перспективу высказывания и систематизацию психологических средств ее реализации, сформулировано на основе семиотических исследований (Лакан, 1996; Фуко, 1991; Рикер, 1996). По П. Рикеру (1996), процесс понимания текста – это разработка предварительного наброска смысла текста и его последовательного пересмотра; понимать текст значит переноситься в другую жизнь. По Р. Барту (1994), репрезентации действительности воспроизводятся в дискурсе как одним из видов семиотической практики в виде кода, который позволяет формулировать и выражать интенции личности. Признание дискурсивной природы текста принципиально и позволяет сделать следующие выводы: текст обладает автономным (по отношению к социальному контексту) содержательным и смысловым полем, не является «зеркалом» социального и культурного пространства личности, но относится к системе риторического самоописания, самопредставления личности в системе коммуникации. Рефлексия, объективируя транскоммуникативный потенциал человека, позволяет психологу исследовать текст как целостное образование, интерпретируя пониманием архитектонику его возникновения через анализ биографического материала, обнаруживает тем самым трансцендентные, имманентные и бессознательно действующие законы коммуникации.

Неоднозначность текста проявляет «...интегральный личностный смысл, образованный *противоречивым* отношением образов-смыслов

«практического» и «истинного» Я, обнаруживает сложную *гармонизирующую функцию* в системе межличностных отношений коммуникативного мира личности, обеспечивающей полноценность ее самореализации» (Барт, 1994. С.71). А.А. Леонтьев (1997) писал о «говорящей личности». Транскомуникативный подход обращается к метатексту. Метатекст как объект исследования впервые был выделен А. Вежбицкой (1978), где она показала, что мнение о предмете может быть переплетено с «нитьями высказывания» о самом высказывании. Такие метатекстовые нити, эксплицитно или имплицитно присутствующие в тексте, позволяют соотносить мотивы, цели и намерения говорящего как с его речевым поведением, так и коммуникативным. Идея ветвящегося сюжета наиболее полно реализуется в тексте персонального мифа, который всегда полифоничен, а его нелинейность подобна электронному гипертексту. Современное понятие «гипертекста» близко по значению к «метатексту», но вначале «метатекст» обозначал умозрительную модель авторской позиции, воссоздаваемой по тексту, а гипертекст – реальные дополнительные фрагменты основного текста. Однако сейчас эти понятия не употребляются в одном контексте, так как являются синонимичными.

Возможный читатель текста – это гипотетическая точка соприкосновения коммуникативных миров, необходимое условие транскомуникативности, в которой опосредованно осуществляемый взгляд пишущего на себя самого является предметом исследования. Неразрывная связь мифа и языка дает основание для осмысления мифотворческого потенциала языка как хранителя intersubjectивных смыслов культуры, как универсального средства мифологизации сознания. Придумывание персонального мифа – это транскомуникативный процесс выявления, доопределения своего Я, это мощное средство его экспликации в тексте с помощью признаков, релевантных для данного класса объектов (глагольность, местоименность). «Транскомуникация, – отмечает В.И. Кабрин, – это взлёт, полёт, парение в межкоммуникативном «невесомом» пространстве, она требует сверхоткрытости и сверхактуализации...» (Кабрин, 2005. С. 136) и представлена в любом значимом для личности тексте как психологическом документе, отражающем её переживания: личностность, аутентичность, а поэтому экзистенциальность текста отчетливо проявляются в его транскомуникативном представлении как дискурса и знака, осуществляющих переход слова-символа в поток сознания, когда исследование «изнаночной», «потаенной» жизни языка позволяет выделить универсалии, конституирующие особенности менталь-

ности. Таким образом, текст как лингвокультурный феномен возможно понимать как «свернутый» миф личности, позволяющий концептуализировать окружающий мир на основе анализа символических связей различных языковых компонентов в транскоммунитивном пространстве.

Мифологический и диалогический дискурс возможен только в тексте, понимаемом как гипертекст, информационные характеристики которого как избыточной многоуровневой системы, взаимосвязанных когнитивного, модального и текстуального компонентов вместе с недосказанностями, опущениями, своеобразными скважинами создает условия интерпретатору, читателю для восстановления, домысливания семантических лакун текста. Проективность гипертекста как пространства внутреннего мира личности может рефлексироваться и с внешней, и с внутренней позиции, причём интерпретация внутренней психологической реальности может происходить в понятиях и образах всеобщего и экзистенциального значения – во всех случаях это будет иной текст и разный герой, так как разнообразие средств создания образов и символов неповторимой индивидуальности и мифотворческой генерализации личности бесконечно в любом акте коммуникации. По Э. Берну (1988), сходство между мифами, сказками и реальными людьми легче всего схватывается в транзакции, основанной на собственном мифе, объективирующем конкретное бытие реального человека. Мысль о том, что человеческая жизнь порой следует образцам, которые мы находим в мифах, легендах и волшебных сказках, черпается им из идей Фрейда и Юнга об общем культурном мифе, в котором осуществляется апелляция к универсальным изначальным пластам человеческого сознания. Семиотическая природа пространства психотерапии и консультирования представлена значениями и смыслами, что можно рассматривать как текст (дискурс), создаваемый участниками консультативного и психотерапевтического процесса. Законы и принципы семиотики универсальны по отношению к любым видам знакового содержания, особенно к тому, что формируется на основе опыта значимого общения и межличностного взаимодействия (транскоммунитивация).

Привязка к метамодели языка существует и в способах анализа субъективной реальности в подходе Э. Фрейда, которые являются ярким примером герменевтической (истолковывающей) процедуры, действующей через сознание на процесс становления и расширения содержания последнего, в противовес традиционным для медицины того времени номотетическим (описательным) техникам, являясь, по существу, транскоммунитивными. Анализ субъективной реальности Ж. Лаканом (1996) также

ориентирует на помощь психотерапевта в языковой проработке пациентом своего душевного опыта, в подключении его к символическому порядку, в котором невыразимое реальное (бессознательное) может обрести речевое выражение и стать понятным воображаемому (сознательному Я). Триада «реальное – воображаемое – символическое» не только соответствует фрейдовской триаде инстанций личности и является основной системой понятий структурного психоанализа, но и фактически описывает феномен «утолщения границы» как расширения смыслового пространства личности в акте транскомуникации на языке фрактальной «постметодологии».

В транскомуникации Человек трансцендентен по отношению к личной идентичности, что помогает ему в процессе осознания, объединяя субъективность и опыт реального бытия *в знаке и мифе как знаке*. Преимущество мифологической перспективы в психотерапии и психологическом консультировании, таким образом, определяется тем, что мифология представляет собой ближайший из существующих аналогов незримой работы человеческой психики. Персональный миф восходит к естественному языку индивидуального внутреннего мира, поэтому мифологическое мышление способно охватить весь спектр человеческой природы – от первичных импульсов до эстетических чаяний.

5.3. Психосемиозис концепта «дорога» в транскомуникативном пространстве персональной мифологии

В проекте «Семиосфера–концептосфера» (2004) через тексты, написанные пассажирами железнодорожного транспорта, исследуется многозначность символических репрезентаций концепта «пространство – дорога» в персональной мифологии языковой личности. Психосемантический анализ семиотической организации ассоциативных полей текста, которые рассматриваются как «...смыслотворческие проявления транскомуникабельности относительно и более сложных, и более простых миров» (Кабрин, 2005. С. 58), выявил различные смысловые концепты субъективных реальностей, которые, выступая в качестве транскомуникативной матрицы, «организуют» принципы метакатегоризации индивидуального сознания личности пассажиров в ситуации поездки.

В социальной психологии семиотика малых групп и деловой коммуникации рассматривает социально-психологические роли как символические знаковые системы. Психосемиотика, отсылая к семиотике культурных концептов как хронотопов, в качестве одного из них вы-

деляет концепт «путь-дорога». Этот коммуникативно «нагруженный» концепт семантически и экзистенциально наполнен транскомуникациями, так как связан с важными или эксклюзивными событиями жизни человека в специфическом пространстве и времени, когда, по наблюдению известного семиотика Ю.М. Лотмана (1996), сливаются географические (локальные), этические и психологические элементы в модели пространства и обыденное переплетено с духовным.

Тема железной дороги вошла в наш духовный мир, прежде всего, через творчество Андрея Платонова – самого метафизического русского писателя XX в. Железная дорога для него – не только средство достижения иной точки пространства, но и духовного перерождения, потребности обрести смысл жизни. Это – миропонимание и эсхатологические устремления народа. Дорога, путь в русской культуре – наиболее зримый и метафоричный символ связи и любви между людьми. Символичность значения дороги в культуре во многом определяется мощной пространственно-временной метафорой, представляющей в виде пути биографию человека, в которой фиксированы пространственные и временные константы коммуникативных ситуаций. Особенность коммуникативной ситуации встречи, знакомства, разговора в дороге М.М. Бахтиным (1986) рассматривается как «хронотоп дороги». Транскомуникативный феномен Встречи (Вагонный попутчик), в которой не всегда объяснимая откровенность по отношению к незнакомому, характеризует специфику общения в дороге и неожиданные эффекты воздействия, обусловленные не только ее трансво-гипнотической спецификой (мелькание огней, стук колес, покачивание вагона и др.), но и вхождением в структуру хронотопа, что проявляется символическим смыслом понятия «дорога».

Целью этой работы стало выявление специфики реализации концепта «дорога» как одной из экзистенциальных категорий, важных для понимания внутренней картины мира пассажира в корпусе бытовых текстов самоописания и в ассоциациях пассажиров через определение места данного концепта в их картине мира. Предполагается, что смысловые образы и переживания дороги для пассажира, интегрированные в понятие хронотопа, отражают концепт «дорога» экзистенциалами его жизненной ситуации. Теоретико-методологическими основаниями такого предположения являются представления об интенциональности Э. Гуссерля (1994), идеи социальной и экзистенциально-феноменологической психологии об экзистенциальной коммуникации, психологии обыденного сознания в представлениях, суждениях, отношениях, интенционально-

сти Ф. Brentano (2000), представления социальных психологов Л. Росса и Р. Нисбетта (1999) о связности повседневного социального опыта, смещения личностного и ситуативного в реальном мире, психологических механизмах ситуации в опыте повседневной жизни; А. Либина и С. Парилиса (1998) о феноменах повседневного сознания; о человеке как творце собственного внутреннего мира; о конституировании в языке мира человека и его убеждений, иных реальностей. В рамках языкового сознания, в частности темпоральной концепции языка, интенциональность есть активное, волевое построение человеческим сознанием предметно-признаковой конфигурации, отражающей мир, на оси реального времени. Человек именно в интенциональном акте, опираясь на реальное время, «вычленяет» предмет через конфигурацию его признаков. В последнее время понятие концепта обнаруживается в психологии смысла, термин «концепт» становится синонимичным термину «смысл».

Осознанность интенции обуславливает существование в сознании человека универсальных концептов, т.е. «сгустков культуры», в виде которых культура представлена в ментальном мире человека. По О.И. Митрофановой (2006), выделение концепта как ментального образования, обогащенного социальным и культурным опытом личности, является закономерным в становлении антропоцентрической парадигмы психологии. Отечественную традицию в изучении концептов заложил С.А. Аскольдов (1928). Исследователь предлагает психологический подход к данному феномену, подчеркивая его субъективную природу: концепт – это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода». В понимании концепта как заместителя понятия за Аскольдовым следует Д.С. Лихачёв в своей статье «Концептосфера русского языка» (1993). В современной когнитивной лингвистике концепт рассматривается как основная ячейка культуры в ментальном мире человека, как «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний. Изучение концептов тесно связано с изучением текстов, в которых эти концепты закреплены и вербализованы как отражение национальной культуры и сознания. С.Г. Воркачев (2003), характеризуя концепт как «зонтиковый термин», «покрывающий» предметные области нескольких научных направлений, указывает, что на очередном витке спирали, по которой движется в своем развитии гуманитарное знание, в ходе очередной «эпистемической революции» российская гуманитарная мысль столкнулась с необходимостью выработки нового термина для адекватного обозначения содер-

жательной стороны языкового знака, который снял бы функциональную ограниченность традиционных значения и смысла и в котором бы органически слились логико-психологические и языковедческие категории.

Отраженное в словаре ядро понятия «дорога» – передвижение – всегда играло заметную роль в жизни русского этноса. Русские – движущийся этнос с самосознанием оседлого. Испокон веков в жизни русских присутствовали странники, «калики перехожие», странствующие богомольцы, «нищобродь», коробейники, отходники-промысловики, охотники, беглые крестьяне и каторжники, разбойники, ямщики, уходившие в дальние извозы, переселенцы, отправлявшиеся искать, кому и где «на Руси жить хорошо», – весь тот российский люд, жизнь которого была связана с постоянными странствиями, передвижениями по путям-дорогам огромной страны. Вся совокупность понятий, образов, символов, связанных с идеей пути, языки культур, служащие для передачи этого концептуального комплекса, образуют «мифологему пути», неизменно и ощутимо присутствующую в русском коллективном национальном сознании.

Анализ текста-самоописания проводился по следующим критериям: классификации психического как субъективного, интенционального по Ф. Брентано (2000) (представление, суждение, эмоциональное отношение); по критериям анализа текста-рассказа Н.С. Розова (1981), которые отображают строение субъективного мира испытуемого (в данном случае через проработку темы путешествия), отношение пассажира со своим идеальным Я и всем миром. В представлении о самоописательных методиках наиболее значимой является бахтинская характеристика самоотчета-исповеди как формы словесной объективации жизни личности, имманентной нравственному сознанию. Согласно теории И.А. Стернина (2000), словарные дефиниции рассматриваются в качестве ядра концепта «дорога», а периферия представляется коннотативными, образными, оценочными характеристиками в ассоциативном эксперименте и в тексте. С психологической точки зрения семиотический анализ текста является процедурой феноменологического метода, частичной объективацией герменевтического подхода.

Выборку исследования составили пассажиры поезда «Томич», следующие маршрутом Томск–Москва–Томск в количестве 227 человек, и 23 проводника, также описавших свое отношение к дороге в смысловых и эмоционально-оценочных составляющих. Такими составляющими можно считать комплекс этнических традиций, обычаев и норм поведения, вещественных атрибутов и представлений, связанных с передвижением.

Это позволило выявить основные свойства концепта «дорога» в восприятии пассажиров: чувственная воспринимаемость: она наблюдаема, видима, осязаема, непрерывна и целостна, неоднородна, протяженна.

Далее была проведена классификация фразеологизмов по обобщенной схеме, сконструированной из прецедентного анализа Е.С. Кудряковой (1997), которая отмечает наличествующие в любой этнокультуре универсальные духовные характеристики, имеющие онтологические, гносеологические, харизматические и эсхатологические смыслы «обыденного сознания»; коммуникативные: микрогрупповые – в семье, между близкими друзьями, макрогрупповые – социальные, ролевые, статусные; национальные – этнические, цивилизационные, общечеловеческие; индивидуальные – эмоциональные, когнитивные; персональные.

Фразеологизмы, относящиеся к концепту «дорога» в текстах самоописаниях пассажиров «Моя дорога», были разделены на ряд тематических групп, что позволило выявить наиболее существенные особенности реализации концепта «дорога» пассажирами. Концепты «правда», «истина», «надежда», «дух» – монофункциональны и находятся на периферии концептосферы пассажиров. Концепты бытийно-антропоцентрической группы, которые отражают реалию, многоаспектно осваиваемую человеком в процессе жизнедеятельности, занимают промежуточно-нейтральное положение. В экзистенциальное измерение концепт дороги переходил в случаях представленности в самоописании – третьего уровня – отношеннического, когда на описание проецировались экзистенциальные суждения. И, наоборот, дорога становится культовым символом для представителей молодежной субкультуры. Именно как символ свободы дорога популярна в молодежной среде.

Будучи многомерным ментальным образованием, концепт «дорога», как и всякий концепт, имеет три важнейших измерения – образное, понятийное и ценностное. Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно. Ценностная сторона концепта – важность этого психического образования для пассажира.

Проведенное исследование позволяет заключить, что дорога в поездке в целом воздействует на личность и выводит ее из привычного

мира обыденных представлений, воздействует на сознание, мирозерцание. Путешествие становится для пассажира аналогом его духовного пути, предопределяет появление у пассажира моментов экзистенциальной коммуникации, когда он «припадает» к основным ценностям бытия. Семиотический подход через анализ ментальных концептов, выражающих интенциональность духовных исканий в проявлениях обыденного (знак–смысл–образ–символ), может быть ассимилирован в психологии в связи с необходимостью расширения межпредметных связей с другими гуманитарными дисциплинами. Образ и концепт дороги, пути, путешествия, эмоциональное отношение к ним являются составляющей переживания будущего события, являющегося целью путешествия. Роль проводника в переживании путешествия, во-первых, состоит в понимании «великой цели» путешествия для каждого отдельного пассажира, отражающаяся на выполнении проводником своих служебных обязанностей.

5.4. Взаимосвязь со-бытийности эйдосов детства и семантик коммуникативного мира личности

В проекте «Эйдосы детства» (2005) совместно с Г.Г. Черменской, М.С. Белошниковой-Чубовой были проанализированы характеристики субъективных реальностей личности в зависимости от биопсихосоциальных факторов. Со-бытийность эйдосов детства и семантик коммуникативного мира личности рассматриваются в контексте проблемы восприятия, порождения и трансформации перцептивного образа. Обнаружено, что в детстве закладываются интегральные основания индивидуальной эйдетики ментальной сферы личности. Эмоциональные паттерны, порождающие субъективную семантику, не только детерминируют настоящее эмоциональным опытом прошлого, но и лежат в основе концептов будущего.

Важной является проблема определения перцептивного образа как символического, эйдетического и как феномена социального и коммуникативного мира человека. Научная психология имеет в своем арсенале множество методов и приемов, позволяющих разнообразно описывать и диагностировать, реконструировать и моделировать различные переменные, входящие в структуру личности. С проблемой символа как носителя ценностного потенциала личности связана разработка общепсихологических представлений о ценностном и смысловом измерении человеческого бытия (Василюк, 1984; Лобок, 1998). Субъективный мир человека многообразен и неповторим, но в нем вычленяется множество интеграль-

ных оснований, универсальных для каждого человека: субъективный опыт многих людей может иметь схожие мотивационные детерминанты и близкие по внутреннему наполнению сущностные характеристики. Каждая личность уникальна, и при встрече с другими человек не только обмениваемся опытом, но, с точки зрения феноменологии, дает другому и новые подтверждения его существования, и формирует единое эйдетическое пространство коммуникативной ситуации («встреча как транскоммуникативное со-бытие» – В.И. Кабрин). И от того, как это делается, может зависеть поведение и, возможно, изменение субъективного мира другого. Особенно важную важность общению принимает, если мы рассматриваем детские переживания на отрезке уже «взрослой» жизни. Именно в детстве закладываются те интегральные основания (инварианты-«зерна», по В.И. Кабрину) индивидуальной эйдетики ментальной сферы личности, которые влияют на осмысление окружающего мира в течение всей жизни. Именно эмоциональные паттерны, порождающие субъективную семантику, являются достаточно устойчивыми, что обуславливает возможность детерминации настоящего эмоциональным опытом прошлого.

По В.П. Серкину (2005), в отечественной психологии на основе принципа единства сознания и деятельности развилась парадигма моделирования структур субъективного опыта с максимально меньшим числом допусков модели и с максимально меньшим количеством формализации данного эксперимента. Это необходимо для моделирования не только результатов, но и механизмов семантического оценивания. И главное требование к такой модели – возможность постоянного дорабатывания соответствия аксиоматик модели и моделируемой реальности. Такой подход Е.Ю. Артемьевой (1999) назван психологией субъективной семантики, где модель (структура отображения результатов) не предполагается заранее, как в подходе В.Ф. Петренко (1997), а строится в процессе изучения реальности. Соответствующие модели и называются субъективными семантиками, под которыми Е.Ю. Артемьева подразумевает систему смыслов, понимаемых как следы взаимодействий с предметом, явлением, ситуацией, зафиксированные в виде отношения к ним, а Е.Л. Доценко (2003) – психические образования, существенным элементом которых является наличие субъективно устанавливаемых отношений между их собственными элементами и/или элементами непсихическими.

При обобщении результатов и в качестве концептуального основания работы по моделированию этих психических образований, в конечном итоге, авторам служит концепт «образ мира» А.Н. Леонтьева

(1975), сопоставляемый с ментальным пространством встреч, формирующих культурную матрицу личности, согласно В.И. Кабрину (2005). В этом ракурсе становление коммуникативного мира духовной личности невозможно без осмысления индивидуальной психосемантики личности. В настоящее время особенности формирования субъективных семантик, в частности, рассмотрение субъективного опыта в контексте индивидуально-психологических особенностей, анализ способов и возможностей диагностирования и прогнозирования проявлений активизирующих начал субъективных устремлений человека, проблема влияния семантики образов детства на особенности конструирования картины мира и др. – еще не стали предметом научно обоснованных эмпирических исследований, хотя они могут представить интерес для расширения теоретических представлений о конструктивных личностных изменениях. Коммуникативные экспликации и схемы усиливают эти возможности, создают преювентность при переходе к ментальному плану бытия личности уже в масштабе отношений Человек–Культура.

Идея исследования коммуникативного мира человека как континуума символов перцептивных образов детства, трансформирующихся в символику паттернов коммуникации взрослого человека, а также возможность проанализировать эти феномены через текст личности сложились на основе теоретических взглядов на природу коммуникативного мира и психосемантические структуры личности А.Г. Асмолова, В.И. Кабрину, Е.Ю. Артемьевой и В.Ф. Петренко, работ З. Фрейда, К.Г. Юнга, Дж. Келли, А.О. Прохорова об особенностях индивидуального сознания.

Теоретическое рассмотрение вопроса об индивидуальном бессознательном, его символической природе во взаимосвязи с психосемантической структурой личности и ее коммуникацией отсылает к пониманию символики коллективного и личного бессознательного З. Фрейда (2000) и К.Г. Юнга (1997). Согласно их взглядам, коллективное бессознательное представляет собой объективно-психическое, а личное бессознательное – субъективно-психическое. Личностные содержания бессознательного мы узнаём и отделяем от коллективных благодаря тому, что можем проследить влияние этих материалов, частичное их присутствие или возникновение в личном прошлом. По Юнгу, эти материалы являются интегрирующими составными частями личности, которые входят в её «имущественную опись» и отсутствие которых в сознании означает некоторую неполноценность по типу лакуны, которая стремится быть наполненной. Для правильного понимания символов необходимо определить

соотношение их с личными переживаниями и опытом, который формирует его смысл, его изначальную эйдетику и его метаморфозу. И если коллективное бессознательное частично представлено в личном опыте, то личное бессознательное, являясь частью субъективного опыта человека, состоит из забытых воспоминаний, подавленного опыта и сублимированных восприятий, которые в свою очередь являются неотъемлемыми элементами образа мира – внемодальной и относительно статичной системы образов отношений к объектам, явлениям, феноменам. В работах К.Г. Юнга выявлена трансформация культурных символов и мифов в образы фантазий и сновидений, когда соотносятся ментальная культура этноса и индивидуальная эйдетика человека, что также отражено в гипотезе В.И. Кабрина о становлении коммуникативного мира личности в социокультурном масштабе как процессе порождения и открытия смыслов.

Такое интегральное образование, как субъективное представление мира, несёт в себе следы всей предыстории психической жизни субъекта. Коммуникативный мир личности – интеграл «точек зрения» на мир, мегаобраз, предельно широкое целое, которое содержит информацию о совокупном наличном бытии индивида. Образ мира, по мнению В.А. Кольцова (2005), выполняет функцию контекста, позволяющего субъекту экстраполировать чувственные характеристики действительности, и теперь каждый акт восприятия выступает и как акт развертывания мега-образа, в то время как коммуникативный мир нам представляется возможным рассматривать как текст. Структура субъективного опыта личности, его внутренний образ мира позволяют вырваться из гомогенности мира, расставляя акценты значимости и формируя мир предметов, и далее работать с преобразованной реальностью, являясь, согласно Ю.М. Лотману (1996), одновременно и адресатом и адресантом новой информации, поступающей из внешнего мира. Коммуникативный мир личности, согласно В.И. Кабрину (2005), рождается на пересечении эйдетических возможностей и ментального опыта, содержит многообразие представлений, воззрений, установок, мифов, сценариев, ценностных ориентаций, паттернов переживаний и динамичных партитур ментальной жизни личности в социокультурном масштабе. Эти партитуры декорированы индивидуально и межиндивидуально нарративами и энергетически наполнены, напряжены заботами, ожиданиями, мечтами и пр. в направлении открываемого личного смысла жизни (Кабрин, 2005).

Сенсорно-перцептивная психика формируется в условиях непосредственного взаимодействия субъекта с объектами и развёртывается

в реальном масштабе времени. Через функцию взаимодействия перцептивный образ включается в контекст субъективного опыта и, приобретая статус представления, никогда не исчезает бесследно. Субъективный опыт, состоящий из множества сформировавшихся представлений, является, по сути, полисемантическим феноменом, элементы которого – не образы объектов, а образы отношения к ним. Предметами в субъектно-объектных отношениях во всех слоях существования субъективного опыта являются не вещи, не объекты, не ситуации, а свёрнутые следы взаимодействия между ними, некоторое состояние, реализация в «здесь-и-сейчас» реальности. Существует всеобщий способ атрибутирования этих следов, единый код, позволяющий предположить существование феномена межмодального переноса. Е.Ю. Артемьева (1999) указывает на то, что с лексической точки зрения процесс метафоризации осуществляется таким образом, что на связь прямых значений слов накладывается связь вторичных семантических оттенков значений. И метафора является межсистемным переносом, осуществляя переход от одной категориальной системы к другой, от одной классификации мира к другой.

Можно понять, что особенностью процесса психосемантизации субъективного пространства сознания является привнесение персональной смысловой нагрузки в багаж характеристик атрибутируемых модальностей. Именно этим путём бессознательные содержания психической жизни индивида могут попасть в сферу сознания. Одним из эвристических методов исследования индивидуальной системы значений и, следовательно, сознания субъекта, согласно концепции А.О. Прохорова (2002), являются субъективные семантические пространства, где под семантическим пространством понимается система признаков, описаний объектной и социальной действительности, определённым образом структурированная. В основе построения семантических пространств лежат, как правило, статистические процедуры. Перевод содержания описания в более ёмкие единицы метаязыка семантического пространства является одновременно семантическим анализом исходного языка описания, осуществляемым в единицах факторной структуры семантического пространства. В рамках психосемантического подхода бессознательное рассматривается не как самостоятельная психическая реальность, противостоящая сознанию, а как нижележащие уровни сознания, характеризующиеся меньшей расчленённостью и рефлексивностью. В соответствии с методологическими основаниями и стратегиями исследования А.Н. Леонтьева (1975) сознание рассматривается как система значений, данных в

единстве с другими образующими – чувственной тканью и личностным смыслом, а изучение психических состояний в языковом пространстве осуществляется через субъективную систему значений, образующих семантическое пространство. Здесь действует принцип операциональной аналогии между параметрами субъективного семантического пространства значения (состояния) и категориальной структурой сознания, что отражается в транскомуникативной методологии через принцип специфики сообщаемости разнопорядковых миров, что может объяснять и трансформации перцептивных образов детства в категории «взрослой» жизни.

Семантические пространства индивидуального сознания, по А.О. Прохорову (2002), включают «накопленные» следы переживаний, осуществлённой ранее («прошедшей») деятельности, поведения, физиологических реакций и др. Это – следы «сцепления» семантических пространств с предметами, ситуациями и обстоятельствами жизнедеятельности субъекта. Каждая составляющая, входящая в семантическое пространство, может являться своего рода «ключом» к актуализации психического состояния. Языковое сознание выполняет не только аналитическую, но и синтетическую функцию, которая наполняет смыслом перцептивные модальности сознания. А.О. Прохоров (2002) считает, что «трансляция самому себе – это перевод значения на язык смысла». Личностный смысл является системообразующим фактором, влияющим на возникновение психического состояния. Он есть индивидуализированное отражение действительного отношения личности к определённым объектам, входящим в ситуацию, осознаваемое как «значение-для-меня», в основе которого лежат направленность личности, уровень притязаний, ценности и ориентации, роли, образ «Я» и другие особенности самосознания. Это объясняет многие закономерности и особенности психических состояний: механизмы гетеро- и саморегуляции, становление семантических пространств состояний в ходе онтогенеза, поведенческие действия, обусловленные семантическими пространствами психических состояний, и др. В свою очередь, факторы категориальной структуры сознания, лежащие в основании семантических пространств, обеспечивают избирательность и определённый характер отражения субъектом изменений ситуаций и обстоятельств жизнедеятельности в виде актуализации тех или иных состояний. Актуализация психического состояния и развёртывание его характеристик в ходе жизнедеятельности сопровождаются перестройкой поведенческих и других составляющих. Возможно рассмотреть эти тенденции через призму отображенных образов в письменном тексте.

Проблема личности как субъекта интерпретации и проблема интерпретация текста личности как один из способов выявления ее индивидуальных символических образов являются достаточно сложными и многозначными. Интерпретация является основным понятием и философско-методологическим стержнем герменевтики. Субъективно-феноменологическая тенденция, идущая от Э. Гуссерля (1991), его идея жизненного мира отстаивают принципиально неформализуемый ценностно-иррациональный принцип объяснения духовного мира человека и феномена интерпретации как «вживания». Интерпретация в психологии – это субъективное рассмотрение действительности, рассмотрение её не таковой, какова она есть в целом, а таковой, каковой она является для субъекта. Любое проявление активности, движимое потребностью в деятельности или в общении, поскольку оно отвечает более общей потребности самовыражения личности, должно отвечать на вопрос сознания: «что это значит?», «в чём смысл?». Иными словами интерпретация в транскомуникации есть процесс трансцендирования личности, Встречи личности с миром и с Другим и оказывается проявлением такой способности сознания, которая самым непосредственным образом обеспечивает её «Я», её «самость» именно в момент их активного проявления, самовыражения личности, выхода личности за свои пределы. Осуществляясь на разных уровнях, интерпретация всегда выполняет функцию связующего звена личности и окружающей действительности, «переводчика» внешних впечатлений, событий на «язык» внутреннего мира личности – и в обратном направлении, выражая, «говоря» о внутреннем – побуждениях, чувствах, мыслях – на «языке» ценностей, общепринятых понятий, критериев поступков, оценок людей и т.д.

Выявление личностных интенций в тексте базируется на ряде теоретических опосредований философов, лингвистов и психологов, обобщенно проанализированных Э.И. Мещеряковой (2001). Природа смысла может быть раскрыта только через одновременный анализ семантической триады – смысл, текст, язык. Смысл есть не только идеальная мыслительная модель, но и фактор, направляющий эйдетику детства во «взрослую» жизнь. Текст является порождением усилий по осознанию окружающего мира и его отдельных образов, явлений, феноменов. Текстовое пространство по сути интересубъективно, строится при взаимодействии субъективного опыта личности, его семантических конструктов, принадлежащих персональной картине мира, с воздействиями внешней среды в момент деятельности. Причём эти воздействия могут быть как

непосредственными, так и извлеченными из субъективного опыта автора. А поскольку в содержаниях индивидуальной психики находятся не только единичные феномены, но и модальности, подверженные атрибутиванию, то появление и проявление в письменном тексте символических образов (в том числе и индивидуальных) вполне закономерно. Биографический текст есть текстуализация личности, которая осуществляется как се-миотизация материала восприятия, движение личности от образов восприятия к символам, аллегориям, а далее к знакам – элементам языка.

Вышеприведенная логика теоретических опосредований показывает путь исследовательской модели от символической природы индивидуального бессознательного через структуры субъективного опыта личности к психосемантике субъективного пространства сознания и к психосемантической структуре личности, где выявление личностных интенций в тексте как индивидуальных символических образов лежит в основе эмпирического подтверждения взаимосвязи перцептивных образов детства и символики коммуникативного мира студентами.

Через контент-анализ написанного респондентами проективного текста-сочинения на тему: «Мои самые яркие впечатления детства. Как они повлияли на мой нынешний внутренний мир?» и анкеты было выделено 62 семантически значимые для респондентов темы, связанные с индивидуальными символическими образами. В результате выполнения Теста Репертуарных решеток Дж. Келли были получены экспертные знания по устойчивым способам, схемам, классификациям, сложившиеся на основе субъективного опыта и используемые для осознания происходящего – личностные конструкторы, которые в контент-анализе являлись группами и словоформами. Особенности распределения параметров перцептивных образов детства и отдельных аспектов конструирования картины мира, полученные при помощи описательной статистики, были скомпонованы в таблицу, развитую затем по результатам каждой из методик (со сквозной нумерацией). Вначале согласно исследовательской модели были рассмотрены результаты по методике Дж. Келли. Выявилось, что на соприкосновении внутренних, субъективных миров построен не только процесс взаимодействия людей, но и формирование человеческого в человеке. Вывод о смысловых и символических паттернах, сформированных в детстве и флюктуирующих в смыслопорождении зрелого возраста, подтверждает гипотезу об эмоциональной полимодальности перцептивного образа, обуславливающего субъективную семантику в качестве пространства личностных смыслов с выходом на метафоричность

субъективных коммуникативных миров, поскольку именно в транскомуникации возможно: а) объяснение феномена разнопорядковости сосуществования, со-бытийности эйдосов детства и семантик транскомуникативного пространства жизненного мира личности; б) рассмотрение эйдосов детства как онтогенетической составляющей психоноэзиса человека.

5.5. Психосемиотическая организация сознания в реальной и виртуальной коммуникации

В проекте «Реал–Виртуал» (2007) совместно с Ю.П. Гензе была исследована личностная опосредованность психосемиотической организации сознания современного человека информационного общества, проявляющаяся как в реальной, так и в виртуальной коммуникации (Носов, 2000). Описаны психологические характеристики компьютерной виртуальной реальности как психосемиотической модели жизненного мира личности, в котором интенсивное одномоментное совмещение макро- и микроуровней коммуникации характеризует транскомуникативный потенциал личности, дает возможности бесконечной трансформации социальных ролей и личностных смыслов. Было проведено исследование тематической коммуникации (представления о музыке мужчин и женщин) в живом, реальном мире и через Интернет. В результате исследования были сделаны следующие выводы.

Важная научная парадигма социокультурных трансформаций в эпоху постмодерна получила название *виртуализации* общества, а новая форма бытия – *виртуальной реальности*. Основная проблема, возникающая в рамках рефлексии относительно указанного вида бытия, представляет собой вопрос об ее онтологическом статусе. Идея этого подхода заключается в анализе реальности как состоящей из феноменов, замещающих или симулирующих реальные вещи и формы. Общество начинает все больше и больше ориентироваться не на реальную реальность, а на реальность замещающих образов – виртуальность. Гиперреальность проникает в повседневную жизнь людей. Новые практики виртуальной реальности предполагают взаимодействие человека не с реальными объектами, а с их симуляциями. Перспектива того, что отношения между людьми примут форму отношений между образами, и есть перспектива виртуализации общества (Иванов, 2000).

Современное общество отличают крайняя сложность и напряжённость культурных отношений. На наших глазах происходят из-

менения, обусловленные, в том числе, возрастанием роли знаковых структур в коммуникативных взаимодействиях. По сути, скорость коммуникации, зависимость знака от темпа передачи информации делают семиотическое пространство плоским. Спецификой социокультурной ситуации становится присвоение новым коммуникационным технологиям семиотической функции конструирования реальности. Речь идет о том, что мобильная связь, Интернет, телевидение и пр. назначаются «ответственными» за создание множества новых семиотических образований, существующих в виде знаков и знаковых систем.

В такой постановке проблемы коммуникация приобретает иной статус. Из обыкновенного средства связи она трансформировалась в способ и цель существования человека в культуре, что задает новую направленность социокультурных изменений.

Реальная коммуникация характеризуется конкретностью, четкостью ответов, отсутствием информации, не касающейся поставленного вопроса; осознанным отношением к музыке как к смысловому началу; трепетным отношением к процессу прослушивания музыкальных композиций; обладает высоким уровнем сензитивности, способностью опредмечивать, сравнивать свои чувства, ощущения с предметами физического мира; способностью видеть реальность такой, какая она есть; способностью использовать музыку как стимулирующий материал для когнитивного процесса; замкнутостью, сосредоточенностью; погруженностью в процесс прослушивания музыки; рефлексивностью; самокритичностью.

Виртуальная коммуникация характеризуется эмоциональной окрашенностью, а также присутствием эффекта живой беседы с анкетирующим; отрицанием какого-либо влияния со стороны на формирование музыкального вкуса; связыванием понятий отдыха и работы, себя и музыки в одно целое; переносом своих чувств в сравнении с физическими ощущениями; фантазийностью, мечтательностью, уходом от реальности; сообразительностью, креативностью; склонностью к постоянному удивлению от жизни, событий вокруг; сосредоточением на физических ощущениях; подавлением «Я-позиции», прослеживается позиция «мы»: я и музыка; гибкостью мышления, коммуникативностью; односторонним развитием интересов; приписыванием музыке неограниченных способностей; зависимостью от музыки в эмоциональном и физическом плане.

Женские и мужские представления о музыке в реальной коммуникации: респонденты мужского пола склонны считать музыку в роли смыслового начала, в формировании которого они признают влияние семьи,

друзей. Мужчины трепетно относятся не только к музыке, которую они слушают, но, обладая высоким уровнем сензитивности также и к условиям, в которых происходит процесс прослушивания, склонны больше к планированию своих действий, обдумыванию планов на жизнь, нежели к фантазиям. Они более склонны к пребыванию в виртуале. Для респондентов женского пола в реальной коммуникации музыка оказывает влияние как на их эмоциональное и физическое состояние, перенося чувства девушек в сравнении с физическими ощущениями, так и на когнитивную деятельность. Ригидны, закрыты, отличаются конкретизацией своих слов, независимостью мышления и равнодушным отношением к окружающей атмосфере, в которой происходит процесс прослушивания музыки. Музыка для них является скорее предметом развлечения, для поднятия настроения, чем как способ анализа своих поступков, жизни.

Женские и мужские представления о музыке в виртуальном пространстве: для девушек характерна эмоциональная зависимость от музыки, т.е. музыка для них является спутником жизни почти во всех сферах деятельности. В формировании музыкальных предпочтений отрицают влияние на них окружающих людей. С помощью музыкальных композиций они способны уйти в полет фантазий и иллюзий, тем самым отгородиться от проблем их настоящей жизни. Для них музыка как способ взбодриться, набраться сил, уверенности, успокоиться, подумать о чем-либо приятном. Мужчины видят в музыке «экскурсовода по фантазиям», для них музыка является способом отвлечься от реальных проблем их личной жизни, также склонны фантазировать, мечтать и думать о хорошем при помощи музыки. Для них музыка «осознаваемый предмет», с которым можно работать: есть музыка, есть личное «Я». То есть в их восприятии не происходит слияния личностного и внешнего. Тем не менее при прослушивании любимых композиций происходит искажение реальности: притупление сознания, «одурманивание». Музыка способна изменить их взгляды на жизнь, установки и запреты.

Конструирование образа Я, игра с идентичностями занимает все более важное место в повседневной жизни человека и имеет место не только в пространстве Интернет. Поэтому более точной представляется метафора не «отражения» реального в виртуальном, не полной «оторванности» этих двух миров друг от друга, а постепенной трансформации реального в виртуальное, замещения «реальной» реальности – связанной с материальными объектами, относительно стабильной в своих пространственно-временных характеристиках – реальностью виртуаль-

ной с характерными для нее эфемерностью и условностью параметров, нематериальным воздействием, симуляцией реальных вещей и поступков.

Итак, виртуальность как вид бытия синтезирует в себе свойства многих других. Наряду со свойствами идеального бытия в виртуальной реальности воспроизводятся и свойства материального бытия: воздействие виртуального бытия на органы чувств человека практически полностью идентично воздействию реальных материальных объектов. Можно сказать с уверенностью, что виртуальная реальность не имеет своей собственной сущности, даже хотя бы относительно не зависящей от других форм бытия. Ее существование является результатом взаимодополняемости и взаимодействия материальных и идеальных форм бытия.

Виртуальное общение стоит рассматривать не как частный феномен, обусловленный распространением сети Интернет, а как часть общего процесса виртуализации, развеществления общества. Если в эпоху модерна объективная реальность общества, доминирующая над социальной реальностью индивида, представлялась очевидной, то во второй половине XX в. модерн сменяется эпохой постмодерна, в котором отсутствуют упорядоченность, однозначность, определенность, придаваемые институциональным строем всем видам деятельности, для которого характерны дестабилизация социального порядка, объективной реальности социальных институтов и замена ее на реальность виртуальную. Человек эпохи постмодерна, сознавая условность, управляемость параметров социальной реальности институтов и возможность выхода из нее, не воспринимает ее как естественную данность, в которой приходится жить (Иванов, 2000). По мнению Ж. Бодрийера (2000), современный мир в эпоху постмодерна предстает как мир знаков и подобий, образов и симулякров.

5.6. Взаимосвязь мифологической идентификации личности (персональный миф) и ольфакторного компонента самопрезентации

В проекте «Психосемиотика ольфакторной коммуникации» (2008) совместно с В.А. Пахомовой изучались одно из личностных измерений коммуникативного пространства, взаимосвязь мифологической идентификации личности (персональный миф) и ольфакторный компонент самопрезентации. Внимание исследователя было направлено на малоизученный аспект общения людей – коммуникации посредством ароматов. Генетически (эволюционно) запахи и обоняние – самый древний канал дистантной связи.

В мифологии и фольклоре запах выступает как первый признак всего «чужого». В современном мире люди почти не используют запахи в сознательной и целенаправленной коммуникации. Однако для подсознания человека, неосознанного воздействия и интуитивного знания запахи очень важны. Основой такого измерения явилось «...свободное пространство самостоятельного выбора самореализации и саморазвития», т.е. осуществление себя в качестве автора, хозяина, творца своей перспективы, своего проекта (Кабрин, 2005. С. 96). Это обосновывает легитимность включения ольфакторной коммуникации в исследования коммуникабельности человека. Поэтому роль обонятельного восприятия, обеспечивающего непосредственно-чувственную ориентировку человека в окружающем мире и конструирование мифологического пространства личности, можно рассматривать как «личностное определение ситуации», по В.И. Кабрину (2005. С. 96). В результате контент-анализа текстов подтверждена гипотеза о том, что персональный миф как психо-семиотический феномен может проявляться в том числе в системе аромодизайна личности. Ольфакторная (обонятельная) детерминанта невербальной коммуникации играет огромную роль во взаимодействии людей. Человек посредством ароматов проявляет свое внутреннее Я. Я-образ всегда мифологичен, содержит субъективный компонент: каждый человек имеет свою собственную «мифологию» и возвышает определенные вещи, людей, события до уровня символа и в своих текстах в процессе коммуникации пытается донести их до других. Поэтому плоскость символического приходится суживать до общезначимых символов (культурных архетипов). Миф иллюстрирует степень семиотичности личности как на внутреннем уровне, так и на уровне имиджа, самопрезентации.

Глобальность мифологизации личности охватывает и сферу ольфакторной (обонятельной) коммуникации людей, которая в свою очередь базируется на особенностях воспитания и культуры. По мнению К. Леви-Строса (2000), «запахи принадлежат к природному и социальному мирам одновременно», поэтому знаки, связанные с запахами, играют определенную роль в структурировании образа мира. Запахи почти не используются в сознательной и целенаправленной коммуникации, однако для подсознания человека, неосознанного воздействия и интуитивного знания запахи очень важны. Естественные человеческие запахи в настоящее время в развитых культурных сообществах являются социально нежелательными, поэтому существует целая индустрия по производству искусственных ароматов – парфюмерия. Контролируемая невербальная коммуника-

тивная активность субъекта общения в сфере запахов возможна только в сфере искусственных запахов, поэтому использование определенной парфюмерии является показателем общей культуры человека и информативным компонентом невербального общения. В запахах скрыто значительное количество информации, поскольку именно запахи интимно связаны с человеческим телом, с работой интуиции, памяти и воображения. Наслаждение ароматом – метафора владения материальным миром в его самой эфемерной, летучей субстанции, на грани перехода в небытие. Запах – испаряющаяся аура тела и вещи, ее вибрирующий контур, первый подвижный пограничный слой между оболочкой и внешней средой.

Наши предположения состояли в том, что персональный миф может проявляться в том числе в системе аромадизайна личности, так как ольфакторный компонент играет важную роль в самопрезентации личности в процессе взаимодействия людей, а психосемиотика выбора аромата и текст персонального мифа позволяют обнаружить основные особенности предьявляемой идентичности (самопрезентации) личности. Теоретико-методологической базой исследования стал психосемиотический подход в рамках культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна; социально-перцептивный подход А.А. Бодалева и В.А. Лабунской; концепция персонального мифа в аналитической психологии К. Юнга, операционализированная в исследованиях Э.И. Мещеряковой. Общую выборку в эмпирическом исследовании составили 14 мужчин и 18 женщин в возрасте от 17 до 23 лет, студенты гуманитарных факультетов томских высших учебных заведений.

«Обонятельная система скорее может быть названа системой, предназначенной для того, чтобы не забывать, чем системой, предназначенной для того, чтобы помнить. Запахи могут ассоциироваться с событиями и способствовать их запоминанию. Уникальность этого явления заключается в том, что подобные ассоциации легче распознаются в присутствии этого запаха. Связь запаха с запоминаниями облегчает выполнение когнитивных заданий, не связанных с визуальными стимулами. Кстати, интересно то, что развитие олигофрении у человека часто сопровождается нарушением обоняния. Точнее, нарушение обоняния у маленького ребенка почти закономерно ведет к развитию умственной отсталости. Чувство реальности может нарушаться при расстройствах обонятельного анализатора. Способность запахов вызывать эмоции широко известна, в том числе и социальные эмоции. Запахи пробуждают более эмоциональные воспоминания, нежели иные сенсорные впечатления (например, звуки или фото-

графии). Доказано, что сильные, эмоционально значимые ассоциации являются причиной, не вызывающей сомнений в способности многих пробуждаемых запахами воспоминаний сохраняться долгое время. При этом эти способности никак не связаны с особенностями запаха как такового.

Независимо от причины нашей «памяти на запахи» мы должны признать, что они наряду с эмоциями занимают особое место в памяти. Их способность проникать в наше сознание, даже ошеломлять нас не вызывает сомнения.

Что касается философии и психологии запаха, то ароматы – это конструкция вечности. Вещественная часть прошлого, настоящего и будущего – незримый компонент понятий «Все» и «Всегда». Запахи постоянно сопровождают жизненное пространство людей: рождение и смерть, любовь и ненависть, войны и путешествия, молитвы и жертвоприношения. Запахи – это история с ее великими и ужасными временами. Потребность в предьявлении себя другим и особенности ее удовлетворения обсуждаются на протяжении всей истории социальной психологии. Современная постмодернистская концепция картины мира отражает изначально присущее человеку мировоспитание и миропонимание, ассоциирующееся с представлением о многомерности человеческого Я. Проблема Я – важнейшая тема антропологии, рассматриваемая как диалог Я и Ты (проблема другого), Я и Мы (человек и общество) предусматривает учет процессуальности, «вечного становления», постоянного движения, «мерцания», «маргинальности», «пульсации».

Таким образом, ольфакторный компонент входит в систему самопрезентации. Самопрезентация относится к стремлению человека представить желаемый образ, представляет осознание как прошлого, так и будущего, которое из него вытекает. С понятием имиджа, самопрезентации пересекаются различные уровни представленности психологических свойств личности, которые могут обнаруживаться в структуре персонального мифа. Миф является символическим познанием мира. Миф выступает как маркер семиотического поведения, различные степени (коды) семиотичности являются основой создания фиксированного образа своего Я как во внутреннем диалоге, так и на уровне имиджа, самопрезентации. Мифологическая идентификация присутствует как реально и постоянно действующий процесс, участвующий в формировании Я-образа.

Если говорить о самопрезентации, имидже в контексте мифологического сознания, то можно, ссылаясь на Юнга, полагать, что в той степени, в какой это сознания отождествлено с персоной, внутренняя

жизнь отвергнута. Для многих людей индивидуация необходима как высший идеал, как идея чего-то наилучшего, что только можно сделать.

Функцией персонального мифа является моделирование личного сценария; собственного варианта Бытия личности, адекватного времени, а также психологическая защита, обуславливающая метафорический, символический копинг личности. Э.И. Мещерякова (2001) выделяет основной способ трансляции персонального мифа – семиотический, осуществляющий передачу социокультурной информации через психологический код, своеобразную систему координат освоения внутреннего и внешнего мира. В своем содержании персональный миф обнаруживает элементы значимых фрагментов истории самосознания личности, ее неповторимого индивидуального опыта. Функцией персонального мифа являются моделирование личного сценария, собственного варианта Бытия личности, адекватного времени, а также психологическая защита, обуславливающая метафорический, символический копинг личности. Текст персонального мифа является лингвистическим гештальтом, отражающим триаду Личность–Текст–Язык, социокультурно-обусловленную вербальную матрицу восприятия личностью внутреннего и внешнего мира.

Контент-анализ методики «Персональный миф» позволил объединить темы персонального мифа в тематические разделы: темы персонального мифа, фатальность препятствий на пути цели, фатализм в личной жизни, верующий, рай, реинкарнация – можно объединить понятием фаталистичный, т.е. верящий в судьбу, в высшие силы. Рассматривая тематические разделы персонального мифа и результаты контент-анализа опросника «Я и ароматы», возникла возможность составления типологии мифологической идентификации на основе ольфакторного компонента самопрезентации. Соответственно, тип мифологической идентификации (по ведущей тематике персонального мифа) назван «фаталистичный», «успешный», «уникальный», «ретроактивный», «манипулятивный».

Анализ позволил выявить следующие значения парфюма для каждого типа мифологической идентификации: 1. У «фаталистичного» – судьбоносность парфюма – убежденность в том, что аромат имеет судьбоносную роль в тех или иных событиях жизни. 2. У «успешного» – комфортность парфюма – наделение аромата свойством репрезентации успешности, уверенности в себе. 3. У «уникального» – символическая парфюма – наделение себя способностью получать при помощи интуиции точную информацию об его носителе, а также наделение аромата символической функцией выражения Я-образа. 4. У «ретроактивного» – ассоциативность парфюма – способность обоняния эмоционально окрашивать зрительные образы и

при соответствующем стимуле вызывать ассоциацию. 5. У «манипулятивного» – влияние парфюма – аромат как средство влияния на других.

Полученные результаты позволяют конкретизировать некоторые аспекты понимания ольфакторного компонента самопрезентации личности в мифологическом пространстве личности.

5.7. Транскомуникативный потенциал одиночества в психосимволическом контексте творчества

В проекте «Психосемиотика одиночества» (2010), выполненном совместно с Г.Г. Черменской, Е. Литке, человеческое одиночество рассматривается в психосимволическом контексте творчества, обнаруживающем его конструктивный потенциал. Антропологический дискурс исследования человека в парадигме целостности обращается к возможностям коммуникативного подхода, который позволяет осмыслить ценность человеческого переживания одиночества. В современном постиндустриальном обществе возможность доступа к глобальному информационному полю только заострила проблему человеческого одиночества, выводя её в коммуникативный контекст его социокультурной со-бытийности, что акцентирует внимание на психосемиотической природе его экзистенциалов.

В современном прочтении идеи разделения одиночества на добровольное («уединение» – Ф. Кафка, А. Камю) и вынужденное («выброшенность» – М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр) обнаруживается его конструктивный творческий потенциал. Обычно одиночество как уход в себя в обыденном сознании нагружается негативными культурными коннотациями. Но экзистенциализм начал рассматривать его как аутентичный способ сохранения себя в хаотично меняющемся мире, где возможность «выхода» на творчество психосемиотически закреплена в некой исходной культурно-символической матрице, которая порой блокируется и неосуществима в «безумном» обществе. Н.В. Хамитов (2001) рассматривает одиночество как вызов коллективу и роду, а Р. Мэй (2001) без согласия на моменты одиночества отрицает саму возможность озарения, приходящего из бессознательного.

В.И. Кабрин (2005), говоря о коммуникативной природе бытия, рассматривает ценность человеческой жизни как процесс создания собственных путей в общении с другими, с миром, но главное – с самим собой, поэтому выйти в область транскомуникации как «эйдетическое гиперпространство Встречи» (Кабрин, 2005. С. 7) возможно лишь через пере-

живание одиночества. Трансцендирование как переживание одиночества «высшего, космического измерения» выводит человека на принципиально иной уровень бытия – уровень переживания всеобщего космического единства или, по В.И. Кабрину, метакоммуникации как диалога с самим собой, в которой уровень метафоричности человека может быть столь высок, что он способен получать коммуникативный транс от одиночества.

В такой аутокоммуникации погружение в свой внутренний мир и конструктивное общение с самим собой делает одиночество осознанным, добровольным выбором человека. Принудительное же одиночество, вызванное остракизмом или изоляцией, деструктивно и разрушает личность. Поэтому столь остро стоит проблема отсутствия аутокоммуникации, причиной которой становится не только «заброшенность» человека в мир, но и, наоборот, – всеохватное социальное влияние и вездесущность проникновения цивилизации в его жизнь. В.В. Налимов (1993. С. 77), говоря о самостоятельности осуществления внутреннего роста человека, отмечает, что «мы живём во внутреннем пространстве меньше, чем во внешнем». По О. Шпенглеру (1993), цивилизация как стадия символической смерти культуры подменяет культурные ценности утилитарными целями. В этом контексте возвращение человека к его символическим истокам, обнаружение психосемиотического «рисунка» его личности становятся задачей коммуникативного подхода в контексте культурно-исторической психологии.

Масштабность и доступность различных каналов связи, делая коммуникацию поверхностной и лишая эти связи смысла, создают своего рода пространство невесомости: с одной стороны, человек лишён значимых социальных контактов, а с другой – возможности аутокоммуникации. Аномальный коммуникативный транс, в котором коммуникабельность утрачивает своё смыслообразующее отношение к миру и к себе (Кабрин, 2005), В.В. Налимовым (1993. С. 81) рассматривается как «гиперличность», когда уход от переживания одиночества на межличностном уровне может порождать «корреляционную связанность семантически одинаково ориентированных личностей». Такая коммуникативная аномалия или псевдоотношение с другим человеком, заменяя аутокоммуникацию, является лишь грубой вычурной имитацией подлинной транскоммуникации.

Онтология одиночества в психосемиотическом подходе, с одной стороны, *означивается*, так как одинок лишь тот, кто *означивает* себя таковым, а с другой – *означает* ту гамму чувств и их смысл, символическая природа которых составляет саму суть человеческого переживания одиночества. Однако в современную эпоху глобального кризиса смыслов (смысл

понимается постмодернизмом не как имманентный объекту или тексту и подлежащий экспликации, но как результат произвольно реализуемых дискурсивных практик) происходит размывание границ Я и не-Я. Иными словами, мы можем наблюдать невозможность для современного человека отождествления себя со своим внутренним миром, так как исчезает само это измерение – остается лишь символический контекст «повествования» о нем (автобиография, самописание, психологический автопортрет и др.).

И хотя постструктурализм рассматривает культуру через понятие нарратива, в рамках которой событие теряет свою онтологическую определенность, размываемую множеством рассказов о ней, тем не менее нарративная процедура фактически «творит реальность» как психосемиотическое пространство личности, одновременно постулируя ее относительность, тем самым отказываясь от любой претензии на её «объективность». Человеческая биография из онтологически закреплённой и неизменной превращается в изменяемый рассказ о себе, смыслы которого восходят к эйдосам. Этим объясняется столь возросшая популярность так называемых «блогов», интернет-дневников, «твиттеров» и др., где можно создать себе любой образ, любую биографию и любое имя, поэтому сегодня безусловность психологического процесса аутоидентификации личности не воспринимается как данность. Любопытной в данном ключе является параллель с культурным феноменом аномии, введенным в социологический тезаурус Э. Дюркгеймом (1998). Аномии (как безнормативности) в психологии быть не может, так как понятие нормы предполагает оценочность. В психологии, как правило, понятие аномии транслируется через понятие алекситимии (букв. «без слов для чувств»), введенное в 1973 г. П. Сифнеосом. Изначально оба эти термина имели место лишь в патопсихологическом дискурсе. В культурном контексте алекситимия сегодня уже не может рассматриваться в терминах патологии – это социокультурный феномен современного общества постмодерна, в котором кризис смыслов приобретает тотальный характер: абсолютно все может быть абсолютно всем – тотальное отсутствие исходного смысла мироздания М. Фуко (1996). Алекситимия, рассматриваемая сегодня как характеристика культуры постмодерна, смещает фокус на психосемиотическую природу означивания субъективности, личностных смыслов, семантику реального бытия конкретного человека.

Одиночество – есть условие раскрытия человеческой уникальности. Бегство же от него приводит к неразличимой одинаковости, т.е. фактически «прекращает» коммуникацию, делая её ущербной и аномальной.

Дж. Холлис (2008) утверждает, что при слиянии с окружающими человек прекращает свое индивидуальное развитие и не соответствует великим целям Вселенной, для которых он создан: погружаясь «в глубину колодца своего одиночества и страдания... выйти оттуда с какой-то глубокой истиной о себе, о человеке вообще, и о природе любви, и о природе отношений между людьми» (Интервью с М.К. Мамардашвили, 1990).

В коммуникации личность приобретает чувствительность к метафоричности и фрактальности смыслов, её мышление гипертекстуально и являет собой образ как ментальную голограмму, где каждый элемент вмещает в себя все целое. Поэтому мир, собственное сознание и сознание другого в языковом пространстве текста раскрываются посредством семиотических структур, образуя целостность человеческого бытия и сознания – семиосферу, включающую в себя аутокоммуникацию как субъективный опыт в качестве интериоризированной и трансформированной со-бытийности транскомуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В.Г.* Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994. Гл. 6. С. 86–93.
- Адорно Т.* Типы и синдромы. Методологический подход (фрагменты из «Авторитарной личности») // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 75–85.
- Артемуева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл, 1999.
- Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. Антология. М., 1997. С. 267.
- Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Баранов А.Г.* Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д: РГУ, 1993.
- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Барт Р.* Мифологии. М., 1996.
- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М.: Прогресс, 1988.
- Библер В.С.* Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975.
- Богин Г.И.* Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.
- Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
- Бодрияр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1999.
- Братусь Б.С.* Опыт обоснования гуманитарной психологии // Вопр. психол. 1990. № 6. С. 13–21.
- Брентано Ф.* О происхождении нравственного познания. СПб., 2000.
- Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998.
- Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. Москва; Воронеж, 1996.

Бубер М. Два образа веры: Я и Ты. Диалог / Пер. с нем. М.: Республика, 1995. С. 15–120.

Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ переживания критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984.

Василюк Ф.Е. Семиотика психотерапевтической ситуации и психотехника понимания // Моск. психотерапевт. журн. 1996. № 4. С. 48–68.

Вежбицкая А. Метатекст в тексте. НЗЛ. М., 1978. Вып. 8. С. 56.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1984. Ч. 1. С. 173–182.

Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. С. 5–12.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2005.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1998.

Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987.

Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Лимбус, 2000.

Грайс П. Значение говорящего, значение предложения и значение слова // Философия языка. М., 2004.

Грязнов А.Ф. Язык и деятельность. Критический анализ витгенштейнианства: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1990.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1/ Пер с нем. А.В. Михайлова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1991.

Даль В. Толковый словарь // ON-LINE <http://vidahl.agava.ru/>

Делез Ж. Логика смысла. М., 1995.

Деррида Ж. Деконструкция путешествия. М., 1993. С. 87.

Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб.: Речь, 2003.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. А.Н. Ильинского; Изд. подгот. В. А. Луков. СПб.: Союз, 1998.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. С. 79.

Залевская А.А. Психолингвистическое портретирование лексики – опыт экспериментального исследования // Психолингвистические исследования. Слово и текст. Тверь, 1995. С. 38–44.

Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М.: Новая школа, 1997.

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Об объективном методе в психологии // Вопр. философии. 1977. № 7.

Знаков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психол. журн. 2000. Т. 21, № 2. С. 7–15.

Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах // Абелик Е.С. Миф или сказка? М.: МИРОС, 1995. С. 179–185.

Иванов А.Ф. Об онтологическом статусе виртуальной реальности // Виртуальное пространство культуры: Матер. науч. конф. (11–13 апр. 2000 г.). СПб.: Санкт-Петербург. философское общество, 2000. С. 14–16

Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.

Кабрин В.И. Транскоммуникативный потенциал психологического универсума в самоопределяющемся ноосферогенезе // Самоорганизация в природе и обществе. Т. 2 / Под ред. В.А. Дмитриенко, О.С. Разумовского: Матер. семинара «Поиск связи между разными способами построения систем». Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 5–15.

Калина Н.Ф. Основы психотерапии. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997.

Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. К.: София; М.: ИД «Гелиос», 2002.

Караулов Ю.И. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Кассирер Э. Избранное // Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998.

Келли Дж. Психология личности: психология личностных конструктов. СПб., 2000.

Климовская Г.И. Комментарий к художественному тексту как форма проявления индивидуальности в эстетической коммуникации // Психологический универсум образования человека нозтического. Томск: Водолей, 1999. С. 82–89.

Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009.

Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.

Князева Е.Н. Природа инноваций и некоторые проблемы инновационного управления // Управление: социально-философские проблемы методологии и практики. СПб.: Книжный дом, 2005.

Кольцов В.А. Онтологические характеристики перцептивного образа. Гл. 8, Разд. 3: Структура и динамика познавательной сферы человека // Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Ин-т психологии РАН, 2005. С. 219–236.

Критке С. Семантическое рассмотрение модальной логики // Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981. С. 78–96.

Крипнер С. Сон, миф, движение: Стенограмма семинара / Пер. Л.Р. Миникеса. Новосибирск, 1993.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 1. С. 99.

Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. 2009. С. 198.

Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное общение. М., 1998.

Ладов В.А. Социальное знание // В поисках идентичности. Томск: Водолей, 1999. С. 43–51.

Лазурский А.Ф. Классификация личностей. СПб., 1921. С. 87–92.

Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С. 18.

Левин-Строс К. Путь оскоков. М., 2000. С. 163.

Леонтьев А.А. (ред.) Основы теории речевой деятельности. М., 1974. С. 56.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов: Метод. руководство. М.: Смысл, 1999.

- Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций. М.: Смысл, 2001.
- Левевр В.А.* Чуть позже светопреставления. Интервью А. Левинтова // Независимая газета. 1999. 15 сент. [Электронный ресурс]. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lefebvre_1999_1.htm
- Либин А., Парилис С.* Думаем, говорим, делаем: феномены повседневного сознания. М.: Ин-т практ. психол., 1997.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алтейя, 1998.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка. М., 1993. С. 3–9.
- Лобок А.М.* Психология мифа: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1998.
- Логинова Н.А.* Биографический метод в свете идей Б.Г. Ананьева // *Вопр. психол.* 1986. № 6. С. 104–112.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // *Миф – Число – Сущность*. М.: Мысль, 1993.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996.
- Лотман Ю.М.* Жизнь текста в пространстве между кистью художника и зрением аудитории // *Из истории русской культуры*. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 4.
- Лукьянов О.В., Карпунькина Т.Н.* Современность – культура одиночества // *Вестник Том. гос. ун-та*. 2005. № 286. Март. Сер. Психология. С. 97–104.
- Мальковская И.А.* Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. 2-е изд., испр. М.: КомКнига, 2005.
- Мамардашвили М.К.* «Одиночество – моя профессия...» Интервью в записи Улдиса Тиронса (Рига) 1990. Весна. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/mmk/odinoch.html>
- Матрица безумия / Карл Густав Юнг, Мишель Фуко*. М.: Алгоритм; Эскмо, 2006.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. С. 87–94.
- Мецержакова Э.И.* Персональный миф в психологическом консультировании: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2001.
- Митрофанова О.И.* Некоторые положения современной антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания. Казань, 2006. С. 210–212.
- Мунье Э.* Манифест персонализма / Пер. с фр. М.: Республика, 1999.
- Мэй Р.* Мужество творить: Очерк психологии творчества / Пер. с англ. П.П. Максима; Отв. ред. С.В. Плотников. Москва: Ин-т общегуманитар. исслед.; Львов: Инициатива, 2001.
- Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М.: Изд. группа «Прогресс». 1993.
- Ницше Ф.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / Фридрих Ницше. Ростов н/Д: Феникс, 2000.
- Носов Н.А.* Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000.
- Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М.: Весь мир, 1997.
- Остин Дж.* Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб., 2006.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Панферов В.Н.* Восприятие и интерпретация внешности людей // *Вопр. психол.* 1974. № 2. С. 59–64.
- Петренко В.Ф.* Личность человека – основа его картины мира // *Модели мира / Отв. ред. Д.А. Поспелов*. М.: Рос. ас. искусств. интел., 1997. С. 9–14.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. Смоленск, 1997.

- Прохоров А.О.* Семантические пространства психических состояний. Дубна: Феникс+, 2002.
- Потебня А.А.* Слово и миф. М.: Правда, 1989.
- Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001.
- Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Рассел Б.* Искусство мыслить / Общ. ред., сост. и предисл. О.А. Назаровой; [пер. с англ. Козловой Е. Н. и др.]. М.: Идея-Пресс; Дом интел. кн., 1999.
- Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957.
- Рерих С.Н.* Искусство и Жизнь. М., 2004.
- Рикер П.* Образ и язык в психоанализе // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 4. С. 5–22.
- Роговин М.С.* Введение в психологию. М., 1969. С. 143.
- Розенцток-Хюсси О.* Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Розин В.М.* Границы психоанализа // Архетип. 1995. № 1. С. 45.
- Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 154.
- Сапогова Е.Е.* Генезис семиосферы как проблема психологии личности // Психология на рубеже веков: Наука, практика, преподавание: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Е.Е. Сапоговой. Тула: ТулГУ, 2000. С. 327–329.
- Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. С. 78–90.
- Семiotics* и авангард: Антология / Ред.-сост. Ю.С. Степанов [и др.]; под общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Акад. проект [и др.], 2006.
- Серкин В.П.* Методы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
- Сёрл Д.* Открывая сознание заново / Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Славская А.Н.* Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс+, 2002.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977. С. 102.
- Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006.
- Стернин И.А.* Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002.
- Уилбер К.* Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / Пер. с англ.; под ред. А. Киселева. М.: ООО «Изд-во АСТ» и др., 2004.
- Ушакова Т.Н.* Текст как объект психологического анализа // Психол. журн. 1989. Т. 10, № 1. С. 107–115.
- Ушакова Т.Н.* Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 13–24.
- Файерабенд П.* Против методологического принуждения. Очерк анархической теории познания // Файерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 109–124.
- Фреге Г.* Избранные работы. М., 1997.
- Фрейд З.* Очерк истории психоанализа, М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
- Фуко М.* Слова и вещи // Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1997. С. 136.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
- Хамитов Н. В.* Философия и психология пола / Н. Хамитов. М.: Ин-т общегуманитар. исслед. Киев: Ника-центр, 2001.

- Хиллман Дж.* Архетипическая психология. СПб.: БСК, 1996.
- Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. М., 1980. С. 78–85.
- Холлис Дж.* Душевные омуты. Возвращение к жизни после тяжелых потрясений / Пер. В. Мершавки. М.: Когито-Центр, 2008.
- Черепанова И.Ю.* Текст как фактор изменения установки личности (лингвистические аспекты суггестии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1992.
- Чу Дж.* Аналитическая теория S-матрицы. М.: Мир, 1968.
- Шенк Р.* Обработка концептуальной информации. М.: Энергия, 1980.
- Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы. М., 1989. С. 65–68.
- Щедровицкий Г.П., Якобсон С.Г.* Методологические проблемы понимания // Мышление и общение: Матер. Всесоюз. симп. Алма-Ата, 1973. С. 30.
- Юнг К.Г.* Очерки по аналитической психологии. Минск: ООО «Хар-вест», 2003.
- Якобсон Р.* В поисках сущности языка. Семиотика / Под ред. С. Степанова. М., 1983. С. 81–94.

РАЗДЕЛ 2. ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В ТРЕНИНГОВЫХ ПРОГРАММАХ

ГЛАВА 6. ДИНАМИКА ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫХ СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ В ГРУППАХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА

6.1. Методологические основы исследования динамики транскоммунитивных состояний личности в группах социально-психологического тренинга

Одним из самых востребованных методов как в нашей стране, так и за рубежом является социально-психологический тренинг. Однако до сих пор в теории социально-психологического тренинга существуют проблемные зоны, поскольку исторически метод развивался как ориентированный на работу с лабораторными группами. На сегодняшний момент достаточно исследована оценка того влияния, которое оказывается на общество и на конкретного индивида посредством активных групповых методов, но недостаточно изучена проблема эффективности социально-психологического тренинга (Кабрин, 1999; Юрченко, 1999). Наименее разработанной является проблема выделения критериев эффективности социально-психологического тренинга (Зайцева, 2002; Леонтьев, 1975). Оценка эффективности тренингового воздействия рассматривается различными авторами на уровне личности, группы, организации (Юрченко, 1999). В рамках личностно-ориентированного подхода в социальной психологии основным объектом психологического воздействия в условиях социально-психологического тренинга является личность (Иноземцева, 2004). Эффекты, возникающие в процессе тренинга на уровне личности, по нашему мнению, являются основой для возникновения эффектов в группах и организациях, поэтому рассмотрение эффективности тренинга на уровне личностных изменений является приоритетным в рамках данного исследования.

Традиционно в отечественной психологии теоретико-методологической основой социально-психологического тренинга яв-

ляется теория деятельности (Прутченков, 2001). Т.В. Зайцева, опираясь на работы Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, предлагает в качестве единицы анализа тренинга использовать инструментальное (опосредующее) действие, которое осуществляется конкретным индивидом в рамках заданного предметного контекста с использованием культурных орудий. Она разрабатывает представления о психологическом тренинге как особом культурном орудии, применяемом для овладения новым поведением, и о «зоне ближайшего развития» как методологической и операциональной основе понимания и диагностики динамики изменения личности в процессе тренинга (Зайцева, 2002. С. 6). Малая группа, группа социально-психологического тренинга, включающая в себя несколько людей, представляет собой сложную, совмещенную, самоорганизующуюся психологическую систему более высокого порядка. Компонентами ее являются многомерные миры конкретных людей. Системообразующим фактором группы как совмещенной системы является возникающая в процессе совместной работы некоторая тождественность ценностно-смысловых составляющих образа мира каждого из участников и становление системы общих групповых ценностей (Емельянов, 1985. С. 14).

Мы опираемся на коммуникативный подход, который дает уникальную возможность для рассмотрения внутренних пружин личностных изменений участников социально-психологического тренинга (Кабрин, 1992, 2002а, 2005). Выявление основных аспектов и возможных путей динамики транскомуникативных состояний личности в тренинге позволит подойти к новой стратегии измерения эффектов социально-психологического тренинга. В контексте коммуникативного подхода понятие личностного роста применяется в качестве объединяющего личностное развитие и личностную реализацию. Понятия «рост личности» и «рост транскомуникабельности» являются эквивалентными. Личность и группа являются соразмерными коммуникативными системами (Кабрин, 1992).

В ходе исследования нами предпринята попытка теоретического и экспериментального анализа динамики транскомуникативных состояний личности в социально-психологическом тренинге. Нами выдвинута гипотеза о том, что транскомуникативный подход открывает новую стратегию в исследовании эффективности социально-психологического тренинга, что является основой для получения критерия эффективности, релевантного личностному росту. Большинство упражнений и техник, входящих в социально-психологический тренинг, имеют, по своей сути, транскомуникативную природу, поэтому они создают благопри-

ятные условия для актуализации транскомуникативного потенциала личности. Эффективность тренинга как метода воздействия на личность проявляется в динамике транскомуникативных состояний личности, отражающих личностный рост (коммуникативный транс) или личностную стагнацию (коммуникативный стресс). Критерием их отличия от дистресса и «дистранса» (неологизм В.И. Кабрина) является сохранение чувства контакта с собой, с окружением и партнером при измененных стресс- и транс-переживаниях. С точки зрения внешнего наблюдения или партнера – это пребывание индивида в диапазоне адекватных действий и реакций (Чанько, 2005. С. 52). Транскомуникация рассматривается нами как процесс, являющийся наиболее существенным в тренинге в отношении личностного роста участников. Опираясь на концепцию В.И. Кабрина, мы определяем транскомуникативный потенциал личности как сущность потенциала личностного роста. Именно транскомуникативный потенциал определяет то, насколько личность может в транскомуникативном процессе менять свои состояния. В тренинговых группах особенно хорошо наблюдается главное качество коммуникативного стресса и коммуникативного трансa, комплементарная динамичная трансформация, «обращение друг в друга», когда коммуникативный стресс обязательно «разряжается» в коммуникативный транс, а последний обязательно вновь обернется здоровым коммуникативным стрессом (зустрессом). Эту реверсивную динамику транскомуникативного процесса любого уровня В.И. Кабрин назвал «стресс-транс-формацией», или транскомуникативным фактором, определяющим потенциал и диапазон духовного личностного роста. Этот потенциал определяется уровнем интенсивного стресса и трансa, при котором сохраняется их коммуникабельность и, следовательно, способность к реверсивной трансформации (Кабрин, 2002б; 2005). Стресс-транс-формация переживания дает толчок личностному росту, неизбежно приводит к восстановлению и актуализации личных миров участников, что сказывается на улучшении межличностных отношений участников сначала в тренинговой группе, а затем и за ее пределами. Наблюдая за динамикой транскомуникативных состояний каждой отдельной личности, участвующей в тренинговой группе, можно судить о положительном или, напротив, отрицательном эффекте тренинга, а также об отсутствии каких-либо сдвигов. По нашему мнению, эффективность тренинга может определяться положительной динамикой транскомуникативных состояний личности.

В эмпирическом исследовании приняли участие 65 человек в возрасте 18–19 лет (шесть групп социально-психологического тренинга).

Объем тренинга 140 часов, периодичность занятий – 1 раз в неделю по 4–5 часов, длится он на протяжении 8 месяцев. В литературе в большинстве своем описываются кратковременные тренинги, но мы считаем, что для более качественного усвоения материала нужен достаточно продолжительный период времени, требуется готовность к принятию информации, ее осмысление и рефлексия. В силу своей длительности он создает более благоприятные условия для реализации основных принципов социально-психологического тренинга и закрепления их в виде групповых норм. За основу структуры занятий нами была выбрана структура, предложенная отечественными психологами, практикующими тренинговую работу (Емельянов, 1985; Жуков, 2005; Психологический универсум образования человека нэотического, 1999). Пролонгированный характер тренинга, соблюдение его основополагающих принципов, ведение участниками дневниковых записей после каждого занятия позволили нам отчетливо проследить динамику транскоммуникативных состояний личности в социально-психологическом тренинге.

Для полноценного видения общей картины изменений транскоммуникативных состояний личности в социально-психологическом тренинге необходимо сопоставление различных аспектов исследования.

Первый аспект исследования связан с экспресс-диагностикой коммуникативного транса и коммуникативного стресса в тестовой транскоммуникативной ситуации в условиях ее минимальной заданности. Углубленный анализ вербальных и невербальных проявлений личности в транскоммуникативной ситуации позволил нам с помощью видеозаписи и экспертной оценки выявить тонкие стресс-транс-формации у участников социально-психологического тренинга.

Второй аспект исследования, связанный с использованием «Метода моделирования коммуникативного мира», позволил нам выявить количественные и качественные показатели коммуникативного стресса, коммуникативного транса, стресс-транс-формации, транс-стресс-формации по отношению к партнерам по общению и темам, наполняющим жизнь личности, а также проследить взаимореализуемость транскоммуникативных состояний личности в тренинге и за его пределами (см. приложение).

Третий контекст исследования связан с выявлением особенностей динамики транскоммуникативных состояний личности за весь период тренинга, с помощью контент-анализа дневников участников.

Методика «Тестовая транскоммуникативная ситуация» (ТТС), разработанная В.И. Кабриным, использовалась нами дважды: в начале

тренинговых занятий, когда испытуемые только познакомились друг с другом, и после прохождения социально-психологического тренинга. Каждому участнику тренинговой группы давалась следующая инструкция: «Встаньте перед группой и расскажите: «Какой я сейчас» – в тот самый момент, когда вы решитесь это сделать (очередность свободная)». С помощью видеозаписи нами был получен вербальный и невербальный материал проявлений каждого участника тренинговых групп. Ситуация не обсуждалась с целью минимизации обучающего эффекта. Это позволило с особенной четкостью выделить различия в проживании социально-транскоммуникативной ситуации до и после проведения социально-психологического тренинга. Поскольку данная методика является индивидуально-ориентированной, то результаты испытуемых в каждой из групп носят индивидуально-специфический характер. Несмотря на это, имеется возможность вычленения общего в структуре и содержании высказываний участников различных групп социально-психологического тренинга. Таким образом, становятся очевидны наиболее рельефные тенденции протекания и структурирования транскоммуникативных процессов в разных группах социально-психологического тренинга.

6.2. Основные характеристики транскоммуникативных состояний личности в социально-психологическом тренинге

В начале тренинга у испытуемых наиболее выраженными были состояния коммуникативного стресса, высказывания были стереотипными и носили в основном защитный характер. После прохождения социально-психологического тренинга у испытуемых преобладали состояния коммуникативного транса. После тренинга высказывания стали развернутыми, испытуемые пытались донести свое состояние до других участников группы. Большинство участников смогло выйти в транскоммуникативный синтез компонентов проблемной ситуации, у многих уменьшились защиты, жизнь группы вошла в их личную жизнь. В качестве иллюстрации изменений транскоммуникативных состояний личности в *тестовой транскоммуникативной ситуации* (Кабрин, 2005) рассмотрим наиболее типичные высказывания до и после проведения социально-психологического тренинга.

1. *Первый срез.* «На сегодняшний день я довольно неуверенна в себе и в своих возможностях, скованна. Я надеюсь, что в дальнейшем с помощью тренинга я преодолею свои недостатки и комплексы, чтобы соответствовать своей профессии».

Второй срез. «Спокойная и уверенная. У меня все нормально».

2. *Первый срез.* «Я сейчас для себя достаточно хорошая. Я сейчас мало чего смогла добиться в жизни. Мне кажется, сейчас происходит очень много важного и нового. И я очень сильно меняюсь».

Второй срез. «Мне очень интересно сейчас, что обо мне думают окружающие меня люди. Я стараюсь раскрыть себя как можно полнее и на тренинге и в жизни. Я чувствую огромный интерес к себе как к личности со стороны группы. Спасибо за это!»

3. *Первый срез.* «Я самый большой, красивый, умный и вообще мажорной величины не страдаю».

Второй срез. «Я знаю, что стал лучше, и чувствую, как изменилось ко мне отношение окружающих людей».

4. *Первый срез.* «Сейчас я не выспалась, но настроение отличное, потому что сейчас тренинг».

Второй срез. «Ну вот, наконец-то, моя очередь настала. Попытаюсь сказать что-нибудь связанное. Сейчас мне очень нравятся люди, которые меня окружают здесь, наш коллектив. На меня все так смотрят, наверное, ждут, что я скажу что-то особенное. Я знаю, вы все меня очень любите, и я тоже вас всех люблю, вы просто замечательные. И это все».

5. *Первый срез.* «Я очень устала и хочу поскорей уйти домой».

Второй срез. «Я достаточно спокойна и удовлетворена ситуацией в своей жизни. Я учусь там, где хочу. Меня окружают люди, которых я по своему люблю, коллектив приятный для меня. Все хорошо».

6. *Первый срез.* «Какое-то напряженное состояние. Нас так напугали тем, что снимают на камеру. Ну а вообще все замечательно».

Второй срез. «Я сейчас самая, наверное, из нас счастливая. Мне сейчас очень хорошо, я полна сил и энергии. Хотелось бы пожелать всем того же».

7. *Первый срез.* «У меня сейчас, наоборот, очень бодрое состояние, мысли светлые и ясные. И мне кажется, что уставшим никто себя не чувствует, просто атмосфера так влияет на восприятие».

Второй срез. «Спасибо вам всем за то, что вы были рядом все эти месяцы. Тренинг даже превзошел все мои ожидания. Но так много еще осталось не раскрыто в себе и других. Одно знаю, я люблю себя, я люблю вас всех, я люблю этот мир, а мир любит меня!»

Очевидно, что после тренингового воздействия респонденты пытались показать более объективно свои как положительные, так и отрицательные качества. Даже отрицательные по прямому содержанию высказывания являлись результатом внутренней работы над своими проблемами.

Для дополнительной оценки изменений транскоммунитивных состояний личности в тестовой транскоммунитивной ситуации от первого ко второму замеру нами было проведено экспертное оценивание видеозаписи тестовой транскоммунитивной ситуации по критерию «конгруэнтность». Эксперты делили испытуемых на две группы: «конгруэнтные» и «неконгруэнтные». Под конгруэнтностью понималась в данном случае подлинность и открытость в выражении своих чувств. Конгруэнтность как качество зрелой личности является показателем транскоммунитивного потенциала личности. При анализе видеозаписи первого среза эксперты проявили большой разброс мнений в определении конгруэнтных и неконгруэнтных испытуемых. Конгруэнтные испытуемые, по мнению экспертов, составляли от 15 до 31 % от общего числа испытуемых, обобщенное среднее количество конгруэнтных респондентов составило 15 %. И, напротив, при оценке видеоматериала второго среза эксперты независимо друг от друга показали более сходные результаты в определении конгруэнтных респондентов. Ими было выявлено от 81 до 91 % конгруэнтных испытуемых, обобщенный показатель равен 85 %. Все без исключения эксперты отметили тот факт, что испытуемые в начале года пытались произвести более благоприятное впечатление, продемонстрировать адекватную самооценку, уверенность в себе; однако невербальные проявления выдавали наигранность, неискренность данных ответов. В конце года те же самые респонденты более адекватно оценивали себя, невербальные проявления соответствовали прямому содержанию высказывания, их гораздо легче было отнести к группе конгруэнтных или неконгруэнтных. С помощью критерия Фишера была подтверждена достоверность различий в количестве конгруэнтных респондентов на момент первого и второго среза и после тренинга ($p=0,002$).

Таким образом, от первого среза ко второму нами были зафиксированы достоверные качественные и количественные изменения в проживании простейшей тестовой транскоммунитивной ситуации на уровне латентной, спонтанной и рефлексивной вербализации. Эти изменения заключаются в возникновении реверсивной динамики коммуникативного стресса в коммуникативный транс, произошедшей у подавляющего числа респондентов к моменту второго среза.

В нашем исследовании применялись две модификации «Метода моделирования коммуникативного мира» (ММКМ): 1) жизненный коммуникативный мир личности в целом; 2) коммуникативный мир личности в тренинговой группе. Полученные данные позволяют нам выявить осо-

бенности протекания транскомуникативных состояний в социально-психологическом тренинге. От первого ко второму срезу наблюдается реверсия коммуникативного стресса в коммуникативный транс, проявляющаяся в увеличении стресс-транс-формации (СТФ) и снижении транс-стресс-формации (ТСФ). Подобная креативная трансформация (СТФ превышает ТСФ) ведет к личностному росту и дает возможность констатировать развивающий, положительный эффект тренинга. Приведем наиболее яркие примеры коммуникативных миров испытуемых.

Проблемные темы девушки 17 лет выглядят следующим образом:

«Меня терзают смутные сомнения, что боги воспитывались далеко от рая, так как они слишком жестоки»;

«Почему любовь так непостоянна и импульсивна»;

«Учеба. Наверное, мой мозг когда-нибудь перестанет принимать информацию»;

«Самый мой насущный вопрос, обязана ли я жить?»;

«Окружающие люди бесконечно далеки от меня».

А вот основные характеристики партнеров:

«Любимый человек – хоть что-то светлое, как ручей»;

«Мама – просто моя любимая мама»;

«Родственники – рыбки в аквариуме»;

«Друг – плохо сложенный парашют»;

«Подруга – разряд в 1050 В»;

«Подруга – ива, замытая песком».

Темы, заявленные ею после тренинга:

«Ученье – свет»;

«Услышь меня»;

«Я далеко от тебя, но я вернусь»;

«Позволь себя понимать»;

«Стань светом моим»;

«Я люблю тебя»;

«Мне с тобой легко, ты мое зеркало»;

«Как познать себя? Может, через других людей»;

«Страх – самый сильный источник пороков».

Описание партнеров:

«Луч света в темном царстве. Котенок»;

«Вулкан энергии, силы, смеха, света»;

«Друг. Мне плохо с тобой и плохо без тебя»;

«Я тобой живу. Мама»;

«Подруга. Никогда не знаешь, что тебе надо, пока оно в тебя не врежется»;

«Подруга – пушистый, беленький голубоглазый ангелочек»;

«Любимый, ты у меня самый лучший».

Для автора характерна метафоричность восприятия. Образы партнеров яркие. Примечательно, что на момент первого среза автор дает только две однозначно позитивные характеристики. Для второго среза характерно более позитивное восприятие партнеров по общению. Основная проблема понимания смысла жизни заявлена до проведения социально-психологического тренинга достаточно остро, у автора присутствует ощущение несправедливости жизни и своей непохожести на других. После тренинга в описании большинства проблем появляется диалогичность, присутствует возможность их решения. В заявленных темах появляется обращенность к себе и другому, изменяется восприятие учебного процесса, возникает потребность в получении необходимых знаний. Эти тенденции проявились и в количественных оценках переживаний в прошлом, настоящем, будущем (от отрицательных оценок в будущем и настоящем к положительным).

Приведем пример коммуникативного мира еще одной участницы социально-психологического тренинга. Заявленные темы:

«Боюсь первой сессии. А вдруг я не сдам?!»;

«Закончились деньги, поскорей бы выдали стипендию»;

«Хочется поменять гардероб. Купить что-нибудь новенькое»;

«У меня все в голове перемешалось, ничто меня не радует. Депрессия»;

«Когда же ко мне придет настоящая любовь? Всех любят, а меня нет».

Описание партнеров:

«Тетя – самая лучшая, добрая, светлая. Лучик солнца для меня»;

«Подруга В. – понимающий человек, хороший слушатель»;

«Одногруппница А. – понимающая личность»;

«Одногруппница Ю. – вечно смеющийся человек»;

«Одногруппница И. – хороший оратор»;

«Подруга С. – ей можно излить душу».

Характеристики партнеров позитивные, добрые, но не всегда развернутые. Главный критерий в выборе партнера по общению – понимание. Создается впечатление, что автора окружают родные и близкие люди, поэтому поражает чувство пустоты, одиночества, просматривающееся в темах

4 и 5. Темы 1–3 лишь маскируют истинную причину депрессивного состояния автора. К моменту второго среза в коммуникативном мире испытуемой произошли изменения в сторону большей социальной зрелости, в темах видна готовность принять ответственность за свою жизнь на себя, многие проблемы решены или найден ключ к их пониманию. Расширился круг партнеров по общению, характерно принятие людей со всеми их достоинствами и недостатками. Описания партнеров в большинстве случаев позитивные, им даются яркие, образные, достаточно полные характеристики.

Названные темы:

«Учиться, учиться и еще раз учиться. На сегодняшний момент учеба – это самое основное в моей жизни»;

«Любовь – учусь не только принимать, но и отдавать»;

«Я горжусь своими родными»;

«Хочу поскорее начать зарабатывать деньги»;

«Первый год в университете. Мне было страшно, но я справилась».

Описание партнеров:

«Дядя – надежное плечо, на которое можно опереться. Строгий, но справедливый»;

«Тетушка – мамочка. Хорошая, добрая, заботливая, от нее тепло как от камина в пасмурный день»;

«Сестра. Капризная, но в то же время добрая. Я для нее палочка-выручалочка»;

«Подруга – мы с ней прошли огонь, воду и медные трубы. Надежный и очень красивый во всех смыслах человек»;

«Одногруппница Ю. – плохая и хорошая одновременно. Попрыгунья-стрекоза, очень легкомысленная и веселая, благодаря ей я научилась проще смотреть на многие вещи»;

«Подружка. Просто очень хороший человек, солнышко»;

«В. – пока непонятный, но уже близкий»;

«Одногруппница А. – интересная, подвижная, ходячая энциклопедия. Я нашла в ней родную душу».

В целом для испытуемых характерны конкретность в описании тем и их ситуативный характер (описываются проблемы материального плана, бытовые трудности, конфликты с окружением, проблемы учебы, сезонные и погодные изменения) на момент первого среза. Ко второму замеру описания тем и партнеров существенно изменяются, больше проявляется метафоричность, даются более глубокие, развернутые их характеристики. У большинства участников отмечаются темы,

релевантные транскомуникативному росту личности: я как личность, смысл жизни, спонтанность, сензитивность, ответственность, аутентичность. Проанализировав соотношение положительных и отрицательных сдвигов, можно утверждать, что после проведения социально-психологического тренинга у испытуемых произошло увеличение следующих показателей: вектора роста ($p=0,05$), вектора переживаний ($p=0,05$), вербализации коммуникативного транс ($p=0,05$), вербализации стресс-транс-формации по интересам ($p=0,01$) и партнерам ($p=0,05$). Достоверно снизились показатели вербализации коммуникативного стресса по интересам ($p=0,05$) и вербализации транс-стресс-формации по партнерам ($p=0,05$) и интересам ($p=0,01$). По результатам математико-статистического анализа, проведенного с помощью критерия знаков, можно констатировать достоверные изменения всех рассматриваемых показателей также по ММКМ-2 от первого ко второму замеру. Изменения всех указанных показателей говорят о росте транскомуникабельности участников тренинга и соответственно об их личностном росте.

Таким образом, результаты статистического анализа указывают на положительные изменения в коммуникативном мире испытуемых и дают возможность утверждать, что социально-психологический тренинг эффективно помогает преодолеть переживания и дает толчок личностному развитию.

Сопоставляя данные, полученные на основе средних значений показателей «Метода моделирования коммуникативных миров личности» до и после социально-психологического тренинга по ММКМ-1 и ММКМ-2, можно выявить сходные и различающиеся тенденции в протекании транскомуникативных процессов в коммуникативных мирах испытуемых, а также проследить возможные их трансферы.

1. Полученные нами данные свидетельствуют, что «жизнь в тренинге» в меньшей степени, чем жизнь личности вне тренинга, является источником коммуникативного стресса.

2. Выявлено, что партнеры являются большим источником как позитивных, так и негативных переживаний в коммуникативных мирах респондентов, чем темы и проблемы, наполняющие их жизнь, как в тренинге, так и за его пределами. Возможно, это связано с возрастными особенностями респондентов.

3. Увеличение среднего значения вербализации стресс-трансформации по партнерам в тренинге было более интенсивным. Можно предположить, что в процессе социально-психологического тренинга произошла актуализация личностного роста испытуемых: сначала в ком-

муникативном мире личности в тренинговой группе и лишь затем в жизни личности вне тренинга.

4. Средний показатель вербализации стресс-транс-формации по интересам в самоотчетах тренинговой группы в 2,5 раза превышает аналогичный показатель по ММКМ. По нашему мнению, данный факт можно объяснить тем, что тренинговая среда, являющаяся для респондентов новой и необычной, и специальным образом организованный тренинговый процесс активизируют транскоммуникативный потенциал участников тренинга. Поэтому к моменту второго среза у респондентов появляются интересы и проблемы, созвучные личностному росту.

5. Средние значения вербализации транс-стресс-формации по партнерам по ММКМ отличаются друг от друга незначительно на момент первого среза. К моменту второго среза данные показатели снизились, и различие между ними минимальное. Мы объясняем данную тенденцию (тенденцию обоюдного снижения показателей) тем, что в социально-психологическом тренинге активно используются обратная связь, рефлексия, что способствует более объективному восприятию партнера, принятию его таким, какой он есть, возникновению толерантности ко взглядам других людей. Затем все эти коммуникативные умения переносятся и используются за пределами тренинга.

6. Средние значения вербализации транс-стресс-формации по интересам (ММКМ), как и большинство вышеописанных показателей, отличаются друг от друга незначительно на момент первого среза. Тот факт, что транс-стресс-формация по интересам в тренинге проявилась в меньшей степени, чем в жизни личности вне группы, – закономерен. Тренинговая среда, новая, необычная и поэтому, безусловно, интересная для большинства респондентов, будет в большей степени актуализировать процессы личностного роста, чем «обыденная» жизнь. Во время второго среза средние значения вербализации стресс-транс-формации по интересам снижаются и минимально отличаются друг от друга.

7. Анализируя темы, мы выявили, что большинство участников дублируют интересы и проблемы, наполняющие их жизнь (ММКМ-1) и жизнь в тренинговой группе (ММКМ-2). При этом дублирование, по данным первого среза, в основном касалось тем, не связанных напрямую с концепцией тренинга или принципами функционирования тренинговой группы, например, желание похудеть, выйти замуж за богатого человека, найти свою любовь или успешно сдать сессию. По данным второго среза, «типичные» для ММКМ-2 темы появляются и в качестве интересов,

наполняющих жизнь испытуемых, т.е. в бланках ММКМ-1. Участники, позитивно оценивающие партнеров по ММКМ-1, обычно не давали отрицательных оценок и характеристик партнерам в тренинговой группе по ММКМ-2; и наоборот, те, кто критично оценивал окружающих за пределами тренинга, проявляли данное качество и в оценке партнеров по социально-психологическому тренингу. Первая, особенно отрицательная оценка, обычно оказывалась ошибочной. Большинство участников в процессе тренинга изменило свое отношение друг к другу в лучшую сторону, этому, безусловно, способствовало соблюдение основных принципов тренинга.

Приведем пример коммуникативного мира участницы тренинговой группы девушки 17 лет (первый срез). Проблемы следующие:
«Сумею ли я справиться со своим волнением и скованностью?»;
«Насколько хорошо у меня что-либо получается?»;
«Насколько я нравлюсь окружающим»;
«Что дадут мне занятия в тренинговой группе?»;
«Естественность в движениях и открытость в общении. Хочу достигнуть».

Партнеры представлены таким образом:

«Отзывчивая и спокойная, как озеро»;
«Маленькая и задорная. Маленький цветочек»;
«Моя любимая подружка, мое солнышко»;
«Юла. Веселая, но немного дурная»;
«Спокойная, добрая, нежная, ласковая, как голубое небо»;
«Непостоянная, недовольная собой, но увлекательная, как водопад».

После тренинга темы выглядят следующим образом:

«Счастье – это когда тебя понимают»;
«Дружба. Ты мне нужен и я тебе нужна»;
«Идеальных людей не бывает»;
«Я принимаю себя, я себя понимаю»;
«Куда идти дальше в личностном плане? Можно ли это знать наверняка?»;
«Хочу найти ключик к каждому»;
«Искренность, несомненно, подкупает людей»;
«Если кто-то не любит тебя, так как ты хочешь, то не значит, что он не любит тебя всей душой».

Партнеры:

«Самая лучшая девочка на свете. Я поражаюсь тому, сколько в человеке добра, света и тепла. Она многому меня научила»;

«Самый непонятный для меня человек в группе и поэтому самый притягательный»;

«Любимый человек. Цветок моей души»;

«Понимающая и терпеливая»;

«Необычная, яркая, незаменимая»;

«Реалист, стратег, а вообще добрейшей, как оказалось, души человек. Мы долго боролись, но наконец-то поняли друг друга»;

«Интересная, необычная, смешная, всегда имеет свое особое мнение, далекая и близкая одновременно. Мне она очень симпатична».

«Как я выгляжу в глазах других» – страх быть не принятой, главная проблема, заявленная автором в начале тренинговых занятий. После прохождения тренинга страх несовершенства исчезает, главную ценность приобретает понимание и принятие себя и других со всеми достоинствами и недостатками. Безусловно, с каждой конкретной личностью в условиях тренинга могут происходить только ей свойственные изменения в индивидуальных для нее обстоятельствах. Однако можно увидеть общую, характерную и для коммуникативного мира личности в целом, и для коммуникативного мира личности в тренинговой группе тенденцию: *после тренингового воздействия в коммуникативных мирах испытуемых произошла креативная трансформация коммуникативного стресса в коммуникативный транс. Она сопровождалась появлением позитивного мировосприятия и позитивным восприятием партнеров по общению и сокращением негативных переживаний.*

6.3. Стадии и типы транскомуникативной динамики в группах социально-психологического тренинга

Посредством контент-анализа нами был проведен сравнительный анализ частоты встречаемости в дневниках участников социально-психологического тренинга четырех типов категорий: стресс-трансформации (СТФ), транс-стресс-формации (ТСФ), коммуникативного трансформации (КТ) и коммуникативного стресса (КС) в течение всего периода тренинга. Нами были выделены три стадии отношений транс-стресс-формации и стресс-транс-формации, коммуникативного стресса и коммуникативного трансформации.

Первая стадия (первый и второй месяц тренинга) условно названа нами *стадией воодушевления*. Средние значения коммуникативного трансформации превышают средние значения коммуникативного стресса, проявления стресс-

транс-формации и транс-стресс-формации минимальны. Преобладание коммуникативного транса на этой стадии мы связываем с переживанием позитивных эмоций по поводу необычной и интересной формы занятий.

Вторая стадия (третий – пятый месяц тренинга) условно названа нами *стадией кризиса*. Средние значения транс-стресс-формации превышают средние значения стресс-транс-формации, средние значения коммуникативного стресса превышают средние значения коммуникативного транса.

Третья стадия (шестой – восьмой месяц тренинга) условно названа нами *стадией личностного роста*. Средние значения стресс-транс-формации значительно больше, чем средние значения транс-стресс-формации, средние значения коммуникативного транса значительно больше средних значений коммуникативного стресса. Здесь отчетливо видна качественная трансформация транскоммуникативных процессов в направлении роста личности и транскоммуникабельности при прохождении кризиса.

Таким образом, к моменту завершения тренингового периода у участников происходила стресс-транс-формация переживания. Однако рассмотренные нами средние значения не дают представления об изменениях, происходящих в состоянии отдельных индивидов. Анализируя результаты динамики транскоммуникативных состояний у каждого участника, мы обнаружили три различных типа реакций личности на тренинговый процесс и выделили три разных типа динамики транскоммуникативных состояний личности в социально-психологическом тренинге.

У большей части выборки, которая составила 43 % от всего числа респондентов, преобладали состояния коммуникативного транса и были минимально представлены состояния коммуникативного стресса. Условно назовем эту часть выборки *группой с «поверхностным» типом транскоммуникативной динамики*.

У 34 % испытуемых фиксировались как состояния коммуникативного транса, так и состояния коммуникативного стресса, однако частота их проявлений была значительно ниже, чем у предыдущей группы. Условно обозначим эту часть выборки *группой с «оптимальным» типом транскоммуникативной динамики*.

И, наконец, 23 % участников социально-психологического тренинга наиболее интенсивно проявили реакцию коммуникативного стресса при отсутствии или минимальной представленности коммуникативного транса. Условно назовем эту часть выборки *группой с «интенсивным» типом транскоммуникативной динамики*.

Таким образом, исходные данные были рассортированы по трем группам, различающимся по интенсивности протекания транскоммуникативных состояний.

1. Группа с «поверхностным» типом транскоммуникативной динамики.

Респонденты данной группы характеризовались большим воодушевлением в начале цикла тренинговых занятий, у них заметно преобладали реакции коммуникативного трансa. Тренинг, непривычная среда – все это воспринималось участниками легко, как увлекательная игра. Они чувствовали себя достаточно комфортно и уютно на тренинге, особенно активно принимали участие в различных играх, разминках, психогимнастических и телесно-ориентированных упражнениях. В дневниках представители данной части выборки писали:

– «Играем!! Это классно!!!»;

– «Я не ожидала, что будем играть, я думала, мы будем что-то писать по психологии, а оказалось все намного лучше и интереснее. То есть один восторг»;

– «Великолепно! Особенно мне понравилась сказка»;

– «Это был настоящий бум! Мы бежали по всему коридору и хохотали»;

– «В общем, было классно!»;

– «Дурная радость охватила всех во время игры»;

– «Я благодарна тренеру за то, что она дает нам возможность побыть детьми хоть немного. Вообще начало понедельника для меня нечто необыкновенное»;

– «Особенно мне понравилось сидеть на волшебном стуле. Это упражнение вызывает очень приятные переживания, это очень здорово, когда до тебя дотрагиваются и искренне говорят тебе приятные вещи, комплименты, пожелание. После таких слов чувствуешь «полет души»»;

– «Особое впечатление оставило упражнение «спина к спине». Оно помогает почувствовать себя легкой и невесомой, расслабиться. Я почувствовала доверие к партнеру, и мы стали еще ближе».

Представители данной группы не испытывали трудностей в рассказе о себе, охотно контактировали со всеми участниками. Однако они часто «не видели» и не понимали психологической сути упражнений. Обязательная рефлексия по кругу воспринималась ими поверхностно, и они ограничивались суждениями типа: понравилось – не понравилось, интересно – не интересно, весело – не очень весело. В дневниках ими описываются чувства восторга, необыкновенной легкости, «полета души», «огромного неземного счастья», тепла, эйфории во время и после тренингового занятия:

– «Мне показалось, что я побывала в космосе, так мне было легко»;

– «Получила такое количество комплиментов сразу, это, конечно, ни с чем не сравнимое удовольствие»;

– «Когда твоего тела касается чья-то рука, то тебя захлестывает теплая волна нежности и добра»;

– «Это было нечто, я даже не догадывалась, что с помощью жестов мы спокойно можем понимать друг друга»;

– «У всех столько эмоций. Я очень благодарна всем, каждый внес частицу любви, тепла и добра на занятие»;

– «Тренинг позволяет расслабиться, почувствовать себя легкой, невесомой, забыть обо всех проблемах. Это классное чувство»;

– «Все, что происходит тут, для меня все еще нечто необычное, каждое занятие для меня новое открытие, где я немного Колумб»;

– «Занятия тренингом – это своеобразная отдушина, в которую уходят твои печали и трудности».

Партнеры по тренингу воспринимались очень позитивно, в дневниках им давались по-настоящему искренние и добрые характеристики:

– «Она наша звезда»;

– «У меня все из нашей группы ассоциируются с красивыми цветами и нежными, легкими предметами. Я их очень сильно люблю, и мне с ними легко общаться»;

– «Я искренне всех люблю. Все разные, но все красивые и душой и телом»;

– «...добрая, нежная, ласковая. Когда я смотрю на нее, то сразу вспоминаю песню: «Невеста в этот светлый миг, ты прекрасней всех. Невеста!»»;

– «Она словно чистая, прозрачная вода»;

– «...ее глаза словно зеркало, в которое я смотрюсь»;

– «Она вся открывается перед нами словно цветок под первыми лучами солнца. Красивый, ароматный, радующий всех окружающих цветов».

Для этой группы в целом характерна направленность на партнеров. Даже в дневниках преобладает «мы»: мы сделали, мы чувствовали, мы потрясены и т.д. Тренинговая группа почти сразу стала восприниматься участниками как нечто большее, чем просто учебный коллектив, они стремились к сплочению, к еще большему доверию и открытости. В дневниках респонденты отмечали:

– «Занятие было самым волнующим из-за наших воспоминаний»;

– «Когда мы рассказывали о самом счастливом моменте, все разволновались, как дети, даже не просто за себя, а за всех. Я так хочу, чтобы у всех наших было все хорошо»;

- «Двери моего мира открыты для тех, кого я люблю»;
- «...мы сплоченная семья»;
- «Я доверяю всем нашим, наверное, каждый знает о моих проблемах, когда они у меня есть. Я знаю, что любой из них может помочь и что-нибудь посоветовать в данную минуту. Дает нам возможность забыть обо всех проблемах и наслаждаться общением друг с другом, ведь нам порой так не хватает просто общения, разговоров не об учебе, не о проблемах, а просто разговоров друг с другом»;
- «Наша тренинговая группа – это большая дружная семья, каждый член которой значим по-своему и влияет на всех остальных. Во время тренинга вся наша группа действует сообща. В нашей группе я чувствую себя уверенно и комфортно на все сто процентов. Я доверяю всем участникам группы, как самой себе»;
- «Наша группа – это сложившийся коллектив, а я часть этого коллектива».

Хотелось бы отметить, что чувство сплочения, доверия, «родства душ» появилось у этой части выборки спустя всего три-четыре занятия. Высокие значения коммуникативного трансa, фактически не меняясь, фиксировались у этой группы на протяжении трех месяцев; такой накал эмоций, вероятно, не мог существовать бесконечно долго, и спустя четыре месяца наблюдается резкое снижение коммуникативного трансa. За воодушевлением следовало разочарование, в основном в партнерах, и это вело к увеличению коммуникативного стресса. Эта группа была неспособна изначально принять другого человека таким, какой он есть, со всеми его достоинствами и недостатками, они хотели видеть и замечать в людях только хорошее. На данном этапе тренинга им трудно было понять, что кто-то может чувствовать и думать по-другому, иметь плохое настроение, выражает отрицательные эмоции, не желает открываться и не доверяет группе. Все это выразилось в разочаровании тренингом и увеличении коммуникативного стресса. Респонденты по-прежнему выражали желание играть, веселиться и отдыхать на тренинге. Можно предположить, что на начальном периоде тренинга они демонстрировали форму внешней защиты и маскировки, имитационного подстраивания под среду – сознательного или бессознательного; таким образом, проявлялась защита, компенсаторная тенденция в поведении, что характерно для коммуникативного стресса по экспрессивному направлению. Как неизбежное следствие возникла транс-стресс-формация переживания. Появилась агрессия по отношению к отдельным участникам, неудовлетворенность тренингом в целом.

В своих дневниках респонденты давали в основном отрицательные характеристики партнерам по тренингу, описывали усталость от тренинга:

«Она похожа на ребенка – маленького и дурного. Тихоня, серая мышка. Хмурая тучка»;

«Коллектив у нас был сегодня разлаженный, каждый как будто сам по себе»;

«Моя группа мне нравится, за исключением одного человека... она начинает ругать себя, показывать себя эгоисткой и вообще не очень хорошим человеком. Ну ладно, пусть ругает, а зачем у других-то спрашивать, как они относятся к тебе и что о тебе думают»;

«Он ведет себя неестественно, наигранно, я вижу, что ему со мной неудобно, он стесняется. Мне как-то не по себе, что у меня такой партнер»;

«Он всех нас заразил негативной энергией, мы еще долго после этого не могли успокоиться»;

«Большим энтузиазмом в обсуждении проблем никто не отличался»;

«У меня не было такого чувства счастья, которое было на прошлом занятии»;

«Чувство опустошенности, не загорался во мне тот огонек, который был раньше»;

«Никто из нас к нему в крепость не собирается, а он все заборы строит».

Испытуемые активно выражали свое недовольство против психологически сложных упражнений, не желали преодолевать минимальные трудности, просили использовать на тренинговом занятии как можно больше игровых упражнений. Однако коммуникативный стресс у них не превратился в хронический дистресс, он дал необходимую встряску, произошло психологическое взросление, после чего в записях испытуемых фиксируются изменения в отношении к партнерам, к самим себе и к тренингу:

«Если раньше она ассоциировалась у меня с дикой кошкой, то сейчас ее душа напоминает мне котенка»;

«Когда она зашла в зал, я сразу почувствовала себя на вершине счастья, от нее исходили такое тепло и энергия, я чувствовала ее надежную поддержку»;

«Быть самой в себе – это, по-моему, очень плохо, нужно что-то менять в себе»;

«...во мне что-то сильно поменялось, но что, я это никак понять не могу. Я это вижу, но не могу объяснить»;

«...чувствую стремление понять тайный смысл этого упражнения»;
«И хотя у меня не было почти никакого настроения, и состояние было ужасным, мне было очень хорошо»;

«По всему телу прошел жар, стало как-то не по себе, но все прошло наилучшим образом»;

«Занятие меня потрясло»;

«...желание раскрыть свои тайны»;

«Во мне присутствуют черты ребенка, хотя я уже ощущаю себя взрослой»;

«Была грусть, но потом в первый раз я смеялась до слез. Это супер!»;

«Сама не знаю, почему мне хотелось закричать, заорать, заплакать громко-громко. И не останется больше нашей подгруппы, мира, совсем другого мира, какого нет ни у кого, только у нас!!! Не хочу, чтобы тренинг завершался!»;

«Было тяжело, но зато я себя переборола и сейчас отношусь к своей проблеме намного проще».

Таким образом, на пятом месяце тренингового процесса наметилась тенденция снижения средних значений транс-стресс-формации, сохранившаяся до конца тренинга. На восьмом месяце тренинга частота проявления стресс-транс-формации достигла своего максимального значения, а частота проявления транс-стресс-формации – минимального.

2. Группа с оптимальным типом транскомуникативной динамики.

С самого начала тренинговых занятий у данной части выборки фиксировались реакции как коммуникативного стресса, так и коммуникативного транс. В начале тренинга средние значения коммуникативного транс выше, чем средние значения коммуникативного стресса, но его динамика не стабильна, отмечается варьирование средних значений. Максимально низкое проявление коммуникативного транс наблюдается на четвертом месяце тренингового процесса, после чего он повышается с пятого по восьмой месяц. Средние значения коммуникативного стресса также значительно варьировали в процессе тренинга. В два первых месяца отмечалось снижение средних значений коммуникативного стресса, на третьем и четвертом – повышение до максимального уровня, затем закономерное снижение до минимального значения. Можно предположить, что в данном случае фактор «здорового» коммуникативного стресса выполняет охранительную функцию в отношении коммуникативного транс. Коммуникативный стресс играл адаптивную, защитную и компенсаторную функцию в общении и личностном развитии, поэтому он не перешел в дистресс.

Таким образом, отчетливо прослеживаются динамика отношений между коммуникативным стрессом и коммуникативным трансом, их реверсия.

Респонденты данной группы, по нашему мнению, обладали высоким транскоммуникативным потенциалом личности. Поэтому трудности и переживания имели трансформирующий характер, вдохновляли, благодаря чему почти сразу же возникала позитивная стресс-трансформация переживания. Происходила мобилизация, которая и давала устойчивый творческий процесс. В своих дневниках они отмечали:

– «Мне очень нравится моя тренинговая группа, но мне достаточно сложно находиться на самом тренинге. Я испытываю волнение и страх от того, что не знаю, как выразить свои чувства. Ведь чувствовать – это одно, а говорить на кого-то – это совсем другое»;

– «Для меня трудны задания, которые требуют фантазии»;

– «Мои проблемы уже не так остры, как в первый раз, потому что девчонки с моей тренинговой группы мне уже хорошо знакомы, а это дает возможность быть более раскованной»;

– «Мне нравится, что существует тренинговая группа, в которую вхожу и я. В первую очередь я хочу отметить потрясающие возможности самовыражения. Появилась способность почувствовать самого себя. Мы сравниваем себя с другими, и оказывается, что в определенных ситуациях мы испытываем похожие чувства и у нас много общего. Это очень сближает нас, мы становимся как одно целое, как один общий организм»;

– «...здесь мы все равны и свободны и в проявлении наших чувств, и в действиях. На тренинге мы учимся быть такими, какие мы есть на самом деле. Здесь не хочется притворяться и играть, и это как-то само собой переносится на реальную жизнь, на реальные отношения»;

– «Я получила удовольствие от тех упражнений, которые мы делали. Это занятие оставило во мне незабываемые ощущения и эмоции».

Образы партнеров позитивны, в отличие от первой группы представители данной части выборки стараются принять человека таким, какой он есть. В дневниковых записях этот момент хорошо виден:

– «...приятно когда Д. рассказывал о том, какая я была в детстве»;

– «...мы станем, как близкие родственники»;

– «Мне интересно узнавать себя заново...»;

– «...это удивительно добрый человек»;

– «Она из тех людей, которые не предадут своих друзей и им можно довериться»;

– «...открыта и доброжелательна. Делает вид, что она жесткая, злая, строгая, а на самом деле, мне кажется, что она нежный, пушистый котенок и очень чувствительный ранимый человек»;

– «Мне трудно в ней разобраться, но она очень интересная личность, и хотелось бы узнать ее лучше»;

– «...безгранично добрая. В ней есть какая-то глубина, свое представление действительности, какая-то загадка, которую хочется разгадать».

Именно у данной части выборки наблюдались максимальные значения стресс-транс-формации. В процессе тренинга они чаще, чем представители других групп, переживали состояния микрокатарсиса. Старались глубже почувствовать и понять других людей, искали и охотно принимали психологическую поддержку. Пытались выразить, проявить, представить себя полнее, ярче, искреннее, отмечали в дневниках уникальность, которую дает им для этого тренинг. У этой части выборки был свой переломный «кризисный» момент, произошедший на четвертом месяце тренингового процесса. Он сопровождался повышением уровня коммуникативного транс и минимальным по сравнению с другими месяцами уровнем стресс-транс-формации. Испытуемые успешно справились с этим транскомуникативным кризисом, о чем свидетельствует возникшее и продолжающееся в последующие месяцы увеличение средних значений стресс-транс-формации.

Характерной особенностью данной группы является значительное превышение средних значений стресс-транс-формации над средними значениями транс-стресс-формации во время всего тренингового процесса, даже во время транскомуникативного кризиса.

3. Группа с «интенсивным» типом транскомуникативной динамики.

В эту группу вошли респонденты, у которых в начальный период тренинга наиболее часто проявлялся коммуникативный стресс, его средние значения были максимальными по сравнению со значениями в других группах. Коммуникативный стресс доминировал и блокировал коммуникативный транс и, следовательно, транскомуникативный потенциал развития личности.

На пятом месяце тренинга возникла тенденция снижения средних значений коммуникативного стресса. Средние значения коммуникативного транс небольшие по сравнению с аналогичными показателями в других группах. На протяжении четырех месяцев занятий отмечается их колебание. С пятого по восьмой месяц тренинга происходит постепенное увеличение средних значений коммуникативного транс, но лишь с седьмого месяца средние значения коммуникативного транс начинают превышать средние значения коммуникативного стресса. На

восьмом месяце тренинга среднее значение коммуникативного транс превышает среднее значение коммуникативного стресса в 6,9 раза.

Для данных респондентов наиболее характерны негативные переживания (НП) как по темам, так и по партнерам, а также высокий показатель вербализации коммуникативного стресса по темам и партнерам с тенденцией к дистрессу по результатам диагностики ММКМ-1, ММКМ-2. Образы партнеров в дневниковых записях наполнены негативными оценками. Для этой группы характерно проявление больших по сравнению с другими группами средних значений транс-стресс-формации с самых первых занятий. Средние значения стресс-транс-формации небольшие, лишь на пятом месяце впервые происходит реверсия стресса в транс. Такое «защитное» поведение может рассматриваться в качестве симптома внутренних проблем, комплексов, стрессов. В дневниковых записях они часто противопоставляют себя группе, описывают свое некомфортное состояние на тренинге и недоверие к его участникам:

– «На этом занятии меня сильно обидели, так, что я чуть было не отказалась от тренинга вообще. Я читала свой дневник, а он засмеялся и прокомментировал мои слова. Мне было обидно до слез. Теперь я знаю, что не могу относиться к группе как прежде. И теперь я всегда буду настороже»;

– «Надеюсь, что я не хуже других. При выполнении даже пустяковых, несложных упражнений я постоянно испытываю волнение, я постоянно скована. Я всегда или почти всегда честна, но, тем не менее, я все же какая-то настоящая»;

– «Мне нравятся упражнения, где мы расслабляемся, но я не люблю рассказывать о себе, о своих чувствах и мыслях, я привык, что это всегда касается только меня и никого больше»;

– «Мне просто становится противно, что в семнадцать лет я веду себя на тренинге, как трехлетний малыш. Неужели никому, кроме меня, не противно ощущать себя трехлетним ребенком, который не знает смысла жизни»;

– «Мне подходит роль бедного котенка, ведь никто меня не знает по-настоящему».

У представителей этой группы лишь к концу тренингового цикла (седьмой и восьмой месяц тренинга) за счет осознания своих личностных проблем и активной работы над собой наметился позитивный сдвиг. Он отразился в максимальном, по сравнению с другими месяцами, среднем значении стресс-транс-формации. В дневниках респонденты отмечали

позитивные личностные изменения, произошедшие с ними, по-другому стал восприниматься тренинг, улучшилось отношение к окружающим людям:

- «...впечатлений уйма»;
- «Меня очень растрогал дневник А., я рада, что хоть кто-то может меня понять»;
- «тренинг действительно помогает человеку раскрыться»;
- «...наша любимая тренер»;
- «Рисуя, я подумала, что если бы я рисовала свой внутренний мир в начале года, то он у меня был бы мрачным и темным, а сейчас он изменился и получился достаточно ярким и красочным»;
- «Я заметила в себе изменения во время вентиляции и могла сказать партнеру во время упражнения, что люблю его».

Таким образом, увеличение проявления стресс-трансформации переживания в процессе тренинга в группах с различным типом транскомуникативной динамики свидетельствует о его положительном, развивающем эффекте. Значительное увеличение стресс-трансформации во всех трех рассматриваемых группах наблюдалось после прохождения участниками определенного кризиса, сопровождающегося усилением коммуникативного стресса. Группы отличались по времени возникновения кризиса и некоторым представленным в параграфе характеристикам его протекания. Мы предполагаем, что это связано с различным транскомуникативным потенциалом каждой отдельной личности. Благодаря тому, что большинство упражнений и техник имеют транскомуникативную по своей сути природу, они способствуют возникновению «пиковых» переживаний и их стресс-трансформации.

В нашей работе в качестве дополнительной методики для исследования динамики транскомуникативных состояний личности использовался тест самоактуализации личности (САТ). Высокий уровень самоактуализации говорит о высоком транскомуникативном потенциале личности. Для установления достоверных различий между измерениями использовался критерий знаков G. Было выявлено достоверное увеличение показателей по следующим шкалам: компетентность во времени ($p=0,05$), поддержка ($p=0,01$), ценностные ориентации ($p=0,05$), гибкость поведения ($p=0,01$), сензитивность к себе ($p=0,05$), спонтанность ($p=0,05$), самоуважение ($p=0,01$), самопринятие ($p=0,01$), синергия как субъективная возможность сотрудничества с миром ($p=0,05$), контактность ($p=0,01$), представление о природе человека ($p=0,01$).

Для участников тренинга с «поверхностным» типом транскомуникативной динамики были характерны низкие показатели по первым двум базовым шкалам САТ, а также по шкале ценностных ориентаций, шкале гибкости, представлений о природе человека, шкале познавательных потребностей. Оптимальны показатели по шкале синергичности, спонтанности и контактности.

Участники с «оптимальным» типом динамики, как правило, демонстрировали высокие значения по шкале ценностных ориентаций САТ, разделяли ценности, характерные для зрелой личности (уважающей себя, ответственной, социально активной, творческой). Они были способны к быстрому установлению разносторонних и глубоких контактов с людьми, достаточно общительны. Наиболее выражена у этих респондентов шкала познавательных потребностей, которая показывает стремление человека к познанию и степень выраженности стремления к приобретению знаний об окружающем мире, его любознательность. Высоки показатели по шкале синергичности, которая отражает субъективную способность работать вместе с другими, сотрудничать, и по шкале представлений о природе человека, показывающей способность понимать другого.

Для респондентов с поверхностным типом динамики характерны низкая гибкость поведения, высокая степень сензитивности, низкое самоуважение и самопринятие, низкие значения по шкале принятия агрессии и по шкале контактности САТ.

Таким образом, данные, полученные с помощью теста самоактуализации личности, подтверждают позитивную динамику транскомуникативных состояний личности в социально психологическом тренинге. Индивиды, распределившиеся по результатам контент-анализа в группы с различной транскомуникативной динамикой, изначально отличались друг от друга по основным показателям самоактуализации, т.е. обладали различным транскомуникативным потенциалом.

Проведенный сопоставительный анализ позволяет сделать вполне определенные выводы.

После тренингового воздействия в коммуникативных мирах участников социально-психологического тренинга произошла реверсия коммуникативного стресса в коммуникативный транс. Она сопровождалась появлением позитивного мировосприятия и увеличением позитивных тенденций в восприятии партнеров по общению.

Эффективность тренинга как метода воздействия на личность проявилась в положительной динамике транскомуникативных со-

стояний личности. Главным критерием, релевантным личностному росту и свидетельствующим о положительном развивающем эффекте тренинга, явилось возникновение и увеличение стресс-трансформации в коммуникативных мирах участников тренинга.

В тренинге были выявлены три стадии динамики транскоммуникативных состояний личности: стадия воодушевления, стадия кризиса и стадия личностного роста. На стадии воодушевления у участников было наиболее выражено состояние коммуникативного трансформации, на стадии кризиса в коммуникативных мирах участников фиксировались максимальные значения коммуникативного стресса, на стадии личностного роста у них наблюдались максимальные значения стресс-трансформации.

В процессе тренинга у участников выявлены три типа транскоммуникативной динамики: поверхностный, оптимальный и интенсивный. Так, у личностей с поверхностным и интенсивным типом транскоммуникативной динамики трансформация коммуникативного стресса в коммуникативный транс происходила в конце тренингового цикла, у участников с оптимальным типом транскоммуникативной динамики стресс-трансформация переживания фиксировалась на протяжении всего периода тренинга. Личности с различными типами транскоммуникативной динамики изначально отличались друг от друга по основным показателям самоактуализации, т.е. обладали различным транскоммуникативным потенциалом.

Из этих выводов следует естественная рекомендация – для предотвращения возможных негативных последствий тренинга важно проводить своевременную диагностику и коррекцию динамических отношений между коммуникативным стрессом и коммуникативным трансформацией.

ЛИТЕРАТУРА

Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.

Жуков Ю.М. Тренинг как метод совершенствования коммуникативной компетентности: Дис. ... д-ра психол. наук [Электронный ресурс]. М., 2005.

Зайцева Т.В. Теория психологического тренинга. Психологический тренинг как инструментальное действие. СПб.; М.: Речь; Смысл, 2002.

Иноземцева Е.А. Психологические эффекты западных моделей социально-психологических тренингов в России: Дис. ... канд. психол. наук [Электронный ресурс]. М., 2004.

Кабрин В.И. Исследование и прогноз динамики стресс-трансформации в общении личности на основе метода моделирования коммуникативного мира (ММКМ) // Сиб. психол. журн. 1999. Вып. 11. С. 20–28.

Кабрин В.И. Ментальная структура и динамика коммуникативного мира личности: методология, методы, эмпирические исследования. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002а.

Кабрин В.И. Актуальные проблемы психологического сопровождения университетского образования: Учеб.-метод. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002б.

Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.

Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.

Ковалев Г.А. Основные направления использования методов активного социально-психологического обучения в странах Запада // Психол. журн. 1989. Т. 10, №1. С. 127–136.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Прутченков А.С. Социально-психологический тренинг в школе. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.

Психологический универсум образования человека ноэтического: Сб. статей / Под ред. В.И. Кабрина, Э.И. Мещеряковой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.

Чанько А.Д. Социально-психологический тренинг как метод воздействия на группу в организации: Дис. ... канд. психол. наук [Электронный ресурс]. М., 2005.

Юрченко О.А. Исследование эффективности социально-психологического тренинга драматической импровизации: Дис. ... канд. психол. наук [Электронный ресурс]. Самара: Гос. пед. ун-т, 1999.

Kirkpatrick D.L. Techniques for evaluating training programmers // Journal of the American Society of Training Directors. 1959. Vol. 13. P. 3–32.

ГЛАВА 7. РАЗВИТИЕ ТРАНСКОММУНИКАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В ТРЕНИНГЕ МЕТАФОРИЧНОСТИ

7.1. Теоретико-методологические основы программы тренинга метафоричности

В качестве предпосылок исследования выступили методологические принципы гуманистической психологии (Гольдштейн, 1948; Роджерс, 1994; Маслоу, 1997), принципы интегративности и системности в изучении самореализации личности (Ключко, 2000; Коростылева, 2001; Галажинский, 2002), идеи теории лингвистической относительности, постулирующие интегративный взгляд на природу языка, взаимосвязанного со всеми проявлениями «реальной человеческой жизни» (Уорф, 1960; Сепир, 1993), положения структурализма в лингвистике (Леви-Строс, 1994; Барт, 1994; Фуко, 1994; Лакан, 1996), обозначившие необходимость использования естественного языка как означающей системы для исследования «сложных объектов человеческой духовной культуры», подходы к изучению метафоры представителей современной теории языковой картины мира (Лакофф, Джонсон, 1990). В качестве базовой теоретической модели исследования принят коммуникативный подход В.И. Кабрина (2005).

Теоретико-методологической основой программы тренинга метафоричности является транскоммуникативная концепция, методология тренинговой работы, выраженная в методе работы групп нозического опыта В.И. Кабрина. Данный метод синтезирует в себе трансперсональные, медитативные и другие практики, позволяющие пережить и осознать размеры и масштабность душевной жизни как относительно самостоятельной, имеющей собственные степени свободы (Кабрин, 1992, 2005).

В общем методологическом ключе понимания транскоммуникативной природы метафоры в тренинге интегрировались представления о целостности человека в метафорических, символических процессах, идеях о возможной реализации архетипов в различных символических и метафорических формах в трансперсональной психологии (Юнг, 1994; Ассаджоли, 1994), на разработках в области практического применения метафор в психодиагностической, коррекционной и терапевтической работе (Пезешкян, 1993; Эриксон, 1994; Миллс, Кроули, 2000; Кроль, 2001; Оуэн, 2002).

На современном этапе развития научного знания понятие метафоры имеет широкое семантическое поле и несет большую междисциплинарную нагрузку. В философско-лингвистических исследованиях основной акцент делается на изучении роли метафоры в научном познании (Кассирер, 1990; Арютюнова, 1990; Баранов, 1993; Ницше, 1996), предпринимаются попытки определить возможности метафоры в реализации когнитивной и коммуникативной функции в процессе научного познания (Хайдеггер, 1993; Витгенштейн, 1993; Хабермас, 2000; Гогоненкова, 2005).

В лингвистике метафора исследуется в контексте общей проблемы языкознания, знаковой природы языка, проблемы семантики; рассматриваются языковые свойства метафоры, лексическое значение метафорического слова и т.д. (Уорф, 1960; Харченко, 1992; Складаревская, 1993; Хახалова, 1997; Бюлер, 2001; Мухачева, 2003; Катунин, 2005; Rolf, 2005). Анализ лингвистических подходов показал, что категория метафоры представляет собой феномен, онтологически связанный с человеком и языком; она отражает взаимообусловленность мышления и языковой реалии. Основы изучения метафоры как языкового средства, отражающего принципы взаимосвязи языка с миром, были заложены еще А.А. Потебней (1989) и развиты Л.С. Выготским (1996), который постулировал идею о формировании личности путем освоения культурного наследия человечества, сохраняемого в знаках и символах.

Исследования метафоры в культурологическом аспекте по-новому раскрывают поднятую лингвофилософским направлением тему метафорического моделирования мира. Этот подход акцентирует внимание на вопросах соотношения личности и культуры сквозь призму языка (Gannon, 2001; Видгоф, 2002; Alexlou, 2002; Hwang, 2006; Kovacs, 2007). В культурологическом направлении феномен метафоры часто описывается через представления К.Г. Юнга об архетипах, обозначая проблематику взаимосвязи феномена метафоры с мифом (Лакофф, Джонсон, 1990; Фрейденберг, 1998; Эдингер, 2000; Стюарт, 2003; Свирепо, Туманова, 2004). По мнению Свирепо (2004), первичные метафоры (символы пережитого опыта, прочно вошедшие в культуру) выступают своего рода ключами, открывающими двери в иные эпохи. В. Стюарт (2003) считал, что метафорические образы ведут нас в царство первообразов, где психике дана свобода исследовать, где ей не мешает сознательный разум, говорящий на языке рассудка и логики.

Анализ литературы показал, что интерес к научно-теоретическому осмыслению метафоры пришел в психологию, прежде всего, из психо-

терапевтической практики, где метафора уже прочно вошла в рабочий инструментарий специалистов-психотерапевтов (Эриксон, 1996; Берн, 1999; Гордон, 1999; Бэндлер, Гриндер, 2000; Зинкевич-Евстигнеева, 2003 и др.). Сейчас можно выделить множество направлений психотерапии, использующих метафору как основное или как вспомогательное средство терапевтического взаимодействия. Так, экзистенциальная, интегративная гипнотерапии (Кинг, 1998; Кроль, 2001), развивая подход М. Эриксона (1996), используют метафору как форму экзистенциального обучения. Вслед за транскультурным подходом Н. Пезешкяна (1992), основанным на знакомстве человека с житейским опытом других народов, сконцентрированным в своеобразной метафорической форме – форме притч, сказок и т.д., современная психотерапия и практическая психология предлагают различные специально разработанные или взятые из восточных практик, художественных произведений метафорические истории. В работах Х.К. Лэнгтона (1996), Дж. Миллс (2000), М. Верман (2000) раскрываются принципы создания терапевтической метафоры, метафорической истории, разрабатываются стратегии многосоставной терапевтической метафоры.

Основной локус современных психологических исследований метафоры заключается, прежде всего, в изучении метафоры как средства психодиагностики и психокоррекции в системе профессиональной деятельности практического психолога (Алексеев, 1998; Бикмухаметова, 2002; Бабаева, 2004; Юрченко, 2004; Вачков, 2005); в изучении различных аспектов метафорического миромоделирования (Абрамова, 2001; Труевцев, 2002; Шабанов, 2006).

При определении собственной исследовательской позиции мы опирались на представление о том, что метафора выступает неотъемлемой характеристикой транскомуникации. В этом контексте метафору можно определить как смыслотворческую коммуникацию, выводящую человека за рамки обыденного в новое, неизведанное, позволяя человеку быть аутентичным в переживании смысла. Анализ значимых, индивидуальных метафор позволит понять субъективные переживания человека, отследить возможные ресурсы и смысловые аспекты самореализации.

Основная цель тренинга: развитие транскомуникабельности личности, актуализация внутренних ресурсов и потенциала самореализации. «Транскомуникабельность души делает естественным духовно-душевно-телесное единство человека и его открытость как миру мистического сверхсознания, так и миру коллективного бессознательного в трансцендентальном, символическом,

психосемантическом процессах» (Кабрин, 2005. С. 60). Транскомуникативная стратегия тренинга акцентирует внимание на исследовании взаимодействия состояний коммуникативного стресса и коммуникативного трансa в переживаниях в процессе метафоризации.

Задачи тренинга:

- развитие целостного, стереоскопического мировосприятия – транскомуникативного видения жизни и себя в ней;
- повышение креативности, которая является внутренним ресурсом, условием для успешного самовыражения, всесторонней самореализации личности;
- расширение границ собственного опыта.

Основные характеристики процесса метафоризации, создающего условия для актуализации самореализации, раскрываются в следующих концептуальных идеях.

В тренинге человек выходит за пределы конвенциональной, стереотипной коммуникации в креативную, многомерную метафоричность. Ситуация «встречи» с метафорой в коммуникативном пространстве всегда связана с ощущением новизны. Новизна переживается человеком как коммуникативный стресс, который мобилизует возможности человека и активизирует его внутренние ресурсы, что и приводит к стресс-трансформации переживаний. Через метафору человек приходит к ощущению сходства, часто нового и неожиданного, между метафорической проекцией своей коммуникативной ситуации и возможностями ее осмысления, изменения в реальном коммуникативном пространстве. Это приводит к развитию целостного, стереоскопического мировосприятия – транскомуникативного видения жизни и себя в ней. Метафора, являясь одним из универсальных языков человеческого общения и одним из важнейших средств искусства, обеспечивает раскрытие творческого потенциала участников.

Лежащее в основе метафоры противоречие между формой и содержанием требует особого напряжения мысли, чувств, творческого усилия, что задает предпосылки для актуализации транскомуникативных состояний в тренинговой группе. Большинство упражнений и техник, использующих метафору, имеют транскомуникативную по своей сути природу, они способствуют возникновению «пиковых» переживаний и их стресс-трансформации. В транскомуникативном процессе метафоризации происходит гармонизация разнопорядковых коммуникативных миров личности. Метафоры оживляют незначительные на первый взгляд состояния, но такие микрособытия и микроситуации включают в себя глубокое транскомуникативное переживание и осознание.

Метафора как мультисенсорная коммуникация позволяет создавать в тренинге многоуровневые коммуникативные ситуации. Метафора содержит много «слоев», в каждом «слое» свой смысл. Человек в каждой коммуникативной ситуации тренинга выбирает свой «слой» в метафоричности, воспринимая его как увлекательную игру, как способ познания себя или как возможность достижения новых вершин своего коммуникативного опыта. Здесь можно сказать словами Л. Кроля (2001): «метафора напоминает фигуру из двух колец, вложенных друг в друга, некую ленту Мебиуса: одно кольцо – это реальное состояние, а другое кольцо является зеркалом, отражающим его в словах, жестах или предметах. В зеркале отражается и очень маленькая пылинка, и большой камень. Так и метафора может захватывать, подобно щипчикам, и элемент состояния, и элемент субличности, и элемент мазка. В отличие от логических конструкций, метафора одновременно является и определенной, и неопределенной. Определенной, потому что понимается сразу на нескольких уровнях; неопределенной – потому что не может быть предсказана» (С. 30).

Метафора создает условия для свободы, спонтанного смысловорчества. Метафора открытый процесс. Личность погружается в метафору такой, какая она есть без фиксированных оценок себя и других. Метафора облегчает и фасилицирует процесс осознания и осмысления системы отношений между участниками коммуникации, снижая воздействие негативных эмоций при получении болезненной для человека информации. Так, Дж. Миллс и Р. Кроули (2002), обозначая утонченность метафоры, говорят, что «смысл рассказанного «падает в точку», но каким-то удивительным отстраненным путем. Проблема хоть и высвечивается, но предстает спокойно расплывчатой; повествование хоть и пробуждает скрытые возможности и способности, но неким обобщенным и отнюдь не напористым образом» (С. 57).

Метафора задействует глубинные уровни коммуникативного мира за счет непривычных для разума архетипических элементов. Как отмечал К.Г. Юнг (1993), «огромное преимущество мифологических представлений в том, что они гораздо в большей степени объективизируют конкретику и соответственно делают возможной ее персонификацию... Любовь и ненависть, страх и благоговение выходят на сцену, поднимая конфликт до уровня драмы» (С. 150). В метафоре происходит персонификация архетипа, что создает возможность для драматизации коммуникативных ситуаций в тренинге, позволяя человеку осознать глубинные значения и смыслы разворачивающейся коммуникативной

ситуации. По мнению К.Г. Юнга (2003), человек может использовать слово, знак, когда описывает глубоко волнующее переживание как нечто значимое, полное смысла, что позволяет установить органическую связь с жизнью в целом. Метафоры, возникающие в коммуникативном процессе тренинга, являются продуктом спонтанной деятельности архетипической психики. Постигая архетипические грани своего Я, расширяя границы собственного коммуникативного опыта, человек сохраняет свою уникальность и становится при этом более многомерным.

В коммуникативном процессе тренинга работа с метафорой начинается с метафорического перенесения, иносказания и разворачивается в целостный коммуникативный процесс исследования, трансформации и принятия метафоры в смысловых контекстах коммуникативного мира личности.

Коммуникативная интерпретация основных ориентиров самореализации личности в тренинге метафоричности предполагает фиксирование динамики состояний коммуникативного стресса, коммуникативного транса и их взаимной реверсии (стресс-транс-формации), актуализирующихся в условиях метафоризации тренингового процесса.

Основным источником метафор для организации коммуникативного процесса в тренинге являлись тексты рефлексивных отчетов (дневников) участников тренинга.

Структура такого дневника состояла условно из двух основных блоков: 1. Рефлексивный, в который участники записывали в метафорической форме свои переживания-осмысления по следующим категориям: «Я сегодня»; «Я на протяжении недели»; «Группа сегодня»; «Тренер сегодня». 2. Спонтанно-креативный, в котором отражались спонтанные метафоры, возникающие в процессе коммуникации; любимые пословицы, сказки, притчи и т.д.

Помимо этого, в тренинге использовались различные тематические метафоры, имеющие архетипическое смысловое содержание («метафора встречи с внутренним ребенком», «метафора маски», «метафора зеркала» и др.).

Основной принцип организации коммуникативного процесса в тренинге исходит из широкого понимания метафоры, которая может быть языковой, графической, телесной, поведенческой и др., что позволяет сделать процесс метафоризации более целостным.

Центральным моментом в тренинге является образно-поведенческая трансформация метафоры. Основы такого подхода заложены К.Г. Юнгом (метод активного воображения) и развиты в различных направлениях эмоционально-образной психотерапии (Лейнер, 1996).

В этом контексте процесс метафоризации, интегрирующий языковые, эмоциональные и поведенческие проявления личности, схематично представлен на (рис. 7.1).

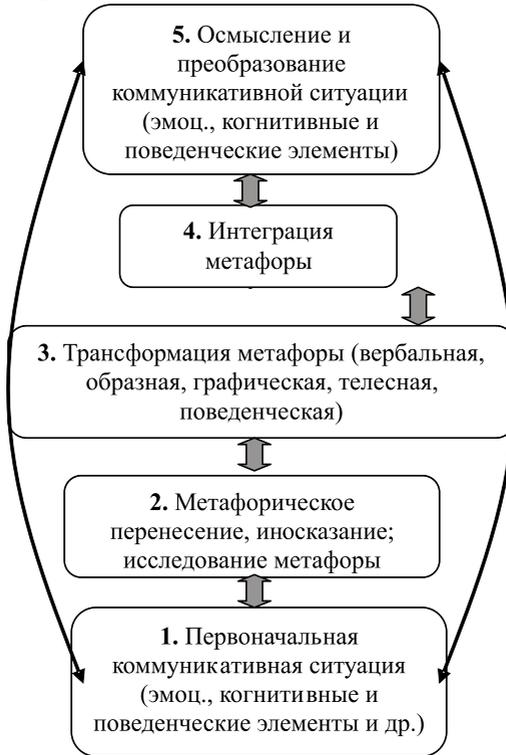

Рис. 7.1. Последовательность процесса метафоризации

Исследование метафоры в тренинге происходит, прежде всего, через коммуникативное отождествление с ней.

В тренинге использовались разные стратегии трансформации метафоры (в управляемом и спонтанном процессе), например: созерцание, сосредоточение внимания на метафоре, на возникающих сенсорных, когнитивных, эмоциональных эффектах при «встрече» во внутреннем или внешнем диалоге с метафорой; мысленное действие, связанное с изменением метафоры; диалог с метафорическим образом или от его имени как в индивидуальном коммуникативном пространстве, так и в групповом;

взаимодействие противоположностей; разыгрывание метафорического психодраматического сюжета; передача или выражение чувства в соответствующем процессе метафоризации; прослеживание истории возникновения и «жизни» метафоры и др.

Коммуникативный процесс в тренинге метафоричности может разворачиваться в различных направлениях индивидуальной и групповой работы, спонтанно соприкасаясь и разделяясь, создавая новые уникальные коммуникативные события «здесь и сейчас».

Можно выделить четыре основных вида метафор, которые использовались в тренинге.

1. Вербальные, языковые метафоры – предполагают вербальную репрезентацию опыта, способ иносказательного сообщения. Ключевой момент метафорического мышления – сходство. Метафора позволяет упростить сложную проблему и сделать ее более доступной для понимания. В этом контексте метафора становится связующим звеном между семантическими пространствами участников тренинга.

2. Визуальные, графические метафоры – это передача сообщения через иносказательный, символический рисунок. Это может быть все что угодно: конкретные, реалистичные изображения, абстрактные линии и фигуры, схемы, карты – выступающие как индивидуальные метафоры, субъективно значимые для человека. Одним из основных способов использования визуальной метафоры в данном тренинге было рисование мандал (в переводе с санскрита слово «мандала» означает круг или центр). Мандалу рисуют в виде круга с четко выраженным центром, внутри которого находится несколько направлений – ориентиров. В восточной традиции мандалы использовались для путешествия от иллюзорной периферии бытия к его сердцевине. Перенес эту технику на западную терапевтическую основу К.Г. Юнг (1993), который считал, что работа с мандалами – это уникальный путь к внутреннему центру человека, к его уникальности. Работа с визуальной метафорой позволяет обозначить незавершенные внутренние процессы, буквально видеть их, осознавать и доводить до логического завершения. Графическая форма предполагает необходимую организацию формы и цвета, параллельно с этим идет процесс внутренней самоорганизации, установления внутреннего порядка.

3. Телесные метафоры – метафоры превращения. Человек, идентифицируясь с различными метафорическими образами, выходит за пределы привычной зоны ощущений, что способствует осознанию своего тела, развитию телесной чувствительности. За основу в тренинге мета-

форичности брались упражнения на метафорическое превращение, предложенные Л. Кролем (2001).

4. Поведенческие, «живые» метафоры – сюда относятся, прежде всего, поведенческие ритуалы, выполняющие в группе функцию психологических «якорей». Поведенческие метафоры являются неотъемлемой частью группового процесса и отражают уникальность каждой тренинговой группы. «Живая» метафора (по терминологии Миллс и Кроули, 2000) выходит за пределы мыслительных преобразований. Это дает возможность проявиться метафоре в реальной практической деятельности, что помогает закрепить полученные в метафорическом процессе смыслы через реальные физические ощущения. Например, посадить растение и ухаживать за ним, что позволит в метафорической форме воспроизвести и почувствовать необходимый для решения проблемы процесс.

Процесс метафоризации разворачивался по следующим *системным уровням*.

Метафоры в поле взаимодействия тренера и группы. Здесь, в основном, имеется в виду рассказывание ведущим историй, сказок, притч, коанов, литературных аллегорий, содержащих в себе определенную метафору. Метафорические истории гибки и могут использоваться как канал для многих типов коммуникации. Притча, содержащая метафору, воспринимается каждым участником тренинга по-разному, но может иметь групповую динамику. Метафорические истории могут быть рассказаны ведущим в начале тренинга для создания соответствующего настроения, в конце – в качестве необычного способа подведения итогов, в любой момент тренинговой работы как один из мощных психологических приемов. Метафорические истории выступают как косвенные формы общения, что позволяет избежать проявления сопротивления.

В целом стратегия взаимодействия ведущего и участников заключается в том, что ведущий создает условия для включения, вхождения участников в процесс метафоризации, особенно на начальных этапах; активизирует творческие ресурсы; сопровождает без интерпретаций разворачивающийся смыслотворческий процесс взаимодействия с метафорой. В основе стратегии ведущего лежит установка на безоценочное принятие каждого участника тренинга.

Метафора как способ взаимодействия со своим Я. Метафора в тренинге становится специфической, можно сказать сценической областью для проекций переживаний человека.

В данном аспекте можно отметить некоторые функциональные предназначения и особенности метафоры: экспрессивная функция: заключается в том, что человек с помощью метафоры выражает трудный для вербализации опыт (настроения, чувства, впечатления и т.д.). Кроме того, удачно подобранная метафора «экономична», поскольку сберегает время и слова, уходящие на объяснения; диагностическая функция: основана на том, что выбираемые человеком образы детерминированы его сознательными и бессознательными мотивами; диссоциирующая функция: состоит в «овеществлении» проблемы и её экстерииоризации, т.е. «перемещении» проблемы из «внутреннего поля» человека во «внешнее», что дает, прежде всего, возможность человеку буквально «увидеть со стороны» свою проблему и самому найти пути её решения. Метафора позволяет развернуть процессы вытеснения, переработав символический шифр в сознательные категории.

Метафора в системе межличностного взаимодействия участников тренинга. Здесь, прежде всего, следует отметить работу метафоры в различных групповых ритуалах, создание групповой сказки и другие приемы, позволяющие обозначить различные пласты межличностного взаимодействия тренинговой группы. Метафора, как правило, содержит конкретные образы, а подразумеваются под ними абстрактные понятия. Возникнув в какой-то момент времени и зафиксировав явления групповой жизни, метафора не умирает, а продолжает жить, видоизменяясь, обрастая контекстом. Прожитые, отреагированные и усвоенные в дальнейшем метафоры выступают как маркеры пережитого совместного группового опыта.

Центральная особенность групповой метафоры состоит в том, что она является коллективным творением. Когда группа выступает как создатель, само творчество доставляет огромное эстетическое удовольствие, многократно умножает групповую энергетику, задействует интеллектуальные, эмоциональные ресурсы членов группы. Кроме того, творчество дает ощущение причастности к миру общечеловеческих ценностей: мифологии, религии, литературе, фольклору и т.д. В метафору переносятся метауровневые проекции, связанные с тенденцией человека одушевлять, персонифицировать любые формы отношений, в том числе и иносказательные, трансперсональные ценности-понятия, такие как Бог, Любовь, Красота.

В тренинге выделялось *несколько этапов*, соответствующих выделенным в транскоммуникативной концепции векторам-лучам проявляе-

ния транскомуникабельности: катарсического, импрессивного, экста- тического и инсайтного:

- работа с метафорой душевной энергии;
- работа с метафорой душевной информации;
- работа с метафорой психологического пространства;
- работа с метафорой психологического времени;
- интегрирующий этап.

Каждый этап тренинговой работы включал:

- теоретическое введение, задающее необходимый настрой на мета- фору соответствующего транскомуникативного луча;
- основной этап, предполагающий организацию процесса метафори- зации с опорой на метафоры рефлексивных отчетов участников тренинга, различные спонтанные индивидуальные и групповые метафоры, возни- кающие в ситуации «здесь и сейчас», тематические метафоры соответ- ствующего транскомуникативного луча;
- обсуждение впечатлений и открывшихся новых степеней свободы, работа с притчами.

Представим кратко основные тематические ориентиры тренинга ме- тафоричности:

Первый этап, соответствующий катарсическому лучу: работа с метафорой душевной энергии (4-5 занятий).

На первой стадии в теоретической части объясняется феномен, раскрываются основные принципы работы с метафорой в тренинге. На дальнейших занятиях этого этапа используются различные метафориче- ские упражнения, позволяющие почувствовать, осознать свою душевную энергию. Участники тренинга рисуют личные мандалы, структурирую- щие душевную энергию.

На второй стадии практическая возможность управления собствен- ной душевной энергией рассматривается в контексте работы с двумя полярными субличностями (в ключе психосинтеза), существенными для данного луча. Идет работа с метафорой субличности *Критика* и метафо- рой субличности *Сохранивающего веру* (первичное доверие собственным импульсам и впечатлениям). Участники в метафорической проекции зна- комятся с каждой субличностью и вспоминают те ситуации, где домини- ровал тот или иной голос.

Работа с основными тематическими метафорами этого этапа пред- варялась медитативными упражнениями.

Основными тематическими метафорами на этом этапе были:

– «Метафора дерева» – дерево символично связывается с плодородием, процветанием, изобилием, оно является олицетворением жизни в различных ее аспектах и проявлениях. Оно соотносится с мирозданием и, в контексте идеи тождества макрокосмоса и микрокосмоса, с человеком, человеческим родом. Работа с метафорой дерева начиналась с метафоры зернышка, в котором зарождается жизнь, пробуждается жизненная энергия; здесь говорится об избранности, о неслучайном попадании искры жизни именно в это зернышко. Дальше идет исследование корней (родительские, родовые предписания), почвы (социальная среда), как корни прорастали в почве; рост ствола, ветвей (жизненные позиции и их энергия); почки; цветы, плоды (реализованные цели, потенциалы жизненной энергии); исследование места, где оно растет. Транскоммуникативный процесс работы с метафорой проходил по описанной последовательности шагов (см. рис. 7.1). Участники зарисовывали свои метафорические образы, использовали разные стратегии трансформации, позволяющие интегрировать почувствовать свою душевную энергию от родового к индивидуальному и космическому уровню.

– «Метафора встречи с внутренним ребенком» – по К.Г. Юнгу (2005), архетип внутреннего ребенка (младенца) – символизирует будущие потенции сознательной личности, привнося в нее уравновешенность, целостность и жизнеспособность. «Ребенок внутри» синтезирует противоположные качества характера и высвобождает новые способности. Акцентируя значимость этого архетипа, К.Г. Юнг говорит: «Младенец вышел из чрева бессознательного, из глубин человеческой природы или скорее из самой живой Природы. Он – воплощение жизненных сил, находящихся вне ограниченного пространства нашего сознания, он олицетворяет пути и возможности, неведомые однополярному сознанию. Младенец – это символ целостности глубинных начал Природы. Он – воплощение самого сильного, непреодолимого желания, присущего каждому существу – желания самореализации. ...Настоятельная потребность и необходимость самореализации – это закон природы и, следовательно, закон непреодолимой силы, пусть даже поначалу его действие незначительно и маловероятно» (С. 103–104). Работа с метафорой «внутреннего ребенка» в тренинге высвобождает творческую энергию участников.

– «Метафора моего тела» – работа с «образом тела» предполагает субъективное переживание человеком своего тела прежде всего как психический пространственный образ. Метафорический транскоммуника-

тивный процесс предполагает осознание телесной энергии, ее взаимосвязи с душевными проявлениями.

– «Метафора моей душевной энергии» – является интегрирующей, сквозной метафорой этого этапа.

Работа с рефлексивными метафорами.

На третьей стадии проводится обсуждение наиболее ярких впечатлений новых степеней свободы в работе с метафорами на этом уровне, включая осознание коллективных, архетипических пластов душевной энергии.

Второй этап, соответствующий импрессивному лучу: работа с метафорой душевной информации (4-5 занятий).

На первой стадии в теоретическом введении обсуждаются различия между физической и душевной информацией. Показываются латентность и сокровенность как базовое свойство душевной информации и их психологическая значимость в устройстве жизни людей. При этом оказывается возможным увидеть вещь или предмет как метафору, как шифр, код того, что стоит за ними, за вещным увидеть вечное.

На второй стадии работа с метафорой субличности *Зануды* и *Вечно удивленного*, который постоянно поражается чему-то новому и необычному в повседневном и обыденном.

Медитативный цикл включает в себя упражнения, позволяющие в метафорической визуализации отождествить себя с различными образами (распускание розы, цикл кофейного зерна, цикл солнечного движения), имеющими архетипическое значение и способствующими раскрытию творческого потенциала, духовной сущности человека.

Основные тематические метафоры этого этапа:

– «Метафора маски» – маска символизирует преобразование, изменение и одновременно сокрытие душевной информации, тайны (Словарь символов и знаков, 2004). С. Дженнингс и А. Минде (2003) в своей работе приводят такие высказывания: «В маске мы ощущаем древнюю силу; в маске мы отваживаемся сделать то, что и в мыслях себе не можем представить. Именно скрываясь за маской, я ощущаю энергию окружающего, мой голос звучит как извержение вулкана. Маски скрывают, творят, влебляются». «Что я могу сказать об этом? Вы надеваете маску – и она увлекает вас, настигает своим настроением. Начинается магия мечты – просто остановись и попробуй» (Зинкевич-Евстигнеева, 1998. С. 325).

В маске сочетаются изобразительное искусство и драма, арт-терапия и драма-терапия. Маску можно рассматривать как разновидность скульп-

птуры, произведение искусства, которое можно повесить на стену, рассмотреть, а затем, с помощью воображения, привести в движение. Хозяин маски может ее переносить куда захочет, оживлять и заставлять двигаться. Маски могут помочь человеку продолжить движение вперед, если он чувствует, что «застрял». Маска дает возможность испытать чувства и ощущения, которые иначе не могут быть выражены никакими другими средствами («маска продолжает говорить, потому что ее рот открыт») (Там же. С. 328). Метафора маски позволяет участникам увидеть свои роли, информацию визитной карточки своего «Я» и то, что скрыто за ней.

– «Метафора зеркала» – работа с «зеркалом» выходит на метафорическую встречу с самим собой. Решимость увидеть самого себя и готовность выдержать все, что может быть связано с этой встречей; возможность открыть свои новые лица. Волшебное зеркало уводит за край обыденности, показывает другое «Я» – мое, но с иными возможностями. Зеркало – волшебная, дальняя дорога, туннель. Игра с зеркалами – это в каком-то смысле игра с памятью, игра с возможностями, с иным сознанием или бытием. Зеркало – это возможности меняться, метафора превращений и возвращений к себе. Образ зеркала выражает ясность видения мира и себя в нем. Стоит протереть зеркало, как жизнь становится чище. Через чистое восприятие чище становятся память, чувства и отношения (Лакан, 1996).

– «Метафора моей тени» – метафорическое взаимодействие с переживаниями, тенденциями, которые человек отрицает в себе, позволяет участникам получить важную душевную информацию от отвергаемых частей своего «Я».

– «Метафора моей душевной информации» – является интегрирующей, сквозной метафорой этого этапа.

Работа с рефлексивными метафорами.

На третьей стадии обсуждаются наиболее яркие впечатления от упражнений. Происходит осознание новых степеней свободы в создании оптимального видения и настроения в любой ситуации «здесь и сейчас».

Третий этап, соответствующий экстатическому лучу: работа с метафорой психологического пространства (4-5 занятий).

На первой стадии рассматриваются особенности психологического пространства человека как пространства его душевной жизни. Актуализируется принципиально иная многомерность собственно душевного пространства.

На второй стадии работа с метафорами субличности *Лентяя*, не желающего быть инициатором своего душевного жизненного пространства и остающегося жертвой более активных внешних обстоятельств, и *Энтузиаста – Креатива*, творчески преобразующего и конструирующего душевное жизненное пространство в соответствии со своими актуальными и высшими ценностями.

Работа с тематическими метафорами предваряется разминкой, основой которой составляют гештальтупражнения по осознанию актуальных точек и ситуаций «здесь и сейчас», позволяющие почувствовать смысловую трансформацию по мере расширения границ его пространства.

Основные тематические метафоры этого этапа:

– «Метафора путешествия от микромира к макромиру» – реализуется в виде медитативно-метафорического Путешествия к границам Вселенной.

– «Метафора кинотеатра» – метафора «кинотеатр» является моделью человека, которая отражает его двойственную природу, передает идею о том, что окружающий мир является материализацией мыслей человека. Работа с данным метафорическим образом может проводиться как драматическая импровизация.

– «Метафора карты» – работа с данной метафорой может осуществляться через рисование участниками карты своего психологического пространства. Первое значение этой метафоры – волшебный инструмент, открывающий глазу нечто, что может менять масштаб. Глазу передаются структура, детали, секреты той плоскости, на которую он смотрит. Второе значение – это состояние ясной рефлексии, отвлечение от своих чувств. Собранность и точный просчет ходов. Третье значение – это возможность планировать ситуацию, прорабатывать будущее. На этом же этапе можно использовать «метафору моей цели», позволяющую сформировать психологическое пространство и организовать энергию в нем для достижения поставленной цели; «метафору стрелы», приобщающей участников к тайне «прицеливания», чтобы двигаться к своей цели уверенно и сосредоточенно.

– «Метафора моего психологического пространства» – является интегрирующей, сквозной метафорой этого этапа.

Работа с рефлексивными метафорами.

На третьей стадии обмен наиболее яркими и необычными впечатлениями, обсуждение возможностей и трудностей переходов в разные измерения и масштабы единого психологического универсума. Осознание

безграничных свобод и ответственности за способ формирования и способ переживания своего душевного мира в ситуации «здесь и сейчас».

Четвертый этап, соответствующий инсайтному лучу: работа с метафорой психологического времени (4-5 занятий).

На первой стадии в теоретической части дается представление о качественном отличии психологического времени от физического. Метафора времени отражает три временных измерения: прошлое, настоящее и будущее.

На второй стадии практическая работа с психологическим временем проводится при актуализации таких биполярных субличностей, как *Пессимист* и *Оптимист*.

Медитативный цикл включает в себя «Путешествие домой, или Прикосновение к Вечному» (на основе соответствующей классической методики Р. Ассаджиоли) – третий, основной цикл. Путешествие начинается с глубокой релаксации по полному циклу, в дальнейшем идет актуализация архетипических образов: вода, поле, тропа, лес, небо, ветер, заповедная поляна, дом, его обитатели, контакт с ними, преобразование, прощание и возвращение.

Основные тематические метафоры этого этапа:

– «Метафора тропинки» – этот образ символизирует движение как нечто противоположное замиранию, застыванию, фиксации на чем-либо. Это образ надежды, новизны и чего-то, что может свершиться. Любая дорога метафорически восходит к течению времени жизненному пути. Так и тропинка, маленькая, личная дорожка, является образом самостоятельности, символом избавления от забот одиночества. В этом ментальном знаковом пространстве скрыта возможность движения в своем психологическом времени, интегрируя прошлое, настоящее и будущее.

– «Метафора полета» – означает состояние, противоположное связанности, фиксированности. Находиться в состоянии полета значит быть сверху, ни к чему не привязанным, владеть всем и видеть все, что находится внизу. Это расправленность, свобода направления и высоты. Расслабление изнутри, снятие напряжения, зажимов, легкость. Свобода дыхания. Освобождение от силы тяжести, от привычек, обязательств, долгов, возможность исследовать свой временной континуум «сверху». Можно летать во сне и летать от счастья. Особенно полезно летать тем, кто якобы «рожден ползать». Расправление крыльев, лопаток, ключиц и плеч дает избавление от тревоги. Полет – это профилактика падений и ошибок.

– «Метафора моего психологического времени» – является интегрирующей, сквозной метафорой этого этапа.

Работа с рефлексивными метафорами.

На третьей стадии обмен наиболее яркими и необычными впечатлениями, осознание свободы и ответственности выбора той или иной позиции в каждый момент «здесь и сейчас».

Пятый этап – интегрирующий (2-3 встречи).

На этом этапе обобщается опыт переживания всех четырех лучей душевного мира человека в их соотнесенности и единстве в каждой точке «здесь и сейчас». Обсуждаются выводы о свободе и ответственности за полноценность и качество душевной жизни в каждой точке «здесь и сейчас».

Медитативный цикл включает в себя медитацию «Храм тишины», ориентированную на переживание внутренней тишины, выводящей участников на работу с архетипичной метафорой «внутреннего мудреца», и медитацию «Смысл жизни», позволяющую прояснить возможные цели своего существования.

Основная метафора заключительного периода:

«Метафора танца четырех стихий» – основана на работе в русле «динамической визуализации» (визуализации в движении). Сам танец разделен на пять этапов: первые четыре этапа представляют собой «путешествие» в мир одной из четырех стихий: земля, воздух, вода, огонь – и завершаются «интегрирующей стадией» – собственно «танцем стихий» в их взаимодействии и взаимопереходе (Словарь символов и знаков, 2004).

На заключительном этапе интегрируются все метафорические образы, которые были задействованы в тренинговом процессе, проводится анализ рисуночных мандал, отражающих приобретенную в процессе тренинга транскомуникативную целостность. Обсуждаются проблемы и перспективы самореализации личности.

Стратегия транскомуникативного тренинга метафоричности опирается на понимание транскомуникации как изначально целостного явления и процесса, где все лучи транскомуникативных тенденций взаимосвязаны и выступают «живым гештальтом». В отличие от других моделей тренинга: социально-психологического, в котором используются отдельные метафорические техники; модификаций сказкотерапевтических тренингов, акцентирующих внимание на возможностях сказочной метафоры с практической работе (Вачков, 2005; Завьялова, 2004 и др.), –

в предложенной модели тренинга метафора рассматривалась как элемент динамически развивающегося коммуникативного процесса. Процесс метафоризации, разворачивающийся в следующей последовательности: коммуникативная ситуация – конструирование метафоры на основе метафорического перенесения, иносказания – трансформация метафоры – интеграция метафоры – осмысление и преобразование коммуникативной ситуации, – определяется, прежде всего, как смысловотворческий, транс-коммуникативный процесс.

7.2. Анализ личностной динамики участников тренинга

Целью эмпирического исследования было изучение возможностей актуализации самореализации личности средствами метафоризации коммуникативного процесса.

Предполагалось, что в условиях метафоризации коммуникативного процесса интенсифицируется динамика транскомуникативных состояний личности и актуализируются глубинные, архетипические элементы коммуникативного мира личности, что будет содействовать смысловой интеграции личности как открытой, самореализующейся системы.

По сравнительному анализу результатов двух диагностических срезов по ММКМ (см. приложение) мы можем говорить о выявлении значимых личностных изменений, произошедших у участников тренинга в связи с их включением в динамически разворачивающийся «живой» транскомуникативный процесс метафоризации.

Так, после тренинга произошли увеличение и гармонизация показателей основных невербальных параметров стресс-транс-формации по ММКМ: вектор роста в интересах ($p = 0,012$); вектор роста по партнерам ($p = 0,005$); вектор переживаний по интересам ($p = 0,005$); вектор переживаний по партнерам ($p = 0,012$). Показатель позитивных переживаний после второго среза также стал гораздо выше, что говорит о повышении общей удовлетворенности во внутреннем и внешнем коммуникативном пространстве и тенденции к коммуникативному трансу.

По вербальным параметрам после прохождения тренинга наблюдаются значимые уменьшения индекса коммуникативного стресса по интересам ($p = 0,012$), по партнерам ($p = 0,018$); уменьшения вербализации транс-стресс-формации по интересам ($p = 0,04$) и по партнерам ($p = 0,043$). Увеличился индекс коммуникативного транс по интересам ($p = 0,117$), по партнерам ($p = 0,034$); стресс-транс-формации по интересам ($p = 0,017$), по партнерам ($p = 0,027$).

По показателям транскомуникативных тенденций устойчивых латентных факторов транскомуникативного потенциала также произошла динамика после тренингового воздействия в сторону уменьшения К-стресс-состояния и увеличения К-транс-состояния по значимым темам и партнерам.

Таким образом, мы видим, что после тренинга произошла креативная трансформация коммуникативного стресса в коммуникативный транс в смыслеловом пространстве коммуникативных миров участников тренинга, что является показателем возрастания у них транскомуникабельности.

По шкалам САТ после прохождения тренинга наблюдаются значимые увеличения параметров: «ориентация во времени» ($p=0,05$), «внутренняя поддержка» ($p=0,05$), «гибкость поведения» ($p=0,05$), «спонтанность», «самопринятие», «взгляд на природу человека», «синергичность» ($p=0,012$) «контактность», «познавательная способность», «креативность» ($p=0,01$).

Ко второму срезу возрастает процент респондентов с преобладанием конструктивной стратегии утверждения своего Я в общении (58,8 %); уменьшается количество людей, выбирающих стратегию доминирования (41,2 %); выбор стратегии самоподавления носит ситуативный характер и не оформился ни у кого в ведущую стратегию.

По основным характеристикам самоотношения, отражающим внутреннюю модальность самореализации испытуемых, ко второму срезу повышаются значения по факторам самоуважения («саморуководство» – $p=0,01$; «самоуверенность» – $p=0,01$) и аутосимпатии («самопринятие» – $p=0,02$; «самопривязанность» – $p=0,005$).

После прохождения тренинга наблюдается увеличение процента респондентов с высоким уровнем эмпатии (с 13,2 до 33 %); значительно снизилось количество людей с низким уровнем (с 26,5 до 8,8 %).

Таким образом, первый контекст исследования, связанный с определением статистически значимых изменений после прохождения тренинга в личностной динамике участников по параметрам: транскомуникативного потенциала; уровня самоактуализации; выбираемых стратегий самоутверждения в общении; характеристик самоотношения и уровня развития эмпатических тенденций, – позволяет сделать вывод об эффективности предложенной модели тренинга.

Основным интегральным критерием эффективности тренинга метафоричности является возросшая транскомуникабельность участников тренинга, выражающаяся в ощущении духовно-душевно-телесного един-

ства К-мира человека, открытости трансцендентальным, символическим, психосемантическим процессам.

Контент-анализ дневников участников тренинга позволил выявить параметры и специфику метафорической вербализации транскомуникативных тенденций.

У испытуемых в начале тренинга наблюдалось проявление коммуникативного стресса и коммуникативного транса с небольшим преобладанием переживаний коммуникативного транса по метафорической рефлексии. Это можно объяснить тем, что хотя большинство участников легко, в игровой форме восприняли новую тренинговую ситуацию, вначале наблюдалось определенное разделение тренинговой группы на две: те, которые легко вошли в процесс метафоричности и у них преобладало состояние коммуникативного транса, и те, кому сложнее было включиться в формат метафорической рефлексии, что отразилось на преобладании у них индекса коммуникативного стресса и проявлений транс-стресс-формации.

На втором месяце мы наблюдаем усиление метафорической вербализации переживаний коммуникативного стресса. Причем те, кто в начале занятий очень ярко проявлял коммуникативный транс в метафорической рефлексии, на втором месяце ушли в противоположную сторону проявлений коммуникативного стресса, что говорит о достаточно поверхностном, защитном коммуникативном трансе в начале тренинга у этих респондентов. Так, по дневникам это проявлялось следующими высказываниями:

На первый месяц – «Я сегодня на тренинге чувствовала себя беззаботно и легко как облачко в небе, которое летит куда-то и смотрит на землю, радуясь жизни»;

«Группа была как всегда неподражаема. Просто супер!»

На втором месяце – «Сегодня мне очень плохо, настроения нет. Я поняла, что нужно что-то менять. Сегодня я камень, возможно алмаз, который очень сложно сломать, который требует огранки. Нужно менять форму своего «существования»;

«Группу я сегодня не смогла понять, я сегодня опоздала. Все непонятные как пески Сахары...»

Другой пример:

На первый месяц – «Я сегодня на тренинге как непоседливый зверек, которому все интересно, хочет познать мир, найти что-то новое»;

«Группа сегодня как букет из разных цветов. Общее впечатление благоприятное...»

На втором месяце – «Я сегодня на тренинге тихий спокойный ветерок, который дует, но мало привлекает внимания»;

«Группа сегодня как монета: одна сторона хорошо заметна, другая затмевается. Что там за ней?»

Анализ дневниковых записей на этом этапе показывает, что негативные переживания содержали в себе мобилизационный вектор стресса, позволивший через некоторое время на личностном уровне прийти к эффективному переживанию изменений. На втором месяце уже все участники активно включились в метафорический процесс тренинга. Им стал интересен сам коммуникативный процесс создания метафоры и возникновения языковых, эмоциональных, когнитивных и других эффектов при «встрече» во внутреннем или внешнем диалоге с метафорой. Участники стали замечать, что в метафору как на голографический, многомерный экран легко проецировать проблемный опыт. Проблемные переживания, выражаемые в коммуникативном процессе метафоризации, имели трансформирующий характер, в результате чего почти сразу же возникала позитивная стресс-транс-формация. Происходила мобилизация, которая и давала креативную транскоммуникативную динамику. И уже на третьем месяце наблюдается значительное возрастание индексов К-транса, СТФ и снижение К-стресса и ТСФ переживаний. В дневниках появляются такие записи:

«На сегодняшний тренинг шла «никакая» – грозная туча, но когда увидела свою группу, с души как камень свалился, жить стало легче. Не знаю почему, но в последнее время наша подгруппа стала мне как семья. Спасибо вам за это...»;

«Сегодня сонный ежик, а потом вдруг почувствовала, что я солнышко... и стало так легко и хорошо»;

«Не знаю, что я или кто сегодня на тренинге. У меня просто хорошее настроение. Я, наверно, как жвачка – давно надоела, ко всему прилипаю, но без меня нельзя!!»;

«Группа сегодня странная! Как ежик: сначала были колючки, а потом появилось мягкое розовое брюшко и чудная мордочка с черными блестящими глазками и забавным носиком».

Метафорические образы становятся объемными, появляется много ярких, позитивных образов и переживаний, что отразилось в возрастании индекса коммуникативного транса и снижении коммуникативного стресса к четвертому месяцу занятий. Сохраняется преобладание стресс-транс-формации над транс-стресс-формацией, что говорит о стабилизации

ции транскомуникативных процессов в тренинге. Наблюдается взаимная трансформация событий в тренинге и личностных переживаний в рефлексивной метафоре, появляется больше экзистенциальной проблематики:

«Я сегодня почувствовала себя Вселенной, удивительное ощущение своего пространства: вроде ты и чувствуешь свои границы, а с другой стороны, гораздо их шире...»;

«...Оказывается, так многого мы не замечаем, не видим, проходим мимо. Я на протяжении недели смотрел на все другими глазами, был мудрецом...», «Моя группа сегодня калейдоскоп ярких огней: сияющие глаза, улыбки. Спасибо вам!»;

«Сегодня работали со временем. Сначала была часами с неумолимым движением стрелок... а потом стала Вечностью – как не поняла, но было очень необычно и интересно».

Это позволяет говорить о возросшей транскомуникабельности участников тренинга, выражающейся в ощущении духовно-душевно-телесного единства К-мира человека, открытости трансцендентальным, символическим, психосемантическим процессам.

Анализируя динамику метафорической вербализации в дневниках, следует отметить, что в самом начале тренинговой работы рефлексивные отчеты часто были поверхностными, формальными, закрытыми. Например:

Я сегодня – «Мне все понравилось...», «Было весело...», «Какая-то сонная, грустная...», «Милый цветочек...»;

Я на протяжении недели – «Много чего сделала (с перечислением событий)», «Все прошло очень быстро... и как-то не запомнилось».

В процессе развертывания процесса метафоризации метафорическая рефлексия приобретала все большую целостность и смысловую емкость. Например:

Я сегодня – «Зеленая пушистая елочка. Хотела навешать на себя какие-то игрушки, но они же стеклянные и бумажные... Хочу полюбить свои пушистые иголки...», «Мячик, который уже запрыгался».

Группа сегодня – «Земной шар – вроде все вместе материи, но так далеко друг от друга. Надо строить мосты...», «Наш костер сегодня разгорелся с новой силой...»

Такие метафорические конструкторы задавали транскомуникативный вектор процессу обратной связи в тренинге. Участники на этапе обратной связи все чаще использовали образы метафорической рефлексии, инте-

грируя смысловые, эмоциональные и действенные компоненты своего коммуникативного опыта. Метафоры позволяли сделать обратную связь более целостной, многомерной. Часто отдельные метафоры, резонируя с состоянием группы, разворачивали цепочку транскоммуникативных микрособытий. Если метафора отражала проблемную информацию, возникающий диалог в тренинговом взаимодействии приводил к трансформации проблемной метафоры в ресурсную с осознанием субъективно значимых для каждого участника смыслов.

Анализируя второй блок дневников, в котором отражались спонтанные метафоры, возникающие в процессе коммуникации, любимые пословицы, притчи и т.д., следует сказать, что вначале мало у кого были заметки в этом блоке. Но уже ко второму и третьему месяцу занятий большинство участников включились в работу на этом уровне. Респонденты стали более наблюдательны, чувствительны к различным языковым проявлениям, стали фиксировать интересные для себя метафоры из произведений, понравившиеся пословицы, фразы диалогов и т.д. Это свидетельствует о расширении коммуникативного опыта участников тренинга, взаимореализуемости коммуникативных миров личности в группе и за ее пределами. В конце тренинга у большинства участников появилась своя коллекция ресурсных метафор, относящихся к различным темам: «смысл жизни», «любовь», «взаимоотношения с другими», «осмысление трудных жизненных ситуаций» и др. Усиление метафоричности, отражаемое в работе со вторым блоком дневника, говорит о повышении меры осмысленности участниками своего коммуникативного пространства, осознании своих внутренних ресурсов для самореализации.

По результатам корреляционного анализа выявлены значимые корреляционные связи между показателями ТК-тенденций метафорической вербализации по контент-анализу и шкалами САТ: показатели «поддержки» и К-транс (0,33); «спонтанность» и К-транс (0,34) и СТФ (0,56); «синергия» и СТФ (0,23); «контактность» и К-транс (0,35); «познавательные потребности» и К-транс (0,24); «креативность» и К-транс (0,36) и СТФ (0,40).

Выявленные корреляционные зависимости позволяют говорить о том, что движение личности в процессе метафоризации, разворачивающемся как стресс-транс-формация переживаний, способствует повышению ее самоактуализации.

Анализ продуктов творческой деятельности, в нашем случае сказок, позволяет целостно описать коммуникативный мир личности, выявить

качественную специфику внутренних ресурсов, ценностей и потенциалов личности.

Ценность сказочной метафоры в том, что она является важным носителем информации о внутреннем мире человека, его ценностях и актуальных проблемах. По мнению Л. Кроля, сказка – это «образ, принадлежащий и взрослому миру, и миру ребенка, который помогает вывести человека из его «ожидаемой сейчас» реальности в пространство, где возможны случайность и изменение, где происходит воскрешение веры в чудо. Сказка завораживает. И эта замороженность противоположна обычному «прыгающему» состоянию сознания, когда оно мечется между многими заботами. Сказка уводит из этого состояния, создает атмосферу защищенности. Она, как магическое зеркало, содержит целый мир, где сложное становится простым, а простое легко превращается в сложное. Само слово «сказка» вызывает ресурсное состояние покоя и безоблачности. В сказке героя любят просто так, таким, какой он есть. И ничего не надо делать с собой, для того чтобы быть любимым. Можно оказаться слабым, проигравшим, необязательно быть правильным и заметным. В сказке можно просто ждать, надеяться и верить в то, что случится что-то хорошее» (Лакан, 1996. С. 26).

В индивидуальной сказке человек может идентифицировать себя с различными персонажами. При создании сказки активизируется работа на уровне интуиции. Индивидуальная сказка позволяет человеку по-другому взглянуть на себя, свои взаимоотношения с окружающим миром, свои проблемы с более свободной креативной позиции метафоры. Через сказку человек может не только находить свои ошибки, но и моделировать свое поведение, свою активность, «проигрывая», «проживая» разные сюжеты в коммуникативном пространстве сказки.

Как считает Б. Брун (2000), «сказки полны символов, которые можно трактовать как базовые в нашей жизни и рассматривать их в контексте перспективы развития личности» (С. 6). Сказки, по ее мнению, «изобилуют материалом первичного архетипического процесса и, таким образом, создают мост между внешней реальностью и внутренней» (С. 16).

В сказке действие посредством метафоры позволяет осуществить переход от слабого к лучшему осознанию проблемных сфер с активизацией собственных ресурсов. По мнению К. Эстес (2001), «сказки приводят в движение внутреннюю жизнь, и это особенно важно, когда внутренняя жизнь запутана, стеснена или загнана в угол. Сказка смазывает петли и засовы, вызывает прилив адреналина, указывает выход наружу, вверх... открывает пути к любви, знанию, возвращая к нашей подлинной жизни» (С. 215).

В основе анализа и интерпретации сказок лежит идея о том, что каждая сказочная ситуация несет в себе определенный скрытый смысл. В науке нет общепринятого подхода к психологическому анализу сказок. В литературе выделяют: бихевиористский подход – предлагает оценить поведенческую эффективность персонажей сказки; транзактный анализ – обращает внимание на ролевые взаимодействия в сказке, формирующие основу жизненного сценария человека; психоаналитический – исследует в сказке проявления инстинкта сохранения, влечения либидо, интеллектуальные и духовные стремления; юнгианский аналитический подход, психосинтез – рассматривают героев сказки как субличности, части «Я» одного человека. Основной мотив сказки – это процесс индивидуации как восстановление и развертывание изначальной потенциальной целостности. В сказке сознание возвращается к своей подсознательной основе, обновляя и углубляя их взаимные связи, расширяясь, обретая доступ к новым архетипическим образам и энергиям; гуманистический подход – акцентирует внимание на анализе актуализированных потребностей в сказке и оценке уровня самоактуализации ее автора.

Отечественная сказкотерапия предлагает свои подходы, в основе которых лежат определенные системы категорий. Так, Е.В. Лобачева и Е.Л. Доценко (1999) предлагают следующую схему анализа текстов сказок: тема сказки; особенности межличностных отношений между персонажами; преобладающие эмоции; цели, которые преследуют персонажи; типичные формы поведения, затруднения, стратегии совладания с трудностями. По Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой (1998), в качестве ключевых характеристик сказки выступают: энергоинформационное поле сказки; основная тема сказки; сюжет; линия главного героя; символическое поле сказки.

Активное применение сказок в практической работе современных психологов и отсутствие единой методологии сказкотерапии обозначают необходимость рассмотреть сказку через призму коммуникативного подхода, позволяющего исследовать транскомуникативный процесс смыслотворчества в разворачивающемся метафорическом сюжете сказки.

В своем исследовании мы акцентировали свое внимание на выявлении транскомуникативных тенденций в индивидуальной сказке.

Контент-анализ осуществлялся по единицам проявления категорий коммуникативного стресса, коммуникативного транс, стресс-трансформации, транс-стресс-формации, негативных переживаний, позитивных переживаний на основе ММКМ (см. приложение). Обобщенный анализ сказок по выборке позволяет построить схематический профиль

микродинамики транскоммуникативных тенденций, выражаемых в метафорическом сюжете сказки.

Свои сказки респонденты писали на втором месяце тренинга, когда уже произошло определенное приобщение участников к информационному пространству метафоры. Сказки создавались в коммуникативном пространстве тренинга, обеспечивающем комфортную психологическую среду с предшествующим небольшим творческим «разогревом» участников, который позволил активизировать воображение, установить ассоциативные связи.

В процессе анализа мы увидели, что транскоммуникативные проявления имеют свою последовательность в соответствии с разворачивающимся сюжетом сказки. Так, в начале сказки у большинства респондентов было преобладание коммуникативного транса и позитивных переживаний, которые выступали как подготовительная часть к основному повествованию. Например:

«Жила одна маленькая девочка, которая очень любила фиалки. Каждое утро она выходила в свой садик и с наслаждением вдыхала аромат этих прекрасных цветов. Она ухаживала за ним, поливала, а люди, которые проходили мимо, с восхищением говорили: «Какие прекрасные цветы!...»;

«Это были два деревца. Жили они с самого детства вместе. Когда они были маленькими, они играли друг с другом. Шелестели листьями, кто громче. Смеялись в непогоду, подставляя листья дождю...»;

«Лес наполнился тем удивительным запахом, в котором не хватает только запаха апельсинов, – это был Новый год. Все обитатели леса носились в предпраздничной суете. Настал самый важный и ответственный момент украшения елки...».

Потом что-то случилось, и это связывалось с переживаниями коммуникативного стресса. Например:

«Но однажды она сама влюбилась, и ее дар вдруг исчез. Она не могла понять почему...»;

«Но тут лес загудел от страшной новости – исчезла звезда, которая озаряла лес своим светом. Звери загрузили...»;

«И однажды злой человек срубил одно деревце. Загрустило и второе и стало чахнуть...».

В коммуникативном пространстве сказки почти сразу находится метафорический способ решения проблемы. В сказочной метафоре мы часто можем увидеть и сам процесс трансформации коммуникативного

стресса в коммуникативный транс как реализация какого-то решения, движение героя, поиск и др.:

«Дорога была очень длинной и трудной... Разные препятствия встречались ей на пути... Это ее закалило, сделало сильной. Она поняла, что...»;

«Он долго объяснял, почему он плохо видит, что это ему не нужно – там, под землей, ведь нет солнца... Но потом он все-таки вылез из своей ямки, и они стали играть вместе... Они узнали от него о подземной жизни и рассказали о своей жизни...».

Этот период может быть достаточно продолжительным, с борьбой различных начал в человеке, с проявлением негативных переживаний, с размышлением, метаниями героя и т.п., который в результате приводит к стресс-транс-формации переживаний как кульминационному моменту сказки, проявляющемуся метафорическим очищением, преобразованием, обретением целостности, новых качеств. В завершении сказки, как правило, наблюдается проявление коммуникативного трансa:

«Итак, в этот солнечный день у лисенка и его друзей появился новый хороший друг. Теперь они всегда будут вместе дружить...»;

«Она снова посадила цветы, и они будут расти и радовать всех людей!»

Таким образом, на основании полученных результатов мы можем построить транскоммуникативный профиль сказки, отражающий динамику транскоммуникативных тенденций в ее сюжете (рис. 7.2).

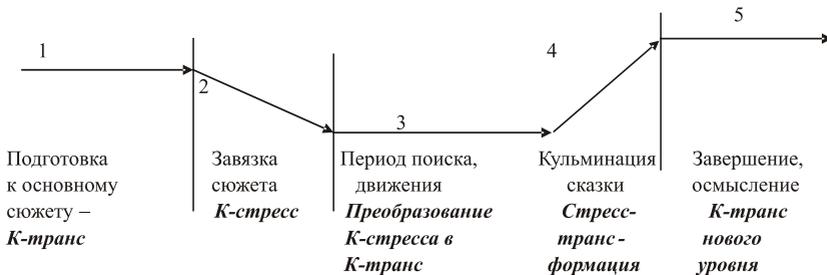

Рис. 7.2. Микродинамика транскоммуникативных тенденций в метафорическом сюжете индивидуальной сказки

Анализируя разные сюжеты индивидуальных сказок в транскоммуникативном формате, мы можем сделать вывод, что показателем потенциала самореализации личности или транскоммуникативного по-

тенциала является, прежде всего, метафорическое «проживание» 3-го и 4-го периодов – латентной трансформации коммуникативного стресса в коммуникативный транс, приводящей к стресс-транс-формации переживаний. Здесь мы можем увидеть глубину, меру осмысленности заданных в сказочном сюжете проблем, потенциальные ресурсы человека, уровень его активности, нестандартность мышления и др. Также показателем целостности транскоммunikативной работы сказки является завершенность сказочного повествования – как завершение гештальта, проявляющееся переживанием коммуникативного трансa в обновленном качестве, с новыми знаниями, интегрированными в систему коммуникативного опыта личности.

Соотнося с континуумом времени, можно сказать, что 1-й период метафорического сюжета сказки соответствует переживаниям коммуникативной ситуации в прошлом; 2-й и 3-й периоды – актуальной субъективной оценке; 4-й, 5-й периоды, как правило, отражают перспективу развития заданной автором коммуникативной ситуации и проблематики.

Углубленный анализ индивидуальных транскоммunikативных проявлений в сказке показал, что возможны определенные вариации транскоммunikативной динамики у разных респондентов. Так, у некоторых респондентов сказка сразу начиналась, обходя К-транс-вступление, с переживания коммуникативного стресса. То есть в данном случае в транскоммunikативной динамике наблюдались сокращение первого этапа коммуникативного трансa, переход к стрессовой завязке сказочного сюжета. В дальнейшем транскоммunikативная динамика шла по общей схеме, с большим акцентированием, «застреванием» в стрессовых переживаниях. Анализ первого периода транскоммunikативной динамики в сказке в сопоставлении с последующими стадиями показал:

– небольшое К-транс-вступление можно определить как проявление базового ресурса человека через метафорическую проекцию сказочного персонажа – он знает, помнит, что у него было. Завершение в таких сказках часто было с выраженным спиралевидным повтором метафорического описания коммуникативного трансa первого периода, но с более осознанной, интегрированной коммуникативной позицией;

– если же человек очень долго детально описывал первый период, погружаясь в трансное переживание, отражающее ретроспективную оценку метафорической коммуникативной ситуации, часто у него не хватало внутреннего ресурса для преодоления периода коммуникативного стресса и выхода к стресс-транс-формации переживаний. Такие сказки в

основном не заканчивались, а обрывались на метафорическом переживании коммуникативного стресса.

В отдельных сказках наблюдалось «сжатие» третьего и четвертого этапов, перескакивание к идеализированному позитивно окрашенному завершению, где разрешение трудностей происходит «как бы само по себе». При чтении таких сказок создавалось ощущение, что сказочный герой, а следовательно, и автор, не прожил, не проиграл в метафорической форме процесс внутренней трансформации коммуникативной ситуации. Единично встречались сказки с преобладанием только переживаний коммуникативного транса, что, как правило, отражало невключенность автора в метафорический процесс сказки, поверхностность переживаний и их защитную идеализацию.

В данных случаях в транскомуникативной перспективе коррекционной и консультативной работы актуальными могут выступать задания: продолжить сказку, рассказать другую сказку про то же самое, изменить стратегию принятия решений или поведения в сказке и др., что позволит выйти на новый метафорический уровень, где найдутся нужные ресурсы во внутреннем мире респондента для полного прохождения транскомуникативной микродинамики в сказке.

Что касается анализа представленных в сказках проблем, можно увидеть, что конфликтная ситуация в сказке выступает метафорическим отражением препятствий на пути к самореализации. В основном в сказках проблема проецируется на метафору «потери чего-то или кого-то». Через метафорическое отреагирование конфликтов создаются условия для раскрытия внутренних потенциалов и ресурсов, формирующие у автора готовность к осмыслению и изменению проблемной ситуации и в реальном коммуникативном пространстве его жизни.

В индивидуальных сказках представлен достаточно большой спектр ресурсных возможностей, актуализирующихся в сказочной метафоре и отражающих качественное своеобразие параметра стресс-трансформации переживаний. У большинства респондентов наблюдается позитивная трансформация образа себя и своих взаимоотношений с другими в течение сказочного сюжета. Сказочный герой становится более целостным, у него формируется способность отстаивать свои собственные позиции и идеалы, он обретает новых друзей, становится более зрелым во взаимоотношениях, достигая гармонии во внутреннем и внешнем коммуникативном пространстве.

В сказках хорошо выражены потребности высшего уровня. Так, сказочные герои проявляют или приобретают способность сопротивляться жизненным трудностям, ощущение общности, близости с другими, уверенности в своих силах; проявляют готовность к приобретению новых знаний и опыта, проявляют стремление к совершенствованию себя, достижению созидательного образа себя, что отражает мотивационную и ценностную готовность респондентов к самореализации.

По субъективным отчетам в дневниках у большинства респондентов после написания сказки наблюдалась вербализация состояния коммуникативного транса: они отмечали ощущение произошедших внутренних перемен, состояние интеграции, осмысленности, проявление катарсиса, инсайта, ощущение готовности к действию и т.д.

Дополнительно для изучения самоидентификации респондентов в метафоре мы проанализировали в транскомуникативном формате особенности метафорического описания понимания жизни респондентами.

Так, можно привести следующие примеры высказываний на тему «Моя жизнь как метафора»:

- Бег по горам и холмам, с короткими остановками в низинах и на вершинах;
- Это постоянные поиски чего-то лучшего, моя жизнь как времена года;
- Сильный бурный водопад, который спускается с гор и медленно равномерно течет;
- Дорога к исполнению желаний, реализации возможностей;
- Моя жизнь как море: временами волны, временами штиль, бывают и штормы;
- Это теплое весеннее утро с ярким солнцем, после небольшого дождя;
- Моя жизнь как котел страстей...;
- Река, которая сначала течет в одном русле, потом резкий поворот, спад, подъем;
- Это полнейший завал всего-всего и при этом она прекрасна;
- Перекресток нескольких дорог, идешь и думаешь, а в верном ли направлении я иду?
- Это бесконечный круговорот событий (веселых и печальных), который никогда не заканчивается;
- Это солнечный свет, жизнь самое замечательное, что у нас есть. Надо ее ценить, радоваться и прожить ее с пользой для себя;

- Великий подвиг. Свет ведет меня вперед;
- Как листья деревьев – они опадают, но обязательно вырастают новые, еще более яркие.

Мы видим, что в метафору происходит многомерная смысловая проекция отношения человека к жизни. У большинства респондентов метафорические смысловые конструкты отражают позитивное восприятие жизни: жизнь предстает как постоянное движение, открытие нового. Многие метафоры содержат в себе холистическое транскоммунитивное восприятие жизни, выражающееся в интегрированном осмыслении коммуникативного стресса и коммуникативного транс и их динамического взаимодействия как основы жизни.

Почти все метафорические образы имеют архетипическое значение. Представим наиболее выраженные в исследуемой выборке метафорические категории:

- Жизнь как метафора пути (дорога, движение, перекресток, лабиринт).

Путь – это многозначный символ, распространенный во многих культурах, обозначающий, прежде всего, образ жизни и судьбу человека. Символический путь наделяется и пространственным, и временным измерением. Начало и конец пути отмечены изменением состояния: герой приобретает что-то новое либо восполняет утраченное. У пути обычно две крайние точки, однако иногда он подразумевает возвращение в исходную точку. Неотъемлемыми атрибутами пути являются препятствия (требующие концентрации воли и духовных сил) и перепутья (актуализирующие свободу выбора). Путь в этом смысле – это всегда путь к центру, к высшим ценностям, к сущности вещей. Путь также выступает символом учения и закона. Человек оказывается на дороге, влекомый страстным желанием открытий и перемен, движимый мыслью противопоставить ограниченности наличного пространства бескрайние просторы мира. Движение по дороге отражает стремление к духовному становлению личности, открывающей для себя мир в его многообразных проявлениях.

- Жизнь как метафора воды – река, море.

Вода выступает в качестве универсального символа во всех мировых традициях, при этом наделяется многообразными функциями. Вода всегда находится в движении, выступает как символ трансформации, изменения (в силу ее «превращения» в пар, град, снег, лед), она наделяется живительной и очищающей способностью. Вода в целом выступает как амбивалентный образ: она воплощает и начало, и конец мира, рассма-

тривается как поддерживающая жизнь и как нечто опасное. Основные формы водной стихии: море, волны, река – также отражают амбивалентность символики воды. Так, море, связанное с символикой волн, выступает символом свободы («волны» – «вольный»), образом динамического начала, в то же время это образ стихии, несущей бедствия. Символика волн олицетворяет цикличность процессов бытия, вечную схему притяжения и отталкивания, единство разнонаправленных сил, которые обеспечивают ритмичное существование мира, периодическое возвращение тех или иных явлений. Река, поддерживающая плодородие, также выступает символом психической энергии человека, ее движения и проявления.

– Жизнь как метафора времен года, круговорота событий.

Времена года также выступают как символ циклического ритма бытия. Они олицетворяют положительный аспект изменений, поступательного движения времени и одновременно с этим являются символом упорядочивания социального устройства мира и его осмысленности.

Таким образом, выявленный глубинный, архетипический смысл большинства метафорических категорий позволяет сделать вывод о том, что на уровне метафорического отражения человек включается в более широкий, космический, трансперсональный контекст открытия смысла жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ.; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.

Баранов Г.С. Научная метафора. Ч. 2 / Отв. ред. В.Н. Карпович. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1993.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. М.: Прогресс; Универс, 1994.

Баркер Ф. Использование метафор в психотерапии / Пер. с англ. Воронеж: НПО МО-ДЭК, 1995.

Брун Б., Педерсен Э., Рунберг М. Сказки для души. Использование сказок в психотерапии: Метод. пособие для слушателей курса «Психотерапия в клинической практике». М.: Инф. центр психол. культуры, 2000.

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Пер. с нем.; общ. ред. Т.В. Булыгиной. М.: Прогресс, 2001.

Вачков И.В. Метафорический тренинг. М.: Ось-89, 2005.

Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности: Дис. ... д-ра психол. наук [Электронный ресурс]. Томск, 2002.

Гогоненкова Е.А. Метафора в науке: Философско-методологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005.

- Гордон Д.* Терапевтические метафоры. М.: Харвест, 1999.
- Дженнингс С., Минде А.* Сны, маски и образы. Практикум по арт-терапии / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2003.
- Зинкевич-Евстигнеева Т.Д.* Путь к волшебству. Теория и практика сказкотерапии. СПб.: Златоуст, 1998.
- Кабрин В.И.* Транскомуникация и личностное развитие. Томск, 1992.
- Кабрин В.И.* Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.
- Коростылева Л.А.* Психология самореализации личности: Основные сферы жизнедеятельности: Дис. ... д-ра психол. наук [Электронный ресурс]. СПб., 2001.
- Клочко В.Е., Галажинский Э.В.* Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.
- Кроль Л.М.* Образы и метафоры в интегративной гипнотерапии: Учеб. пособие по специальности «психотерапия и мед. психология». М.: Класс, 2001.
- Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1996.
- Лежнев В.В.* Метафора в гештальтподходе // Журн. практ. психолога. 2003. №3. С. 161–166.
- Лейнер Х.* Катагимное переживание образов. М.: Эйдос, 1996.
- Лобачева Е.Д., Доценко Е.Л.* Диагностика межличностных отношений с помощью проективной сказки // Журн. практ. психолога. Спец. вып. Психология сказки и сказкотерапия. 1999. № 10–11. С. 180–196.
- Миллис Дж., Кроули Р.* Терапевтические метафоры для детей и «внутреннего ребенка» / Пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
- Метафорическая деловая игра:* Практик. пособие для бизнес-тренера / Под ред. Ж. Завьяловой. СПб.: Речь, 2004.
- Оуэн Н.* Магические метафоры 77 историй для учителей, терапевтов и думающих людей / Пер. с англ. Е. Рачковой. М.: Эксмо, 2002.
- Свирило О.А., Туманова О.С.* Образ, символ, метафора в современной психотерапии. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2004.
- Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевич.* Минск: Харвест, 2004.
- Стюарт В.* Работа с образами и символами в психологическом консультировании. М.: Класс, 2003.
- Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностранной лит-ры; ред. В.А. Звегинцева. М., 1960. С. 111–134; 135–168.
- Франц фон М.-Л.* Психология сказки: толкование волшебных сказок. Психол. смысл мотива искупления в волшеб. сказке / Пер. с англ. СПб.: Б.С.К., 1998.
- Эстес К.* Бегущая с волками. М.: София, 2001.
- Юнг К.Г.* Проблема души нашего времени / Пер. с англ. М.: Прогресс; Универс, 1993.
- Юнг К.Г.* Символическая жизнь / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2003.
- Юнг К.Г.* Душа и миф. Шесть архетипов / Пер. А.А. Спектор. Москва: АСТ; Минск: Харвест, 2005.

ГЛАВА 8. КОММУНИКАТИВНЫЙ МИР ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В ГРУППАХ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА

8.1. Феноменология коммуникативного мира личности

Коммуникация как феномен связывается с индивидуально-психологическими свойствами личности многими известными классиками и современниками отечественной и зарубежной психологии. Исследования общения позволили выделить в научном категориальном аппарате такие понятия, как «индивидуальный стиль общения», «коммуникативные модусы человека», «коммуникативное ядро личности», «коммуникативный потенциал человека», «коммуникативная компетентность», «коммуникативные личностные ресурсы» (Бейтсон, 1959; Бодалев, 1994 и др.). Все эти понятия характеризуют психологический феномен коммуникации в узком смысле, не раскрывая содержательного аспекта, всей многогранности и многоуровневости коммуникативного мира личности.

Наиболее адекватным научным конструктом, по нашему мнению, является феноменология коммуникативного мира личности. Данное понятие было введено в методологический аппарат психологической науки в 1978 г. В.И. Кабриным.

«Коммуникативный мир личности является такой сферой социальной активности, которая формируется как система добровольных и взаимных отношений личности с другими людьми на базе ведущих форм совместной деятельности, в рамках которой личность стремится достичь оптимума нравственно-творческой самореализации» (Кабрин, 1980).

Коммуникативный мир личности обуславливается избирательностью, особенностью отношений между партнерами, преемственностью в отношениях, а также взаимностью.

Избирательность детерминируется свободным выбором тем общения, связанных с интересами и проблемами, наполняющими жизнь человека, а также характеризуется добровольным выбором партнеров по общению в своем коммуникативном пространстве. Взаимодействие партнеров выстраивается в процессе определения сути контакта, когда контекст сообщения становится важнее самого сообщения. Преемственность проявляется в соотношении образа себя с образом партнера, кото-

рые формируются в результате анализа и синтеза предыдущих встреч. Взаимность рассматривается как эквивалент, дополняющий сформировавшиеся отношения.

Организация коммуникативного мира образуется синхронизацией встречных устойчивых коммуникативных ориентаций партнеров общения, на базе общей предметной ситуации. Дифференциация коммуникативных отношений по факторам коммуникативной ситуации обуславливается:

- отношением к предмету общения, образует тему контакта;
- отношением к системе коммуникативных средств общения, оформляется в виде позиции;
- отношением к способу трансформации взаимосвязей между предметом и его отображением в коммуникативных средствах, соотносящейся с решением коммуникативных проблем, выражается продуктивной вовлеченностью в общение;
- характером отношений субъекта общения к партнеру, рассматривается с точки зрения близости (диапазона приемлемости).

Коммуникативный мир также образуется и координационными факторами, связывающими коммуникативные отношения в динамическую систему, соответствующую фазам интеракций. Наиболее существенными составляющими этого процесса являются коммуникабельность (понятность), коммуникативность (понятливость), сопричастность (солидарность) и самоопределение. В.И. Кабриным (1978) показано, что данные аспекты существенно влияют на формирование персонификаций, выполняющих регулятивные функции в общении и определяющих характер инструментальной самореализации личности.

Путем выделения из интерактивных свойств устойчивых транзактивных тенденций определяется характер совместимости между субъектом коммуникативного мира и партнерами по общению, который включает в себя:

- стремление к самоутверждению в общении – коммуникативная предрасположенность;
- стремление к перспективному согласованию коммуникативных ориентаций – коммуникативная согласованность;
- стремление дополнять, продолжать начатое партнером – коммуникативная дополнительность;
- стремление быть всегда на уровне партнера и отвечать взаимностью – коммуникативная эквивалентность.

Устойчивость, надситуативность этих характеристик делают их размерными основным свойствам личности (общей эмоциональной направленности, отношению к другим и к себе, продуктивности, оригинальности и т.д.), интегрирующим воедино ее мотивационный, когнитивный, инструментальный, эмоциональный аспекты активности (Кабрин, 1980).

В связи с этим В.И. Кабриным были выделены четыре уровня коммуникативного мира личности:

1. Интракоммуникативный уровень. На этом уровне реализуется соответствие жизненных тем, интересов и элементарных ориентаций партнеров по отношению друг к другу. Коммуникативное взаимодействие на этом уровне характеризуется выделением субъекта из общего числа других людей, определение к нему соответственного отношения, синхронизации предметной направленности в общем взаимодействии и непосредственном общении.

2. Экстракоммуникативный уровень. Характеризуется внешними условиями и критериями, характеризующими коммуникативный мир личности. На этом уровне происходит избирательное и детализированное отражение основных факторов, наполняющих коммуникативную ситуацию, которая включает в себя партнеров по общению, предмет взаимодействия, а также коммуникативные средства и связи.

3. Интеркоммуникативный уровень. На данном уровне происходит интеграция основных коммуникативных параметров коммуникативного отношения и специфики взаимоотношений.

4. Транскоммуникативный уровень. Данный уровень характеризуется интеграцией отношений и уровней взаимодействия в коммуникативном мире личности, которое проявляется как единое целое, холодинамичное пространство специфических коммуникативных ориентаций. Специфичные нравственные и культурные ценности приобретают в связи с этим адекватный коммуникативный смысл. Реальное человеческое общение есть не что иное, как проявление транскоммуникации, которое, как правило, переживается, но редко осознается.

Таким образом, В.И. Кабриным (2002) предложено новое определение личности как «встречи человека с миром», «личность рассматривается как субъект и внешнего (межличностного) и внутреннего (духовного) пространства К-мира, в котором она поддерживает и развивает коммуникативные и ментальные структуры своего Я» (С. 37). В связи с этим можно сделать вывод о том, что коммуникация не ограничивается процессом общения как интеракционным или перцептивным способом взаи-

модействия человека с окружающей средой. Коммуникация, по мнению В.И. Кабрина, является универсальной информационно-энергетической составляющей смыслотворческого процесса организации жизни человека, которая обладает признаками саморазвития и самоорганизации. В процессе жизни человека постоянно происходит выбор между противоречивыми по своей сути составляющими коммуникативных процессов и транскоммунитивных состояний «избирательность» и «взаимность». Смыслообразование и смыслотворчество выводят человека на новый транскоммунитивный уровень взаимодействия со средой.

Феномен транскоммунитивации позволяет представить процесс общения как некий контакт инаковых разнопорядковых субъектов в интра- и интерперсональном плане. Транскоммунитивный процесс характеризуется такими душевными состояниями, которые в процессе синхронизации разных уровней человеческой жизни (от геномного до духовного) выводит человека за пределы обычной коммуникации на новый уровень – транскоммунитивации. В связи с этим В.И. Кабрин (2005) отмечает, что «...у человека может быть прослежено такое состояние, когда клетки синтонны органу, орган функционирует синтонно общему состоянию организма, а организм синтонен жизненной позиции. При этом разнопорядковые «миры» человека не механически, а символически репрезентируют друг друга, т.е. развертывающаяся сложная иерархия жизни не механистична, а транскоммунитивна» (С. 116). Смысл Своего бытия человек обретает в процессе устремления к открытию собственных форм и стратегий во взаимодействии с окружающим миром, другими людьми и самим собой. Процесс транскоммунитивации характеризуется общей коммуникативностью, которая в процессе личностного роста приобретает интегральный характер в социокультурном и социально-психологическом аспекте и проявляется в факторах транскоммунитивного потенциала, которые выступают универсальными координатами коммуникативного пространства. «Коммуникативная ситуация порождает любой психо-семантический процесс, как в межличностном, так и интраличностном плане, т.е. является динамической клеточкой сознания как индивидуального, так и коллективного. Важно подчеркнуть ее виртуальность, которая заключается в том, что все позиции имеют не физический, а смысловой характер» (Клочко, 2005. С. 35).

Д.А. Леонтьевым отмечено, что универсальный характер трансляции себя в других характеризует процесс выхода человека за пределы самого себя, где понятие «трансляция» отождествляется с понятием «трансцендентальность». Таким образом, коммуникация является универсальным

«транс-фактором» определяющим процесс выхода человека на транскомуникативный уровень (Трансформация личности..., 1995).

Как было отмечено выше, транскомуникация является центральным понятием в теории В.И. Кабрина, которое позволяет синтезировать уровни ментальной сферы личности в контексте ее коммуникативного мира. Потенциал данного категориального понятия позволяет отразить невидимую, скрытую сторону сверхсложных, находящихся в непрерывной динамике психических явлений, отражающих процесс становления многомерного мира человека. Транскомуникация как явление объединяет и обуславливает процессы и состояния, которые определяются «пиковым» душевным процессом и состоянием стресс-транс-формации. Трансперсональное пространство является незаменимым фактором в процессах перехода человека на новые уровни транскомуникативного бытия и приобретения нового более совершенного и осмысленного способа существования, где задействуются творческие коммуникативные интеграционные факторы, определяющие траекторию жизненного развития. При этом коммуникабельность выступает как универсальный биокультуральный феномен, отвечающий за интеграцию жизненного пространства человека, где транскомуникабельность является универсальным фактором ее развития. Идеология транскомуникативного подхода показывает, что «...когда общаются два человека – общаются две вселенные как своеобразно синхронистические иерархии разнопорядковых (но внутренне транскомуникабельных) миров» (Кабрин, 2005). Путем эмпирического поиска теория подтвердила систему многогранности и многоуровневости структуры коммуникативного мира как особой психологической реальности. Она понимается как некое смыслообразующее и жизнетворческое психологическое пространство жизненного мира человека, которое задается транскомуникативным потенциалом личности и способствует ее самореализации и личностному росту (Кабрин, 2002).

Необходимо отметить, что теория транскомуникации изначально базируется на положениях общегуманистического подхода, а в дальнейшем процессе развития становится системной теорией. В понятийный аппарат данной теории входят понятия пространства и времени, что соотносится с понятием хронотопических характеристик теории психологических систем, где пространство и время являются единообразующим смыслом (Клочко, 1995). «Многомерные» и «многоуровневые» миры человека в теории транскомуникации выступают как системные характеристики жизненного мира человека, а в теории психологических систем именно многомерный мир человека является ключевым понятием, кото-

рое является признаком «...совмещенного бытия (со-бытия), объективно и субъективного как особой психологической реальности, являющейся и результатом самоорганизации, и тем, что детерминирует ее как процесс» (Леонтьев, 2005. С. 26).

Таким образом, транскомуникация выводит человека за рамки обыденного в сферу познания неизведанного, нового опыта действительности, который приобретает путем переживания потрясения, инсайта, катарсиса, транса и других состояний. В соответствии с этим А.У. Хараш указывает на то, что содержанием психической жизни субъекта является не *закрытое*, «внутрииндивидуальное» пространство, ограниченное поверхностью кожного покрова, а пространство коммуникаций и взаимодействий между людьми, которое выступает условием *открытости* человека в мир (культуры, социума, природы). А.У. Хараш различает интросубъектный и интерсубъектный подходы к пониманию процесса коммуникации. В этом контексте коммуникация является не только функцией, организующей связи и контакты между людьми. Коммуникация детерминируется интерпсихической деятельностью каждого субъекта, порождая тем самым интенцию к межличностной коммуникации (Шибутани, 1998). Диалогичность как коммуникативное состояние характеризует межличностную коммуникацию и выражается в степени обращенности субъектов друг к другу. Коммуникативное состояние определяется уровнем готовности человека к приему со стороны других людей разного рода воздействий, под влиянием которых происходит трансформация личностной и деятельностной сферы жизни субъекта. Коммуникативное состояние не является статичным, оно изменяется в процессе взаимодействия с субъектом. Таким образом, можно заключить, что коммуникативное состояние возникает в процессе общения на внутриличностном уровне, затем выходит за его рамки в сферу межличностного взаимодействия, где встречается с коммуникативным состоянием «Другого», порождая тем самым новое пространство «между» как уникальную онтологическую реальность (М. Бубер). Это пространство является первостепенной формой человеческой действительности, существующей только в природе человеческих отношений.

8.2. Особенности коммуникативного мира личности студентов первого курса

Опираясь на теоретико-методологические построения теории транскомуникации В.И. Кабрина, мы провели исследование особенностей

коммуникативного мира личности студентов первого курса, проживающих ситуацию социально-психологической адаптации к новым транскоммуникативным средовым условиям.

В исследовании приняли участие 40 студентов педагогического профиля, обучающихся по очной форме на первом курсе в Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете им. Н.Г. Чернышевского. Из них 20 человек составили экспериментальную группу и 20 человек – контрольную. Все студенты данных групп – девушки в возрасте 17–18 лет.

Проблема адаптации при поступлении и последующем обучении в вузе характеризуется не только социально-психологическими видоизменениями учебной деятельности, но в большей степени связана с динамикой и факторами транскоммуникативных состояний в процессе социализации и личностного развития человека. Средством изучения стал «Метод моделирования коммуникативного мира личности» (ММКМ) В.И. Кабрина, который позволяет реконструировать базовые координаты жизненного мира личности как коммуникативного пространства: коммуникативное пространство (внутреннее и внешнее) и коммуникативное время. В результате мы выявили закономерные особенности, характеризующиеся особым коммуникативным состоянием – коммуникативным стрессом (Кабрин, 2005). Для студентов первого курса такое состояние является вполне закономерным, поскольку процесс адаптации к новым социально-бытовым (проживание в общежитии), территориально-пространственным (все студенты данной выборки являются жителями села) условиям непосредственно связан с переживанием стресса именно в коммуникативной сфере личности.

В результате контент-анализа нами были сформулированы основные проблемы, характеризующиеся проживанием стресс-коммуникативных состояний студентов первого курса:

1) *Проблема адаптации к новому учебному заведению (вузу) и процессу учебы.* Приведем некоторые примеры из сформулированных студентами тем по данной проблеме:

«Не могу привыкнуть к университету, постоянно теряюсь в поисках аудиторий, часто из-за этого вообще не хочется идти на занятия»;

«С каждым днем растет моя неуверенность в себе. Смогу ли я учиться в университете?»;

«Меня страшно бесит, что я не понимаю, о чем говорят преподаватели. Чувствую себя инопланетянином».

«Я так устала от университета и учебы, а еще учиться и учиться»;
«Поток учебной информации разрывает мой мозг, я скоро сойду с ума»;

«Слишком тяжело учиться, хочу бросить учебу. Боюсь огорчать родителей»;

«Все время уходит на учебу и подготовку к занятиям, личной жизни совсем нет».

2) *Проблема адаптации в новой учебной группе.* Приведем некоторые сформулированные студентами темы по данной проблеме:

«Все девочки разные, другие, чужие»;

«Мне не приятны некоторые девочки из нашей группы»;

«Я серая мышь, в группе никто не обращает на меня внимания»;

«Каждый сам по себе. Меня это не устраивает»;

«Так скучаю по своим одноклассникам, не могу привыкнуть к девочкам из группы»;

«Тяжело учиться, в группе совсем не с кем поговорить».

3) *Проблема адаптации к общежитию и проживанию в новых бытовых условиях.* Приведем некоторые примеры из сформулированных студентами тем по данной проблеме:

«Общага – это кошмар. Я так долго не смогу»;

«Не могу жить в общежитии, если родители не снимут квартиру, я брошу учебу»;

«В комнате девочки, с которыми я живу, не принимают меня и не хотят со мной разговаривать. Это очень напрягает, не знаю, как быть с этим»;

«Тяжелая моральная обстановка в комнате в общежитии, бывает, доходит до драки»;

«Девочки, к которым меня подселили, с четвертого курса, требуют, чтобы я мыла посуду и готовила. Боюсь им отказать»;

«Постоянно в комнате пропадают вещи и деньги. Не знаю, как быть дальше. Боюсь говорить родителям».

4) *Проблемы общения с юношами, новые знакомства и т.д.* Приведем некоторые примеры из сформулированных студентами тем по данной проблеме:

«Так одиноко без любимого»;

«Больно из-за разрыва отношений с молодым человеком»;

«Моя неуверенность мешает мне знакомиться с парнями, не знаю, как от этого избавиться»;

- «Подруга увела моего парня. Ненавижу обоих»;
«Никто из парней не хочет со мной знакомиться»;
«Мой парень меня раздражает. Не знаю, как с ним расстаться».

5) *Проблемы, связанные с личной коммуникабельностью в процессе взаимодействия с новыми, незнакомыми людьми, как преподавателями, представителями административных структур, так и другими абитуриентами.* Приведем некоторые примеры из сформулированных студентами тем по данной проблеме:

- «Ком в горле стоит, когда прихожу в деканат или на кафедру»;
«Преподаватель по английскому не любит меня. Постоянно придирается и орет. Не знаю, что теперь делать»;
«Я попадаю в растерянность, когда вижу незнакомых людей»;
«Страх перед преподавателем»;
«Раздражает, когда старшекурсники прикалываются и разыгрывают нас»;
«Все на факультете неприветливые, злые, замкнутые. Кроме куратора».

6) *Проблемы, связанные с переживанием стресса по поводу оторванности от дома, семьи, привычной коммуникативной среды.* Приведем некоторые примеры из сформулированных студентами тем по данной проблеме:

- «Никто меня не понимает, кроме мамы»;
«Я сильно скучаю по маме, иногда даже не иду на пару, сижу и плачу»;
«Сильно тоскую по дому»;
«Скучаю по друзьям, трудно здесь без их поддержки»;
«Не могу смириться с разлукой с домом»;
«Живу в городе как ребенок, ничего в этом мире не понимаю»;
«Скучаю по школе, друзьям, одноклассникам».

Таким образом, становится очевидным, что студенты первого курса переживают некий коммуникативный вакуум, на фоне которого и формируются коммуникативные стресс-состояния. Такие состояния проявляются в неспособности адаптироваться к изменившейся социально-психологической реальности. Формируются различные формы психической ригидности, происходит смещение уровня субъективного контроля с позиции балансирования между интернальностью и экстернальностью в пользу последнего, что может проявляться в конформном, уступчивом поведении, а это в свою очередь может являться причиной формирова-

ния девиантного, аддиктивного, деликвентного поведения. Таким образом, данная тенденция может породить множество проблем, связанных с динамикой эмоциональных, мотивационных и других внутренних психологических компонентов, непосредственно связанных с процессом развития личности. Такая трансформация личностных конструктов может порождать реверсивную динамику в процессе развития человека как открытой самоорганизующейся системы и может привести, в конечном счете, к деформации многомерного мира человека, к распаду его психологической системы.

В диссертационной работе Н.В. Бородиной показано, что «проблема адаптации – это не просто процесс приспособления организма к новой среде, но чаще всего это проблема смены образа мира и образа жизни (меняются позиции, пересматриваются роли, выявляются совершенно новые механизмы и связи). Человек живет в своем мире, основанием которого является соответствующая этапу система ценностно-смысловых образований (или образующих). При смене образа жизни происходит не просто адаптация (приспособление) к новым условиям жизнедеятельности, но и перестройка всего того, что составляет мир личности и обеспечивает его временные координаты, чувство реальности мира и его действительности для человека. Следовательно, нет простого приспособления к новому миру, а есть появление новой реальности в результате формирования новой системы смыслов и ценностей» (Бородина, 2009. С. 56).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что становление новых параметров трансформирующегося ментального пространства студента первого курса можно осмыслить как результат «транскоммуникаций» – коммуникаций транзактного типа в процессе его адаптации к новой коммуникативной среде. Они проявляются во взаимоотношениях между самими студентами внутри группы и другими объектами взаимодействия и направлены на изменение привычных способов поведения и коммуникаций, определяющих структуру и форму нового коммуникативного пространства.

8.3. Возможности трансформации коммуникативного мира личности

Современные методологические подходы подчеркивают актуальность и эффективность использования групповых форм, применяемых в

психологической практике. Основным инструментом психологического воздействия здесь выступает группа, помогающая выявить и скорректировать проблемы ее участников за счет межличностного взаимодействия и групповой динамики.

В психологической практике можно выделить четыре основных типа форм групповой работы, главной задачей которых является трансформация (преобразование) жизненных проблем человека.

1. Групповая терапия – основывается на медицинской модели оказания психологической помощи. В связи с этим ее основной целью является «лечение» или восстановление психического здоровья; она ориентирована на тот контингент, который обращается за помощью для облегчения психического напряжения. Участники терапевтических групп обычно называются «пациентами», поэтому терапевт относится к ним как к «больным» людям с «нездоровым» поведением.

2. Группы самопомощи – сознательно игнорируют профессиональную систему руководства. Такая форма групповой работы ориентирована на людей, которых объединяет общий симптом, опыт переживания похожих жизненных событий или проблемных ситуаций. Группы само- и взаимопомощи являются достаточно распространенным методом в организации психологической помощи людям, страдающим разного рода зависимостями.

3. Группы тренинга и группы встреч – связаны с обращением к человеческому потенциалу и внутренним ресурсам личности. Такая форма групповой работы предполагает профессиональный подход к реализации принципов и механизмов, определяющих личностный рост человека. В отличие от групповой терапии, центрирующейся на психологическом заболевании и статусе пациента, или от групп взаимопомощи, это направление групповых занятий является доступным для тех, кто стремится к личностному росту и развитию.

4. Группы повышения сознания – практикуют непрофессиональный подход, ориентируясь при этом на систему взаимного контроля. Основным связующим механизмом здесь является какая-либо общая социальная или психологическая особенность, характеризующая большие группы людей, – пол, возраст, национальность, этническая принадлежность, политические или религиозные убеждения и т.д., допускающая широкий спектр индивидуальных особенностей.

Уникальным феноменом, синтезирующим в себе многообразие психотерапевтических принципов и групповых подходов, рассмотренных

выше, является система групповой само- и взаимопомощи, базирующаяся на принципах группового психотерапевтического процесса. Ярким примером феноменологии групповой формы взаимопомощи является модель психолого-терапевтической помощи, основанной на методологии программы «12 шагов» Всемирного сообщества анонимных алкоголиков. Программа была написана в 1938 г. самими алкоголиками, которые смогли обобщить собственный опыт, обогатив его некоторыми специальными знаниями, с тех пор она существует в неизменном виде. Опыт реализации этой программы разносторонне описан известными классиками западной и отечественной психологической практики (Bateson, 1972; Craig, 2006). Распространенность данной программы демонстрируют следующие данные: в США около 70 % медицинских центров по лечению зависимости используют в той или иной мере программу анонимных сообществ в своей структуре оказания лечебной помощи, еще 20 % рекомендуют своим пациентам после завершения стационарного лечения посещать группы взаимопомощи анонимных алкоголиков (АА) и анонимных наркоманов (АН). В Западной и Восточной Европе, России также достаточно распространены программы, использующие принципы «12 шагов» (Двенадцать шагов и двенадцать традиций..., 1989).

Существенную роль в создании Сообщества АА сыграл доктор Уильям Д. Силкворт, огромное влияние на формирование программы Сообщества АА оказали взгляды Карла Густава Юнга и философа Уильяма Джеймса, а также Г. Бейтсона. В основе идеологии подхода АА лежит представление, согласно которому химическая зависимость (алкоголизм и наркомания) является неизлечимой хронической болезнью, при которой алкоголик или наркоман, тем не менее, может начать выздоровление, под которым понимается не собственно воздержание, а процесс личностного роста, который невозможен без межличностного взаимодействия с окружающими и групповой коммуникации в целом. В основе выздоровления по этой программе находится коммуникация, во время которой в группе снимаются защиты, химически зависимый, видя себе подобных и не чувствуя привычного в обычном окружении осуждения, не стремится выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Проявляется значительное снижение защит, стремление к самораскрытию, чему сопутствуют особые эффекты катарсиса и инсайта. Происходит изменение отношения к болезни как к распушенности, отсутствию силы воли, вредной привычке. Идентификация с членами группы позволяет расширить собственную картину болезни. Расширяются поведенческие паттерны, которые могут быть полезны в реальной жизни.

Сообщество анонимных алкоголиков является альтернативным кругом общения, что при условии эмоционально тёплого и поддерживающего отношения окружающих способствует более успешной, чем раньше, ресоциализации.

Таким образом, суть Программы можно свести к следующим основным моментам:

- 1) признание наличия проблемы;
- 2) поиск выхода и принятие решения;
- 3) самоанализ и исповедь;
- 4) проработка личных недостатков;
- 5) налаживание социальных связей;
- 6) передача своего опыта другим.

Существует еще один ряд общих принципов, характерных для психотерапевтических групп:

- 1) облегчение выражения эмоций;
- 2) появление чувства принадлежности к группе;
- 3) возможность, а иногда и обязательность самораскрытия;
- 4) опробование новых видов поведения как в группе, так и вне ее;
- 5) разрешенное групповое осуществление межличностных сравнений, выражение своего мнения по любым вопросам и проблемам, решаемым во время занятий;
- 6) разделение с назначенным (избранным) лидером ответственности за руководство группой.

Для групповых собраний АА характерны те же терапевтические преимущества, что и для любой формы групповой терапии, направленной, прежде всего, на изменение стереотипных установок личности, а также ее внутреннего состояния. основополагающие принципы, характеризующие групповой процесс, прослеживаются во многих психотерапевтических школах и в группах анонимных алкоголиков. Психотерапевтическая аналогия проявляется во многом и в первую очередь в возможности получения членом группы «обратной связи» в условиях коммуникативного, межличностного взаимодействия с другими членами группы. Другим важным фактором психотерапевтического содержания движения АА является принцип поддержки, который предполагает, что люди, имеющие одинаковые проблемы и проживающие схожие жизненные события и ситуации, способны лучше понять и помочь друг другу.

Группа помогает значительно облегчить процесс самоисследования, обеспечивает своим членам необходимое внимание, участие и принятие в

ходе раскрытия своей личности. Также в групповой работе по принципу АА практикуется интенсивное изучение основ духовно-ориентированной программы «12 шагов», что дает возможность использовать эту программу как инструмент своего дальнейшего выздоровления и формирования активной жизненной позиции, т.е. установки на непрерывный личностный рост и развитие, так как остановка в процессе восстановления ведет к возврату зависимого (наркотического, алкогольного или иного) мышления и зачастую к срыву.

Подводя итог анализу феноменов групп само- и взаимопомощи, основанных на принципах программы АА, следует заключить, что программа «12 шагов» после апробации нашла применение и в других видах групп взаимопомощи. Во всем мире существует огромное количество таких групп. Например, существуют группы анонимных наркоманов с 1953 г., анонимных игроков с 1957 г., анонимных обжор с 1960 г., анонимных эмоционалов с 1971 г., анонимных должников с 1976 г., анонимных никотинщиков с 1985 г., а также группы созависимых с 1984 г. Также существуют группы анонимных астматиков, суицидентов, людей, имеющих проблемы в семье, страдающих мигренью и т.п. Все эти факты свидетельствуют об универсальности и широкой распространенности групп само- и взаимопомощи, работающих по принципам программы «12 шагов».

Рассмотренная модель «12-шаговой программы» соотносится в некотором смысле с идеями коммуникативного подхода и концепцией транскомуникации В.И. Кабрина. В рамках данной концепции, как и в программе «12 шагов», коммуникация выступает основным интегрирующим критерием, определяющим процесс становления личности и ее дальнейшее развитие.

Поскольку личность имеет коммуникативную природу, то основными интегральными характеристиками личности становятся коммуникативность и коммуникабельность, которые успешно могут развиваться в групповых видах деятельности. Становление личности как «транскомуникативный» процесс связано с такими категориями, как Энергия, Информация, Пространство и Время, которые представляют собой сложные, специфичные механизмы разнопорядковых, разнокачественных миров. Иерархия этих миров (органического, индивидуального, личностного, культурного) наиболее ярко проявляется в личностном росте (Кабрин, 2005).

Далее, решая задачу трансформации (преобразования) стресскоммуникативных состояний студентов, мы обратились к групповой форме проработки жизненных проблем (обозначенных нами выше сту-

дентов), используя при этом базовые терапевтические принципы и механизмы. Современные методологические подходы подчеркивают актуальность и эффективность использования групповых форм, применяемых в психологической практике. Основным инструментом психологического воздействия здесь выступает группа, помогающая выявить и скорректировать проблемы ее участников за счет межличностного взаимодействия и групповой динамики.

Мы полагаем, что в групповой работе более эффективно задействуется и раскрывается транскомуникативный потенциал личности, а также оптимизируются базовые коммуникативные координаты, отвечающие за личностный рост. Уникальность такой формы работы заключается в том, что человек, который переживает транскомуникативный кризис, находясь в динамике стресс-коммуникативных состояний, стремится уйти в себя, закрыться, эмоционально изолировать себя от внешней реальности. Поэтому новые формы транскомуникативных состояний, переживаемые личностью в процессе групповой работы, способствуют расширению круга связей с внешним миром и приводят к позитивным изменениям на личностном уровне. Мы считаем, что критерием эффективности здесь является коммуникация, в процессе которой в группе снимаются психологические защиты, человек, видя себе подобных, т.е. людей, проживающих похожие жизненные события и ситуации, не стремится моделировать у себя социально значимое и приемлемое поведение, а остается самим собой. Идентифицируя себя с членами группы, человек *открывается* новому опыту, созиданию самого себя, что позволяет ему трансформировать субъективную систему отношений к существующей реальности. Такая тенденция объясняется особенностью жизненного самоопределения, потенциалом, направленностью, самореализацией, самоактуализацией как реализацией внутренних ресурсов и возможностей личности, характеризуя при этом человека как открытую, самоорганизующуюся систему (Клочко, 1999).

Для обеспечения процесса трансформации коммуникативного мира личности студентов первого курса мы взяли за основу модель группы само- и взаимопомощи и назвали ее группой «жизненного опыта».

Передача личного опыта и принятие жизненного опыта других членов группы посредством вербальной коммуникации является ключевым механизмом в процессе трансформации коммуникативного мира личности. Данная форма групповой работы ориентирована на людей, которых объединяет общий симптом, опыт переживания похожих жизненных со-

бытий или проблемных ситуаций. Группы само- и взаимопомощи являются достаточно распространенным методом в организации психологической помощи людям, переживающим разного рода психологические трудности, в том числе проблемы, связанные с адаптацией.

Таким образом, опираясь на концепцию В.И. Кабрина, мы предполагаем, что возможность трансформации коммуникативного мира личности будет осуществляться за счет развития транскомуникативного потенциала личности, поскольку именно транскомуникативный потенциал определяет то, насколько личность может в коммуникативном процессе менять свои состояния. По нашему мнению, эффективность такой трансформации будет выражаться в личностном росте, самоактуализации и самореализации личности. Условием трансформации коммуникативного мира личности (актуализации транскомуникативного потенциала) в нашем случае является группа «жизненного опыта». Она интегрирует многие принципы, разработанные в классических тренинговых группах.

Группа «жизненного опыта» (далее – «ЖО») направлена на самораскрытие, которое предполагает открытое выражение чувств и мыслей. В группе субъект принимает риск быть самим собой, отказываясь от неадекватных защитных стереотипов, что положительным образом сказывается на его личностном росте.

В группе «ЖО» путем идентификации себя с членами группы представляется возможность субъекту увидеть свою роль и позицию в стандартных межличностных ситуациях и глубже понять собственные проблемы и мотивы.

В процессе работы в группе «ЖО» среди участников возникает ощущение общности, единства, взаимопонимания, необходимости и сопричастности, что положительным образом сказывается на продуктивности коммуникативного опыта, приобретаемого в процессе динамичной работы участников группы.

В ходе работы группы у участников исчезает ощущение уникальности собственных проблем и исчезает установка «Мне никто не сможет помочь». Осознав идентичность собственных проблем с проблемами других участников группы, субъект оказывается в состоянии принять помощь от других членов группы «ЖО».

Трансформация коммуникативного мира личности происходит путем формирования новых форм транскомуникативных состояний, переживаемых личностью в процессе групповой работы.

В процессе работы в группе «ЖО» человек *открывается* новому опыту, созиданию самого себя, что позволяет ему менять систему отно-

шений к субъективной реальности и конструировать новые, эффективные поведенческие паттерны, которые могут быть реализованы в реальной жизни.

Таким образом, группа «ЖО» – это система групповой само- и взаимопомощи студентам первого курса, базирующаяся на принципах группового психотерапевтического процесса. В основе работы этой группы находится коммуникация, во время которой в группе снимаются защиты, субъект, видя себе подобных и не чувствуя осуждения со стороны других членов группы, не стремится выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Вследствие этого происходит значительное снижение защит, стремление к самораскрытию, чему сопутствуют особые эффекты катарсиса и инсайта.

В процессе работы в группе «ЖО» происходит изменение отношения к собственным проблемам и трудностям. Идентификация с членами группы позволяет расширить собственную картину мира.

Непосредственной целью группы «ЖО» является развитие транскоммуникативного потенциала личности студентов первого курса.

8.4. Трансформация коммуникативного мира личности студента в группе «жизненного опыта»

Нами было проведено исследование, целью которого стало изучение процессов трансформации транскоммуникативных состояний, образующих коммуникативный мир личности студентов первого курса.

Необходимо напомнить, что, решая задачу трансформации, преобразования коммуникативного мира личности студентов первого курса, мы обратились к групповой форме проработки жизненных проблем. Данная форма представлена и определена нами как группа «жизненного опыта» (ЖО).

Данная группа работала в течение трех месяцев, с интенсивностью встреч один раз в неделю, продолжительность одного группового сеанса составляла примерно 1,5 часа. Эффективность работы данного вида групп нами была описана выше и подтверждается мировой практикой в сфере оказания психологической помощи.

С помощью «Метода моделирования коммуникативного мира» мы выявили количественные и качественные показатели коммуникативного стресса, коммуникативного транса, стресс-трансформации, трансстресс-формации по отношению к партнерам по общению и темам, наполняющим жизнь личности, а также определили факторы транскомму-

никативного потенциала до и после групповой работы. Анализ изменений и выявление значимых различий проводились нами с помощью критерия Вилкоксона.

Результаты показали, что произошли достоверные изменения в показателях: позитивные переживания по интересам ($p=0,01$), негативные переживания по интересам ($p=0,04$), вектор переживаний по интересам ($p=0,01$). Сравнительный анализ значений положительных и отрицательных сдвигов показал, что после завершения работы группы «жизненного опыта» у испытуемых произошло достоверное увеличение невербального показателя «позитивных переживаний» и уменьшение показателя «негативных переживаний», что в нашем случае подтверждается увеличением невербального показателя «вектора переживаний».

В целом необходимо отметить, что среднестатистические значения указали на то, что для испытуемых наиболее значимой является сфера взаимоотношений с партнерами, отражающая направленность на внешнее коммуникативное пространство. Данная тенденция представляется вполне обоснованной, поскольку начало процесса обучения в вузе для студентов является фактором, сопутствующим расширению спектра связей и приобретению новых партнеров в круге своего общения, что может порождать как позитивные, так и негативные переживания.

Результаты анализа изменений невербальных показателей по ММКМ после групповой работы свидетельствуют, что негативные переживания, связанные с взаимодействием с внешним коммуникативным пространством, снизились благодаря работе испытуемых в группе «ЖО», а позитивные переживания, наоборот, увеличились. Все это может свидетельствовать о положительной трансформации невербальных показателей транскомуникативных состояний личности испытуемых, произошедших вследствие эффективной работы группы «ЖО».

Следующим этапом анализа трансформации транскомуникативных состояний личности в группе «ЖО» стало рассмотрение изменений вербальных показателей по ММКМ. После завершения работы группы «ЖО» у испытуемых увеличился вербальный показатель трансформации по интересам ($p=0,00$) и партнерам ($p=0,02$) и показатель стресс-трансформации также в сфере интересов ($p=0,00$) и партнеров ($p=0,04$). Достоверность данных изменений подтверждается результатами, полученными с помощью критерия Вилкоксона. Необходимо отметить, что данная тенденция в концепции транскомуникации В.И. Кабина отражает транскомуникативное развитие личности.

Положительная трансформация транскомуникативных состояний личности испытуемых в процессе групповой работы дает возможность говорить об эффективности проведенной работы посредством группы «ЖО». В доказательство считаем необходимым привести примеры, иллюстрирующие трансформацию транскомуникативных состояний в коммуникативных мирах личности испытуемых.

Пример 1. Участница группы «ЖО» студентка А., 17 лет:

Темы, наполняющие коммуникативный мир до группы:

«Учеба в университете высосет из меня все соки»;

«Боюсь, что потеряю друзей и останусь одна»;

«Постоянно переживаю, когда нужно что-то менять в жизни»;

«Наверное не переживу разлуку с любимым человеком»;

«Неопределенность терзает меня, не знаю, что будет дальше со мной».

Характеристики партнеров:

«Мама любит меня, никогда не бросит»;

«Папа – строгий, заставляет делать то, чего я не хочу»;

«Сестра отдаляется от меня»;

«Любимый слезы и печаль в моей жизни»;

«Подруга злится на меня, за то, что я уехала учиться».

Анализ данного примера позволяет сделать вывод о том, что автору на момент первого среза характерно проживание стресс-состояний, что наглядно проявляется в представленных темах. Основная проблема неуверенности в себе проявляется достаточно явно, автору трудно адаптироваться к изменившейся действительности, отчего присутствует ощущение усталости, одиночества, тревожности и неопределенности. Характеристики партнеров в большинстве своем имеют оттенок негативизма, который отражает ощущение «покинутости», «брошенности», отчужденности.

Темы, сформулированные ею после работы в группе:

«Важно учиться»;

«Новые знакомства развлекают меня»;

«Друзья надежные»;

«Все люди зеркала»;

«Благодарна семье»;

«Жду встречи с любимым, волнуюсь и радуюсь!»;

«Люблю и забочусь!»;

«Позитивчик по жизни!»

Партнеры:

«С тобой моя душа отдыхает»;

«Сестра – собственность гламура»;

«Близкий и далекий одновременно, но всегда любимый и желанный»;

«Подруга – кусок позитива»;

«Друг доверяет всем и ему все доверяют»;

«Братик – роднуля»;

«Подруга – с тобой мне всегда интересно».

После групповой работы в коммуникативном мире данной участницы наблюдаются изменения, которые демонстрируют, что ее круг общения значительно расширился, а восприятие партнеров стало более позитивным. В характеристиках появляются такие чувства и состояния по отношению к партнерам, как любовь, доверие, интерес, отдых, позитив. В тематике жизненного пространства после групповой работы появляются такие акценты, как развлечение, благодарность, надежность, любовь, забота, позитив. В темах можно увидеть расширение коммуникативного мира личности данной студентки и обращенность во внешнее коммуникативное пространство. После групповой работы также меняется восприятие учебного процесса. Учеба становится важным, неотъемлемым компонентом в траектории развития данной личности. Количественные оценки переживаний трансформации транскомуникативных состояний личности данной студентки также свидетельствуют о трансформации коммуникативных состояний.

Представим особенности коммуникативного мира еще одной участницы группы «жизненного опыта». Ею были сформулированы следующие темы:

«Боюсь, что не справлюсь с учебой»;

«Переживаю из-за отношений в семье»;

«Волнует мое чувство неуверенности в себе»;

«Я переживаю за свои прошлые ошибки»;

«Одиноко одной в городе».

Партнеры:

«Мамочка, так скучно и гнусно без нее. Хочу домой»;

«Сестра – понимает, всегда даст нужный совет»;

«Одноклассница – недоступна, зазналась»;

«Подруга. Вечный повод для беспокойства»;

«Однорупница – злыдня и эгоистка. Она очень высокого о себе мнения».

Данный пример демонстрирует, что коммуникативный мир личности студентки до групповой работы наполнен волнением, переживанием, тревогой, чувством вины, одиночеством. Темы отражают подавленное настроение и характеризуют жизнь данной студентки переживанием стрессовых ситуаций и эмоционально неблагоприятных психических состояний. Положительные характеристики партнеров прослеживаются лишь в отношении близкого окружения, преимущественно родственников и бывших одноклассников. Наблюдается разрушение контактов, связывающих личность с этапом обучения в школе, что сопровождается чувством обиды и беспокойства. Новые контакты (с одноклассниками) не имеют благоприятной направленности.

Темы, представленные ею после групповой работы:

«Успехи в учебе радуют меня!»;

«Как много вокруг интересного»;

«Хочу порадовать родных успехами в учебе»;

«Не знала, что буду в городе встречаться с молодым человеком»;

«Скоро домой! Так хочется увидеть друзей»;

«Для меня важно оставаться такой, какая я есть».

Партнеры:

«Мама. Любимая, добрая, нежная, заботливая!»;

«Тетя. Гостеприимная, понимающая, выручит в трудную минуту»;

«Друг. Озабоченный компьютером, но бесконечно интересный»;

«Подруга. Надежная, преданная. Придает мне уверенности»;

«Одноклассница. Прикольная девчонка, озорная, постоянно ищет приключений. С ней всегда весело»;

«Одноклассница. Кажется, может решить любую проблему, всегда знает, чего хочет»;

«Одноклассница. Добрая, вежливая. С ней как-то спокойно».

После групповой работы в коммуникативном мире данной студентки наблюдаются позитивные изменения. В темах прослеживается тенденция к социальной активности, что проявляется в эффективности учебной деятельности и самостоятельности. Очевидно, что произошло расширение социальных связей. Основные акценты в темах представлены такими понятиями, как успех, радость, интерес, встреча.

Характеристики партнеров представлены позитивными описаниями, где люди воспринимаются как интересные, надежные и добрые. Круг партнеров по общению расширился, также наблюдается положительная динамика в процессах взаимодействия с внешней социальной средой и

внешним коммуникативным пространством, в котором появились новые объекты – друзья и одноклассники.

В целом необходимо отметить, что для испытуемых на момент первого среза характерно описание проблемных ситуаций, связанных с адаптацией к новому учебному заведению, адаптацией к новой учебной группе, адаптацией к новым бытовым условиям. Были заявлены проблемы, связанные с личной коммуникабельностью в процессе взаимодействия с новыми, незнакомыми людьми; проблемы общения с юношами, новые знакомства; проблемы, связанные с переживанием стресса по поводу оторванности от дома, семьи, привычной коммуникативной среды. После групповой работы характеристики тем и партнеров кардинально меняются, они становятся более насыщенными, яркими и демонстрируют транскоммуникативную наполненность. Это проявляется в метафоризации высказываний, их развернутости и разнообразии используемых фраз и словосочетаний. Кроме того, прослеживаются радость и удовлетворение от ощущения успеха и возможности собственного развития.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у большинства участников после групповой работы наблюдается тенденция личностного роста, детерминируемая трансформацией (преобразованием) транскоммуникативных состояний личности. Такая тенденция сопровождается процессами реализации внутренних ресурсов и возможностей личности, которые определяются самоопределением, самоактуализацией, аутентичностью и суверенизацией личности.

В целом можно заключить, что вследствие работы испытуемых в группе «ЖО» была выявлена общая тенденция к увеличению вербальных показателей (транс- и стресс-транс-формации), характеризующих личностный рост испытуемых. Результаты анализа изменений вербальных показателей транскоммуникативных состояний личности испытуемых по ММКМ свидетельствуют о том, что произошли качественные изменения вследствие эффективной работы группы «ЖО».

Анализ изменений транскоммуникативных состояний личности в группе «ЖО» показал, что после завершения групповой работы наблюдается снижение практически по всем показателям КСС (коммуникативное стресс-состояние) и увеличение степени выраженности КТС (коммуникативное транс-состояние).

Следует отметить, что смысл факторов КТС детерминирует рост экзистенциальной открытости в гармонии с ростом перспективной трансцендирующей избирательности в смысловом пространстве транском-

муникативного мира, обуславливающей общий рост личности (Кабрин, 2002).

Значение фактора КСС проявляется в «экзистенциальной концентрации в кругу близких проблем и партнеров» (Кабрин, 2002. С. 66).

В исследованиях В.И. Кабрина показаны концептуально-параметрические различия, свидетельствующие о развивающей детерминации факторов КТС и защитной функции факторов КСС. Путем корреляционного анализа были показаны содержательные связи, по которым различаются данные факторные структуры.

Полученные результаты по факторам транскоммунитивного потенциала были также подвергнуты статистической обработке с помощью критерия Вилкоксона, после чего стало видно, что существуют значимые различия по показателям: Исц – значимость избранной темы (КСС), при $p=0,02$; Псо – перспективная значимость открытых темы и партнера (КТС), при $p=0,03$; Ито – значимость темы, обсуждаемой с самым большим количеством партнеров (КТС), при $p=0,01$. Эти данные показывают специфику положительных изменений в факторе транскоммунитивного потенциала личности, которая демонстрирует трансформацию КСС в КТС. Все это может свидетельствовать об эффективности групповой работы.

Далее с помощью ММКМ мы смоделировали систему транскоммунитивных параметров в транскоммунитивном мире студентов первого курса до и после работы в группе «ЖО». Нами было обнаружено, что существуют противоположные корреляционные зависимости открытости и центрации микроуровня ТК-мира.

В начале работы группы «ЖО» по средним значениям наблюдается наибольшая степень выраженности центрации. Это свидетельствует о том, что степень концентрации жизненных проблем личности находится в узком кругу близких партнеров общения. Открытость в системе данных параметров имеет меньшую выраженность по сравнению с центрацией. Преобладающее значение было получено по показателю значимости ретроспективы, что свидетельствует о фиксированности на прошлой жизненной координате, остальные показатели открытости выражены в меньшей степени по сравнению с показателями центрации.

Также следует отметить, что значение показателей центрации и открытости находит наибольшую выраженность в параметрах «соучастие», «партнерство». Возможно, это связано с возрастными особенностями испытуемых, т.к. в этом возрасте круг общения является актуальной составляющей внешнего коммуникативного пространства.

Соответствующая динамика показывает, что после групповой работы наиболее выраженным показателем становится *открытость*, которая детерминирует рост экзистенциальной открытости в гармонии с ростом перспективной трансцендирующей избирательности в смысловом пространстве транскомуникативного мира, обуславливающей общий рост личности (Кабрин, 2005). Следует также отметить, что наибольшее значение *открытости* выражено в показателях значимости «перспективы» и «интересов», что свидетельствует об ориентации студентов на будущее, причем будущее теперь представляется им интересным и перспективным. Все это может свидетельствовать о личностном росте студентов, участвовавших в работе группы «жизненного опыта».

Для получения достоверных результатов эффективности проделанной работы нами была использована контрольная группа. Контрольная группа в данном случае – это группа студентов первого курса педагогического профиля. Необходимо отметить, что контрольная группа не подвергается воздействию независимой переменной (групповой работе) в исследовании, но чей опыт в остальном похож на опыт экспериментальной группы испытуемых, подвергающихся действию независимой переменной, т.е. участвующих в групповой работе. Путем сравнительного анализа двух групп – экспериментальной и контрольной можно увидеть воздействие независимой переменной, т.е. группы «жизненного опыта», на динамику транскомуникативных состояний личности испытуемых, участвовавших в эксперименте.

Полученные результаты в контрольной группе были также подвергнуты статистической обработке с помощью критерия Вилкоксона, где значимые различия не были обнаружены.

8.5. Транскомуникативная динамика личности студента в группе «жизненного опыта»

Ряд исследователей (Пяткова, 2007; Лебединская, 2009 и др.) показывают, что существует положительная динамика в процессе развития транскомуникативных состояний личности посредством проведения групповых форм работы в виде разного рода тренингов. В данных работах показано, что в процессе группового тренинга вследствие развития транскомуникативного потенциала личности происходит и развитие процессов самоактуализации и самореализации, а также личностного роста. Напомним, что в нашем исследовании также была использована

групповая форма работы, но в виде организации группы взаимопомощи, которая была названа нами группой «жизненного опыта» (ЖО).

В результате сравнительного анализа мы установили, что на начальном этапе групповой работы частота вербализации коммуникативного транс преобладает по партнёрам, что находит свое подтверждение и в невербальных показателях, где средние значения вектора переживаний и вектора роста по партнёрам превышают аналогичные значения по интересам. Соответственно, частота вербализации коммуникативного стресса по интересам тоже преобладает. Значения невербального показателя разнообразия шкальных типов показали, что на момент первого среза количество разных шкальных типов по интересам преобладает над количеством разных шкальных типов по партнёрам. Это показывает, что спектр чувственного переживания в большей степени выражен у испытуемых в сфере интересов. Мы считаем, что это характерно для студентов первого курса, поскольку в ситуации становления профессионального самоопределения и адаптации к новым условиям появляются новые цели, проблемы, интересы, ситуации и события, которые наполняют коммуникативный мир личности и порождают соответствующие транскомуникативные состояния.

Наиболее выраженной является тенденция преобладания вербализации стресс-транс-формации по интересам. Показатель вербализации стресс-транс-формации по интересам в два раза превысил значение стресс-транс-формации по партнёрам. Таким образом, в процессах вербализации стресс-транс-формации и транс-стресс-формации студенты больше концентрируются на темах, проблемах, чем на партнёрах. Возможно, это связано с тем, что именно в ситуации адаптации интересы (темы, проблемы, события) становятся главными векторами развития коммуникативного мира личности студента.

При анализе факторов транскомуникативного потенциала мы увидели, что значимость *центрации* является наиболее выраженным показателем в системе транскомуникативных параметров. Она показывает степень концентрации жизненных проблем личности только в узком кругу близких партнеров общения. На начальном этапе работы группы у многих испытуемых прослеживалась тенденция к личностной закрытости, замкнутости и фиксированности на проблемах, затрагивающих внешнее коммуникативное пространство. Некоторые говорили: «Я никому не доверяю», «Об этом я разговариваю только с мамой» и т.д. Мы считаем, что это является прямым показателем закрытости личности.

После завершения групповой работы по невербальным показателям наблюдается увеличение вектора роста по партнерам и в еще большей степени по интересам. Показатель позитивных переживаний по интересам и по партнерам также имеет тенденцию к увеличению после завершения групповой работы. Таким образом, можно увидеть общую тенденцию изменений в коммуникативных мирах испытуемых после проведения групповой работы. Высказывания стали в большей степени характеризовать позитивное мировосприятие, а негативные переживания значительно сократились. Монологи испытуемых также стали более открытыми и содержательными, что проявилось в результатах, полученных по невербальному показателю «разнообразия шкальных типов», который демонстрирует увеличение степени открытости личности испытуемых в контексте их коммуникативного мира. Результаты анализа динамики невербальных показателей по ММКМ свидетельствуют, что негативные переживания, связанные с взаимодействием с внешним коммуникативным пространством, снизились благодаря работе испытуемых в группе «ЖО», а позитивные переживания, наоборот, увеличились. Все это может свидетельствовать о трансформации невербальных показателей транскомуникативных состояний личности испытуемых произошедших вследствие эффективной работы группы «ЖО».

Результаты, полученные по вербальным показателям ММКМ, показали, что произошла трансформация транскомуникативных состояний, которая имеет положительный характер. Это подтвердилось преобразованием (трансформацией) коммуникативного стресса в коммуникативный транс. Данная тенденция также проявилась в увеличении стресс-трансформации (СТФ) и снижении транс-стресс-формации (ТСФ). Подобная трансформация (СТФ превышает ТСФ) свидетельствует о том, что испытуемые находятся в процессе личностного роста и коммуникативного развития. Положительная динамика транскомуникативных состояний личности испытуемых в процессе групповой работы дает возможность говорить об эффективности проведенной работы путем работы группы «ЖО».

Необходимо отметить, что по факторам транскомуникативного потенциала также произошли положительные изменения. После завершения групповой работы было зафиксировано снижение показателей, характеризующих КСС (коммуникативное стресс-состояние), и увеличение степени выраженности КТС (коммуникативное транс-состояние). Таким образом, можно заключить, что произошла трансформация в коммуника-

тивных мирах испытуемых. Кроме того, параметры транскоммуникативных состояний после групповой работы стали наиболее выражены показателем *открытости*, где преобладание данного показателя находится в спектре «Перспективы», что демонстрирует направленность студентов на будущее и способов реализации ожидаемых перспектив. Данная тенденция также отразилась на высказываниях испытуемых. В монологах стали проявляться выражения, характеризующие рост экзистенциальной и коммуникативной открытости, обуславливающих личностный рост.

В подтверждение вышесказанного считаем необходимым, привести примеры выдержек, взятых из отзывов участников после завершения работы в группе «ЖО».

Пример 1. Участница В. *«...Я считаю, что такая форма работы, как группа «жизненного опыта», обязательно должна проводиться. Потому что у каждого человека в определенный жизненный период бывают проблемы, с которыми он не может самостоятельно справиться или как-то разрешить их. В группе, выслушав опыт других участников, находишь какой-нибудь выход из сложной ситуации. Еще бывает, что человек носит в себе проблему до последнего и не может поговорить даже с близкими, а в группе он решается рассказать свою ситуацию, потому что чувствует, что его поймут и поддержат».*

Пример 2. Участница К. *«Мне понравилось работать в группе «жизненного опыта». Я считаю, что такая форма работы полезна и особенно нужна, когда люди переживают сложные затруднительные ситуации. Я редко высказывалась и делилась опытом, но проблемы и опыт их решения других участников группы во многом помог мне переосмыслить свои собственные трудности и проблемы, а также сделать выводы на будущее».*

Пример 3. Участница Н. *«...Группа «жизненного опыта» дала мне возможность понять, что у каждого человека есть свой личный опыт, свои переживания по какой-либо ситуации и существует много способов решения трудных ситуаций. Можно найти выход из сложившейся ситуации, сделав вывод из жизненного опыта других людей. Группа дала мне возможность почувствовать, что я не одинока, что кто-то другой меня понимает и многим есть, что сказать. Я стала понимать, что любую проблему можно решить и что трудности на самом деле только закаляют человека».*

Таким образом, самоанализ изменений во многом соответствует изменениям параметров коммуникативного мира личности.

Подводя итог сравнительному анализу результатов ММКМ до и после групповой работы, можно заключить, что до проведения групповой работы у участников группы наиболее выраженными в сфере проблем были негативные переживания. Негативные переживания больше выражены по интересам, чем по партнерам. После проведения групповой работы наиболее выраженными стали позитивные переживания. Средние значения, демонстрирующие изменения позитивных переживаний в сфере интересов, многократно превысили средние значения изменений негативных переживаний в сфере интересов.

Кроме того, были обнаружены положительные изменения вербальных показателей в коммуникативных мирах участников группы. Так, в начале групповой работы у участников группы «ЖО» наиболее выраженным было состояние коммуникативного стресса. Коммуникативный стресс по интересам был больше выражен, чем по партнерам. По завершении групповой работы в коммуникативных мирах участников группы преобладало состояние коммуникативного транса, где средние значения стресс-транс-формации значительно превысили средние значения транс-стресс-формации.

Опыт, приобретенный участниками в группе «ЖО», положительно сказался на изменении факторов транскомуникативного потенциала, где изначально преобладал показатель *центрации*. В результате групповой работы детерминирующим фактором, определяющим транскомуникативный потенциал личности, стал показатель *открытости*.

Обобщая результаты теоретического анализа и эмпирического исследования особенностей коммуникативного мира личности студентов первого курса, можно сформулировать основные выявленные тенденции.

Было установлено, что коммуникация как специфическая, субъективная, динамичная детерминанта влияет на процесс развития личности, интенсивность ее роста, самоопределения, самоактуализации, реализации внутренних ресурсов и возможностей человека.

У студентов первого курса, проживающих ситуацию социально-психологической адаптации к новым транскомуникативным, средовым условиям, интенсивность переживания жизненных ситуаций и динамика транскомуникативных состояний характеризуются коммуникативным стрессом. Состояние коммуникативного стресса доминирует над состоянием коммуникативного транса и блокирует транскомуникативный потенциал личности и смысловой вектор ее роста.

Показано, что групповая форма работы в виде организации группы взаимопомощи, которая была названа нами группой «жизненного опы-

та», является эффективным средством в преобразовании (трансформации) транскомуникативных состояний, обуславливающих гармоничное развитие личности.

ЛИТЕРАТУРА

Бородина В.Н. Темпоральные проявления эффекта резкой перестройки сложившегося образа жизни (на предмете военнослужащих по призыву): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2009.

Двенадцать шагов и двенадцать традиций. Alcoholics Anonymous World Services, Inc. Нью-Йорк, 1989.

Кабрин В.И. Симптомокомплекс индивидуальности в коммуникативном мире личности // Вопросы педагогики и психологии высшей школы. Томск, 1980. С. 31–41.

Кабрин В.И. Транскомуникативная холодинамика психологического универсума личности (стресс-транс-формация) // Вестник Том. ун-та. 1999. № 268. С. 115–120.

Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.

Кабрин В.И. Ментальная структура и динамика коммуникативного мира личности: методология, методы, эмпирические исследования: Учеб.-метод. пособие. Томск, 2002.

Карпенко Л.А. Категориальный анализ понятий «общение» и «коммуникация» // Общение–2006: на пути к энциклопедическому знанию: Матер. междунар. конф. М.: Психологический институт РАО, Академия имиджелогии, 2006. С. 367–373.

Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск, 2005.

Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. Томск, 1999.

Леонтьев Д.А. Внутренний мир личности // Психология личности в трудах ответственных психологов. СПб.: Питер, 2000. С. 372–377.

Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 2005.

Трансформация личности: Нейролингвистическое программирование / Анализ и комм. О. Ксендзюк. Одесса: Хаджибей, 1995.

Фейгенберг Е.И., Асмолов А.Г. Некоторые аспекты исследования невербальной коммуникации: за порогом рациональности // Психол. журн. 1989. № 10; № 6. С. 58–67.

Хараи А.У. «Другой» и его функции в развитии «Я» // Общение и развитие психики / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во НИИ ОПП АПН СССР, 1986. С. 31–46.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М., 2000.

Цукерман Г.А. Виды общения в обучении. Томск: Пеленг, 1993.

Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д, 1998.

Юпитов А.В. Проблематика и особенности психологического консультирования в вузе // Вопр. психол. 1995. № 4. С. 49–55.

Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии. СПб.: Питер, 2000.

Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. N.Y.: Ballantine, 1972.

Craig R.T. Communication as a practice // G.J. Shepherd, J. St. John, & T. Striphas (Eds.). Communication as...: Perspectives on theory. 2006. P. 38–47.

РАЗДЕЛ 3. ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ТРАНСКОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАНИИ

ГЛАВА 9. ТРАНСКОММУНИКАЦИЯ КАК ОСНОВА ИННОВАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

9.1. Коммуникативная компетентность как ведущая компетенция современного профессионала

Если еще несколько лет назад умение человека осуществлять эффективную коммуникацию осознавалось, причем не только в общественном, но и в профессиональном сознании как умение, которое является существенным лишь в некоторых видах профессий, а именно относящихся к профессиям типа «человек–человек» – педагогам, психологам, менеджерам и т.п., то сейчас ситуация кардинально изменилась.

В настоящее время коммуникативная компетентность формулируется как одно из основных требований, выдвигаемых к высококвалифицированному специалисту в *любой* профессиональной сфере. По данным социологов, проводивших опрос работодателей в разных регионах страны (Макарова, 2006; Рыкун, 2005) относительно того, какие требования те предъявляют к современному выпускнику, оказалось, что один из основных дефицитов «рекрута» лежит в области коммуникации. Так, «претензии работодателей были связаны с низкими коммуникативными навыками, в том числе общения с работодателем и клиентурой, с отсутствием способности искать и находить информацию, низкой способностью к самопрезентации и презентации продукта. Содержание претензии состояло в том, что выпускники не готовы работать в реальном информационном (коммуникативном) пространстве, предполагающем инициативу и изобретательность в поиске источников, умение структурировать информацию, устанавливать рабочие контакты с живыми людьми и в итоге выдавать законченный продукт, который бы соответствовал задаче, поставленной заказчиком» (Рыкун, 2005). В этом же ряду лежат такие дефициты, как отсутствие умения и готовности работать в команде, низкие управленческие навыки, в том числе навыки самоорганизации,

отсутствие понимания структуры и направления деятельности организации, каналов и форм внутриорганизационного взаимодействия (Иванов, 2003; Рыкун, 2005).

С другой стороны, и сами студенты, и выпускники в качестве важнейших дефицитов собственного образования называют коммуникативные дефициты. Так, например, исследование, проведенное нами в Томском государственном университете, показало, что среди выделяемых студентами «профессионально значимых для современного менеджера умений, навыков, личностных качеств» первое место по объему (38 %) занимает блок коммуникативных компетенций. Причем важным моментом является то, что студенты не только выделяют это умение как обобщенное («коммуникабельность, умение профессионально выстраивать систему взаимоотношений с людьми»), но и дифференцируют его на составляющие коммуникативные умения и качества («тактичность, дипломатичность», «умение четко и ясно выражать свои мысли», «умение прислушиваться к мнению других»); определяют значимые профессиональные коммуникативные ситуации («работа в команде», «конфликтные ситуации», «ведение переговоров»), когда эти умения являются особенно необходимыми; вычленяют некоторые коммуникативные позиции и статусы (позиции «лидерства», «подчинения»), в которых востребованы разные коммуникативные умения; осознают необходимость специальных знаний для эффективного общения («знание психологии и умение применять эти знания в практике общения с людьми»).

Таким образом, приведенные выше результаты исследований позволяют сделать вывод о том, что коммуникативная компетентность становится одной из главных компетенций, необходимых высококвалифицированному специалисту практически в любой профессиональной сфере. В свою очередь высокая квалификация сегодня с необходимостью означает, в том числе, и умение осуществлять инновационную деятельность. Это подводит нас к следующему вопросу: любая ли коммуникация релевантна инновационной деятельности? Ответ очевиден – нет, не любая, но лишь обладающая определенной спецификой.

9.2. Психологические исследования коммуникации в ракурсе транспективного анализа

Для того чтобы определить эту специфику, воспользуемся тем мощным эвристическим потенциалом, который заключен в идее транспек-

тивного анализа (Клочко, 2005). «Транспективный – значит открывающий перспективу, выявляющий тенденции и направленность процесса развития» (С. 34). Обратимся к тенденциям становления научных психологических исследований коммуникации. Пожалуй, одним из первых, кто сконцентрировался на проблеме коммуникации как отдельной, самостоятельной социально-психологической проблеме, был Т. Шибутани (1969), работавший в рамках такого направления социальной психологии, как социальный интеракционизм. Это произошло в середине прошлого века. Содержательный фокус этих исследований отражен в самом названии – интеракционизм. Т. Шибутани сосредотачивается на изучении социального взаимодействия, а коммуникация понимается им как процесс организации согласованного действия. Если теперь вычленим тот доминирующий ракурс, в котором решалась проблема эффективной коммуникации (которая, в свою очередь, легко может быть переформулирована в проблему коммуникативной компетентности), то можно увидеть, что эта эффективность, по Т. Шибутани, обеспечивается, прежде всего, нормативностью и комплементарностью (взаимодополнительностью, взаимосогласованностью) социально-ролевых позиций участников этого процесса, а также используемых ими средств общения (вербальных и невербальных). То есть фактически в этой научной школе изучались закономерности того, что сейчас называют формально-ролевым общением.

Вторая четверть XX в. характеризуется переносом интереса социальных психологов с интерактивной стороны общения на информационную, а коммуникация понимается теперь преимущественно как процесс передачи информации. Американская социальная психология, опираясь на известную «пятичленку» Г. Лассуэла – «кто говорит, кому говорит, что говорит, как говорит, зачем говорит», начинает бурные эмпирические исследования факторов эффективной (в специфическом понимании) коммуникации (Майерс, 1998). Однако изучаются лишь первые четыре составляющие, тогда как пятая составляющая – «зачем говорит» – даже не обсуждается, так как ответ «очевиден» – для убеждения. Апофеозом этих исследований явилась знаменитая книга Д. Карнеги, где сформулированы самые изощренные принципы и способы манипулятивного убеждения.

Последняя четверть XX в. знаменуется появлением не менее знаменитой, но уже «в узких кругах», книгой Э. Шострома «Анти-Карнеги, или Человек-Манипулятор» (1992), которая манифестировала недопустимость и неэффективность отношения к человеку как к объекту манипуля-

ции и «возвращала» гуманистическое отношение к человеку в социальную психологию. Отечественные социальные психологи (надо отметить, что это было время, когда отечественная социальная психология только начинала свое становление) также фиксируют ущербность и ограниченность объектного отношения к человеку. Так, Г.М. Андреева (1980) настаивает на разведении понятий «коммуникация» и «общение», А.У. Хараш (1979) вводит представления о субъект-объектном и субъект-субъектном типах взаимодействия, выделяя тем самым ценностно-смысловой аспект коммуникации, который постепенно «приобретает» системообразующее значение (речь идет, конечно же, о научном исследовании, а не о реальном процессе коммуникации, в которой этот аспект всегда имел именно такое значение).

Американские психологи П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон (2000), изучая патологическую коммуникацию, обнаруживают, что, оставаясь в рамках понимания коммуникации как обмена информацией, невозможно разрешать конфликтные межличностные ситуации, необходимо трансцендировать, выйти за рамки, перейти в другое пространство: из «пространства» информации в «пространство» отношений. Для фиксации этой закономерности авторы вводят понятие метакоммуникации, тем самым также констатируя в качестве основного аспекта коммуникации ценностно-смысловой. Параллельно с этим направлением активно начинают изучаться экзистенциальные аспекты общения (Братченко, 1997; Бьюдженталь, 2001; Муравьева, 2003). Опираясь в основном на идеи российских и европейских философских диалогических концепций М.М. Бахтина, М. Бубера, Г.С. Батищева, А. Швейцера, а также «экзистенциальных» психологов Э. Фромма и В. Франкла, психологи развивают представления о глубинном общении как диалоге, его функциональных особенностях и характеристиках (Братченко, 1997; Бьюдженталь, 2001). Эти исследования также приводят психологов к положению о том, что определяющим фактором коммуникации является фактор отношения.

Одним из главных методологических следствий этих тенденций явилось то, что понятие коммуникации «превратилось» в междисциплинарное психологическое понятие, т.е. стало категорией не только социальной, но и общей, педагогической, клинической и др. психологий. Так, Б.Ф. Ломов в монографии «Методологические и теоретические проблемы психологии», опубликованной в 1984 г., обосновывает значение категории общения как общепсихологической категории: «Представляя собой существенную сторону реальной жизнедеятельности субъекта, общение

выступает поэтому и в роли важнейшей детерминанты всей системы психического, ее структуры, динамики и развития» (Ломов, 1984. С. 248).

И, наконец, можно зафиксировать последний к настоящему времени этап развития научных представлений о коммуникации, который связан с постмодернистскими подходами на Западе и со становлением и утверждением антропологического подхода в отечественной психологии. В исследованиях последнего десятилетия положение о том, что коммуникация является базовым процессом, конституирующим само существование человека, получает уже свою «постоянную прописку». К Герген (Gergen, 1994), формулируя так называемую «социорационалистическую метатеорию», постулирует, что в отличие от традиционной теории она исходит из того, что не внутренние процессы, происходящие внутри индивидуального сознания, производят то, что называется знанием, а социальный процесс коммуникации. «Рациональность порождается именно внутри процесса социального обмена» (Р. 207). Этот же подход реализуется и в исследовании эмоций. Сами эмоции объявляются социальными отношениями, и утверждается их фактическая социальная детерминация. «Перефразируя знаменитую формулу У. Джемса «Я плачу не потому, что мне грустно, а мне грустно, потому что я плачу», конструктивист утверждает: «Я злюсь не потому, что обижен несправедливо, а потому что этот поступок я определил на известном мне языке как несправедливый» (цит. по Шихиреву, 1999. С. 361). Эти положения образуют то, что К. Герген называет «эпистемологией», претендующей на статус «второй революции в психологии» (первой была когнитивная). Суть этой революции, по выражению К. Горгена, заключается в преобразовании тезиса Р. Декарта: «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, существую») в «*Communicamus ergo sum*» («Мы общаемся, следовательно, я существую»).

В российских исследованиях последних лет высказывается та же идея. В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев (1998) пишут: «...общительность, общность являются сущностным атрибутом человека. Он по самой своей природе есть «бытие для других». Проблема общности поэтому не только социальная или историческая; она при более глубоком рассмотрении является глубинно экзистенциальной проблемой». И далее: «... *д р у г о й* – не просто персонификатор культуры и источник общественно выработанных способностей, а фундаментальное онтологическое основание самой возможности возникновения человеческой субъективности, основание нормального развития и полноценной жизни человека» (С. 15).

В другой концепции, основанной на методологических принципах антропологического подхода, теории психологических систем В.Е. Ключко (2005) человек понимается как открытая, самоорганизующаяся психологическая система, подчиняющаяся принципу системной детерминации, который «предполагает, что во *взаимодействии* субъекта с объектом рождается новая реальность – сверхчувственная, т.е. не отражаемая органами чувств, системная... Через эту реальность человек получает возможность воздействовать на самого себя (самодетерминация) и реализовывать свои возможности» (курсив мой. – *О.М.*) (С. 102). Здесь надо отметить следующее. Несмотря на то, что в теоретических изысканиях вышеназванных авторов коммуникация еще не является прямым предметом их исследований (в качестве такового у В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева выступает субъективная реальность, у В.Е. Ключко – ментальное, или транссубъективное пространство), но тем не менее явно и однозначно постулируется, что именно коммуникация (какими бы терминами она не обозначалась: «общительность, общность» – в первом случае, «взаимодействие» – во втором) есть процесс, в котором «возникает» (Слободчиков, 1998), «порождается» (Ломов, 1984) психологическая реальность человека.

В коммуникативном подходе В.И. Кабрина (2005, 1999), еще одной концепции в рамках антропологической психологии, этот тезис уже становится основополагающим методологическим положением, а коммуникация – непосредственным предметом исследований. Понятия «коммуникация», «коммуникативность», «коммуникабельность» значительно расширяются по сравнению с теми же понятиями в традиционной психологии. Так, под коммуникацией автор понимает «универсальный информационно-энергетический смысло-творческий процесс» (Кабрин, 1999. С. 31). «Коммуникативность как интегральная характеристика личности имеет значительно большую глубину и радиус действия, нежели принято думать: в нее может включаться генетический опыт прошлых поколений и жизней, ключ к которому в обычных условиях чаще всего недоступен» (Ключко, 2005. С. 8). «Важно, что в феномене и понятии коммуникации главное – это передача информации, имеющей жизненный смысл» (Кабрин, 1999. С. 7).

Выявляя сущностные основания жизни, В.И. Кабрин опирается на идею К.Р. Роджерса о том, что *«жизнь есть постоянное самоперераствание, самопреодоление себя прежнего, ежемоментное пере-живание со-бытий и самого себя до неузнаваемости, при сохранении сути себя»* (цит. по Кабрину, 2005. С. 53). Учитывая эти признаки жизненного про-

цесса как развития, как «*пере-живания* многообразного информационного транзита и трансформации, метаморфоз и трансмутаций событий» (Кабрин, 1999. С. 54), автор вводит понятие транскомуникации. «Транскомуникация – это процесс общения между инаковыми и разнопорядковыми субъектами в интра- и интерперсональных планах; это сверхдинамичный, смыслообразующий процесс гармонизации разноразмерных миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса» (Кабрин, 2005. С. 54).

Позволю себе дать свою интерпретацию транскомуникации, несколько отличающуюся от авторской позиции не по сути, но по форме. С моей точки зрения, это не столько определенный тип или вид коммуникации, существующий наряду с другими (например, убеждающей или формально-ролевой, или конкурентной, или партнерской и т.д.), сколько особое качество общения. Именно это особое качество заключено в приставке «транс-». В.И. Кабрин (1999) отмечает, что в «обычном (иллюзорном) понимании *коммуникации как общения себе подобных*» имплицитно присутствует «идеальный (невозможный) вариант» взаимодействия. «Поэтому считается, что коммуникация тем лучше, чем определеннее (фиксированнее) дистанции, позиции, роли, языки, контексты и т.д. Реальное же человеческое общение как транскомуникация переживается (но редко осознается) в ежесекундных трансценденциях за пределы всех вышеуказанных определенностей» (С. 55).

Подводя итог представленной выше краткой ретроспективе исследований коммуникации в психологии, можно сформулировать следующие основные выводы. Первый – научное изучение коммуникации подчиняется общим тенденциям развития психологического знания, а именно тенденциям гуманизации, гуманитаризации и онтологизации (Клочко, 2005). Второй – происходит изменение места коммуникации в категориальном строе психологии: если раньше в качестве единицы анализа в психологии выступала деятельность, то сейчас ее постепенно начинает вытеснять коммуникация. Третий – современная психология формулирует тезис о том, что реальное *человеческое* общение (т.е. такое общение, в котором человек объективирует и проявляет себя в своей сущностной *человеческой* ипостаси) осуществляется как транскомуникация. И, наконец, четвертый вывод (а точнее, вывод-предположение) – психология, как всегда¹, осталась верна себе и чутко отреагировала на объективный социальный заказ (явно сформулированный на Западе или неявно выраженный у нас

¹ Достаточно вспомнить историю «появления» инстинкта агрессии в психоанализе З. Фрейда.

в стране), предложив концепцию транскомуникации, которая отвечает современным реалиям жизни человека и общества.

Проведенный транспективный анализ научных исследований коммуникации в психологии дает теоретические основания выдвинуть конкретную гипотезу в ответ на поставленный выше вопрос о том, какая коммуникация, какое взаимодействие является онтологическим основанием инновационной деятельности. Можно предположить, что в качестве такого выступает транскомуникация.

9.3. Транскомуникация в инновационных образовательных практиках

Проанализируем, подтверждается ли наша гипотеза в такой области профессиональной инновационной деятельности, как образование. Для проверки этой гипотезы необходимо установить эмпирические признаки транскомуникации в реальной инновационной деятельности.

Сначала представим определение транскомуникации. Автором теории транскомуникации В.И. Кабриным (2005) дается следующая дефиниция: «...транскомуникация – это процесс общения между *инаковыми* и *разнопорядковыми* субъектами в интра- и интерперсональных планах; это сверхдинамичный, смыслообразующий процесс гармонизации разноразмерных миров человека, открывающий в нем смысловое единство микро- и макрокосмоса» (С. 54). На основе представленного определения четко дифференцируем и конкретизируем феноменологические и функциональные признаки транскомуникации.

1. «*Транскомуникация – это процесс общения между **инаковыми** субъектами...*» В этом положении подчеркивается ценностное отношение субъекта коммуникации к партнеру и самому себе, открытость и реалистичность восприятия партнера, открытость и аутентичность собственного Я и собственной позиции. Следствием этого является обмен информацией, не ограниченный и не искаженный ожиданиями и стереотипами какого-либо рода (профессиональными, ролевыми, статусными, личностными, ситуативными и т.д.).

2. «*...и **разнопорядковыми** субъектами...*» Это означает, что субъект включен в коммуникацию с партнерами «разного порядка»: 1) людьми разного возраста, профессии, статуса, гражданской и национальной принадлежности, личностного типа и т.д.; 2) различными социальными группами; 3) культурными образцами, оформленными в виде текстов на-

учных, художественных или иных произведений; 4) произведениями искусства; 5) природой; 6) традицией; 7) Богом и т.д.¹

3. «...в **интра- и интерперсональных** планах...» Этот признак указывает на то, что общение происходит не только с внешними партнерами, но и во внутреннем, аутокоммуникативном плане, т.е. востребованными и актуализированными оказываются процессы рефлексии и саморефлексии, внутренний диалог.

4. «...это **сверхдинамичный процесс**...» В такой коммуникации уплотняется время. События, действия, мысли, идеи, эмоции стремительно сменяют друг друга. Такое общение предполагает и гибкую смену коммуникативных позиций, центраций, тем и т.д.

5. «...**смыслообразующий процесс**...» Результатом транскомуникации является порождение смыслов.

6. «...**процесс гармонизации** разноуровневых миров человека, открывающий в нем смысловое **единство** микро- и макрокосмоса». Этот признак указывает на то, что транскомуникативная динамика продвигает человека по пути индивидуации, т.е. актуализируются процессы дифференциации и интеграции. Субъективно отражаемым результатом этого являются позитивные эмоции, переживание удовлетворения и, как правило, эмоционального подъема, несмотря даже на то, что в самом процессе коммуникации могут возникать самые разные, в том числе и негативные, эмоции.

Конкретизировав признаки транскомуникации, обратимся теперь к эмпирическим данным и проанализируем, проявляются ли эти признаки в инновационной деятельности. В качестве эмпирического материала в нашем исследовании используются так называемые прецеденты и **реконструкции** собственного образовательного опыта, сделанные педаго-

¹ В этот же ряд можно поставить также и предмет, цели, ценностные и смысловые основания собственной деятельности человека. Ведь в процессе деятельности (если, конечно, это «настоящая, зрелая и полная» деятельность, а не урезанная до функционирования, воздействия манипуляция с объектом) всегда происходят содержательные и системные трансформации самой деятельности – порождаются новые смыслы, выстраивается новая иерархия мотивов, формулируются новые цели, меняется операциональный состав деятельности и т.п. Ведь сам предмет (мотив), цели и условия деятельности не есть реальность, но лишь то, что я полагаю как реальность. Действуя же в этой субъективной реальности, человек «встречается» (В.И. Кабрин) с реальным Миром, обладающим собственной активностью (в каком-то смысле субъектностью). И если человек открыт Миру, т.е. взаимодействует (а не воздействует или подчиняется, что тоже, конечно, возможно, а иногда даже необходимо, но все же является лишь частными случаями) с Ним, то он вынужден коммуницировать и со своими смыслами, мотивами, целями и т.д. То есть реальный Мир, воплощенный в материальных и идеальных предметах, является для человека партнером, взаимодействуя, коммуницируя с которым, он создает новую трансубъективную (В.Е. Ключко) реальность, внутри которой также происходит активный диалог.

гами, осуществляющими инновационную деятельность (С.Н. Колпакова, И.Ю. Коновалова, Т.А. Костенко, Н.В. Муха, Е.Д. Файзуллаева).

Рассмотрим первый выделяемый нами признак транскоммуникации – *общение между неадекватными субъектами* – в эмпирических свидетельствах инновационного образовательного опыта. Рассмотрим параметр ценностного отношения субъекта коммуникации к партнеру и самому себе. Можно констатировать, что во взаимодействии со всеми субъектами образовательного процесса мы наблюдаем именно такое отношение педагогов к своим партнерам. Это выражается и в том, как формулируют педагоги цели своей деятельности, и в том, что они слышат, принимают и разделяют тревоги и сомнения своих партнеров – учеников и родителей, и в том, что они пытаются не только, и даже не столько эмоционально, сколько деятельностно отвечать на эти тревоги и сомнения, и в том, что они гибко меняют свои коммуникативные позиции в зависимости от требований ситуации.

Приведем некоторые из таких эмпирических свидетельств:

«Образовательная инициатива дошкольника, на наш взгляд, является истинной ценностью в период обучения в школе. Имея эту инициативность, ребенок начинает осваивать и тренировать необходимые для учебы навыки в качестве образовательных средств. И делает он это без принуждения, с охотой», «То есть учебные действия, которые в дошкольных учреждениях возводят до практического навыка, должны стать не самоцелью, а средством для развития образовательного хотения ребенка» (*прецедент Е.Д. Файзуллаевой*).

«В принципе, родителю в данной ситуации было не важно, какими методами и способами мы будем пользоваться, важно, чтобы был результат. Но для меня как педагога подобная установка означала, что, скорее всего, придется каким-то образом ограничивать свободу ребенка. И в этом точка напряжения. Что и как ограничивать, для меня пока не совсем ясно» (*прецедент И.Ю. Коноваловой*).

«Борис Данилович привел в пример метафору о ребенке, который учится ходить. Он морально и физически готов к этому новому действию, но ему трудно осуществить его без помощи взрослого, который, дав ему руку, поможет организовать тело и направить действие. Взрослый постепенно отпустит руку, но без нее ребенок не сможет сделать первый шаг также быстро и эффективно. Таким образом, становящаяся деятельность нуждается в организующем начале, специальном сопровождении при переходе. Само собой научение не происходит. Но здесь нужно обратить

внимание на взаимосвязь и взаимодополняемость типа деятельности взрослого и ребенка» (*прецедент Н.В. Мухи*).

«Я поймал себя на мысли, что я сейчас как бы перестал быть учителем. Да и поведение детей говорило о том, что они не воспринимают меня сейчас «в роли». Когда я пытался вступать в разговор со своими версиями, со мной так же спорили и не соглашались, а то и не очень обращали на меня внимание. А раньше мое мнение часто и закрывало дискуссию» (*прецедент С.Н. Колпакова*).

Ценностное отношение к партнеру диалектично сочетается и с ценностным отношением к себе. Педагог, его Я, его ценности, смыслы, переживания, эмоции не теряются, не жестко подчинены партнеру, но также имеют ценность и значимость. Приведем высказывания, наиболее явно свидетельствующие об этом:

«Оказалось, что, работая с *детьми*, мы всегда очень сильно ориентировались на **интересы взрослых!**.. На встречах с родителями мы стали рассказывать о тех процессах, которые происходят с детьми, показывать их работы и пояснять, что важного формируется у детей: развиваются навыки письма и чтения, идет творческая работа, расширяется познавательная сфера ребенка, он учится самостоятельно «добывать» знания, повышается его самооценка, формируется устойчивость интереса к определенному виду деятельности» (*прецедент Е.Д. Файзуллаевой*).

«Скорее всего, необходимо будет еще раз предельно внимательно изучить теоретические основания педагогики и на сей раз обратиться уже не к опыту Марии Монтессори, а к себе. Нужно понять, в какой же степени на самом деле соотносятся мои представления о свободе с концепцией этой педагогики. И, самое главное, определив, где есть внутреннее несогласие, попытаться построить свою гармоничную концепцию «Я и Монтессори»» (*прецедент И.Ю. Коноваловой*).

Перейдем к анализу коммуникативных позиций педагогов по критерию *открытость – закрытость*. Первое, что обращает на себя внимание в представленных педагогами рефлексивных текстах, – это большая открытость самому себе как партнеру. Это выражается в значительной доле в общем объеме текстов собственных эмоциональных переживаний, вопросов, обращенных к самому себе, вербализациях личностных смыслов образовательных ситуаций, сомнений, размышлений, поиске аргументов. Соответствующие выдержки из внутренних диалогов педагогов приводятся ниже (по всему тексту параграфа). Сейчас же зафиксируем следующее, с нашей точки зрения, важное обстоятельство, касающееся

содержания внутренних диалогов. Не надо обладать большой наблюдательностью, чтобы заметить, что все эти размышления в основном связаны с негативными или проблемными моментами в собственной образовательной деятельности. Возникает вопрос, является ли это результатом естественной работы сознания, которому свойственно останавливаться именно в точках разрыва поведения и деятельности, или же это результат «работы» культурных стереотипов, свойственных российской ментальности – «неудобно, неловко, не принято» говорить о своих достоинствах и достижениях, или же это вообще что-либо третье? Наши данные не позволяют однозначно ответить на этот вопрос.

Итак, констатируя достаточно большую, хотя и поляризованную открытость самому себе, посмотрим, наблюдается ли эта открытость педагога в интеркоммуникативном плане, и если – да, то с какими партнерами. Здесь же картина не так однозначна. Если с коллегами педагоги и позволяют себе быть достаточно открытыми (причем, скорее, в варианте открытого предъявления своей деятельностной позиции, но не предъявление себя), то в ситуациях с детьми и родителями этого не наблюдается. На это указывает как метатекстовое содержание представленных материалов, так и некоторые, хотя и не очень многочисленные непосредственные высказывания. Приведем эти примеры:

«Честно говоря, вопрос этот меня саму взволновал и озадачил. От исчерпывающего ответа мне пришлось уклониться» (*прецедент И.Ю. Коноваловой*).

«Самый первый вопрос, который возникает при встрече с таким несоответствием желаемого и действительного, – а может быть не надо этого делать, если не получается ожидаемого эффекта? Может быть, не уместны такие серьезные послы к детям, избыточна открытость школы и доступ к открытым и разнообразным ресурсам, пока они не готовы со всем этим действовать адекватно?» (*прецедент Н.В. Мухи*).

Представленные выдержки показывают то, что педагоги практически не дают детям и родителям обратной связи в проблемных ситуациях, не открывают своей позиции, своего отношения, но «уходят» во внутренний, очень эмоциональный диалог с самим собой, зачастую прибегая к психологическим защитам.

Посмотрим, проявляется ли второй признак транскомуникации – общение с *разнопорядковыми* субъектами – в инновационных образовательных практиках? При анализе образовательных реконструкций и прецедентов сразу, что обращает на себя внимание, – это *разнообразие партнеров*, с которыми вступают в коммуникацию педагоги, участвующие

в инновационных образовательных практиках. Среди них и отдельный ребенок или подросток, и коллега, и родитель, и исследовательская инновационная группа, и культурные или социальные образцы, существующие в виде мировоззренческих систем, воплощенных в тех или иных теоретических концепциях (педагогика М. Монтессори, модель «Школы совместной деятельности» Г.Н. Прозументовой и т.д.) или в виде реальной образовательной практики, и непосредственные носители этих культурных образцов (Б.Д. Эльконин, Г.Н. Прозументова). Приведем эмпирические свидетельства из рефлексивных материалов.

Случаи, когда партнером является отдельный ребенок или подросток:

«Я остановила игру и, глядя на *Федю*, спросила...», «Продолжая работу со всей подгруппой, я подошла к нему, положила перед ним альбом и спросила...», «*Артем* показал, что он сделал дома...» (прецедент *Е.Д. Файзуллаевой*).

«Кирилла и Артема не было, Иван был, но в Интернете. Я попросила его показать афишу, которую они, видимо, уже сделали. *Иван* сказал, что ничего не сделано, потому что они не смогли, или им стало не интересно, а компьютер «вис», и он не должен один отвечать за всех...» (прецедент *Н.В. Мухи*).

Случаи, когда партнером является группа детей или подростков:

«Тогда я предложила ему обратиться к *стоящим рядом детям* и спросить их про это», «Я предложила *детям* выбрать, что мы будем делать дальше, поскольку у нас есть те ребята, которые хотят продолжить занятие, и есть те, которые не расположены к нему. Дети предложили продолжать занятие, а Феде заняться чем-то другим» (прецедент *Е.Д. Файзуллаевой*).

«В результате достаточно сложной креативной работы *по группам* появились некоторые идеи и текстовый материал для афиши-объявления. Как и полагается, все идеи были представлены и обсуждены» (прецедент *Н.В. Мухи*).

«*Инициативная группа*, состоящая из всех желающих учеников, обсудила организационные моменты и спланировала место и время проведения мероприятия» (прецедент *Т.А. Костенко*).

Приведем примеры случаев, когда партнерами выступают родители, сразу отметив, что в основном в образовательные ситуации включены родители детей дошкольного и младшего школьного возраста и отсутствуют примеры включенности родителей подросткового и старшего возраста.

«На встречах с родителями мы стали рассказывать о тех процессах, которые происходят с детьми...» (прецедент Е.Д. Файзуллаевой).

«В начале февраля этого года мне довелось консультировать родителей Вани Ш. На собеседование были приглашены и папа, и мама», «Мне захотелось поговорить с мамой еще раз» (прецедент И.Ю. Коноваловой).

«Встречи с родителями носили характер «нетрадиционных родительских собраний» с чаепитием и просмотром видеозаписей» (прецедент Т.А. Костенко).

Также многочисленны обращения к культурным образцам и их носителям:

«По Монтессори, свобода – понятие, скорее всего, естественнонаучное, относящееся к областям биологии и индивидуальной психологии...», «Я также, как и мама моего воспитанника, не до конца принимаю философию Марии Монтессори. Может быть, я пока не могу четко сформулировать, где происходит разрыв, но он есть. Не исключено, что противоречие возникло из-за недопонимания» (прецедент И.Ю. Коноваловой).

«При обсуждении описанных ситуаций с научным консультантом школы Б.Д. Элькониным...» (прецедент Н.В. Мухи).

«Посещая семинары и открытые уроки коллег, я видел немало случаев, когда дети на уроках «говорят», а не воспроизводят; когда педагоги не проходят и изучают учебный материал, а предлагают какие-то инициативы, разрабатывают с детьми проекты» (прецедент С.Н. Колпакова).

«Работа у нас в школе начинается с организации проблемного семинара с приглашением научного сообщества философского факультета ТГУ», «В ходе исследования по методике case-study группе разработчиков удалось сформулировать противоречие...» (прецедент Т.А. Костенко).

Рассмотрим, отвечает ли инновационная образовательная деятельность третьему признаку транскомуникации, т.е. происходит ли коммуникация в *интраперсональном* плане. Можно констатировать, что аутокоммуникация, общение с самим собой занимает очень большое место при осуществлении инновационной образовательной деятельности. Это проявляется в символизации своих эмоциональных переживаний, в задании самому себе многочисленных вопросов, вербализации личностных смыслов той или иной образовательной ситуации, нахождении аргументов «за» и «против» и т.п. Так как рефлексивный материал такого рода очень обширен, приведем лишь некоторые примеры.

«У меня возникло ощущение «провала»...», «У меня все время оставалось чувство неразрешенности, конфликта, напряжения и тревоги...», «Анализируя ситуации, происходящие с нами – взрослыми и детьми...» (прецедент Е.Д. Файзуллаевой).

«Собеседование произвело на меня впечатление, и еще долгое время мне приходилось мысленно прокручивать сказанное Ваниным отцом. Было некоторое чувство внутри меня, будто он четко проговорил не только сомнения и переживания, но еще и обозначил какой-то мой собственный образовательный дефицит», «Где ситуации расходятся? Что волнует меня?» (прецедент И.Ю. Коноваловой).

«Что же произошло? Почему я не смогла этого предвидеть? Что не было учтено? Чего не произошло?», «А был ли случай принятия пробы?.. Означает ли это, что педагогическое взаимодействие (тьюторское) на самом деле порождает демонстрацию форм поведения?..», «Что дает (или может давать в перспективе) такой способ видения содержания?» (прецедент Н.В. Мухи).

«Им снова понадобился учитель. Но для чего? Какова моя роль в этой ситуации?..» (прецедент С.Н. Колтакова).

«Что это? Заинтересованность в верном результате, а не в самом процессе? Сомнения в недостаточности контроля со стороны учителя? Недоверие к тому, что ребенок может быть прав?..» (прецедент Т.А. Костенко).

Остановимся теперь на таком признаке транскомуникации, как **сверхдинамичность** процесса. Напомним, что в этом признаке обобщаются такие характеристики коммуникации, как наполненность общения событиями, эмоциями, идеями и т.д., а также гибкость в смене коммуникативных позиций партнеров общения. Что касается характеристики наполненности, то во всех приводимых (как выше, так и ниже) эмпирических свидетельствах просматриваются динамичность, полнота и интенсивность проживания, причем не только педагогами, но и учениками образовательных ситуаций.

Более подробно проанализируем динамику коммуникативных позиций педагогов и их партнеров в инновационных образовательных практиках. Внимательный взгляд на эмпирический материал отмечает, что эти позиции естественным образом сменяют друг друга: позиция педагога «сверху» сменяется равенством, а потом перетекает в позицию «снизу», и наоборот. То есть происходит *гибкая* смена коммуникативных позиций субъектов образовательных ситуаций в зависимости от требований ситу-

ации. Здесь надо отметить, что, поскольку в этой части нашего исследования анализируется *динамика* процесса (что делает невозможным точечные фиксации, как это было сделано в предыдущих случаях), постольку эмпирические «вставки» занимают достаточно большой объем.

Выдержки из прецедента С.Н. Колпакова:

«Я проводил урок-погружение... Дети стали спорить, высказывать предположения, приводить аргументы в пользу той или иной версии, и урок вдруг «пошел» сам, стал спонтанно развиваться. Мое присутствие в этот момент на уроке было совершенно необязательным, и, если бы я вышел из класса, никто бы этого, наверно, не заметил... Я поймал себя на мысли, что я сейчас как бы перестал быть учителем. Да и поведение детей говорило о том, что они не воспринимают меня сейчас «в роли». Когда я пытался вступать в разговор со своими версиями, со мной так же спорили и не соглашались, а то и не очень обращали на меня внимание... *(позиции равенства)*.

Однако через некоторое время, когда одни и те же факты, одни и те же позиции стали повторяться, разговор стал утихать, взоры детей опять были направлены на меня. Им снова понадобился учитель. Но для чего? Какова моя роль в этой ситуации? *(ученики переходят в позицию снизу, тем самым заставляя учителя занять позицию сверху)*.

Потребность во мне как в учителе в данном случае заключалась в том, чтобы объяснить, что происходило сейчас, здесь. То есть предметом размышления стала не физика, а деятельность, точнее, наша совместная деятельность, случившаяся на уроке...

И мы стали думать вместе над тем, как оформить наши позиции. И размышляли мы не столько над самим явлением, а над тем, как (через что) каждый из нас увидел явление и проблему... *(вновь позиция равенства)*.

Что делать, когда прямо на глазах появляются, рождаются разные версии? Как вести себя педагогу, когда меня лишили функции «вещателя» информации, а заставили стать участником совместной деятельности, заставили участвовать и организовывать процессы понимания, договаривания, осмысления, соорганизации?» *(профессиональная позиция педагога из позиции «передатчика» знаний фактически трансформируется в позицию менеджера, организатора совместной деятельности)*.

В данном контексте интересно рассмотреть коммуникативную позицию педагога в случае, представленном Н.В. Мухой. В нем явно прослеживается доминирование лишь позиции равенства:

«Я предложила желающим и одновременно обладающим необходимыми умениями заняться этой работой отдельно (в компьютерном классе). Вызвались трое – Артем, Иван и Кирилл. Молодые люди заверили меня, что имели опыт производства подобных продуктов и что они делают работу прямо сегодня... Ничего не настораживало меня, мне казалось, что все идет прекрасно: на предыдущем этапе было коллективно разработано содержание, сегодня появится профессиональный продукт как результат усилий маленького профессионального коллектива.

В перерыве между уроками я зашла в компьютерный класс поинтересоваться, как идет работа. К моему удивлению, продукта еще не было ни в одной из его возможных стадий. Ребята сказали, что пробовали разные варианты (фона, шрифта, еще чего-то), но им ни один не понравился, и они решили начать все сначала. Но поскольку они вели себя уверенно, убеждали меня, что работа простая и они с легкостью справятся с ней за оставшееся время, я успокоилась и занялась следующим своим уроком, оставив их наедине с их же задачей. Я охотно верила в тот момент, что им не нужна никакая дополнительная помощь, ни, тем более, контроль, поскольку это привычное для них дело, в котором они разбираются лучше меня.

В конце второго урока я вернулась в компьютерный класс для того, чтобы получить продукт. Кирилл и Артема не было, Иван был, но в Интернете. Я попросила его показать афишу, которую они, видимо, уже сделали. Иван сказал, что ничего не сделано, потому что они не смогли или им стало не интересно, а компьютер «вис», и он не должен один отвечать за всех...

Такой исход дела поразил меня, я не была к этому готова. Я растерялась, поскольку не поняла, что произошло. Поведение ребят, предшествующее моей растерянности, настолько расходилось с результатом!..

Что же произошло? Почему я не смогла этого предвидеть? Что не было учтено? Чего не произошло?»

И далее, размышляя над этой проблемной ситуацией, сам педагог видит ее разрешение в смене позиции равенства на позицию неравенства:

«Таким образом, становящаяся деятельностью нуждается в организуемом начале, специальном сопровождении при переходе. Само собой научение не происходит. Но здесь нужно обратить внимание на взаимосвязь и взаимодополняемость типа деятельности взрослого и ребенка».

Такая же смена позиций равенства–неравенства наблюдается и в случаях коммуникации педагогов с культурными образцами.

В прецеденте И.Ю. Коноваловой явно прослеживается позиция диалогога:

«Я также, как и мама моего воспитанника, не до конца принимаю философию Марии Монтессори. Может быть, я пока не могу четко сформулировать, где происходит разрыв, но он есть... Нужно понять, в какой же степени на самом деле соотносятся мои представления о свободе с концепцией этой педагогики. И самое главное, определив, где есть внутреннее несогласие, попытаться построить свою гармоничную концепцию «Я и Монтессори».

А вот реконструкция С.Н. Колпакова демонстрирует уже подчиненную позицию педагога:

«Посещая семинары и открытые уроки коллег, я видел немало случаев, когда дети на уроках «говорят», а не воспроизводят; когда педагоги не проходят и изучают учебный материал, а предлагают какие-то инициативы, разрабатывают с детьми проекты... И чтобы попытаться их воспроизвести, я обратился к идеологии школы, к концепции педагогики совместной деятельности».

Из приведенных экспозиций видно, что наряду с подчиненной позицией по отношению к культурным образцам (в случае С.Н. Колпакова) явно наблюдается активный диалог (в случае И.Ю. Коноваловой), в котором позиции неравенства и равенства динамично сменяют друг друга. В ходе этой смены и происходит личностное самоопределение педагога как в соответствующей культурной традиции, так и в собственной образовательной деятельности.

Подводя итог проведенному анализу коммуникации по параметру коммуникативной позиции, следует зафиксировать один важный момент. Неравенство коммуникативных позиций характеризуется не насильственным и доминирующим характером, а конструктивно комплементарным, взаимодополняющим. Переход из позиции равенства в позицию «снизу» всегда носит добровольный характер и происходит в том случае, если один из участников коммуникативного процесса осознает недостаток собственных ресурсов в реализации каких-либо образовательных целей: выполнении конкретных задач в ходе урока или серии уроков, понимании ценностей и смыслов собственной деятельности, определении стратегической позиции по отношению к ребенку или родителям и т.д. В поведенческой своей характеристике этот переход осуществляется в виде просьбы-обращения к партнеру, обладающему такими ресурсами.

Сверхдинамичность коммуникации в инновационных образовательных практиках наблюдается и в специфическом качестве такого пара-

метра коммуникации, как характер центрации. Во всех представленных прецедентах в той или иной мере проявлена центрация на самом процессе образовательной деятельности (именно как деятельности, а не отдельных действий) и коммуникации в ней. Явно прослеживается, что фокус сознания диалектично и динамично меняет свою локализацию, в начале концентрируясь на задачах, плавно переходя к участникам ситуации, потом возвращаясь к целям и ценностям деятельности, пониманию своего места в ней и далее вновь обращаясь к ситуациям, тем же или уже другим. Покажем это на примере прецедента Е.Д. Файзуллаевой. Реконструируем динамику на достаточно объемном отрывке.

1. Центрация на *задаче*. «На одном из занятий, когда мы с детьми выполняли разминку, Федор (6 лет) настолько расшалился, что я была вынуждена срочно принимать какие-то меры, поскольку занятие срывалось. Дети смотрели на Федю, некоторые, подражая ему, кривлялись. Несмотря на то, что я проводила в течение нескольких лет разные занятия в этой группе с этими детьми, у меня возникло ощущение «провала». Фактически поведение Федора внесло сбой в «правильную картинку» наших занятий».

2. Центрация на *ребенке*. «Я остановила игру и, глядя на Федю, спросила: «Федя, как ты думаешь, ребятам что больше нравится – смотреть на тебя или правильно выполнять упражнения, чтобы чему-то научиться?»»

3. Центрация на *группе*. «Тогда я предложила ему обратиться к стоящим рядом детям и спросить их про это. Все стояли молча, выражение лиц детей показывало, что они увлечены происходящим. Федор, похихкивая, начал обращаться к детям».

4. Центрация на *ребенке*. «После этого Федя посмотрел на меня: «Что теперь?» Было тихо. Все, кроме Маши и Наташи, были серьезны... Федя молча, с серьезным видом присоединился к нам. Я увидела, что глаза у него заплаканы. Продолжая работу со всей подгруппой, я подошла к нему, положила перед ним альбом и спросила, чем он хочет заниматься».

5. Центрация на *себе*, своих эмоциях и переживаниях. «У меня все время оставалось чувство неразрешенности, конфликта, напряжения и тревоги».

6. Центрация на *взаимодействии*. «Что означало Федино решение продолжить участие в занятии? Удовлетворенности от этого не было ни у меня, ни у ребенка».

7. Центрация на *ребенке*. «Он «сломался»? Подчинился общим правилам или его привлек другой вид работы?»

8. Центрация на *группе*. «У меня не было уверенности, что конфликт интересов участников ситуации исчерпан». С другой стороны, именно это произвело «сбивку» сложившегося стереотипа, что позволило участникам ситуации в дальнейшем по-иному отнестись к занятиям по подготовке к школе».

9. Центрация на *ценностях* образовательной деятельности. «Анализируя этот случай и ряд подобных ситуаций, когда дети проявляли негативное отношение к «школьным» занятиям, я явно понимала, что обеспечение готовности ребенка к школьному обучению не должно ограничиваться отработкой необходимых для школы умений и навыков. Необходимо в данном случае создать еще дополнительные условия для формирования «ученической позиции», когда взрослеющий ребенок сможет осознанно почувствовать и разделить свое поведение (игровое и ученическое) в соответствии с тем видом деятельности, которым он занимается в данный момент. То, что другие дети были «послушными» на занятии, еще не говорит о сформированности их ученической позиции».

10. Центрация на *своей роли и функциях* в деятельности. «Еще я стремилась полноценно развить и поддержать познавательный интерес ребенка-дошкольника».

11. Центрация на *ценностях*. «Исследуя современную практику дошкольных учреждений, приходится констатировать, что уже на дошкольном этапе начинает возникать учебное принуждение. Что необходимо для того, чтобы не «сломать» образовательное хотение детей?»

12. Центрация на *ребенке*. «При этом мы сразу чувствовали реакции детей по отношению к подобным занятиям: интерес к ним был неустойчивым, часто дети отказывались выполнять те или иные задания, особенно относимые к домашнему выполнению, на занятиях они больше походили на послушных деток, чем на заинтересованных пытливых «почемучек».

13. Центрация на *ценностях*. «При этом оставалась неудовлетворенность от того, что имеющиеся традиционные образовательные программы и общепринятые методы в работе с детьми, установки родителей и большинства педагогов на интеллектуализацию детей затрудняют качественный переход детей к школьному обучению».

14. Центрация на себе, на *личностном смысле* собственной образовательной деятельности. «Что происходит с дошкольником и педагогом, когда взрослый (педагог) пытается сформировать, вызвать, развить образовательное хотение ребенка? Педагогам необходимо было искать ответ и на вопрос: на что направлено образование детей дошкольного возраста,

что начинает применять ребенок в этом процессе. В связи с этим нам показалось важным разделить процессы порождения образовательного хотения у дошкольника и его развития с помощью учебных средств. То есть учебные действия, которые в дошкольных учреждениях возводят до практического навыка, должны стать не самоцелью, а средством для развития образовательного хотения ребенка».

Этот отрывок показывает, как динамично сознание следует за развивающейся ситуацией. Однако эта динамика подчинена не ассоциативному хаосу потока сознания, в ней явно прослеживаются объединяющее начало, организующий принцип, в качестве которого выступают ценности и личностные смыслы собственной профессиональной деятельности. Центрация на процессе общения, а не на достижении результата приводит не только к производству какого-либо продукта, но всегда имеет генерализованный результат в виде личностного или психологического роста. Ориентация на процесс создает пространство свободы, в котором и педагоги, и ученики имеют возможность актуализировать свои собственные интенции, использовать мощный потенциал энергии самодетерминации и саморазвития.

Такая же сверхдинамичность наблюдается и в проявлении следующего признака транскомуникации – порождении *смыслов*. Буквально каждая из анализируемых здесь реконструкций собственного инновационного опыта характеризуется интенсивным процессом смыслопорождения.

«Оказалось, что, работая с *детьми*, мы всегда очень сильно ориентировались на интересы *взрослых!*» (прецедент *Е.Д. Файзуллаевой*).

«Еще и обозначил какой-то мой собственный образовательный дефицит» (прецедент *И.Ю. Коноваловой*).

«А может быть, оно само, по сути, является не тьюторским действием, а демонстрацией типа тьюторского поведения: забота о детях, о результатах, о том, что окажется на поверхности?..», «Таким образом, становящаяся деятельность нуждается в организующем начале, специальном сопровождении при переходе. Само собой научение не происходит» (прецедент *Н.В. Мухи*).

«Каким образом сделать так, чтобы результат устроил всех? И надо ли?..» (прецедент *Т.А. Костенко*).

«...Предметом размышления стала не физика, а деятельность, точнее, наша совместная деятельность, случившаяся на уроке» (прецедент *С.Н. Колтакова*).

«...Убедилась, что курс «возрастной психологии» жизненно необходим... Я поняла, что плохих детей не бывает. А если нам не удаётся «подобрать ключик» к ребёнку, то нужно не отталкивать его, а искать причину и в себе тоже. Для себя я усвоила, что самое главное в коллективе – это доверие и взаимное уважение. Вернувшись из летней гуманитарной школы я поняла, что хочу быть педагогом, хочу посвятить себя работе с весёлыми и неугомонными созданиями, имя которым – «дети». Благодаря «этой» школе я осознала, что сделала правильный выбор, переступив 3 года назад порог педагогического университета...» (*самоотчет Кати К., студентки 3-го курса филфака, из реконструкции Н.В. Волковой*).

«Школа дала широкие возможности общения как со сверстниками, так и со взрослыми. Возможность получить интересные и новые знания, а также возможность высказаться, отстаивать свою точку зрения. И ещё – возможность узнать себя, на что я способна. Это для меня так важно!...» (*самоотчет Алины М., ученицы 9-го кл., из реконструкции Н.В. Волковой*).

И, наконец, рассмотрим последний признак транскомуникации как «...процесса **гармонизации** разноразмерных миров человека, открывающий в нем смысловое **единство** микро- и макрокосмоса». Поскольку этот признак отражает исключительно внутренние трансформации и трансценденции, его наиболее трудно выразить в каких-либо не только поведенческих, но даже и феноменологических эмпирических критериях. Пожалуй, в качестве немногочисленных феноменологических проявлений может выступать генерализованное эмоциональное состояние, выраженное в формуле «трудно, но интересно», а также переживание единства (объединения) с партнером и неразделенности себя самого. Посмотрим, соответствуют ли этим критериям анализируемые нами прецеденты и реконструкции инновационной образовательной деятельности? Наиболее выпукло эти признаки выражены в самоотчетах школьников, студентов и преподавателей педагогического вуза, участвовавших в работе летней гуманитарной школы (*реконструкция Н.В. Волковой*).

Школьники: «Гуманитарная школа – замечательный проект. Очень понравилось, что здесь мы почти на равных с преподавателями университета, с вожатыми. Мы здесь учились, но как-то по-другому, не так, как в обычной школе. Очень хочу приехать ещё» (Вероника Ц., 7-й кл.); «Гуманитарная школа изменила мой внутренний мир» (Анна У., 7-й кл.); «Хочу, чтобы школа работала и дальше. А если будет возможность, и меня пригласят ещё, то я обязательно приеду» (Катя Г., 8-й кл.); «Мне очень здесь понравилось. Хочу, чтобы гуманитарная школа развивалась и чтобы в

неё стремились попасть школьники со всех школ города и чтобы в ней всегда работали такие замечательные преподаватели, как эти» (Павел Л., 9-й кл.).

Студенты БПГУ 4-го курса филологического факультета: «Работа в летней гуманитарной школе сложная, но интересная. Особенно это касается тех людей, которые находятся на пути непрерывного саморазвития, самосовершенствования, которые хотят другим помочь найти этот путь. За довольно короткий срок я обнаружила в себе те качества и способности, о которых раньше не знала... В общении с детьми наблюдались «взлёты» и «падения». Такая совместная деятельность (преподаватели, дети, студенты), участником которой я оказалась впервые, была мне не только интересна, но и близка по духу» (Люба Ц., помощник психолога). «Участие в работе школы открыло мне мир детей с другой стороны. В прошлом году я была вожатой в районном лагере «Колос». Дети из «Колоса» и дети из гуманитарной школы совершенно разные. «Гуманитарные» дети непростые в общении, с ними нужно вести себя по-другому – видеть в каждом из них личность, индивидуальность. Для меня было очень важно получить «другой» опыт общения с детьми. Мне было интересно, и я бы хотела продолжить эту работу. Спасибо! (Оксана А., вожатая). Считаю, что школа очень многое мне дала. У меня отношение к предмету филологии изменилось. Захотелось и самой заниматься углублённо. «Проснулись» наконец-то профессиональные педагогические качества: ответственность, обдумывание поступков, анализ своей деятельности. Для меня важно было понять, что все дети чем-то интересны, в некоторых случаях просто уникальны. Надо только «это» увидеть и поддержать (Наташа В., вожатая).

Преподаватели филологического факультета БПГУ: «Общение с детьми ещё раз утвердило во мне важность тех наблюдений, которые были вынесены также из общения с людьми (студентами, учащимися) разных возрастов. Мне представляется, что гуманитарная школа при всей её образовательной направленности имеет очень важную сверхзадачу духовного пробуждения личности. А это возможно в диалоге. В диалогическом общении учитель и ученик переживают настоящую духовную радость. Это радость единения и творчества, когда формируется доминанта на другом человеке, но вместе с тем сохраняется и вневходимость...»

«У преподавателей «снялось напряжение» в общении с детьми. Если в первой летней школе было заметно разделение «учебной» и «внеурочной» деятельности, то во второй летней школе с включённостью вожатых в совместную учебную деятельность эта грань постепенно «стиралась».

«Внеурочная» деятельность в этой школе отличалась абсолютной включённостью детей... Изменилось отношение детей друг к другу. Они стали принимать друг друга такими, какие они есть, и радоваться успехам другого. Эмоциональная сопричастность, принятие, доверие, желание поделиться сокровенным особенно проявились на «вечерних огоньках»...».

Подводя общий итог проведенному анализу эмпирического материала, можно констатировать, что коммуникация в условиях инновационной образовательной деятельности обнаруживает все признаки транскоммуникативного процесса. На основании этого можно сделать вывод о том, что коммуникация педагогов в образовательных инновациях имеет характер транскоммуникации.

9.4. Транскоммуникация как имманентное свойство инновации: концептуальная интерпретация результатов исследования

1. Анализируя различные определения инновации, или инновационной деятельности в технической или экономической сферах (Инновационная деятельность. Основные термины. <http://www.sci-innov.ru/docs/104/>; Инновационный процесс в странах развитого капитализма, 1991; Санто, 1990; Твисс, 1989), можно выделить следующие основные признаки: инновация – это не просто создание чего-либо нового, но это обязательно внедрение, использование этого нового, «преобразование новшества в продукцию», причем всегда прибыльное использование, «введение нового продукта на рынок». Если не выходить за рамки технико-экономической научной предметности, то это определение, несомненно, является исчерпывающим. Однако человек, не отягощенный жесткими методологическими рамками науки, но владеющий самыми элементарными навыками логического анализа и обобщения, естественным образом задаст недоумевающий вопрос: а «где же» в этом определении тот самый *субъект*, который творит нечто новое и прибыльно это новое использует? В известной степени этот вопрос при всей его очевидной логической обоснованности до недавнего времени и не мог быть обоснован практически (по крайней мере, у нас в стране), так как инновационность представлялась скорее эпифеноменом какой-либо профессиональной деятельности, этаким желательным (а впрочем, зачастую даже нежелательным), но необязательным качеством или компонентом. Но поскольку творчество и объективация себя в актах и продуктах творения, по мнению очень большого числа исследователей (Б.С. Братуся, А.В. Брушлинского, А. Маслоу, К.Р. Роджерса, С.Л. Рубинштейна, Э. Фромма и многих

других), является сущностной характеристикой человека, способом его существования, то, конечно же, люди, следуя своей природе, не могли не производить (хотя бы некоторые, хотя бы иногда) то, что сейчас называют инновациями. Наука же по большому счету не полагала эту реальность предметом своего исследования, за исключением не очень многочисленных исследований в области психологии, причем проблема формулировалась в терминах творчества, креативности скорее как некоторых внутренних психологических характеристик человека, но не характеристик его деятельности. Фактически, лишь подступив к этим проблемам, сама психология ограничивалась крайне абстрактным (плохо операционализированным) указанием на то, что творчество (творение, созидание) хоть и является базовой экзистенциальной потребностью человека (Э. Фромм), однако как психологическая характеристика свойственна лишь людям, достигшим определенного уровня личностной зрелости – уровня самоактуализации (А. Маслоу) или полноценного функционирования (К.Р. Роджерс). Такое положение дел в научной психологии привело к целому ряду как позитивных¹, так и, к сожалению, негативных последствий не столько в самой психологии², сколько в прикладных областях. Те области социальной практики (такие, как педагогика, менеджмент и т.д.), для которых психология является одной из фундаментальных научных дисциплин, вполне признали практическую ценность тезиса о том, что способность творить свойственна человеческой *природе*, но актуализация и объективация этой способности происходит отнюдь не всегда. Встречаясь же с непроработанностью, неоперационализированностью этого положения в самой психологии, представители прикладных областей вынуждены были сами что-то «с этим» делать. Но то, что они «с этим» делают, к сожалению, адекватно выражается лишь формулой: «это было бы смешно, если не было бы так грустно». Так, например, традиционная педагогическая практика фактически свелась к «демагогическим заклинаниям» о том, что надо «воспитывать, формировать» творческую личность³.

¹ Одним из безусловно позитивных моментов является фальсификация таких «объяснительных конструкторов», как выделение из всего спектра профессий крайне малочисленной группы так называемых творческих профессий, работать в которых могут особые люди, обладающие талантом, харизмой, Божьим даром. Такое антидемократическое по своей сути утверждение, делящее всех на людей первого и второго сорта, не оставляло для большинства другого выбора, кроме как влечь примитивное, рутинное существование.

² Сама психология достаточно реалистично и критично оценивала эти исследования, признавая их ценность, но и осознавая определенную односторонность, обусловленную, прежде всего, методологическими ограничениями.

³ Кстати сказать, если на уровне педагогических исследований эти призывы действительно выглядят как демагогические, то на уровне педагогической практики ситуация не так безобидна. Президент обращает запрос «формировать творческую личность» к педа-

Второе направление исследований, сопрягающихся по тематике, осуществлялось в контексте проблемы одаренности и уровня развития интеллекта (Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека, 1988; Холодная, 1997). Характерной особенностью этих исследований было то, что они осуществлялись в рамках двухфакторной модели (наследственности и среды)¹, и это несмотря на то, что еще в 60–70-х гг. прошлого века А.Н. Леонтьев обосновал несостоятельность этой парадигмальной схемы. Однако адекватные методологические и теоретические «инструменты» в то время еще не были созданы². И сам Алексей Николаевич, и большинство его последователей сосредоточивались на изучении структурных и типологических аспектов деятельности, тогда как экзистенциальные, феноменологические и процессуальные аспекты ждали своего часа. Этот час настал в начале XXI в. и увенчался оформлением новой методологии – антропологического подхода в психологии, который положил в качестве своего предмета самого *человека* (а не отдельные его психологические свойства, структуры, функции), сосредоточившись на проблеме *способа* его существования. Можно сказать, что психология наконец-то методологически созрела для реализации положения, которое уже давно сформулировано в обыденном сознании – продуктивность человека определяется «на 10 % способностями и на 90 % – трудом». Наука задалась вопросом: каков этот труд?³

гогическим» чиновникам, те – к учителю, а учитель, не вооруженный конкретными технологиями его исполнения, также «находит крайнего» – ученика. Именно к ученику, в конечном итоге, обращено требование, чтобы тот «творчески развивался», при этом за учителем остается очень комфортная и лично выгодная функция «интуитивной» оценки того, насколько тот или иной ученик соответствует идеалу «творческой». Ситуация обычная: «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». (Конечно же, речь идет о системе, а не о частных случаях педагогической практики.)

¹ В контексте обсуждения проблемы образовательных инноваций небезынтересным было бы привести один факт, обнаруженный в исследованиях американского психолога Д. Саймонтона (Simonton, 1978), методологической основой которых и была двухфакторная модель. Ученый обнаружил четыре макросоциальных фактора, влияющих на становление интеллектуально одаренных людей. К числу позитивных для развития одаренности факторов Д. Саймонтоном относят наличие ролевой модели одаренного человека. В качестве негативного фактора, наряду с войной и политической нестабильностью, Д. Саймонтоном называет традиционное образование, которое повышает потенциал одаренности до определенного предела, после которого имеет место негативный эффект, вследствие усиления приверженности общепринятым методам решения проблем.

² Надо отметить, что это не совсем так. Во времена А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина работает С.Л. Рубинштейн, начинает свои разработки В.П. Зинченко, в 80–90-е гг. появляются исследования Б.С. Братуся, В.И. Кабрина, В.Е. Клочко, В.И. Слободчикова. Однако их идеи были идеологически не востребованы и даже, более того, нежелательны, и потому не могли стать «столбовой дорогой» психологии.

³ Одним из следствий этого являлась «психологизация» исследований в педагогике. За

2. Один из вариантов ответа на этот вопрос предлагается в «стратегии гуманитарного исследования образовательных инноваций», сформулированной Г.Н. Позументовой. Исходным тезисом для построения этой стратегии является положение М. Хайдеггера о том, что «понять образование и становление человека можно только изучая место и способ его личного присутствия в мире, т.е. исследуя Dasein человека, его бытие-в-мире. При этом человеку необходимо понять и тот «несобственный» способ жизни, из которого он вырастает, и переход от «несобственного» к «собственному» способу жизни, и, конечно, сам этот «собственный» способ» (Переход к открытому образовательному пространству, 2005. С. 82).

Пытаясь обозначить характеристики «собственного» и «несобственного» способов жизни и опираясь при этом на исследования Э. Гуссерля, М.К. Мамардашвили, В. Франкла, М. Фуко, Г.П. Щедровицкого и др., Г.Н. Позументова обобщает экзистенциально-феноменологические признаки «собственного» способа жизни. Это – «преодоление нормативности», «своего тождества с миром», а значит, это «смысловой скачок из повседневности», необходимым условием которого являются «проработка, расшифровка, истолкование впечатлений» и «материализация бестелесного, появление идеальных форм жизни, т.е. личного смысла события». Такой «скачок из повседневности» неизбежно сопровождается «эмоциональным, интеллектуальным, коммуникативным, рефлексивным, деятельностным, смысловым *напряжением*», когда человек совершает «нечеловеческие» (М.К. Мамардашвили) усилия для того, чтобы «вырвать себя у себя» (М. Фуко) (Там же. С. 75–76).

Делая следующий шаг по пути «восхождения от абстрактного к конкретному» попробуем понять, что происходит с ментальным (трансубъективным) пространством (В.Е. Клочко) человека, когда он прерывает свое «тождество с миром». Мир – идеи, предметы, другие люди, сам человек – в своих застывших, анонимных формах «разрушается», «приобретая» качества неопределенности, инаковости, ценностности и динамичности. Именно поэтому только сейчас становится возможным настоящее взаимодействие (а не воздействие и манипуляция, или же, наоборот, адаптация и реагирование) человека с Миром. «Переживая», «прорабатывая» (М.К. Мамардашвили) и рефлексирова этот инаковый, неопределенный Мир, человек и должен *определить* его. Это определение происходит как рождение принципиально новых (а значит, творческих, инновационных) значений, смыслов, ценностей, т.е. тех самых сверхчувственных систем-

свидетельствами «далеко ходить не надо»: достаточно посмотреть списки библиографических источников, на которые ссылаются педагоги-исследователи.

ных качеств, о появлении которых свидетельствует процесс «материализации бестелесного» (М. Фуко), «становления ментального (транссубъективного) пространства человека» (В.Е. Ключко).

Таким образом, делает общий вывод Г.Н. Прозументова, «собственный» способ жизни человека есть «особая *связь* человека с миром» (курсив мой. – *О.М.*). Но если это так, значит «собственный» способ жизни по своей природе коммуникативен. Сравнивая же феноменологические признаки «собственного» способа жизни с признаками, при помощи которых В.И. Кабрин определяет понятие транскоммуникации (см. п. 8.3 данной главы), легко усматриваются прямые совпадения. Следовательно, «собственный» способ жизни и есть не что иное, как транскоммуникация. Поэтому нет ничего удивительного в том, что инновационные образовательные прецеденты, анализ которых был проведен нами в рамках настоящего исследования, обнаружили все признаки транскоммуникации. Ведь сам способ отнесения этих образовательных прецедентов к категории образовательных инноваций базировался на принципе совершения субъектом «действий, направленных на создание мест и способов своего личного присутствия, участия, влияния на образования» (Переход к открытому образовательному пространству, 2005. С. 33).

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1980.
- Братченко С.Л.* Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 201–222.
- Бюдженаль Дж.* Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001.
- Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д.* Психология межличностных коммуникаций. СПб.: Питер, 2000.
- Иванов Д.Л., Митрофанов А.Л., Соколова О.В.* Компетентностный подход в образовании. Проблемы, понятия, инструментарий: Учеб.-метод. пособие. М.: АПК и ПРО, 2003.
- Инновационная деятельность. Основные термины.* <http://www.sci-innov.ru/docs/104/>
- Инновационный процесс в странах развитого капитализма (методы, формы, механизм)* / Под ред. И.Е. Рудаковой. М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Кабрин В.И.* Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005.
- Кабрин В.И.* Транскоммуникативная холодинамика психологического универсума личности (стресс-транс-формация) // Вестник Том. гос. ун-та. Томск, 1999. № 268. Ноябрь. С. 115–120.
- Ключко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансперспективный анализ). Томск, 2005.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

- Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1998.
- Макарова М.Н.* Факторы и механизмы взаимосвязи профессионального образования и рынка труда (на примере Удмуртской Республики) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2006. №3. С. 106–122.
- Муравьева О.И.* Стратегии общения в структуре коммуникативной компетентности. Томск, 2003.
- Переход к открытому образовательному пространству. Ч. 1. Феноменология образовательных инноваций / Под ред. Г.Н. Прокументовой.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.
- Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека / Под ред. И.В. Равич-Щербо.* М.: Педагогика, 1988.
- Рыкун А.Ю., Южанинов К.М., Матулис В.В., Мухин Л.Н.* Региональная система высшего образования и рынок труда. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.
- Санто Б.* Инновация как средство экономического развития / Пер. с венг. М.: Прогресс, 1990.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Антропологический принцип в психологии развития // Вопр. психол. 1998. №6. С. 3–17.
- Современная психология мотивации: Сб. статей / Под ред. Д.А. Леонтьева.* М.: Смысл, 2002.
- Твисс Б.* Управление научно-техническими нововведениями. М.: Экономика, 1989.
- Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск: Изд-во Том. ун-та; Москва, 1997.
- Шибутани Т.* Социальная психология. М.: Наука, 1969.
- Шихирев П.Н.* Современная социальная психология. М.: Институт психологии РАН КПСС+Академический проект, 1999.
- Шостром Э.* Анти-Карнеги, или Человек-Манипулятор. Минск, 1992.
- Хараиш А.У.* Личность, сознание и общение: к обоснованию интерсубъектного подхода в исследовании коммуникативных воздействий // Психолого-педагогические проблемы общения. М., 1979.
- Gergen K.* Realities and relationships. Soundings in social construction. Harward University Press, 1994.
- Simonton D.K.* The eminent genius in history: The critical role of creative development // Gifted Child Quarterly. 1978. P. 187–195.

ГЛАВА 10. НОЭТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ТРАНСКОММУНИКАТИВНОЙ ПОТЕНЦИАЛИЗАЦИИ БАЗОВЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОБРАЗОВАНИИ¹

Источник проблемы релевантного проживания и представления психологического опыта наиболее рельефно обнаруживается в метаисторическом контексте. Неразрешенность проблемы двуединства психологического знания, с одной стороны, уходит вглубь веков и поэтому, возможно, имеет доисторические корни, а с другой стороны, анализ современных ее разработок, включая причудливые вариации постмодерна, трансперсональной и холистической психологии, позволяет предположить, что она сохранится и на рубеже «конца истории» (Вульф, Ректор, 1994; Уилбер, 2004). И это несмотря на то, что суть проблемы исходно выглядит довольно простой. Чисто интроспективный (субъективный) анализ душевной жизни до сих пор представляется неубедительным в рамках современных научных парадигм, хотя и претендует на максимальную релевантность, «близость к объекту». В то же время вся история изощренных попыток объективации душевного мира человека остается неудовлетворительной (слаборелевантной) с точки зрения даже самих психологов, не говоря уже о заинтересованных исследователях смежных областей (от биологии до теологии).

Даже убедительно показанная в свое время С.Л. Рубинштейном принципиальная субъектность, латентность, сокровенность и недоступность душевной жизни внешнему наблюдению и анализу не привела к прекращению настойчивого поиска экспликаций психологических интенций, диспозиций и качеств, особенно на уровне вербальных проявлений (Рубинштейн, 2006; Шерток, 1982). Это так естественно, если учесть, что человек сам этого очень хочет независимо от намерений исследователя.

К сожалению, мне не встретилось ни одного фундаментального исследования очень давно сформулированной максимы Ф.И. Тютчева: «Мысль, изреченная есть ложь». Тем более трудно представить, чтобы сами психологи попробовали найти способы реанимирования тысяч «вербальных трупиков» в сотнях опросников, с которыми по-прежнему

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 09-06-00395а).

производят многозначительные операции сложения, умножения и деления, получая так называемые количественные показатели.

Экспериментируя с динамикой, ритмикой, эротикой... текста, художники издревле работают со значительно более живыми отображениями душевной жизни, что в свое время с грустью отметил Г. Олпорт (1999, 2002). Конечно, проективные методики и трансперсональные практики, кажется, существенно приближают нас к «выражению» собственно душевных движений. Однако они тут же попадают в известные наукообразные парадигмы, ни одна из которых не решает вышеозначенную *базовую онтологическую проблему* и ограничивается «условным решением» в меру своей специфики – от физиологической до трансперсональной. Наиболее честную интерпретацию субъективного опыта мы обнаруживаем именно в последней (по сути, самой масштабной), где главной чертой истинно духовного опыта является *невывразимость* (в духе многих восточных традиций).

10.1. К метаистории нозтического источника транскомуникации

В таком контексте возможно представить исторический и стратегический смысл *транскомуникативной парадигмы* в понимании и проявлении удивительной онтологии душевной жизни человека.

Прежде всего важно отметить осмысление доисторических следов человеческой жизни. И наскальные пещерные изображения «потусторонних ладоней», и ритуальные символы, амулеты, коллективные обряды общения с «высшими силами» (жертвоприношения, захоронения, мистерии) говорят об *изначальном трансцендентальном векторе коммуникации* древних (вопреки дарвинистской парадигме).

Еще более важное следствие этого – *пракоммуникация* – уже была *метакоммуникацией*, т.е. наполненной, заряженной сверхидеей, таинственной для ее искателей и последователей. Мы не будем глубоко погружаться в этот завораживающий мир первичного целомудренного единства человека и космоса, хотя, может быть, именно там находятся ответы на ключевые вопросы антропологии. Возвратимся к «осевому времени» начала истории (К. Ясперс), чтобы увидеть, что здесь еще не произошла *фрагментация* коммуникативного и трансцендентального (эйдетического) в человеке (Ясперс, 1994).

Если выразить это намеренно фигурально, то здесь Сократ и Платон образуют вершину культурно-исторического «конуса» (имею в виду «Ди-

алогии»), лучи которого постепенно в истории расходились все дальше друг от друга, так, что все более уплощенные (технократические) представления о коммуникации стали упираться в утилитарную проблематику, а живые транскомуникабельные эйдосы-идеи Платона превратились в абстрактные «ноумены» И. Канта, «ноэмы» и «ноэзы» Э. Гуссерля, т.е. в понятия, категории (Платон, 1999). При этом приписывать ответственность Платону за выхолощенные категориальные абстракции немецкой философии выглядит по меньшей мере наивно (Хабермас, 2006), а представлять Сократа чудачком, спутавшим идею и жизнь и принявшим глупую смерть, было бы уже цинизмом.

В этот ключевой период истории западного мировоззрения, не противопоставлявшего себя восточному, в «Диалогах» Платона (1999) обрела жизнь и развитие *идея ноэзиса*.

Строго говоря, образ идеи (или идея образа) Нуса (ноуса) возникла у Анаксагора, одного из первых по-настоящему опальных западных философов. Подразумевая под ноусом источник активного интуитивного ума, организующего материальные процессы и пронизывающего их, он отметил его принципиальное качество *несмешиваемости* с этой материальной стороной жизни.

Это единство проникающей активности и несмешиваемости ноэтического в физическом оказалось крепким орешком для всей классической философии и уже постнеклассической физики (Бом, 1992). Многим здесь виделся, с одной стороны, дуализм, разграниченность материи и духа, которого на самом деле нет (Уилбер, 2004), с другой – как следствие невозможность холистического единства, которое на самом деле есть (Шелдрейк, 2005).

Проблема заостряется еще тем, что феноменология душевной, психологической динамики эйдосов показывает ее удивительную свободу относительно фундаментальных свойств физического мира – *транстемпоральность, гиперпространственность, сокровенность* (информации) и *«преэнергетичность»* (отмеченная в идеомоторных актах и ауотренинге) (Кабрин, 2002, 2005а). И здесь самое время вспомнить о *свободе выбора* Сократа в его диалогах в отношении к жизни в целом, свободе жертвования древних в отношении «высших сил» в мистической, трансцендентной коммуникации.

Свобода смыслообразования в ноэтическом процессе и свобода вхождения в транскомуникацию (вплоть до вхождения в мир иной) оказываются очень соразмерны и синхронистичны (Юнг, 1997). Можно

предположить, что это две стороны, два плана единой душевной жизни в ноэзисе.

Эту «совестную», ответственную или отзывчивую свободу целостной душевной жизни в ноэзисе осознавали и отмечали очень разные мыслители многих эпох. Я назову лишь последних, и, тех, к кому не могу не апеллировать в этой работе в психолого-антропологическом аспекте. В ноэтическом смысле они синхроничны и соразмерны, поэтому напишу их в алфавитном порядке: Р. Ассаджиоли (2008); М.М. Бахтин (1979); Г. Бейтсон (2000); А. Ван Каам (1998); В.И. Вернадский (1998); Ст. Гроф (1995, 2002, 1994); З. Луиджи (2004); А. Маслоу (1997); В.В. Налимов (1989); П. Тиллих (1995); Дж. Уайт (1996); К. Уилбер (2004); В. Франкл (1990); Т.Д. Шарден (1997); Р. Шелдрейк (2005); К. Юнг (1997а, 1997б, 1996); К. Ясперс (1994).

Если я кого-то забыл или еще не знаю – это не так важно, поскольку каждый из них является входом в голографическую ноэтическую вселенную.

10.2. Транскомуникативный универсум исследования ноодинамики душевной жизни человека

Выше были очерчены самые общие контуры метаисторической вертикали развития в понимании масштаба и глубины коммуникативной природы проявления ноэтического процесса на уровне душевной жизни человека. При этом пришлось избежать множества напрашивающихся детализаций, поскольку основная задача данной работы – раскрытие основных аспектов транскомуникативной парадигмы как постметодологической перспективы антропологической психологии.

Замечу, что также вынужденно выпускаю из рассмотрения *горизонтальный план* уже многочисленных работ, в которых *человеческая коммуникация выступает как предмет исследования* в различных междисциплинарных ракурсах. В ситуации «парадигмального сдвига» возникает необходимость очертить многомерный и многоуровневый «коммуникативный экран», точнее, «транскомуникативный универсум», в котором бы непосредственно проживалось и выражалось все *многообразие ноодинамики душевной жизни*, определяющее её качество, полноценность и эффективность.

И здесь настало время заострить специфику проблемы. Ноодинамика, эйдетика воображаемого – это *неочевидная* сторона коммуникации,

синхронистичная ее особым степеням свободы, т.е. *неочевидным*, отличающимся от степеней свободы физического мира (Ассаджиоли, 2008; Полборн, 2003). *Свобода смыслообразования* от непосредственных и любых опосредованных дистантных детерминант физической ситуации и возможность смыслообразования по соответствию с высшими ценностями (В. Франкл) или в *глубине совести* (К. Ясперс) – это иной ракурс той же *принципиальной свободы транскомуникативной ноодинамики человека*. В этом суть специфики транскомуникативной парадигмы в психологии (и смежных науках) в отличие от деятельностного, системного, синергетического и холодинамического подходов, не замечающих принципиального значения коммуникативно-ноэтической свободы человека. Позволю себе несколько афористических комментариев к этому.

– *Душевность не закована в отражательность*. Если микроскопом можно забивать гвозди, то это не значит, что он не обладает существенно более важными возможностями. Если в эйдосах-образах отражаются предметы физического мира, это не значит, что они не обладают более важными свойствами – выходить за рамки очевидности.

– Высокоорганизованные (нетривиальные) свойства систем (саморазвитие, целеустремленность, самопотенциализация) невозможно объяснить даже во множестве петель обратных связей без ноокоммуникативного выхода в новые степени свободы, предлагающего транссубъективные отношения более высокого порядка (Капра, 2003).

– Приписывание самой материи (физическому) сверхъестественных холодинамических возможностей на основе постулирования «скрытого порядка» или «сома-значимости» выглядит новой антропоморфизацией материи (неоанимизм, неоматериализм) (Бом, 1992).

– Слепая случайность бифуркации просто не соотносима с принципиально новыми степенями свободы ноокоммуникабельности, переживаемыми и понимаемыми человеком в виде транстемпоральности, гиперпространственности, сокровенно-значимости и презнергетичности.

– Если в деятельностном подходе коммуникация (общение) рассматривается как вид деятельности, то в транскомуникативной парадигме сама деятельность является лишь одним из видов общения с миром или человеком, причем *недеяние* (поступок) может стать высшей формой транскомуникации. («Истинный джентельмен тот, кто умеет играть на саксофоне, но никогда этого не делает» – Б. Шоу).

Теперь рассмотрим более систематично основные уровни и планы транскомуникативного универсума, в котором реализуется, выражается неочевидная ноодинамика душевной жизни человека с ее неординарны-

ми степенями свободы (воображаемого). Сформулируем базовое допущение.

Свобода встречи. В физическом мире мы находимся в пучине взаимодействия с их соответствующими детерминациями – это фатально. Коммуникация в отличие от взаимодействия всегда может быть свободна от этих физических детерминаций. Поэтому наши встречи *возможны, но не гарантированы*. Поэтический смысл встречи сам порождает так называемые *случаи*, которые могут стать главными *событиями* нашей жизни. *Смыслообразование* в транскомуникации соответствует ноодинамике, которая неочевидна, но доступна вашему воображению как её внутреннему фактору. Однако необузданность и безосновательность ваших фантазий о партнере может встретиться с аналогичными фантазиями партнера о себе и о вас. Только в таком коммуникативном процессе встречи возможна взаимная со-организация и синергия эйдосов.

Таким образом, транскомуникативный процесс встречи организует смыслонаполнение эйдетики отношений, которое и определяет неочевидное, но переживаемое их качество полноценности как новое измерение – коммуникативно-поэтический универсум (Кабрин, 2002; Лакатос, 2003).

Развитию теории коммуникации и теории ноэзиса не везло во многих отношениях. Возникновение письменности постепенно породило *фетиши языка* как самостоятельной сущности, при всей очевидности, что он *может жить лишь в коммуникации*. (Сейчас видятся и вытекающие из этого посыла «извраты» сознания). Общая лингвистика, «генеральная семантика», психо- и социолингвистика в лучшем случае ссылались на «субъекта», интерпретатора языка, но не коммуникации. При чтении «монблана» литературы такого плана у меня возникало двойственное ощущение относительно такого абстрагирования: важно или выгодно? Все классические *абстракции* относительно *семантической* сущности языка обобщались по-разному. В одном из классических определений Ч. Морриса «семиозис» включает: знак (что указывает), десигнат (на что указывается), интерпретант (значение) и может быть – говорит Ч. Моррис (1983) – и интерпретатор.

В скрупулезном анализе уже коммуникативных функций и действий в известных моделях Р. Якобсона, Р. Барта, Ю. Хабермаса, Г. Бейтсона, и даже в «оцифрованном» их варианте П. Вацлавика *не артикулируется «базовый квадрат» самой коммуникативной ситуации в целом*, где не столько компоненты, сколько их активные взаимоотношения имеют значение для сути происходящего. Добавляя к семантическому «треуголь-

нику» четвертый компонент (адресат, согласно модели Р. Якобсона), мы увидим интерактивную синхронизацию уже удвоенных компонентов по всем направлениям (Барт, 1975; Бейтсон, 2000; Вацлавик, 2000; Якобсон, 1983).

Ноэтическое духовное соприкасается с душевным именно в *пиковых переживаниях*, связанных с процессом *расширения сознания* в область неочевидного «великого». Именно это имел в виду А. Маслоу (1997), говоря, что обычно люди *пугаются собственного величия*.

Транскомуникация как динамическая синхронизация разнопорядкового (духовно-душевно-телесного) позволяет реально работать с этим неочевидным опытом. Транс, расширяющий границы переживания, опыта, осознания в транскомуникации обнаруживает позитивно преобразующий эффект базовых структур собственно *личностного* опыта.

Психиатрам пришлось в свое время дать сугубо патологическую интерпретацию феноменам транса, экстаза, импринтинга, паранойи. Однако в контексте данной работы должно стать понятно, что мы восстанавливаем их позитивные и потенциальные аспекты.

Таким образом, видим, что иное измерение элементарной коммуникативной ситуации открывает иной транскомуникативный мир пиковых ноэтических переживаний, доступных интуитивному уму, т.е. собственно ноэтическому процессу. Он легко доступен открытому для него навстречу человеку, на основе чего исчезают все сложные переплетения базовой уникальной ситуации. Например, на основе удивительно нового *чувства МЫ*. Однако смысл свободы коммуникативной интенции (инициативы) продолжается здесь в том, что это ноэтическое транскомуникативное движение-открытие *не гарантировано*. Человек может остаться глух к динамике этих процессов и будет отрицать их существование. Заметьте, это логично и естественно, если мы остаемся в нормативной коммуникативной ситуации, *не выходя* в иное измерение неочевидного.

Мы рассмотрели по сути транс-ноэтические аспекты возникновение, развития и умирания любого коммуникативного отношения человека, в котором разворачивается, реализуется его духовно-душевно-телесная жизнь. Без транскомуникативного процесса и *потенциала* такое отношение обречено на формализацию, выхолащивание, омертвление.

Хотя сама жизнь показывает нам неизбежные причуды транзитивности, трансформативности, преобразуемости основных человеческих отношений. Этот процесс обозначим как *потенциализация* (депотенциализация), если он связан с переходом от обычных коммуникаций к транскомуникациям (Кабрин, 2007а, 2007б, 2008б).

10.3. Транскоммуникативная потенциализация жизненных событий в контексте ноодинамики

Целостность, непрерывность и многоплановость развития человека в системе его базовых отношений определяются наличием в нем глубинного врожденного источника активности. Он осмысливался многими психологами по-разному в различные исторические эпохи: инстинкт, вдохновение, дар, задатки, способности, талант, призвание, предназначение, одержимость идеей, интенциональность, самореализация, самотрансценденция и т.п. Во всех указанных акцентах речь идет о *жизненном потенциале человека*. Чувство потенциала делает человека несамостоятельным и через это постоянно самопроектирующимся. Минимально это чувство потенциала проявляется в человеке как *переживание* в буквальном смысле, т.е. что-то большее, чем жизнь. Можно сказать, жизнь человека изначально окутана переживаниями, проявляющими ее потенциал. Человек не просто чувствует, но именно переживает свой потенциал как возможность.

Переживание потенциала интимно связано с рождением самосознания. Чувство самости ребенка непосредственно переживается как «я сам, я могу». С этим современные психологи связывают глубинную *потребность в компетентности* (Дергачева, 2002). Она является основой *внутренней мотивации* (по сравнению с внешней) и ее *автономии* (самодетерминированности), поскольку чувство «я сам, я могу» уже само по себе доставляет удовольствие и удовлетворение. Важно подчеркнуть, что чувство потенциала рождается в переживании перехода, трансформации от «не могу» к «могу». Переживание этой трансформации есть основа чувства *достижения*. А опыт переживания таких трансформаций постоянно аккумулируется в переживании и осознании *потенциала достижений*, являющегося ядром *творческого потенциала*.

Переходы, «вылеты» из обычных коммуникативных процессов в транскоммуникативные связаны с открытием или освоением нового потенциала жизни. Однако такие *события* мы могли наблюдать «экспериментально» лишь в кульминационные моменты недирективных групп интерперсонального (групп Встреч) и экзистенциального опыта. Это же можно наблюдать в отношениях, когда взрываются нормативные ожидания (измена, грабеж, соблазн, смерть и т.п.) и человек оказывается на пороге неопределенности.

Сложность традиционного анализа таких событий в том, что сам наблюдатель-интерпретатор должен оказаться *внутри* этого процесса.

Иначе и видение и интерпретация будут неизменно искаженными. Здесь обнаруживается необходимость *постметодологической парадигмы гуманитарного исследования*¹.

Если войти в классический цикл коммуникативного *такта* (Ломов, 1984), то обнаружим взаимную а) аттракцию, б) эмпатию, в) синтонность, г) аффилиацию. Нужно найти тот уровень «выхода из себя», тот *уровень децентрации*, когда процесс становится *транскоммуникативным*. И тогда эти же фазы цикла будут выглядеть иначе:

- а) *стресс-мобилизация* открытости;
- б) *реориентация* и расширение взаимного принятия;
- в) *метаморфоза* – трансформация синтонности – синхронистичности отношения;
- г) *осуществление потенциала* новой формы жизни.

Ранее этот потенциал мы называли *потенциалом стресс-трансформации*, исследования которого подтвердили его существенные связи с характеристиками личностного роста, в том числе и в рамках тренинговых программ (Лебединская, 2008; Пяткова, 2007).

В данной модели транскоммуникативной потенциализации мы имеем следующее приближение к пониманию коммуникативной реализации ноодинамики, актуализации собственного ноэтического потенциала неочевидной повседневности. Даже наблюдая за игрой, например теннисистов (волейболистов и пр.) высокого класса, нетрудно понять, что борьба и «победа» совершаются не в момент судейского решения, а в момент контакта ожиданий, намерений и предвосхищений как ноодинамических процессов в транскоммуникациях игроков. Речь идет о моментальных потенциализациях удачи, победы, любви.

Но потенциализация отношения может оказаться главной целью или ценностью всей жизни. Не случайно в большинстве волшебных сказок, хранителей архетипов, можно увидеть бесконечные вариации описанного выше сюжета – цикла потенциализации (стресс-мобилизация – реориентация – метаморфоза – новая форма – потенция). Симптоматично, что последняя фаза таких сказок часто устаивается одной фразой (после всех-то приключений): «...с тех пор они жили долго и счастливо и умерли в один день» (Хиллман, 1996). Не менее поучительны психологические персонажи таких легенд, мифов, сказок, «застрявшие», «забуксовавшие» в одной из этих фаз.

¹ Кстати, напомним, что само понятие «парадигма», которым озаботились ученые в связи с работами Р. Куна, восходит к Платону, под которым он понимал «организующий эйдос».

Застревание на каждой из четырех фаз само по себе настолько символично, что кристаллизовалось в ярких сказочных персонажах.

Стресс-персонажи – «застрявшие в стрессе, фиксирующем защитные границы», т.е. в зерне, яйце, стереотипе, шаблоне и т.п., в общем «сухофрукты». В сказках это Гадкий утенок – жертва чужих ожиданий; Лиса в «Лиса и виноград» – жертва самоомнения или самооценки; Свинья в «Свинья под дубом» – жертва наивного интеллекта; Кощей – парадоксальное ожидание смерти; и даже Снегурочка – фатальная жертва неудачного творения. Сюда относятся все типы «оранжерейных индивидуумов», жертвы Комитета школьных и солдатских матерей.

Транс-персонажи – «заигравшиеся в переходе». В сказках это Лиса и Колобок, Лиса и Петух, Лиса и Ворона, Лиса и Заяц, Лиса и Волк, Волк и Ягненок, Медведь и теремок и даже Сизиф, обреченный катить камень в гору (или современный горнолыжник).

Метаморфные персонажи – «скрывающие до поры немислимый потенциал новой формы». В сказках это Илья Муромец, Царевна-лягушка, Спящая красавица, Золушка, Чудовище.

Персонажи свободной потенции – «обладающие неограниченными возможностями». Это добрые и злые феи, джинны, волшебники и их помощники, боги и даже парадоксальный Иван-дурак.

10.4. Базовые коммуникативные отношения человека и их транскоммуникативная потенциализация

Базовые *отношения жизнетворчества* унаследованы как плод многовековой эволюции и в этом смысле проявляют себя как неизбежные, даже фатальные. Поэтому их осознание также является неизбежным условием полноценного существования современного человека. По сути, они отражают четыре основных пласта эволюционного развития человека как существа *растительного, животного, социального и культурного*.

Можно сказать, что потенциал трансформации этих отношений в образовании лежит в основе определения системы коммуникативных и личностных компетенций участников образовательного процесса.

А. Паразитарные отношения (творчество выживания), в которых мы существуем за счет других, точнее, поглощая других, ассимилируя их в собственный жизненный мир. В контексте образования, например, ученики в учителе неизбежно ожидают и видят «материнское или отцовское начало». Чтобы не быть ханжой, учитель должен понимать, что па-

разитарные отношения пронизывают нашу жизнь не только экспансивно, «горизонтально» (по сферам), но и вертикально, «снизу доверху». Зачатый плод почти насильственно присасывается к материнскому чреву и заставляя женщину становиться матерью. В дальнейшем разрастающийся материнский инстинкт (как другая сторона паразитарного отношения) не выпускает из своих объятий своего отпрыска, который уже давно созрел для автономной жизни. В свою очередь, материнское начало учителя, преподавателя не менее 10–15 лет провоцирует уже достаточно автономного школьника на сохранение этих паразитарных отношений, вплоть до получения аттестата зрелости и даже диплома специалиста. Поэтому не стоит удивляться, если школьники и студенты ожидают продолжения такого типа отношений.

Этот тип первичной идентификации человека со сферой выживания, в котором реализуется паразитарный эгоизм, соответствует **интракоммуникативным** отношениям (замкнутым, но уже децентрализованным). Этот уровень отношений определяется исходными внутренними свойствами индивидов и интересубъективный контекст еще не сформирован.

Транскокоммуникативная потенциализация паразитарных отношений *в отношении служения* возможна при актуализации общего мировоззренческого контекста, где позитивное отношение к миру и к эволюции является ключевым. Жизнь фатально паразитарна, поскольку все более высокие формы жизни существуют за счет поглощения или ассимиляции более простых форм. Ноэтическая потенциализация отношений на этом уровне может рассматриваться как переход от исходно агрессивных отношений взаимопоглощения и взаимоистребления (дидактический диктат и эксплуатация) к конструктивным отношениям взаимного служения, обеспечивающего социальную преемственность предков и потомков, организаторов и исполнителей (они существуют в одной лодке и взаимно ответственны за качество жизни).

В. Симбиотические отношения (полезное творчество), в которых мы терпим других, в той мере, в какой они нам выгодны в самом широком смысле – от источника пищи до источника высоких наслаждений. Важно на этой основе управлять формированием *взаимовыгодных отношений* по возможности с каждым партнером. Здесь открывается возможность учитывать и оптимально задействовать сильные и слабые стороны партнеров, их индивидуальные особенности. Важно понимать глубинную укорененность этого типа отношений, проявляющихся уже на ранних этапах развития животного царства. Можно найти тысячу примеров гени-

ального симбиоза, обеспечивающего взаимное выживание животных разных ступеней эволюции. Например, союз птички и бегемота, одинокой домохозяйки и кота. Этот тип адаптивных, ситуативно-ориентированных на внешние свойства среды отношений соответствует **экстракоммуникативным** отношениям.

«Эволюционная обязанность» – научиться договариваться с *очень разными* существами. Транскоммуникативная потенциализация *симбиотических (инстинктивно-корыстных) отношений* возможна в *отношениях согласия, договоренности и контракта*.

С. Социальные отношения (достойное творчество) – плод истории социума. Жизнь человека в социуме с доисторических времен оформляется в виде отношений «социальной иерархии», «социального порядка», «социального долга» и, в конечном счете, *власти*. Социум живет в несоизмерно больших пространственно-временных масштабах, чем отдельная особь. Поэтому неизбежный процесс социализации индивида заключается в приобщении его к исторически оформленным *ритуальным, статусным, ролевым отношениям долженствования*. Они часто отягощены взаимным недоверием и подозрительностью в несправедливости и фальши, прикрытой изошренной идеологией.

Статусно-ролевые отношения «организатор – исполнитель» развиваются как взаимное принятие своих прав и обязанностей в отношении друг друга и формирование соответствующих взаимных ожиданий. Поэтому такие отношения соответствуют **интеркоммуникативным отношениям**. В этом контексте образуются множество представлений людей друг о друге в разных ситуациях взаимодействия, называемых персонификациями. Эта множественность и противоречивость персонификаций в отношении друг друга раскрывает сложности такого типа отношений.

Транскоммуникативная потенциализация деперсонализированных властных отношений возможна в *личностные достойные отношения* взаимной порядочности, честной игры, прозрачности и справедливости. Они кристаллизуются в традиционной культуре в виде справедливого долга и связанных с ним чести и достоинства (гражданин – отечество, учитель – ученик). Этот тип отношений до сих пор далек от совершенства и является горячей точкой культуры вообще и культуры образования в частности. Поэтому эффективное понимание долга и справедливости чаще всего является и проблемой образовательного процесса.

Д. Автономные отношения (свободное творчество). Стремление к автономии, самодетерминации, самореализации современные психологи

относят к базовым врожденным потребностям человека, определяющим его общий потенциал развития и потенциал достижений. Они являются основой альтруистических отношений, бескорыстность которых рождается из глубинных потребностей или внутренней мотивации к исследованию, новизне как таковой, коммуникабельности и компетентности в отношениях. В социальном контексте нужна особая *отвага вступления в бескорыстные отношения*.

Разговоры о бескорыстных альтруистических отношениях часто выглядят ханжескими, лицемерными, поскольку большинство людей имеют горький опыт открытия в них же замаскированных корыстных и паразитарных отношений. Ощущение несбыточности надежд построения таких хрустальных чистых отношений базируется на плохом понимании природы собственно человеческого общения.

До сих пор в специальной литературе, посвященной психологии общения, наиболее распространенными являются «концепции обмена» информацией, чувствами и т.п. При этом не осознается и не раскрывается главный специфический фактор общения, отличающий его от простого обмена. В обмене партнерами контролируется соотношение затрат и вознаграждений, т.е. уже знакомый принцип выгоды. Понятно, что при этом человеческое общение низводится до описанных выше симбиотических отношений. Однако говоря о человеческом общении, принципиально важно понять, что *бескорыстный альтруистический* его аспект заключен в самой его природе. Подумайте о принципиальном различии двух простейших ситуаций:

1. Вы спонтанно решили обменяться с коллегой фруктами. Вы отдали ему свое яблоко, а он Вам свой апельсин. Дети при этом открыто бы начали раздумывать и рассуждать, что вкуснее и что больше и кто в выигрыше. Мазохизм ситуации в том, что чувство обретения апельсина не стирает чувства утраты яблока. Это как в интермедии Р. Карцева с раками: за пять, но большие, за три, но маленькие. Как часто азарт обмена загоняет людей в тупик...

2. Вы узнали об удивительном благотворном действии на здоровье человека простого яблока и поделились этим с коллегой, а он по ассоциации рассказал Вам об уникальных свойствах цитрусовых. В этом диалоге никто ничего не утратил, но обрел каждый. Даже более простые разделенные знания оказываются в диалоге удвоенными.

Такие отношения, содержащие чудо самовозрастания, соответствующие транскоммуникативным отношениям (в соответствии с концепцией транскоммуникации).

Поэтому в моих работах подчеркивается, что *коммуникативный альтруизм как транскомуникация является базовым принципом свободного жизнетворчества*, конституирующим атрибутом человеческой природы.

Таким образом, транскомуникативная потенциализация автономных *комплементарно-уважительных* отношений возможна в *отношения доверия, доброты, милосердия, симпатии и любви*. Этот высокий тип отношений строится на взаимной эмпатии, выходящей за рамки исполняемого долга. Это отношения, открывающие чудо человеческого общения в виде взаимного дара. В них общение лишено утрат и делает человека щедрым и великодушным в силу естественного преодоления проблем корысти и долга. Здесь взаимная доброта является бескорыстной наградой каждого и каждому. Но именно в этом типе отношений может полноценно раскрываться и реализовываться творческий потенциал достижений созидательного жизненного процесса.

10.5. Метакоммуникация и метаноэзис: коммуникативный мир человека нэотического

Возвращаемся к понятию *метакоммуникации* как универсальному потенциалу коммуникации человека на протяжении всей его истории, предыстории и будущего. Об этом говорилось в начале работы, сейчас можно сделать важные уточнения и углубления перспектив этого самого человеческого феномена.

Метакоммуникация не сводится просто к «двойному сообщению» (по Г. Бейтсону), или к «коммуникации о коммуникации» (П. Вацлавика), или к «магическим», «поэтическим», «метаязыковым» функциям языка (в системе Р. Якобсона), или к семиологической истории метаязыка (Р. Барта) и даже не к «социальному действию» в теории Ю. Хабермаса (Барт, 1975; Вацлавик, 2000; Хабермас, 2006; Якобсон, 1983).

Древний человек вздымал руки к высшим силам, затем к богам, затем к *Единому*, чувствуя несоразмерность масштаба этого призыва ни прагматической, ни социальной, ни исторической ситуациям. И сегодня этот метакоммуникативный призыв превосходит любые критические, нигилистические, циничные интерпретации цивилизации и культуры.

Это переживание или предчувствование трансцендентного присутствия, точнее со-присутствия, как «высшего единого третьего» делает любую коммуникативную встречу метакоммуникативной (очень часто «знаки» этого осознаются) (Франкл, 1990).

Транскоммуникация в этом контексте является сверхдинамичным фактором межуровневой сообщаемости разнопорядковых миров в едином метакоммуникативном универсуме, соразмерном ноэтическому универсуму высших порядков.

Уточним базовую парадигму *метаноэзиса* человеческой жизни в целом (в отличие от рассмотренного выше «микроноэзиса» момента). В свое время мною была высказана гипотеза о возможности постижения и описания целостного *метаноэтического* цикла жизни человека, опираясь на идеи мистической практики средневекового христианства (Луиджи, 2004). Дж. Уайт создал афористическую формулу ноэтической трансформации (путь от ортоноии к метаноие лежит через параноию), обобщающей и древние мистические, и современные трансперсональные практики (Гроф, 1995, 2000; Уилбер, 2004).

Для понимания полноты и трансцендентности этого цикла я ввел понятие «протоноия», указывающее на изначальный духовный источник, одаренность, предназначение, «духовный кокон» ребенка как предпосылку духовного соприсутствия (христианство) или кармической сопричастности (буддизм). Эта первичная, диффузная, пластичная, доличностная *протоноияльность переживаний ребенка* была отмечена З. Фрейдом как «океаническое чувство», К. Юнгом, Ст. Грофом – как «вселенское томление», «вселенская тоска», «вселенский ужас или безмятежность».

Без учета этого феномена сохраняется безответственная установка взрослых на механическую дрессировку ума-разума ребенка, школьника, характеризующаяся не только «бездушностью», но и жестокостью. Так, искаженно формируемая *ортоноия* («правильный», конвенциональный, социализированный ум-разум) может существенно замедлить, исказить процесс ноэтического развития, поскольку на выходе и без того болезненную *параноию* молодого человека уже ждут психиатры с готовым *медицинским диагнозом*. Поэтому при современном высоком уровне цивилизации процесс инициации, «второго рождения в духе» (христианство, трансперсональная психология), т.е. прохождение параноией на пути к метаноие (покаянному, просветленному, благоговейному принятию жизни) оказывается весьма затрудненным. Чем активнее насаждаются социокультурные иллюзии, которыми пропитана наша информационно-коммуникативная среда, тем труднее и болезненнее их развенчивание. Поскольку культура духовной инициации в «период параноии» утрачена, а современные ростки мизерны, то в молодом и зрелом возрасте человек оказывается в *классической пустыне*, где к тому же его поджидают различные «пауки аддикций».

Поэтому проблема нозтического сопровождения с детских лет не только в религиозном плане, но и на современном светском уровне обретает особую актуальность. При этом акмеологические модели, ориентированные на социокультурную эффективность, здесь обнаруживают свою относительность. Живой остается идея Христа, идея Тибетской книги мертвых: возможность предельной духовной трансформации вплоть до последнего мига жизни. Имея в виду метафору «стрелы духа», можно представить схему нозтического развития человека как «экспоненциальную функцию» *ускоряющегося духовного самовозрастания* в контексте соответствующих духовных встреч. Эти встречи могут быть маркированы согласно *базовым коммуникативным отношениям*, о которых шла речь в предыдущем разделе. Их потенциализация в простейшем традиционном виде может быть представлена как уровневая (последовательная) и межуровневая с учетом обратных влияний. А если приблизиться к многомерному холистическому пониманию *соответствий* коммуникативного и нозтического в жизненном мире человека, их можно представить в форме своеобразного цветка (метакоммуникативное пространство) с уникальной аурой (метаноэзис). Это может выглядеть, например, в виде двойного фрактала (рис. 10.1).

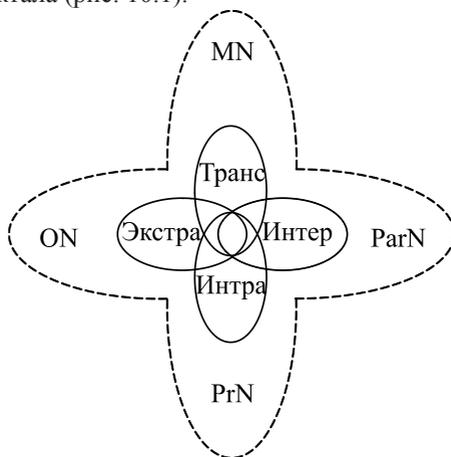

Рис. 10.1. Коммуникативный мир личности: сплошной контур – метакоммуникативное пространство; пунктирный контур – метаноэзис; интра – интракоммуникативное отношение; экстра – экстракоммуникативное отношение; интер – интеркоммуникативное отношение; транс – транскоммуникативное отношение; PrN – протоноя; ON – ортоноя; ParN – параноя; MN – метаноя

Таким образом, коммуникативный мир личности, который эмпирически мы исследовали на достаточно поверхностном уровне (темы, пар-

тнеры, переживания, стресс-транс), в этой схеме обнаруживает универсальную глубину и полноту, сохраняя, однако, уже свою неочевидность (Кабрин, 2005а).

В этом контексте коммуникативный мир личности представляет собой «микрониосферу», в которой человек как личность находит оптимум самореализации индивидуальности не только в дифференциально-психологическом смысле, но и в высших смыслах своего духовного предназначения. Конечно, это потребует принципиального пересмотра базового метода моделирования коммуникативного мира (ММКМ) с непосредственным выходом на его ноодинамику. Поскольку релевантный опыт по-прежнему остается в сфере неочевидного, требуется его постметодологическая интерпретация.

10.6. К постметодологии исследования и потенциализации неочевидной повседневности жизни

Проблема постметодологической ориентации психологического и гуманитарного исследования не так давно была мною поставлена в связи с постоянно усиливающимся ощущением принципиальной нерелевантности методов, которые строятся в психологии на основе парадигмы естественных наук (Кабрин, 2005а, 2007б). Тогда я говорил о принципиальной невозможности *объективации* «предмета» психологии. Последние заимствования психологии из области гуманитарных наук (семантика, феноменология, интерпретация, герменевтика и т.п.) выглядят курьезными, т.к. классики этих направлений сами пытались обосновать эти методы на базе психологии, что логично, имея в виду место психологии в системе естественных и гуманитарных наук.

Если понимать, что в этом «пробеле» не просто неопределенность, а *иное измерение бытия*, тогда и проблеме приходится ставить значительно но серьезнее.

Положим, *неочевидность* (латентность, сокровенность, непостижимость) душевного как такового вряд ли кого-то удивит, как и бесчисленное множество попыток преодолеть этот барьер.

Мы предлагаем ввести мораторий на *методологизм* в отношении этой особой реальности и опробовать более непосредственные – коммуникативные, транскомуникативные, метакоммуникативные *практики*, в которых можно искать реальные пути расширения, углубления и возвышения для осознания собственно душевного опыта.

Может быть, тогда мы действительно научимся мерить «подобное подобным». Движению души одного человека может быть релевантно только движение души какого-то ещё человека и во Встрече. Кроме того, мы помним, что транскоммуникативный процесс обладает удивительным «морфическим резонансом» (Р. Шелдрейк) соответствия на разных уровнях бытия (Фокс, Шелдрейк, 2003; Шелдрейк, 2005). Если в улыбке и слезах жизнь клетки приходит в соответствие с жизнью чувства-мысли на ноэтическом уровне, можно предположить и обратное – чувствознание и мыслеформа человека вдруг начинают соответствовать высшему источнику. Он непостижим и может ощущаться лишь символически (К. Юнг) или резонансно (Р. Шелдрейк). Тот метакоммуникативный зов и метаноэтический отклик в коммуникативном мире личности может существовать постоянно. «Человек действует спонтанно (творчески), пристально вслушиваясь в то, что зреет в планетарном сознании... Это платонизм. Человек не механически считывает, а творчески распаковывает континуум смыслов», – писал один из уникальных первых отечественных трансперсоналогов В.В. Налимов (1989).

В психологическом познании считается традиционным противопоставление объяснения и понимания, причем первое представляется как естественная основа познания, а второе чаще соотносится с гуманитарными науками (Юревич, 2005, 1999). В то же время при ближайшем рассмотрении противопоставленность таких понятий является не только весьма условным, но и затрудняет кардинальное решение проблем познания вообще, особенно психологического. Даже если взять простой синонимический ряд – выяснение, уяснение, прояснение, пояснение, то можно увидеть, что у близких по существу указанных процессов их внутренней сущностной стороной является понимание. Разрыв этого единого континуума (понимание – объяснение) может вести или к явному упрощению, или к недоразумениям в структуре познавательного процесса. С объяснением традиционно связывают тенденцию к редукции, сведению объясняемого феномена к более простой и очевидной реальности; понимание же, появляющееся в *широком* герменевтическом круге в контексте толкования специфичности и уникальности исследуемых явлений, связывается с *релевантностью*. Если в духе научного постмодернизма снять рассматриваемую дихотомию, можно получить единый континуум «понимание – объяснение» с тонко дифференцируемым спектром переходов от одного полюса к другому. Именно в этой протяженности можно определить соответствующую постмодернизму новую *метаметодологию*,

или *постметодологию*. В ней уже снимаются односторонняя ориентация только на объяснение или на понимание, а также фатальная нацеленность на метод, их конституирующий. При этом первичное интуитивно-метафорическое восприятие предмета исследования выходит на первый план, что и позволяет вернуться к проблеме релевантности исследования на новом уровне и обратить внимание на ценность феноменологического анализа (Барабанщиков, 2005; Зинченко, Мамардашвили, 2005; Юревич, 2005).

Однако релевантность объяснения в современной психологии остается неудовлетворительной в связи сохранными «базовыми призраками» в понимании природы и ее предмета: производность от физиологического и отраженная производность от физического. Поэтому остаются необъясненными основные трансцендентные качества душевной жизни человека: первичность душевной энергии; сокровенность душевной информации; гипермерность душевного пространства; интенция к вечному в душевном времени. Имея в виду, что эти качества душевного опыта проявляются в трансовых переживаниях – *катарсисе, импринтинге, экстазе, инсайте*, постметодологическая ориентация может быть построена на базе концепции транскомуникации, т.е. общении, выходящем за рамки стереотипов нормативной коммуникации. В контексте такой постметодологии трансовые переживания одного человека могут быть поняты только через подобные трансовые переживания другого человека (исследователя) как *Иного*. Отсюда новая исследовательская схема: интуитивное понимание предмета исследования (душевного в ином измерении) на основе синтеза понятийно-метафорических средств в более широком семиозисе – непосредственная релевантность теории предмету исследования (аутентичная синтонность теории и предмета) – создание транскомуникативной ситуации, непосредственно релевантной теории и предмету, – инициирование транскомуникативного процесса, соответствующего ситуации, теории и предмету. Реализация этой схемы может привести к получению нередуктивного релевантного аутентичного психологического знания.

10.7. Транскомуникативный универсум психологических парадигм

Такой подход предполагает уже полипарадигмальное понимание предмета психологии через конкретный феноменологический анализ основных ее школ. На этой основе уже можно не проецировать на психологию хронический кризис в контексте одной психологической школы

или парадигмы, а понять драматическую их преемственность. Тогда развитие научного знания в истории может выглядеть как экспоненциальная в системе координат «релевантность – динамичность». На этой экспоненте располагаются как минимум 8 научных парадигм и школ:

– *Биопсихология* (психофизиология, психосоматика, телесно-ориентированная психотерапия, биоэнергетика, биологическая обратная связь в саморегуляции, аутогенная тренировка и т.п.). Концентрируясь на минимальном психологическом феномене-моменте «психосоматического соответствия», это направление разрабатывает наиболее дифференцированные представления об интерпсихической реальности. Но сама эта реальность непосредственно связана и, видимо, *производна* от элементарной *психосоматической коммуникабельности* человека. С чего это начинается? Или с коммуникативного поля эмоционального психосоматического контакта «мать – младенец», или с коммуникативного континуума «обладание сексуальным партнером – самообладание» (или наоборот)? Это проблема «курица – яйцо» и вечная психофизиологическая проблема психологии. В любом случае речь идет об элементарной «точечной» коммуникации, проявляющейся уже в перинатальный период. Далее я должен быть более кратким, применяя тот же принцип анализа.

– *Поведенческая* (когнитивно-бихевиоральная психология) – уже делает акцент на экстрапсихическом поле ситуации и анализирует организацию психических процессов в масштабе сложного поведения. Можно представить и описать этот уровень душевной жизни как производный от ситуативной коммуникабельности индивида к определенным мотивационно значимым аспектам окружения.

– *Динамическая психология* (психоанализ) – на основе открытия бессознательной способности и склонности индивидуума к активной проекции душевных переживаний выходит за пределы наличной (S-R) ситуации. Здесь аналогично можно говорить о производности психодинамических процессов от проективной коммуникабельности индивидуума, которая задает значительно более масштабное коммуникативное поле «переносов и контрпереносов» по сравнению с поведенческой парадигмой. Не случайно современные психоаналитики все больше ориентируются на коммуникативный подход.

– *Гештальтпсихология* – интегрируя все предыдущие представления о душевной активности, идет дальше на основе понимания универсальной гармонии гештальта и открытия «психологического поля» как еще более масштабной реальности душевной жизни человека. Здесь также можно предполагать действие особого фактора «гармоничной коммуни-

кабельности», чувствительной к диссонансам и консонансам в коммуникативных отношениях.

Если первые 4 парадигмы относятся к классической, «телесноцентрированной» или *микро-психологии*, то следующие 4 парадигмы характеризуют современную, «культуроцентрированную» макро-психологию, поскольку источник душевной жизни ***осмысливается не столько через организм, сколько через культуру социума.***

– *Социальная психология* (символический интеракционизм) – представляет человека как субъекта интериоризации и экстериоризации множества формальных и неформальных социальных, символических ролей. Здесь уже очевидно, что таким образом организованная душевная жизнь социального субъекта является прямым следствием сформированной в культуре системы конвенциональной коммуникации.

– *Гуманистическая психология* – возможно, впервые рельефно обозначающая нередуктивное полноценное представление о самоактуализирующейся личности, прямо базируется на особых свойствах человеческой коммуникации – эмпатии, децентрации, самораскрытия. Важно подчеркнуть, что такая собственно межличностная коммуникация выходит за рамки конвенциально-ролевой коммуникации, представленной в предыдущей парадигме.

– *Экзистенциальная психология* – преодолевает границы самоактуализации личности через открытие феноменов аутентичной самотрансценденции, что непосредственно связывается со способностью человека к собственно «экзистенциальной коммуникации» (К. Ясперс). Она рождает возможность свободного самоопределяющегося бытия человека в ситуации соприсутствия.

– *Трансперсональная психология* – через открытие спектра альтернативных состояний сознания (АСС) ставит проблему преодоления человеком собственного личностного Эго и выход к «космическому сознанию» на основе трансперсональной коммуникации, управляющей динамикой движения в спектре АСС. Практика коммуникации этого уровня через динамику АСС удивительным образом возвращает человека к его телесности в новом качестве – одухотворенной телесности.

10.8. Транскомуникабельность постметодологического релевантного исследования в психологии

Духовный мир (как трансцендентальный по определению) *непосредственно не представлен* в душевных процессах. И если не опускаться

до слишком ортодоксальных бихевиоральных редукций, то можно понять *интуитивную чувствительность человека к его соприсутствию в духовном мире как символическую, синхронистическую и ценностную* (Франкл, 1990; Юнг, 1997а). Следовательно, для релевантного понимания душевного мира необходим холистический подход к анализу психического в контексте *духовно-душевно-телесного соответствия*. Имея в виду разнопорядковость (разноуровневость) *духовного, душевного и телесного* миров человека, соответствие и гармония в созвездии этих миров – результат не детерминизма, а именно их «соответствия», т.е. транскоммуникабельности, что и мотивирует выход в постметодологическое пространство анализа.

Интересно, что уже в начале и середине прошлого столетия такие несоизмеримо разные психологи, как К. Юнг и Ж. Пиаже, отмечали некорректное неадекватное использование в отношении душевной жизни заимствований из физики, таких как «сила», «энергия», «работа» и даже «детерминизм» (Пиаже, 1966; Юнг, 1997б, 1996).

Предмет психологии слишком необычен по сравнению с большинством наук. *Естественные науки* «вещественно» изучают вещество и допускают психологию в качестве науки, изучающей душевную жизнь лишь в качестве свойства высокоорганизованной материи.

Гуманитарные науки рассматривают семиотические, символические, смысловые «продукты» душевной активности как данность (естественно, в чем-то воплощенную). А вопрос об их природе часто молчаливо переадресовывается психологии.

Сама психология, находясь между этими главными сферами научного знания, видимо, уже давно заработала хронический «комплекс неполноценности», от которого, правда, один шаг до мании величия. И то и другое уже отрефлектировано в современной психологии – комплекс неполноценности предрасполагает к «физикализму», мания величия – к магии. С последним комплексом проще, т.к. он легко вытесняется за рамки *научности*; с первым – сложнее. Механицизм неизбежно ориентировал психологию на метод, методологию и технологию. Естественная наука механика начинается с измерения. Механицизм требует «объективности», и это требование естественно было ассимилировано в качестве главного требования к методам ранней психологии. Современная наука, осознавшая моделирование как универсальный метод, неизбежно признала фатальность редукции как полезного упрощения. Если модель не проще или сложнее моделируемой реальности, она теряет смысл. Конеч-

но, имеется в виду редукция, сохраняющая и акцентирующая существенное. Но здесь, как правило, камень преткновения и «поле брани» научных школ (Юревич, 2005).

И ключевым при этом является вопрос о качестве научного знания. Классические школы (преимущественно в области психофизиологии и бихевиоральных наук) удовлетворяются «метафорой» *объективного знания* (объективность приравнивается к критерию истинности), игнорируя стоящую за этим определением почти неразрешимую проблему его *субъективной* сущности. Определенный прогресс намечился при переходе к анализу парадигмального знания в контексте работ Т. Куна. В этом типе знания «призрак объективности» перестает быть навязчивым в связи с тем, что в относительности и множественности парадигм явно просматривается конвенциональный и субъективный фактор. Поэтому закономерным является уже более динамичный переход к личностному знанию, где субъективно-личностное измерение становится определяющим. Это в свою очередь породило постмодернистский кризис гуманитарных наук, позитивной стороной которого явилась потребность в новом качестве знания более высокого порядка. На этом этапе сама субъективная суть знания нуждается в переосмыслении в принципиально более широком контексте (Ильин, 1998). При этом наука неизбежно сталкивается с непривычными и неожиданными качествами знания, связанными с его трансперсональностью, транссубъективностью, трансцендентальностью. Это новое качество научного знания в последние годы анализируется отечественными психологами нового поколения на уровне методологической рефлексии как существенная особенность постнеклассической психологии (Гусельцева, 2005; Знаков, 2005; Кабрин, 2005а; Юревич, 1999).

На этом этапе *ноэтическая, духовная компонента знания* хорошо осознается не только в области философско-гуманитарных наук, но и наук естественных, принимавшихся ранее за эталон объективности (Вульф, Ректор, 1994; Капра, 2003). Психологическое знание также неизбежно трансформировалось в контексте указанных общенаучных тенденций, однако в силу необычности (трансцендентности) самого предмета психологического исследования последнее уже не умещается в рамках известных методологий, что оборачивается, на мой взгляд, проблемой постметодологии.

Драматизм этой ситуации существен для психологии, имеющей дело с *субъективной реальностью*. Психологи-основатели старались следовать требованиям естественнонаучного метода, что привело к созданию тысяч психологических тестов и изобретению изоциренного факторного анали-

за (Ф. Терстоун), уже успешно ассимилированного другими науками. При этом, преодолевая «комплекс интроспекционизма» (в связи с обвинением Огюста Конта), даже решились редуцировать душевный процесс до поведения (бихевиоризм). Попытка реабилитировать самостоятельность душевной жизни породила соблазнительное для многих «мифотворчество психоанализа», как, видимо, другую крайность. Тем не менее многие выдающиеся психологи понимали *неадекватность и нерелевантность объективирующей редукции относительно душевной реальности*. Поэтому они обращались к древним источникам знания, которые еще не скованы жесткими научными парадигмами, на основе современного мировоззрения (Бейтсон, 2000). Я имею в виду линии развития, прежде всего экзистенциальной и, особенно, трансперсональной психологии – от работ К. Юнга, Р. Ассаджиоли до современных трудов К. Уилбера в духе холистической и Х. Феррера в духе эпистемологической трансперсональной психологии (Ассаджиоли, 2005; Козлов, 2005; Уилбер, 2004; Феррер, 2004; Юнг, 2007а).

В таких работах часто имплицитно начинается пересмотр принципиальных основ психологического исследования и практики. *Целостное, нередуктивное понимание душевной жизни возвращается как главная ценность психологической науки* – холистическая психология обретает особое значение. Восстанавливается уверенность в возможностях непосредственного понимания живого психологического опыта и непосредственной работы с ним (медитация, управляемое воображение, различные виды рефлексии в альтернативных состояниях сознания). Возвращаются представления о «тонкой» – эйдетической, смысловой, ноэтической организации мира и интимной причастности ей человека.

В отношении трансперсональной психологии со стороны академической психологии существуют серьезные претензии в связи с вроде бы легкомысленной ассимиляцией оккультных знаний, начиная с шаманизма... Конечно, исключительное достоинство научного знания – это стремление к ясности (объяснению, прояснению и т.д.) в сравнении с эзотеричностью других знаний (например, астрологических). В то же время трудно не согласиться с трансперсональными психологами в необходимости преодоления методологической редуктивной объективации, не релевантной специфике психологической реальности (Ван Каам, 1998; Гроф, 2002; Уайт, 1996; Уолш, 2004).

Я обнаружил *ноэтическое направление* в этой пограничной области, существующее не менее *трех тысяч лет*: от Анаксагора, Платона и нео-

платоников до современных представлений о ноосфере П.Т. Шардена и В.И. Вернадского (Кабрин, 1999, 2000а, 2000б). Важно, что этот луч знания оказался даже выше противопоставления теологического и светского знания. В этом направлении работали не только богословы, философы, но и ученые естественнонаучной ориентации (вышеназванные П.Т. Шарден, В.И. Вернадский). Этот «светлый взгляд» на жизнь Вселенной предполагал существование мирового ума (Анаксагор), его эйдетическую активность (Платон), пробуждающую в человеке «умное делание» (мистическое и святоотеческое христианство), изначальную ноэтическую интенциональность сознания (Э. Гуссерль) в контексте ноосферы как трансперсональной реальности (К. Юнг). Эта реальность характеризуется весьма дифференцированным *спектром альтернативных состояний сознания*, естественным образом преодолевающим примитивную дихотомию психоанализа: сознание – бессознательное (Кабрин, 1999; Уилбер, 2004).

Я обнаружил, что давно изучаемый мной феномен «транскоммуникации» (Кабрин, 1992), как выводящий человека из самодостаточности для настоящего взаимопонимания с Другим через трансцендирование имеет непосредственное отношение к этому ноэтическому пониманию душевной жизни. Транскоммуникативный подход предполагает, что человек не только может общаться с людьми как с «иными» (другими по настоящему), но и с разнопорядковыми сущностями – как с более простыми «братьями меньшими», так и с более сложными – группа, культура, нация, космос.

«Светлый взгляд», который не так давно открыл К. Уилбер (2004), а у Г. Фехнера, образующийся пониманием тонкой духовной организации космоса и который мы в силу своей невнимательности или узости сознания воспринимаем в качестве грубо материального конденсата (Ясперс, 1994), может быть развит и переведен в научную область с помощью *концепции транскоммуникации*. Важный аспект сообщаемости разнопорядковых миров акцентировал В. Франкл (1990) в рамках «димензиональной онтологии» в контексте его примера о том, что в трехмерном пространстве простой стакан может выглядеть и восприниматься в двухмерном пространстве как круг или прямоугольник. Интересно, могли бы «виртуальные» двухмерные человечки, видящие его (стакан) в разных ракурсах как НЛО, догадаться или договориться, что это «одно и то же» (имеется в виду круг и прямоугольник). Когда мы сталкиваемся с более N-мерной реальностью, чем наш четырехмерный мир, в лучшем случае мы чувству-

ем символы или «знамения» присутствия чего-то важного, но непостижимого. К. Юнг пытался «объять» такие события с помощью понятий синхронистичности и трансцендентальной функции.

Я предположил, что здесь мы сталкиваемся не просто с более сложными свойствами «тонкого мира», а с активным живым *процессом общае­мости разнопорядковых миров как процессом транскомуникации*. Иначе, каким образом понять реальную холистичность мира?

Древние мудрецы чувствовали, что человек – это микрокосм, т.е. подобие макрокосмоса. Строгим наукам пришлось об этом забыть. Феномен, или, точнее, сквозной космический фактор транскомуникации, позволяет понять, по крайней мере, на уровне микрокосма – как это происходит в человеке (вершинной точке эволюции универсума, по П.Т. Шардену). Передуктивный целостный взгляд на человека предполагает понимание его как *духовно-душевно-телесного соответствия* (т.е. общае­мости) в духе «холархии» (Уилбер, 2004). Это же связано с проблемой «собственно человеческого» в человеке, акцентированной гуманистическими и экзистенциальными психологами, возмущившимися доминированием «зоологизма» в традиционной психологии (психофизиология, бихевиоризм, психоанализ и др.). Феноменология транскомуникации показывает, как тело может (!) *соответствовать* духу (т.е. общаться с ним). Во многих своих статьях я упоминал в этом контексте об уникальности человеческих слез и улыбки (Кабрин, 2000а, 2000б). В отличие от звериного оскала человеческая улыбка связана не только с радостью, но и с юмором, восприятием переносного смысла метафоры, т.е. *трансмысла*. Человеческие слезы (физиологическая функция которых – очищение от инородного) воплощают духовное очищение (катарсис) и при чтении книг, и на спектаклях, и в сложных человеческих отношениях. Смех и слезы часто образуют динамичное единство: способность смеяться до слез и способность перейти от слез к улыбке. Заторможенность таких способностей означает ослабление транскомуникации между телом и духом, что ведет к соматическим и психическим расстройствам. Здесь я лишь замечу, что К. Роджерс (1993) любил напоминать нам о великой мудрости человеческого тела и предостерегал о возможной утрате контакта с ним. Но насколько оно искренне отзывчиво и «хорошим» и «плохим» образам, мыслям, чувствам! В этом – великий потенциал и великая опасность саморазрушения (специалисты по психосоматике привели бы нам тысячи примеров).

Чтобы на основе уже представленного выше контекста ввести главный принцип нозтической транскоммуникативной психологии, необходимо обратить внимание еще на одну странную иллюзию, незаметно превращающуюся в постулат во многих работах, где говорится о душевной жизни, о сознании как «*внутреннем мире*». Создается впечатление, что употребляющие такую метафору представители гуманитарных наук и, прежде всего, психологи не удосуживаются осмыслить ее противоречие. Собственно о каких «внутренностях» идет речь? Когда задается такой вопрос, и студенты, и специалисты почти инстинктивно, автоматически указывают пальцем на голову, реже – на сердце. Когда спрашиваешь: «А может ли душевный мир уйти в пятки?» – только в таком юмористическом контексте начинает осознаваться парадоксальность данной метафоры.

Психофизиологический миф нескольких столетий о том, что именно мозг рождает образы, мысли, чувства, как печень выделяет желчь, постепенно превратившись в аксиому «материалистической психологии», так и не смог претерпеть ни одну верификацию. Король оказался голым. «Внутри нас» ни в одном органе тела нет никаких образов, мыслей, чувств. Но душевная реальность существует. Не все, но большинство как специалистов, так и дилетантов в этом не сомневаются. Тогда как же существует эта реальность? Вот здесь мы и возвращаемся к нозтическому лучу древней мудрости. Истина или что-то близкое к ней – всегда проста. Если мы понимаем, что бесполезно искать наш тонкий мир в наших внутренностях, то почему бы по древнему обычаю не попробовать наоборот? Не образы, эйдосы... внутри нас, а *мы внутри эйдосов*. Нужна порция скромности, чтобы признать (после хронической мегаломании), что мы не самая совершенная реальность Вселенной; что вокруг нас незримые тонкие оболочки эйдетических сфер. Правда, то, в каких образах мы будем пребывать, зависит от нашего состояния, «настроения души» и т.д. Синхроничность тонких миров поддерживается симпатией, тропностью, резонансом. Древнейшая профессия актера – быть в образе. Кстати, эту «тонкую мысль» постоянно пытаются донести дети взрослым, сопротивляясь их «правильности». Эйдетическая природа душевной жизни человека, так ярко заявляя себя в искусстве, сновидениях, аутогенной тренировке, медитации, воображении, удивительно трудно ассимилируется академической психологией. Может быть, все дело в дисциплинированном отношении к «узаконенным» научным парадигмам?

В этом контексте можно перейти к ключевому понятию данного раздела – к *постметодологии*. Это понятие может характеризовать тот

новый тип знания, которое было обозначено как трансперсональное, ноэтическое, трансцендентальное, явно ориентированное на преодоление традиционных форм редукционизма, считавшихся неизбежными для науки. В этом плане предполагается, что концепт транскомуникации, применительно к психологическому научному исследованию можно обозначить как *транскомуникативный подход в русле постметодологии*. Стоит уточнить, что сама проблема постметодологии связана с поиском преодоления неизбежного редукционизма любых методологий, традиционно реализующихся в методах, призванных поддерживать иллюзию объективации. В результате укореняется схема традиционной методологии, которая выглядит незыблемой: методология – метод – отражение – объективация. Возможно ли решить такую необычную задачу с помощью феномена и концепта транскомуникации?

Во-первых, вспомним простое забытое: физика оказалась в авангарде наук, научившись «мерить подобное подобным». И психологии пришлось искать изощренное решение такой задачи на основе теорий изоморфизма, чтобы придумать наукообразное *моделирование* психических процессов (Веккер, 1998). Конечно, лучше работать с тестами не просто как с процедурами или технологиями, но как с *моделями* «черного ящика» – души. Это кибернетическая версия.

Однако столь опосредованный маневр «действия в обход» не снимает проблему *аутентичности* и *релевантности* получаемой информации. «Подобное – подобным!» – возвращается к нам сейчас уже как научный укор. Что может быть «подобным» измерителем души? Очевидно, душа другого человека или своя собственная. Как это возможно? Загадочная способность души понимать самую себя и душу другого – это для нас ценнейшая зацепка. Традиционно в рамках культурно-исторической психологии это формулировалось как интериоризация и экстериоризация и далее как «рефлексия» и «децентрация». До сих пор научное проникновение в эти процессы было слабым. Посмотрим на это сквозь призму транскомуникативного подхода. Общаясь, мы действительно выходим за пределы себя, т.е. *транскомуницируем*, но происходит это, видимо, эйдетически, ментально, ноэтически. При этом коммуникация и тем более транскомуникация – это общение душ. Только преодоление конвенциональных трафаретов, этих продуктов «жестокости» и латентного научения, в которых закована традиционная коммуникация, приводит нас к более аутентичной экзистенциальной коммуникации (Ясперс, 1991) и далее – к *транскомуникации*, которая уже открыта «трансперсональной реальности».

В предыдущих работах мы описали иллюзорность конвенциональной коммуникации, порождающей у человека множество психологических проблем (Кабрин, 2000а).

Здоровье и личностный рост фактически являются результатами транскомуникабельности тела – души – духа. Повторимся, что транскомуникация – это выход за любые трафареты, нормы, схемы, парадигмы. Выходит, чтобы избавиться от фатальной редукции, необходимо выйти за рамки метода и методологии, снабжающих нас спасительными процедурами и определенными схемами интерпретаций. Получается, что если я описываю свой уникальный опыт (импринтинг) *своим* вербально-невербальным языком другому или себе, я решаюсь на наименьшую редукцию. *В этом смысле транскомуникация дает нам непредвзятый уникальный опыт друг о друге и нечто уникальное третье – наше общее как результат взаимного преодоления барьеров.*

Таким образом, мы делаем первые шаги в постметодологию, где сталкиваемся с кардинальным вопросом – как сохранить для ноэтической *психологии* нередуктивный опыт, появляющийся в транскомуникации. Прежде всего, стоит избавиться от комплекса обязательности объективации. Понять или смириться с тем, что «субъективная реальность» может как-то «отражаться» только в «субъективной реальности». А это опять же возможно только в транскомуникативном процессе. Поскольку в отличие от обычной коммуникации, где укрепляются конвенции, нормы, стереотипы, транскомуникация явно тяготеет к *метафорам*, содержащим переносный смысл, т.е. по сути *трансмысл*. Часто именно по метафорам и юмору в живом общении можно уловить моменты перехода в транскомуникативные состояния. Отсюда вытекает переосмысление известного факта, акцентированного в свое время Г. Олпортом, что художественная литература пока лучше описывает живую психологию живого человека, чем научная психология. Эстетика транскомуникации, в частности психолога и клиента, могла бы стать нередуктивным материалом психологических описаний. Что-то близкое можно наблюдать в свободных описаниях «психологических историй» и И. Ялома (1994, 2005).

При этом остается и обостряется *проблема сохранения научности на постметодологическом уровне*. Я вовсе не считаю, что постметодологическая перспектива необходима для других наук – в этом я сомневаюсь. Мысленное экспериментирование с постметодологическим прорывом появилось у меня «не от хорошей жизни». Конечно, соблазнительно с точки зрения простых критериев наукообразия свести душу к «психике»,

а последнюю к поведению; будучи первокурсником ЛГУ, я был «уверенным бихевиористом». Сейчас я вспоминаю: а встречались ли мне «неуверенные бихевиористы»? – Не припомню. Тип методологии, избираемой ученым, и тип его личности определенно связаны. А я чем дальше, тем больше сомневался в релевантности признанных методологических подходов.

Что касается естественных наук, прогресс здесь очевиден. Например, если в конце XIX в. мозг ассоциировался с телефонным коммутатором, в XX в. – с компьютером, то в XXI в. микробиологи допускают сравнение с микрокомпьютером *отдельного нейрона*. Тогда какое же «интернет-пространство» могут образовать миллиарды нейронов с триллионами их потенциальных связей? Таким образом, древняя метафора – человек как микрокосм подобен космосу – уже подтверждается физиологически. Но это только физиологический уровень. С точки зрения холистического ноэтического подхода – тело – это «конденсат» и «проводник» более тонких духовных N-мерных свойств универсума, которыми во многом потенциально обладает душа. Однако человек, развивая свое *личностное измерение* и Я-концепцию, нечасто осознает безграничность или свободу душевного процесса в отношении основных физических ограничений, на которые неизбежно обречено его тело. Здесь обнаруживаются кардинальные *различия между физическими и психическими: энергией, информацией, пространством и временем*.

Трансцендентальный характер этих аспектов душевной жизни, начиная с древних мудрецов, с какой-то неотвратимой регулярностью отмечается мыслителями всех эпох, вплоть до современной трансперсональной психологии.

Основные транскоммунитивные лучи, описанные в прежних моих работах, проявляются в «пиковых переживаниях» (Маслоу, 1997) – *катарсисе, импринтинге, экстазе, инсайте*. С другой стороны, лучи нисходящей (катарсис), импрессивной (импринтинг), экстенсивной (экстаз) и восходящей (инсайт) транскоммунитивации обнаруживают универсальное стратегическое значение для нередуктивного понимания душевной жизни в целом (между зачатием и смертью). На этом макроуровне им соответствуют *ноэтические сезоны душевной жизни*.

Эта глобальная метафора подробно представлена в последних моих работах (Кабрин, 2002, 2005а, 2005в). Здесь я к ней возвращаюсь, чтобы сделать новый акцент в понимании именно человеческой психологии. Мы привыкли к фатальной модели жизни в связи с ботаникой, биоло-

гией, позитивистской психологией, социологией и акмеологией. Согласно им все живое зарождается, растет, расцветает, переживает апогей и с той или иной скоростью увядает. В этом ряду, пожалуй, исключением является концепция Б.Г. Ананьева о двух контурах регулирования развития человека в онтогенезе – вертикальном и горизонтальном. Под вертикальным контуром регулирования имеется в виду система спинного мозга, управляющая иерархией простейших сенсомоторных функций. Горизонтальный или билатеральный контур регулирования развивается на основе формирования межполушарных связей коры головного мозга в связи с развитием высших психических функций. В рамках этой концепции оказывается, что в то время как низшие психические функции по вертикальному контуру регулирования регрессируют уже в достаточно молодом возрасте, высшие психические функции, развиваясь на основе межполушарного взаимодействия, могут развиваться интенсивно довольно долго, все более компенсируя регресс по вертикальному контуру. Следовательно, в рамках этой концепции на психофизиологическом уровне сделана попытка понять общее психологическое развитие человека как постоянно возрастающее за счет вышеуказанных трансформаций соотношения разных контуров регулирования (Ананьев, 1969). Знаменательно, что Б.Г. Ананьев подтвердил эту гипотезу своей жизнью и смертью.

В особой степени я стал интересоваться ноэтикой, ноологией, когда столкнулся с понятием *метанойя* в трансперсональной психологии (Уайт, 1996). Оно исходит из далеких христианских традиций, где под метанойей понимали просветление, объединяющее озарение и покаяние, интуицию и совесть. Святоотеческий опыт, отраженный в текстах о добротолубии, показывает возможность перехода такого пикового переживания момента в длительное состояние и даже в последний сезон жизни как подготовку к чему-то большему – жизни в духе. Еще Л. Толстой в «Холстомере» писал, что есть два вида старости – гадкая и величественная. Именно последний вид относится к сказанному выше и прямо говорит о том, что метанойя может быть не только результатом специальных практик, существующих во всех мировых религиях (не только в христианстве), но и *естественным* последним периодом земной жизни. Я имел счастливый период наблюдать это у своей бабушки, конечно, не задумываясь вовсе об этой проблеме. Сейчас мне ближе по сравнению со всеми вышеназванными науками об увядании «гипотеза», сформулированная в «Тибетской книге мертвых» (в редакции К.Г. Юнга), а именно: чем сильнее, точнее, яснее выпущена «стрела духа» умирающего человека, тем значительнее его результат жизни в трансцендентальном смысле.

Путь к метаноёе труден, поскольку лежит через *параноюю* (не в узком медицинском значении), полную опасностей, страхов и рисков, начиная с подросткового бунта, «потери головы» от любви, непонимания, одиночества вплоть до христианской «пустыни» или репрессивной социальной изоляции. Примечательно, что этот прорыв за рамки правильного разума – *ортонойи* – несмотря на более чем двадцатилетний период директивной социализации (семья, детский сад, школа, армия, вуз), происходит регулярно и естественно в сферу сомнений и понимания условностей и фальсифицированности большинства норм, правил, ценностей социокультурного устройства. Но это происходит у каждого слишком по-разному, потому что «ортонойяльное образование» начинается не с чистого листа. И речь здесь не просто о критической оппозиции генетической психологии ортодоксальному бихевиоризму во взглядах на ребенка. В нэтической психологии сложнее – должна получить право на существование и осмысление гипотеза о том, что суть одаренности ребенка намного глубже и тоньше: каждый рождается в уникальной «колыбели духа». Ее мы называем в соответствии с принятой схемой *протонойей*. Именно благодаря этой «протонойяльной колыбели» младенец имеет еще и важную автономию от прямого диктата наследственности. В этом смысле ранее я упоминал о том, что первичные зйдосы младенца защищают его от традиционной нормативности ортонойи взрослого. Если этот протонойяльный кокон взламывается взрослыми или обстоятельствами раньше времени, судьба растущего человека становится причудливой и плохо предсказуемой...

Такая *схема* (не модель, не структура и т.п.) сезонов жизни человека – протонойя – ортонойя – параноёя – метаноёя, в отличие от традиционных моделей «взлета – падения», выглядит скорее как *экспоненциальная функция духовного роста*, который может набирать скорость вплоть до конца жизни человека. Эта схема уже внутри себя содержит *ориентацию на нередуктивность духовного становления человека* и в этом смысле может стать основой развития соответственно нередуктивных подходов постметодологического плана, в качестве одного из которых я рассмотрел транскомуникативный подход. В контексте этого подхода постметодологическая схема исследования может выглядеть так:

– интуитивное понимание предмета исследования на основе синтеза вербально-невербальных и понятийно-метафорических средств в более широком семиозисе;

– непосредственная релевантность теории предмету исследования; аутентичная синтонность теории и предмета, т.е. непосредственная легкость перехода от языка теории к «языку предмета»;

– создание транскомуникативной ситуации исследования, непосредственно релевантной теории и предмету;

– инициирование транскомуникативного процесса исследования, соответствующего ситуации, теории и предмету.

Предполагается, что реализация этой схемы может привести к получению нередуктивного релевантного аутентичного психологического знания.

Постметодологическая перспектива исследований предполагает не только бесконечность неповторимых ценностных конфигураций каждого человека, но и аналогичную бесконечность возможностей концептуально-метафорической схематизации представлений об уникальных ценностных мирах людей (групп, культур), одной из которых является рассмотренная здесь схема. Из этого же обстоятельства вытекает и бесконечное разнообразие вариаций постметодологических стратегий исследования, даже если последние вытекают из единой теории, например теории коммуникативных миров и ММКМ. Рассмотрим такую перспективу.

Исходным условием здесь является вовлечение респондентов в ситуацию самоанализа своего жизненного мира. Исследователь актуализирует у них ценность аутокоммуникации и ценность коммуникативного мира.

Основанием активности респондента является не столько «инструкция», сколько индукция свободно смыслотворчества:

1) сказать что-то о *проблемах*, темах, интересах, которые обсуждаются с собой и в своем круге общения;

2) сказать что-то о *партнерах*, с которыми обсуждаются указанные проблемы;

3) далее производится невербальное субъективное оценивание *интенсивности* переживаний и общения в обозначенных выше контекстах.

Стандартизировать такой материал не составляет большого труда. Так, умещающийся на одной странице и соотношенный по всем названным аспектам, он даст минимум сто невербальных показателей (Кабрин, 2005а). Однако важнее понимать основной ценностный вектор анализа смыслового пространства – времени коммуникативного мира. Он задается на первом этапе самоанализа каким-то определением исходной проблемной ситуации. Предполагается, что таких способов может быть великое

множество. Я и мои коллеги применяли данную исследовательскую схему к анализу внутреннего мира личности, коммуникативного мира личности в семье, в компании, учебной группе или организации и т.п. Любое метаценностное основание может ориентировать внимание на различные ценностные субмиры. Так мы получали специфическую информацию о субмирах студентов и их родителей, предлагая им следующее определение исходной ситуации: «Ради решения каких проблем и ради кого Вы готовы изыскивать и резервировать свои жизненные ресурсы?» Такая ситуация ориентирована на выявление метаценностей и метамотивации. Аналогично исследуются коммуникативные миры образования глазами студентов и преподавателей, где открываются реальные образовательные ценности, и т.д.

В постметодологической перспективе далее мы намерены переадресовать определение основного ценностного вектора коммуникативного мира самому субъекту этого мира, как бы доверить ему «чистый лист» или дать полную свободу самотрансцендирования. Этим самым мы получаем постметодологическое расширение исследовательской ситуации. Для достижения полной релевантности *ситуации и процесса* исследования в качестве вариантов можно предложить принципы организации «Группы встреч», «Группы экзистенциального опыта», «Практикума ноэтического опыта» как собственно исследовательские.

Главный критический вопрос – не аналогична ли такая стратегия намерению горе-исследователя, умерщвляющего лягушку, чтобы понять, что же ею движет, или вытаскивающего рыбу из воды, чтобы она увидела свой жизненный мир со стороны и тем самым пробудилась к самосознанию?

10.9. Персональная образовательная траектория сотворения индивидуального транскомуникативного мира

В заключение мы предлагаем пилотажный постметодологический проект «Сотворение мира». Парадокс динамики современной многомерной культуры состоит в том, что глобализация коммуникативно-образовательных сетей интенсифицирует множественную идентификацию этнических и конфессиональных субкультур. Всё это неизбежно обостряет понимание *универсальности* персональной идентичности человека, реализующейся в его суверенном коммуникативном мире.

Проблема развития персональной коммуникативной сети, с помощью которой человек творит и оптимизирует индивидуальную траекторию образования себя как профессионала и трансфессионала, выводит на первый план не просто субъектное, но именно личностное его начало, поскольку предполагает его встречу в этой сети с такими же суверенными, как и он, другими личностями. Оттолкнемся от традиционного понятия коммуникативной сети. Коммуникативная сеть как простая или сложная структура каналов передачи информации возникает или актуализируется в случае, если коммуникатор достигает адресата (реципиента) или реципиент находит информационный ресурс коммуникатора. Сети различают по характеристикам каналов и информационных носителей, поскольку они определяют количество и качество возможных коммуникативных процессов (Моль, 2008). Поэтому для решения такой проблемы представляется наиболее релевантным транскоммуникативный подход, базирующийся на теории транскоммуникации и транскоммуникативной концепции личностного роста в образовании (Кабрин, 2008а; Калашникова, 2009). В данной работе он служит постметодологическим основанием, поскольку предлагаемые ниже концептуальные схемы являются его последовательными конкретизациями.

10.10. Транскоммуникативная экзистенция личности, социума, культуры в образовательном пространстве

Культурно-исторический анализ антропогенеза выявляет общую транскоммуникативную ось от архаики до современности, конституирующуюся определенными формами и трансформациями жизненных коммуникативных пространств (Поршнева, 2007; Ясперс, 1994). Не случайно в прошлом столетии получили мощное развитие концепции не только взаимодополнительности, но преемственности и взаимной транзитивности коммуникативных процессов *социального, культурного и личностного* уровней жизни человека. Имеются в виду концепции М.М. Бахтина, Л. С. Выготского, М. Бубера, Д.Г. Мида, Ю. Хабермаса, К. Ясперса и др. (Барт, 1975; Калашникова, 2009; Роджерс, 1993; Шибутани, 1999). В этом контексте универсальной составляющей жизненного мира человека, объединяющего указанные уровни, являются *транскоммуникативные отношения*, т.е. отношения, характеризующиеся возрастающим трансформативным потенциалом. Речь идет о погруженности каждого человека в конкретную историческую, социальную, культурную личностно значи-

мую ситуацию, в которой он в определенной степени чувствует, переживает принадлежность и сопричастность всем этим уровням ситуации и в то же время может (обладает потенциалом) *внести свой личный вклад в их осуществление и изменение*.

Однако проблема внесения человеком творческого инновационного вклада в социум, культуру, профессию связана с *аутентичностью* его личности. Аутентичность же может быть понята только через раскрытие уникальности человеческого Я. Психология человеческого Я в качестве центрального фактора личности имеет большую историю. Проведено много исследований и построено множество концепций в рамках различных психологических парадигм и школ (соответственно, от телесного до трансперсонального Я), которые фиксировались чаще в словах-метафорах: Оно, Эго, Суперэго; физическое, социальное, психическое, духовное Я; практическое и высшее Я; Самость, Проприум, I, Me, Self и даже Subperson и Person. Не называю здесь множества авторов этих концепций, поскольку до последнего времени тенденция центрироваться на своей классификации, не производя тщательных соотнесений с другими концептами, существует до сих пор. В этой ситуации я тоже продолжаю экономить слова, говоря лишь, что большинство этих концептов мне трудно признать достаточно полными, несмотря на их высокую креативность.

Для решаемой здесь проблемы наиболее близкими оказываются концепции К. Юнга, Р. Ассаджиоли (2008), Д.Г. Мида (1934), А. Лэнгле (2009). К сожалению, не получила достаточного развития классическая концепция Д.Г. Мида, определяющая Self как диалог (коммуникацию) I и Me, а концепции *аутентичной самости* К. Юнга и А. Лэнгле требуют прояснения ее коммуникабельности или глубже – транскомуникабельности. Помня прозрения К. Ясперса, представим *центральную инстанцию* во множественном Я личности как интуитивное чувство аутентичности или *интуитивную аутентичную со-весь*. Это означает способ приобщённости к *высшей вести*, имея в виду её *транскомуникативный смысл*.

Здесь вполне оправданно предположить, что «экзистенциальная коммуникация», возникающая, по К. Ясперсу, «из глубины молчания со-вести», связанной в этот момент с Всевышним, восходит уже на уровень трансперсональной коммуникации или собственно транскомуникации. Применяя четырехмерную модель транскомуникации к анализу базовой дифференциации центральной инстанции человеческого Я, получаем следующую конкретизацию.

А. *Нисходящий луч транскомуникации* (в направлении телесности) формирует *децентрированное катарктическое Я*, архетипическое по природе и вырастающее из «Мы» – коллективного бессознательного (по К. Юнгу, Б. Ф. Поршневу). Это первично децентрированное Я (предшествующее эгоизму), трансформируя паразитарную природу выживания в *альтруистическую интенцию служения* роду, культуре, профессии, порождает соответствующий тип коммуникативных отношений.

В. *Импрессивный луч транскомуникации* формирует соответственно *импрессивное Я*, в синонимический, психосемантический ряд которого входят Я-образ, Я-перцепция, Я-впечатление, Я-вчувствование, Я-поток, *Я-импринтинг*, зеркальное (по Ч. Кули), созерцающее, эйдетическое Я («Ме», по Дж. Миду), симбиотическое и адаптивное Я. Этот обычно очень развитый в человеке «Я-комплекс» обеспечивает транскомуникативную *интенцию «отзывчивости – взаимности»* и соответствующий тип коммуникативных отношений.

С. *Экспансивный луч транскомуникации* рождает спонтанное, генеративное, субъективное, творческое Я («I», по Дж. Миду), инициативное, ментальное, имагинативное Я, ориентированное на путешествие, поиск, приключение, риск. Этот «Я-комплекс» проектирует транскомуникативную *интенцию инициативной избирательности*, формирует «чувство собственного достоинства» и соответствующий тип коммуникативных отношений.

Д. *Восходящий луч транскомуникации* формирует высшее Я (по Р. Ассаджиоли), духовное Я, вдохновляющее, просветленное, мудрое любящее Я, определяющее транскомуникативную *интенцию призвания* (призванности, предназначенности), и порождает соответствующий тип коммуникативных отношений.

Эти четыре луча Self-интенции являются источником развертывания всей индивидуальной аутентичной образовательной траектории личности и её транскомуникативного мира.

10.11. Холархия поясов транскомуникативного пространства профессионализации личности

В качестве источника образовательной перспективы среди основных ипостасей человека (организм, индивид, субъект, индивидуальность) рассматривается личность, поскольку именно в ней проявляется трансцен-

дентность человека (Лэнгле, 2009). В этом контексте суверенная личность образуется как *метапозиция* системы Я-инстанций, развернутых выше, в рефлексивном зеркале которой она может рассматривать и оценивать сильные и слабые стороны себя как организма, индивида, субъекта и индивидуальности с точки зрения своих жизненных проектов и актуальных коммуникативных отношений в ситуации и среде.

В персоналистическом плане человек, следовательно, проявляется не просто как субстанция или процесс, а как *отношение*: гендерное и прогендерное (дети, семья), родственное и прородственное (родство, генеалогия, братство, Родина), культуральное и транскulturальное (этноцентризм, космополитизм), экзистенциальное (аутентичная событийная ответственность) и трансцендентальное (совесть и вера). Иными словами, человек как личность онтологически существо *трансперсональное* и *транскоммуникативное*. Спектр и границы его существования образуются холархией коммуникативных кругов или *поясов* его жизненного пространства. Из всех возможных метафор (слой, сфера, уровень) мы выбрали *пояс*, поскольку он несет в себе семантику собственной протяженности, относительной проницаемости, выделяющейся определенности, обладает качеством иммунитета и потенциальной радиации, что соответствует холархической и науковедческой концептуализации (Лакатос, 2003; Уилбер, 2004). Холархия объединяет иерархические и гетерархические аспекты (процессы) системы.

В этом контексте холархия образовательных пространств будет выглядеть так:

– система транскоммуникативных Я-интенций личности – первый имплицитный пояс *персональной идентичности* (аутентичности);

– система свободных избирательных, значимых и взаимных *транскоммуникативных отношений* личности – второй эксплицитный пояс *персонального коммуникативного мира* личности;

– система *транскоммуникативных связей* личности в образовательном пространстве (*например, факультета*) – третий пояс персональной образовательной сети;

– система *транскоммуникативных связей* личности в образовательном пространстве организации (*например, университета*) – четвертый пояс персональной образовательной сети;

– система *транскоммуникативных связей* личности в *информационно-образовательном пространстве* культуры – пятый пояс персональной образовательной сети, например:

– образовательные СМИ,
– образовательный Интернет,
– профессиональные экспертные системы;
– *транскоммуникативный полигон притязаний, испытаний и достижений личности* – шестой креативный пояс персональной образовательной сети, например:

– участие и победы в конкурсах фондов на получение грантов,
– участие и победы в суперконкурсах (президентских, международных и т. п.);

– транскоммуникативное пространство образовательных путешествий и приключений – седьмой *рекреативный пояс* персональной образовательной сети, например:

– edutainment (образовательные развлечения),
– научный туризм;
– *диффузное фоновое транскоммуникативное пространство* персональной образовательной сети – восьмой открытый «атмосферный» пояс, например:

- вебинары (онлайн-семинары),
- профессионально-образовательные форумы и чаты,
- культурно-просветительские программы,
- случайные встречи.

Степень освоения личностью каждого *образовательного пояса* может быть определена на основе конкретных транскоммуникативных критериев. Важно иметь в виду, что границы между поясами относительны, т.е. между ними имеются ощутимые пересечения.

10.12. Первый имплицитный пояс персональной идентичности – система транскоммуникативных Я-интенций личности

Среди множества концепций личности для контекстуальной основы выбираются экзистенциально-гуманистические и трансперсональные как наиболее соответствующие современности, дающие наименее искаженные и редуцированные отображения личностного начала в человеке и раскрывающие его транскоммуникативную природу (Лакатос, 2003; Маслоу, 1997; Роджерс, 1997; Франкл, 1990). Собственно транскоммуникативная архитектура личности представляет собой сложно артикулированную многоуровневую холархию внутренне-внешних транспозиций и транскоммуникаций. В контексте многоплановой коммуникативно-

образовательной персональной сети важно акцентировать базисные интенции личности, характеризующиеся трансцендентным потенциалом. Этим требованиям удовлетворяют интенции, соответствующие основным лучам транскомуникации, признаками которых являются основные транссовые пиковые переживания:

– интенция служения – альтруистическая ориентация помощи, поддержки, жертвования, связанная с чувством сопричастности чему-то большему (семье, нации и т.п.); транскомуникативный критерий – вербально-невербальная симптоматика выраженности катарсиса (нисходящая транскомуникация);

– интенция гармонии – отзывчивость, ответственность, взаимность, впечатлительность в отношении нового, соответствующие чувству причастности гармонии мира; транскомуникативный критерий – вербально-невербальная симптоматика выраженности импринтинга (импрессивная транскомуникация);

– интенция свободной инициативы – потребность в самореализации, ориентация на достижения, рост притязаний, связанные с чувством безграничных возможностей жизненного пространства; транскомуникативный критерий – вербально-невербальная симптоматика выраженности экспрессии, экстенсии, экспансии, экстаза (экспансивная транскомуникация);

– интенция призвания – чувство предназначения, особой индивидуальной предрасположенности к осуществлению чего-то жизненно и социально значимого, связанного с поиском и открытием смысла жизни в контексте высших духовных ценностей; транскомуникативный критерий – вербально-невербальная симптоматика выраженности инсайта, озарения, открытия, вдохновения (восходящая транскомуникация).

10.13. Второй эксплицитный пояс транскомуникативного мира личности – система свободных избирательных, значимых и взаимных коммуникативных отношений личности

Если транскомуникативный потенциал личности образует первый имплицитный *тематический пояс* её образовательной сети, то коммуникативный мир личности в социокультурном пространстве можно считать вторым ближайшим транскомуникативным политематическим поясом. Коммуникативный мир как пространство оптимальной самореализации личности формируется на основе аутентичной констелляции ее базовых

транскомуникативных интенций как уникальная конфигурация *децентрализованных, взаимных, избирательных, свободных* отношений, в которых происходит гармонизация ценностно-тематических и партнерских ориентаций личности (Кабрин, 2005а). Здесь мы видим, как транскомуникативные интенции личности перерастают в качества коммуникативных отношений.

Любая специальность, научное и инновационное направление, образовательная дисциплина на уровне транскомуникативного мира характеризуются эксплицитными коммуникативными критериальными качествами: *эмпатическая децентрация, отзывчивая взаимность, инициативная избирательность и восхищающий интерес*. Имея в виду уровни коммуникаций, в данном коммуникативном пространстве можно выделить второй вектор критериальных характеристик, а именно – происходит ли общение в основном в форме элементарных *контактов*, содержательных *бесед* (с интересными собеседниками), проблемных *дискуссий* (с достойными оппонентами) или углубляющихся значимых *отношений* (взаимное развитие в русле общих ценностей).

Коммуникативный мир личности студента, аспиранта и т.п. в контексте образовательной сети, конечно, должен бы формироваться профессионально значимыми специалистами, экспертами, преподавателями и студентами, образующими *референтный, дискуссионный, оппонентский* круги.

Следующие коммуникативные пояса образовательной сети личности носят значительно менее персонифицированный характер или могут быть скорее деперсонифицированными. Но в силу открытости коммуникативного мира личности их события могут интроецироваться в персональное жизненное пространство и являться своеобразными маяками дальнейшего его развития.

10.14. Третий пояс персональной образовательной сети – система транскомуникативных связей личности в пространстве факультета

В персональной образовательной сети кроме обязательного учебного плана и успеваемости важно учитывать *консультативный круг студентов* (к кому обращаются за консультациями), включенность во внеучебные события (семинары, конференции, дискуссии, диспуты, форумы, волонтерские инициативы, экологические мероприятия). Целесообразно

выделить оппонентский проблемный круг общения личности на факультете.

10.15. Четвертый пояс персональной образовательной сети – система транскомуникативных связей личности в пространстве университета

Во-первых, общеуниверситетское пространство продолжает и развивает все формы факультетской жизни на уровне вуза. В то же время имеются качественно более универсальные сферы, характеризующие уникальное достояние университета, приобщение к которым существенно обогащает персональную транскомуникативную сеть студента. Например, музеи и архивы, экологические образования (рощи, ботанические сады, ландшафт в целом), спортивные объединения, секции, художественные коллективы и альтернативные клубы, любительские собрания, хоббинарии, общеуниверситетские акции. Критерием развития этого пояса сети является степень включенности в указанные направления жизни студенческого университетского мира.

10.16. Пятый пояс персональной образовательной сети – система транскомуникативных связей личности в информационно-образовательном пространстве СМИ и Интернет

Данный диффузный пояс персональной образовательной сети настолько разнообразен и многогранен, что на данном этапе моделирования и исследования необходимо накопление эмпирического массива данных о включенности конкретных студентов в конкретные СМИ и интернет-процессы. Здесь, видимо, социологические исследования должны предшествовать глубинному психологическому анализу.

Также необходим анализ дидактической ценности погружения в соответствующий процесс.

10.17. Шестой креативный пояс персональной образовательной сети – транскомуникативный полигон притязаний, испытаний и достижений личности

Этот на первый взгляд крайний пояс на самом деле лучше понимать как интенсивно мерцающую ауру образовательной сети. Психологическая значимость некоторых событий может быть настолько велика, что ощутимо влияет на предыдущие слои образовательного простран-

ства вплоть до воздействия на базовые интенции личности. Примеры транскомуникативно-образовательных событий:

- участие и победа в конкурсах фондов на получение грантов;
- участие и победа в суперконкурсах (президентских, международных и т.п.).

10.18. Седьмой рекреативный пояс персональной образовательной сети – транскомуникативное пространство образовательных путешествий

Известно, что креативность и рекреация в жизни творческой личности интимно взаимосвязаны. Многим неожиданным выдающимся открытиям мы обязаны именно рекреативным ситуациям (отдых, путешествия, приключения, хобби), особенно если им предшествовала интенсивная творческая работа (Любарт, 2009). Можно выделить такие типы рекреативной жизни:

- edutainment (образовательные развлечения);
- хоббинарии;
- научный туризм.

10.19. Восьмой открытый диффузный пояс – атмосферное фоновое транскомуникативное пространство

Открытость случаю, спонтанным транскомуникациям, имеющим косвенное отношение к образовательным стратегиям личности, может иметь неожиданные и весьма внушительные последствия для их кардинальных изменений. Составляя новый контраст по отношению к задуманному, эти контакты могут незаметно добавлять критическую энергетику для важного дела по принципу доминанты. Примеры таких контактов:

- вебинары (онлайн-семинары);
- профессионально-образовательные форумы и чаты;
- культурно-просветительские программы;
- случайные встречи.

Представленная выше упорядоченность поясов или слоев персональной образовательной сети, хотя и имеет смысл с точки зрения масштабирования транскомуникативного пространства, но он относителен. Значительно релевантнее рассматривать выделенные пояса как относительно самостоятельные измерения многомерного пространства

персональной образовательной сети. Важно учесть, что они находятся во многом в *холархических* отношениях, т.е. оказываются вложенными и взаимопроницаемыми друг в друга. В заключение укажем основные направления работы по совершенствованию персональной образовательной траектории в её транскомуникативных сетях и средах.

10.20. Пути исследования и повышения эффективности персональной образовательной сети

– Перевод всех поясов, уровней и характеристик транскомуникативной сети в категории контент-анализа, исследовательского интервью и психосемантического анализа проектов и рефлексивных отчетов студентов.

– Более направленное исследование холархии коммуникативных миров всех поясов и их пересечений с помощью метода моделирования коммуникативных миров (ММКМ);

– Картографирование и формирование ментальных карт основных источников образовательной информации как потенциальных коммуникаторов.

– Медитативный тренинг аутентичности – развитие интуитивной сензитивности, переживание уникальных аспектов внутреннего Я по каждой базовой интенции личности; усиление самодостаточной воли их проявления.

– Тренинг самовыражения внутренних интенций в коммуникативных мирах с помощью ритм-практик (программа ритм-студии) (Кабрин, 2009).

– Ноэтический практикум управления намерениями – медитативная проработка перспектив, формирование транскомуникативных связей и отношений по внешним поясам образовательной сети (Кабрин, 2009).

– Модельное конструирование образовательных коммуникативных миров.

– Программа комплексной супервизии формирования индивидуальной траектории образования.

Представленная модель персональной образовательной траектории может стать основой спецкурса по постметодологическому исследованию в профессиональной подготовке психолога и программы психологического сопровождения инновационно-ориентированных специалистов различных профессий.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
- Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Ассаджоли Р.* Психосинтез: принципы и техники. М.: Психотерапия, 2008.
- Барабанищев В.А.* Методы психологического познания: системный взгляд // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2005. С. 14–24.
- Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против» / Под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 114–164.
- Болтин М.М.* Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского. М.: Советская Россия, 1979.
- Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.
- Бом Д.* Развертывающееся значение. Три дня диалогов с Дэвидом Бомом. М., 1992.
- Ван Каам А.* Трансцендентальная терапия // Журнал практического психолога. 1998. № 6. С. 28–46.
- Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д.* Психология межличностных коммуникаций. СПб.: Речь, 2000.
- Веккер Л.М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.
- Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // Русский космизм. М.: Педагогика-Пресс, 1998. С. 282–302.
- Вульф В., Ректор К.* Холодинамика вашей жизни. М.: ЛАС, 1994.
- Гроф Ст.* Духовный кризис. Статьи и исследования. М.: МТМ, 1995.
- Гроф Ст.* За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: АСТ, 2002.
- Гроф Ст.* Путешествие в поисках себя. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1994.
- Гусельцева М.С.* Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психол. журн. 2005. Т. 26, № 6. С. 5–15.
- Дергачева О.Е.* Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Десси и Р. Райана // Современная психология мотивации. М.: Смысл, 2002. С. 165–190.
- Дмитриева Л.Г.* Проблема асимметричности и неравновесности психологических позиций в диалогическом взаимодействии // Психологическая наука и образование. 2009. № 4.
- Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии. / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2005. С. 62–89.
- Знаков В.В.* Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Институт психологии РАН, 2005.
- Ильин И.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998.
- Кабрин В.И.* Транскомуникация и личностное развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992.

Кабрин В.И. Психологический универсум человека нозтического // Психологический универсум образования человека нозтического. Томск: Водолей, 1999.

Кабрин В.И. Нозтическое измерение в психологии: новое и вечное // Сибирский психол. журн. 2000а. Вып. 12. С. 23–28.

Кабрин В.И. Транскомуникативная холодинамика психологического универсума личности (стресс-транс-формация) // Вестник Том. ун-та. 2000б. № 2. С. 34–41.

Кабрин В.И. Личность как встреча // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность, коммуникация, толерантность. Томск, 2002. С. 73–103.

Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни человека. М.: Смысл, 2005а.

Кабрин В.И. Транскомуникативный подход как постметодология современной психологии // Вестник Том. ун-та. 2005б. № 286. Сер. Психология, С. 15–20.

Кабрин В.И. Современная система психологических парадигм как основание комплексных методов развития человеческих отношений в духе толерантности // Модернизм в психологии. Новосибирск: НГУ, 2005в. С. 87–99.

Кабрин В.И. Транскомуникативный подход как постметодология современной нозтической психологии жизни // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Под ред. А.А. Журавлева, А.В. Юревича. М.: ИП РАН, 2007а. С. 172–194.

Кабрин В.И. Транскомуникативный мир человека в постметодологической перспективе психологической антропологии // Коммуникативное измерение в психологической антропологии. Томск, 2007б. С. 290–334.

Кабрин В.И. Транскомуникативные основания анализа ценностного мира человека // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей: коллективная монография / Под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М., 2008а. С. 148–163.

Кабрин В.И. «Химеры объяснения» и постметодологическая перспектива психологии // Методология и история психологии. 2008б/ Т. 3, вып.1. С. 153–165.

Кабрин В.И. Развитие психологического потенциала достижений личности (Комплексный проект развивающих тренинговых программ) [Электронный ресурс]: Электрон. учеб. пособие. Томск, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Калашиникова М.Б. Формирование экологической культуры студентов разных специальностей в образовательной среде вуза через курс психологии // Психологическая наука и образование. 2009. № 3.

Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М., 2003.

Козлов В.В. Интегративная психология: проблема метода // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Каричко, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2005. С. 167–201.

Лакатос И. Методология исследовательских программ. М.: АСТ; Ермак, 2003.

Лебединская С.В. Метафора в коммуникативной самореализации личности (на примере психологического тренинга): Дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2008.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Луиджи З. Созидание души / Пер. с итал. М.: ПЕРСЭ, 2004.

Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности: Сб. статей. М.: Генезис, 2009.

Любарт Т. Психология креативности: Учеб. пособие. М.: Когито-Центр, 2009.

Мазилев В.А. Методологические проблемы в психологии в начале 21-го века // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 1. С. 23–34.

Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Изд. группа «Евразия», 1997.

Мид Дж. От жеста к символу [Электронный ресурс] // Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934. P. 65, 66–76, 78. Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru/sociologia/mead.htm>

Моль А. Социодинамика культуры. М.: ЛКИ, 2008.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 37–90.

Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989.

Оллорт Г. О психологии личности. М., 1999.

Оллорт Г. Становление личности: Избранные труды / Пер. с англ. Л.В. Трубицной и Д.А. Леонтьева; под общ. ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002.

Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. 2. М.: Прогресс, 1966. Вып. 1, 2. С. 157–194.

Платон. Диалоги. Харьков: Фолио, 1999.

Полборн Р. Образ и предвкушение. М.: Флинта, 2003.

Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Алетейя, 2007.

Пяткова О.А. Динамика транскommunikативных состояний личности в социально-психологическом тренинге: Дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2007.

Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1997.

Роджерс К. Становление человека. Взгляд на психотерапию. М.: Универс, 1993.

Рубинштейн Л.С. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2006.

Тиллих П. Мужество быть // Избранное: Теология культуры. М.: ЮРИСТЪ, 1995.

С. 7.

Уайт Дж. Просветление и иудейско-христианская традиция // Что такое просветление? Исследование цели духовного пути. М.: Изд-во трансперсональной психологии, 1996. С. 181–193.

Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия. М.: АСТ, 2004.

Уоли Р. Основания духовности. М.: АСТ, 2004.

Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию. Человеческая духовность с точки зрения соучастия. М.: Изд-во трансперсональной психологии; Изд-во К. Кравчука, 2004.

Фокс М., Шелдрейк Р. Там, где встречаются наука и Дух. Физика ангелов. М.: София, 2003.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2006.

Хиллман Дж. Архетипическая психология. СПб., 1996.

Шарден П.Д. Феномен человека. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1997.

Шелдрейк Р. Новая наука о жизни. М.: РИПОЛ классик, 2005.

Шерток Л. Непознанное в психике человека. М., 1982.

Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д: Феникс, 1999.

Юнг К. Аіоп. Исследование феноменологии самости. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1997а.

Юнг К.Г. Синхроничность. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1997б.

Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996.

Юревич А.В. Психология и методология. М.: Институт психологии РАН, 2005.

Юревич А.В. Системный кризис психологии // *Вопр. психол.* 1999. № 2. С. 3–11.

Якимова П.Ю. Мотивация обучения и выбора профессии у студентов-психологов, обучающихся на разных психологических специальностях // *Психологическая наука и образование.* 2008. № 5. С. 110–119.

Якобсон Р. В поисках сущности языка // *Семиотика* / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 102–118.

Ялом И. Лечение от любви. Психотерапевтические новеллы. М.: Эксмо, 1994.

Ялом И., Элкин Дж. Хроники исцеления: Психотерапевтические истории / Пер. с англ. С. Артемова. М.: Эксмо, 2005.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1994.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная работа – лишь первая попытка интеграции различных теорий, методов и практик в пространстве транскоммунитивной парадигмы. После первого опыта вхождения в транскоммунитивную феноменологию становятся понятными принципиальная ограниченность и редукционизм традиционных психологических методов, особенно тестов и опросников. Более остро обнаруживается необходимость выхода за их рамки, что обозначено в работе как постметодологическая перспектива. Возможно, это временный мораторий в предчувствии открытия принципиально новых психологических методов, релевантных специфике психологической реальности.

В монографии были предложены различные направления достижения этой релевантности путем формирования особой исследовательской коммуникации, предполагающей контроль существенных коммуникативных и транскоммунитивных переменных и факторов. Такой путь исследования непривычен и сложен; он похож на «сотворение миров», обреченных на исчезновение по окончании исследования, но имеющих возможность продолжить свое существование и развитие как принципиально новый тип культуры. Главная особенность этих миров – обретение конструктивной рефлексии, страхующей от безответственности и создающей безопасность их дальнейшего существования.

Коллектив авторов приглашает всех желающих не пожалеть сил, вникнуть в это направление, защищающее от бесконечных деструктивных и обескураживающих нас проявлений современного социума.

ПРИЛОЖЕНИЕ МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ МИРОВ ЛИЧНОСТИ (ММКМ)

Стратегии транскоммунитивного анализа структуры и динамики личностного роста

Для исследования характеристик транскоммунитивного потенциала личностного роста была разработана проективная, психосемантическая исследовательская техника «Метод моделирования коммуникативного мира» (ММКМ).

ММКМ построен на достаточно универсальных принципах коммуникативного подхода, в котором межличностная и внутриличностная коммуникации рассматриваются как форма самореализации и саморазвития личности в смыслотворчестве.

Комплексное лонгитюдное исследование коммуникативных миров студентов 80-х гг. выявило универсальные факторы коммуникативного развития личности как факторы коммуникативного стресса (К-стресса) и коммуникативного трансa (К-трансa) в их комплементарных взаимоотношениях.

Это позволило выдвинуть гипотезу о базовом транскоммунитивном факторе (ТК-факторе) личностного роста как стресс-трансформации, которая была рассмотрена во введении. Подтверждение гипотез о вербально-невербальных соотношениях проявления К-стресса, К-трансa и креативной **стресс-транс-формации** (СТФ) в пилотажных исследованиях студентов ТГУ в 1998 г., позволило придать параметрическую определенность характеристикам СТФ в рамках ММКМ.

Модель сбора информации

ММКМ сохраняет единство коммуникативного подхода, имеющего постметодологическую ориентацию, теории транскоммунитивации и концепции коммуникативного мира как модели жизненного мира личности.

Поэтому ММКМ реконструирует базовые координаты жизненного мира личности как особый хронотоп (в единстве коммуникативного пространства и времени). *Коммуникативное пространство* как смыслообразующее имеет *интраперсональную* («интересы, темы и проблемы» – И) и *интерперсональную* (*партнеры*, обозначенные их существенными для

респондента характеристиками, – П) координаты в единстве с *коммуникативным временем* («ретроспектива», «актуальность», «перспектива»). Имеется в виду, что все смысловые линии (интересы – партнеры) рассматриваются в контексте прошлого, настоящего и будущего, и наоборот, ретроспектива, актуальность и перспектива представлены в пространстве проблем и партнеров. Бланк сбора информации по ММКМ представлен на рис. 1.

Ф.И.О.					
Возраст		Пол		Факультет	
Группа		Дата		Вуз	
№ фраз	Интересы и проблемы, наполняющие мою жизнь. Написать не менее пяти свободных фраз и подчеркнуть наиболее близкие внутреннему миру	Приятны ли переживания, с ними связанные? Оцените по шкале: –3 –2 –1 0+1 +2 +3			В каждую строку запишите номера партнеров, к которым Вы обращаетесь к указанным проблемам
		в прошлом	в настоящем	в будущем	
1	2	3.1	3.2	3.3	4
1					
....					
10					
№ фраз	Партнеры моего круга общения, названные их основными характеристиками Назвать не менее пяти партнеров и подчеркнуть характеристики, относящиеся к Вам	Приятны ли переживания, с ними связанные? Оцените по шкале: –3 –2 –1 0+1 +2 +3			В каждую строку запишите номера проблем, по которым Вы обращаетесь к указанным партнерам
		в прошлом	в настоящем	в будущем	
1					
....					
10					

Рис. 1. Бланк респондента в ММКМ (сокращенный)

Респондентам предлагают:

1) в верхней половине второй основной колонки бланка назвать не менее пяти основных и не более десяти тем обсуждений и раздумий; в нижней половине второй колонки бланка назвать не менее пяти и не

более десяти основных партнеров своего круга общения, обозначив их существенными для себя характеристиками;

2) в третьей колонке бланка, которая состоит из трех частей, оценить основные переживания, связанные с каждой темой и каждым партнером в прошлом (3.1), настоящем (3.2) и будущем (3.3). Для количественной оценки **личностной значимости** всех указанных аспектов респонденту предлагается классическая семибалльная биполярная шкала семантического дифференциала с полюсами от «очень неприятные переживания» (-3) до «очень приятные переживания» (+3);

3) в четвертой колонке бланка, на основе которой строится смысловая коммунограмма, указать номера названных партнеров, которые обращаются к респонденту по каждой из названных им тем, и номера тем, по которым респондент обращается к каждому из названных им партнеров. Номера тем и партнеров указываются в первой колонке бланка и являются порядковыми номерами называемых тем и партнеров.

Невербальные показатели ММКМ

Наиболее простейшим способом получения информации по ММКМ является вычисление суммарных показателей по шкальным оценкам. Они могут иметь самостоятельный смысл, даже если вторая колонка бланка заполнена на незнакомом для нас языке, что важно для экспресс-анализа в кросскультурных исследованиях.

Главным невербальным параметром «стратегической» стресс-транс-формации (СТФ) стал показатель «**вектор роста**» (ВР) в масштабе коммуникативного времени (Ретроспектива – Актуальность – Перспектива). Он вычисляется как «вектор субъективной перспективы», интегрируя субъективное пространство и время К-мира личности. Сначала среди оценок переживаний, которые указываются респондентом в третьей колонке по каждой координате коммуникативного времени «прошлое» (3.1), «настоящее» (3.2), «будущее» (3.3), определяется модальная, т.е. наиболее часто встречающаяся оценка из семи возможных. «Вектор роста» подсчитывается как алгебраическая сумма разностей выделенных модальных оценок переживаний:

(«будущее»-«прошлое»)+(«будущее»-«настоящее»)+(«настоящее»-«прошлое»)

$$ВР=(ВР_3-ВР_1)+(ВР_3-ВР_2)+(ВР_2-ВР_1),$$

где $ВР_1$ – модальная оценка переживаний в «прошлом», $ВР_2$ – модальная оценка переживаний в «настоящем», $ВР_3$ – модальная оценка пережива-

ний в «будущем», ВР – шкальный тип, который является конфигурацией оценок прошлого, настоящего, будущего с максимальной частотой проявления.

Вторым невербальным показателем, который может иметь отношение к стресс-транс-формации, взят простой показатель **Разнообразия шкальных типов** – РТ, который вычисляется как отношение количества разных типов к их общему количеству:

$$РТ = P_{ti} / P_{Tn},$$

где РТ_i – количество разных шкальных типов, т.е. количество использованных в оценке баллов из семи возможных, РТ_n – общее количество представленных шкальных типов (максимальное значение этого показателя).

Он может показывать креативный транс, а также может использоваться как контрольный показатель мотивационной включенности в работу с тестом.

Третий невербальный показатель удовлетворенности (ПП – «позитивные переживания») – суммарный показатель позитивных переживаний, оценка тенденции к К-трансу (общая удовлетворенность) – подсчитывается как общая сумма положительных оценок по столбцам в третьей колонке.

Четвертый показатель – суммарный показатель негативных переживаний НП как тенденция к К-стрессу (общая неудовлетворенность) – подсчитывается как сумма отрицательных оценок по столбцам в третьей оценочной колонке.

Пятый показатель – интегральный показатель соотношения стресс-и транс-тенденций как разность стресса и транса – преобладание общей удовлетворенности или неудовлетворенности, характеризующей общую направленность переживаний; ВП – вектор переживания – подсчитывается как алгебраическая сумма показателей ПП и НП.

Каждый показатель имеет 5 модификаций с разными направлениями интерпретации и для разных задач. То есть каждый из них может вычисляться отдельно 1) по темам, 2) по партнерам, 3) по вербальному трансу, 4) по стрессу и 5) в целом. Следовательно, на первом уровне экспресс-анализа методика позволяет получить 25 показателей.

Вербальные показатели ММКМ

Проективный, психосемантический характер ММКМ позволяет также осуществлять контент-анализ вербальных проявлений К-стресса, К-транса, стресс-транс-формации (СТФ) и транс-стресс-формации (ТСФ) соответственно. В качестве единиц счета К-транса и К-стресса использовались односложные слова, выражающие любую составляющую данных «семантических полей». В качестве единиц счета СТФ и ТСФ брались связанные словосочетания, содержащие биполярную пару, соответственно разной направленности.

Ниже приведены выдержки из типичных ответов респондентов в ММКМ, в которых содержатся вербальные признаки стресса, транса, стресс-транс-формации и транс-стресс-формации.

Проявления К-транса:

в темах (верхняя часть бланка) – *«любовь обогащает твой внутренний мир», «я в свободном полете», «творческая энергия», «сохранить детскую спонтанность, способность удивляться...», «счастье и гармония в мире», «как прекрасно знать, что кто-то ждет тебя среди вселенной», «снятие стереотипов – взгляд открытый, новый», «ощущение сюрприза от каждого»;*

в партнерах (нижняя часть бланка) – *«любимый человек», «собеседник для души, интересный мир для открытий», «чувство юмора, легкость», «лучший друг, понимающий, греющий», «мое солнце», «моя родная милая мать», «мама – любящая, принимающая, мудрая».*

Проявления К-стресса:

в темах (верхняя часть бланка) – *«одиночество», «я сильно устала за последнее время», «защита от окружающего мира», «мое чувство неуверенности в себе», «отдаляюсь от друзей», «маски людей», «мало людей меня понимают», «проблема обособленности», «не могу общаться с некоторыми людьми», «уход в себя. Невыраженность чувств отрицательных, раздражение, неприязнь», «неоткровенность»;*

в партнерах (нижняя часть бланка) – *«неверный, неискренний, наглый», «эгоизм, злость, бездумность», «обидчивый, легко ранимый», «рассеянность, неуверенность, глупость», «напыщенность», «она меня раздражает своей тупостью», «неуместная веселость, нечуткость к внутреннему миру людей, глупость», «вечное недовольство».*

Проявления «стресс-транс-формации»:

в темах – «...грусть об ушедшем, избегание привязанности, радость ожидания», «неизведанное, разнообразие интересов», «острота переживаний», «скрытое стремление к самопознанию», «проблема масок и наличие личности под маской», «общение с некоторыми людьми вызывает напряжение, хотя и доставляет удовольствие», «костили души, противоречие эмоций, потерянности, стремление к гармонии»;

в партнерах – «она вспыльчива и громкоголоса, но любит, переживает, тревожится», «сумбурная глубина», «другой, чуждой, но любимый», «солнышко в окошке: то ясно, то пасмурно», «холодный огонь», «царевна-лягушка» (скрытая инверсия).

Проявления «транс-стресс-формации»:

в темах – «однокурсники. Все люди интересные; закрытые книги, стены недоверия, барьеры непонимания», «через душу просачивается очень много, но только негативное остается», «мне приятны и одновременно неприятны некоторые люди»;

в партнерах – «то мир, то противостояние», «ребенок, который хочет стать взрослым», «шиут поневоле», «хочет быть искренней, но получается некоторое подобие искренности, но искренность другого не принимает, сразу закрывается».

Индексы вербализации стресса, транс, стресс-транс-формации и транс-стресс-формации обозначаются:

ВСи – вербализация стресса в «интересах»;

ВТи – вербализация транс в «интересах»;

ВСП – вербализация стресса в «партнерах»;

ВТп – вербализация транс в «партнерах»;

В(СТ)и – вербализация стресс-транс-формации в «интересах»;

В(ТС)и – вербализация транс-стресс-формации в «интересах»;

В(СТ)п – вербализация стресс-транс-формации в «партнерах»;

В(ТС)п – вербализация транс-стресс-формации в «партнерах».

Показатели вычисляются по одной формуле

$$B = B_i / B_n$$

где для индексов вербализации стресса и транс B_i – количество односложных слов во второй колонке бланка, выражающих составляющие данных «семантических полей», для индексов вербализации СТФ и ТСФ B_i – количество словосочетаний, содержащих биполярную пару; B_n – общее количество слов.

Можно получить еще четыре обобщенных индекса вербализации ВС, ВТ, В(СТ) и В(ТС), суммируя данные по интересам и партнерам по соответствующим тенденциям. При этом допустимо и вычисление разностей по этим же четырем соответствующим тенденциям для выявления их соотношения или преобладания по интересам или партнерам. В результате второй уровень анализа методики допускает получение 16 различных вербальных показателей. Выбор конкретных показателей определяется задачами конкретного исследования.

Факторы транскомуникативного потенциала коммуникативного мира личности

Из феноменологии и концепции транскомуникации следует, что главный критерий наличия транскомуникативного процесса – наличие синхронизаций в процессах, протекающих одновременно на макро- и микроуровне.

Если мы в характеристиках К-мира как макроструктуры определим показатели существенные и для микропроцессов в нем, то можем вскрыть устойчивые латентные факторы транскомуникативного потенциала, ответственного за личностный рост.

Если полагать, что микропроцессы реализуются на уровне отдельных контактов в контексте К-мира, то его универсальные координаты – *избирательность* и *взаимность* – могут проявляться на **микроуровне** как *фокусировка* (приоритет) выбора соидентичности с конкретным партнером и конкретной темой разговора и как *открытость* контакту с разными партнерами по разным темам.

Структура бланка сбора информации позволяет получить показатели *открытости* партнера темам и темы партнерам (верхняя часть и нижняя часть 4-й колонки бланка соответственно). В этом смысле темы, обсуждаемые с наибольшим числом партнеров в К-мире, обозначим как *открытые*, а с наименьшим числом партнеров – как *закрытые*. Таким образом, «открытость» и «закрытость» являются полярными крайними характеристиками диапазона взаимности.

Взаимность же на макроуровне может быть охарактеризована общим объемом взаимодействий при условии их значимости, что определяет смысловое пространство К-мира личности, которое имеет двойную направленность – внешнюю и внутреннюю. Внешнее пространство за-

дается взаимоотношениями с партнерами как с другими субъектами, внутреннее определяется интересами и проблемами, которые личность как «множественное Я» (множество Я-образов) сама обсуждает с собой в своем К-пространстве. О таких развернутых координатах психологического пространства имеет смысл говорить лишь на макроуровне коммуникативного мира, где накопленный внутренний контекст отношений достаточно дифференцирован.

Аналогично *избирательность* на микроуровне К-мира можно интерпретировать как значение выбора или «избранности» темы и партнера. Тогда индикатором такой избранности в ММКМ будут подчеркнутые темы (2-я колонка бланка, верхняя часть) или характеристики партнеров (2-я колонка бланка, нижняя часть) в перечнях, формулируемых респондентом. Это приближение к себе, своему внутреннему миру обозначим как **центрированность** или центрацию темы или партнера.

На макроуровне К-мира человек осознает, что он существует как реализующийся в пространстве взаимоотношений и **«одновременно»** как развивающийся в *Перспективе*, когда смысл настоящего может определяться значением для будущего. Для личности это одна из актуальных проблем – отдать себя настоящему или посвятить будущему. Это одна из экзистенциальных проблем, которая может быть или источником внутреннего и внешнего конфликта, или личностного развития. Таким образом, характеристики К-мира личности, осознаваемые самими респондентами, являются качествами его макроструктуры.

На макроуровне смысл избирательности – в оценке перспективы (3-я колонка бланка), которая определяет психологическое время и в качестве подтекста содержит и актуальность (настоящее), и ретроспективу (прошлое).

Поскольку универсальные координаты К-мира задают потенциальное подобие макро- и микропроцессов в нем, то эквивалентными коммуникативной перспективе – *психологическому времени* – на макроуровне будет приоритет выбора (темы, партнера в 4-й колонке бланка) на микроуровне. Таким образом, центрированные темы, образы партнеров определяют диапазон избирательности.

Синтезы эквивалентных характеристик ММКМ можно рассматривать как синтонные, синхронистичные, а возможные связи неэквивалентных характеристик как десинхронизирующие, диссонирующие. В результате рабочая схема для выделения основных параметров, связывающих макро- и микроуровень К-мира личности, принимает вид, как на (рис. 2).

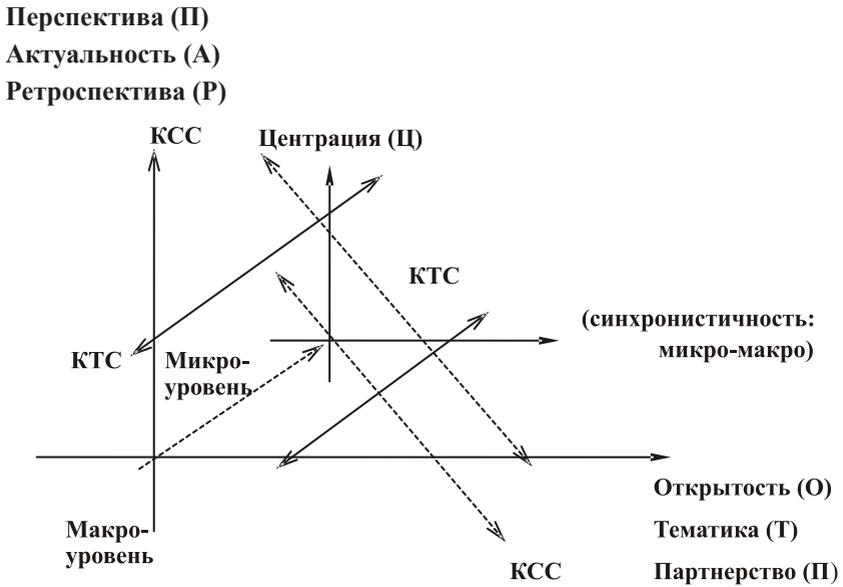

Рис. 2. Параметрическая модель типологии транскомуникативных состояний в К-мире личности: КТС (сплошная линия) – К-транс-состояние; КСС (пунктир) – К-стресс-состояние

Чтобы охарактеризовать транскомуникативный потенциал личности, мы должны получить основные совмещенные показатели, в которых соотнесены характеристики макро- и микроуровня. Если основные показатели микроуровня «открытость» и «центрация» модифицировать по основным показателям макроуровня (субъективное пространство – интересы и партнеры, субъективное время – ретроспектива, актуальность, перспектива), то получится десять интегральных показателей транскомуникативных тенденций.

Припишем маркер «с» стресс-состоянию и маркер «т» – транс-состоянию. Тогда систему ТК-параметров можно достаточно компактно представить в виде табл. 1.

Таблица 1. Система параметров ТК-состояний в ТК-мире личности по ММКМ

Параметры	Макроуровень ТК-мира					
		Ретроспектива (Р)	Актуальность (А)	Перспектива (П)	Интересы (И)	Соучастие (С) (Партнерство)
Микроуровень ТК-мира	Центрация (Ц)	$P_{ц}^m$	$A_{ц}^m$	$\Pi_{ц}^m$	$I_{ц}^c$	$C_{ц}^c$
	Открытость (О)	$P_{о}^c$	$A_{о}^c$	$\Pi_{о}^c$	$I_{о}^m$	$C_{о}^m$

Операциональный смысл этих параметров, которые образовали полные факторы и вобрали все типы транскомуникативных состояний, состоит в следующем:

(1) $P_{ц}^m$ – ретроспективная значимость избранных (подчеркнутых в бланке) темы и партнера (КТС);

(2) $A_{ц}^m$ – актуальная значимость избранных темы и партнера (КТС);

(3) $\Pi_{ц}^m$ – перспективная значимость избранных темы и партнера (КСС);

(4) $I_{ц}^c$ – значимость избранной темы (КСС);

(5) $C_{ц}^c$ – значимость близкого, избранного партнера (КСС);

(6) $P_{о}^c$ – ретроспективная значимость открытых тем и партнеров (КСС);

(7) $A_{о}^c$ – актуальная значимость открытых тем и партнеров (КСС);

(8) $\Pi_{о}^c$ – перспективная значимость открытых темы и партнера (КТС);

(9) $I_{о}^m$ – значимость темы, обсуждаемой с самым большим количеством партнеров (КТС);

(10) $C_{о}^m$ – значимость партнера, с которым обсуждается наибольшее количество тем (КТС).

Названные параметры рассчитываются по следующим формулам:

$$(1) \quad P_{ц}^m = (P_{и} + P_{п}) / n,$$

где $P_{и}$ – сумма оценок подчеркнутых тем в прошлом, $P_{п}$ – сумма оценок подчеркнутых характеристик партнеров в прошлом, n – количество подчеркнутых тем и характеристик партнеров;

$$(2) \quad A_{\text{и}}^m = (A_{\text{и}} + A_{\text{п}}) / n,$$

где $A_{\text{и}}$ – сумма оценок подчеркнутых тем в настоящем, $A_{\text{п}}$ – сумма оценок подчеркнутых характеристик партнеров в настоящем, n – количество подчеркнутых тем и характеристик партнеров;

$$(3) \quad \Pi_{\text{и}}^m = (\Pi_{\text{и}} + \Pi_{\text{п}}) / n,$$

где $\Pi_{\text{и}}$ – сумма оценок подчеркнутых тем в будущем, $\Pi_{\text{п}}$ – сумма оценок подчеркнутых характеристик партнеров в будущем, n – количество подчеркнутых тем и характеристик партнеров;

$$(4) \quad I_{\text{и}}^c = (R_{\text{и}} + A_{\text{и}} + \Pi_{\text{и}}) / n,$$

где $R_{\text{и}}$ – сумма оценок подчеркнутых тем в прошлом, $A_{\text{и}}$ – сумма оценок подчеркнутых тем в настоящем, $\Pi_{\text{и}}$ – сумма оценок подчеркнутых тем в будущем, n – количество подчеркнутых тем и характеристик партнеров;

$$(5) \quad C_{\text{и}}^c = (R_{\text{п}} + A_{\text{п}} + \Pi_{\text{п}}) / n,$$

где $R_{\text{п}}$ – сумма оценок подчеркнутых характеристик партнеров в прошлом, $A_{\text{п}}$ – сумма оценок подчеркнутых характеристик партнеров в настоящем, $\Pi_{\text{п}}$ – сумма оценок подчеркнутых характеристик партнеров в будущем, n – количество подчеркнутых тем и характеристик партнеров.

$$(6) \quad P_o^c = (R_{\text{им}} + R_{\text{пм}}) / 2,$$

где $R_{\text{им}}$ – оценка темы в прошлом, обсуждаемой с максимальным количеством партнеров, $R_{\text{пм}}$ – оценка партнера в прошлом, с которым обсуждается максимальное число тем;

$$(7) \quad A_o^c = (A_{\text{им}} + A_{\text{пм}}) / 2,$$

где $A_{\text{им}}$ – оценка темы в настоящем, обсуждаемой с максимальным количеством партнеров, $A_{\text{пм}}$ – оценка партнера в настоящем, с которым обсуждается максимальное число тем;

$$(8) \quad \Pi_o^c = (\Pi_{\text{им}} + \Pi_{\text{пм}}) / 2,$$

где $\Pi_{\text{им}}$ – оценка темы в будущем, обсуждаемой с максимальным количеством партнеров, $\Pi_{\text{пм}}$ – оценка партнера в будущем, с которым обсуждается максимальное число тем;

$$(9) \quad I_o^m = (R_{\text{им}} + A_{\text{им}} + \Pi_{\text{им}}) / 3,$$

где $R_{\text{им}}$ – оценка темы в прошлом, обсуждаемой с максимальным числом партнеров; $A_{\text{им}}$ – оценка темы в настоящем, обсуждаемой с максималь-

ным числом партнеров; Пим – оценка темы в будущем, обсуждаемой с максимальным числом партнеров;

$$(10) C_o^m = (P_{пм} + A_{пм} + П_{пм})/3,$$

где $P_{пм}$ – оценка партнера в прошлом, с которым обсуждается максимальное число тем, $A_{пм}$ – оценка партнера в настоящем, с которым обсуждается максимальное число тем, $П_{пм}$ – оценка партнера в будущем, с которым обсуждается максимальное число тем.

В целом у данной системы параметров важно отметить не столько предельную простоту вычислений, сколько предельную, индивидуальную феноменологическую конкретность фактов К-мира личности. Эти факты видны в самом протоколе (бланке ММКМ) – это оценки ближайших субъекту проблем и партнеров в прошлом, настоящем и будущем; выделение оценок проблем с максимальным числом партнеров и партнеров с максимальным числом проблем и одновременно видение индивидуального характера формулировок и даже написания (манера, почерк).

В четырех замерах выборки студентов-гуманитариев и двух замерах выборки студентов физико-математического профиля (1–3-й курсы) лонгитюдного исследования 1985–1988 гг. подтверждена валидность параметров и обнаружены два универсальных фактора, которые при сопоставлении с данными многих других методик в корреляционном анализе оказалось возможным интерпретировать как соответственно факторы К-стресса и К-транса. Их разновидности связаны с варьированием в структурах параметров тематики ($I_o^m; I_u^c$) и партнерства ($C_o^m; C_u^c$) в строгой зависимости от гуманитарной или технической, профессиональной направленности. У гуманитариев доминировали тематические параметры, а у «технократов» – партнерские (табл. 2).

Таблица 2. Разновидности ТК-факторных структур в зависимости от коммуникативной и профессиональной направленности

Коммуникативная направленность		
Профессиональная направленность	К-транс-состояние (КТС)	К-стресс-состояние (КСС)
Гуманитарии	$I_o^m \times П_u^m$	$I_u^c \times П_o^c$
Технократы	$C_o^m \times П_u^m$	$C_u^c \times П_o^c$

Существенно, что в каждой факторной структуре задействованы все главные характеристики микро- (открытость; центрация) и макро-уровней (тематика; соучастие; перспектива) ТК-пространства. Поэтому можно говорить об основных «ТК-гештальтах» душевного мира лично-

сти, структурно-динамические трансформации которых определяет ее развитие.

Общий модальный смысл факторов КТС – рост экзистенциальной открытости в гармонии с ростом перспективной трансцендирующей избирательности в смысловом пространстве ТК-мира, обуславливающей общий рост личности.

Общий модальный смысл факторов КСС – значимость экзистенциальной концентрации в кругу близких проблем и партнеров при понимании перспективной значимости активно обсуждаемых тем и открытых коммуникабельных партнеров.

Уже эти концептуально-параметрические различия говорят о **развивающей** детерминации факторов КТС и **защитной** функции факторов КСС. Корреляционный анализ показывает содержательные связи, по которым максимально различаются эти две универсальные факторные структуры.

Так, характерны для КТС (и не характерны для КСС) связи с интуитивной сложностью и широтой мировоззрения (представления о человеческой природе и общая синергия по САТ), а также ориентация на ценности самоактуализации (САТ) и общая открытость (F_1 по «16PF» Р. Кеттелла).

Наиболее специфическими для КСС являются связи с самосенситивностью (САТ), пассивной адаптивностью (Q_4 ; F_4 по «16PF»), ложью (ЕР1), внутренним напряжением (отклонения от АТ-нормы по Цветовому тесту М. Люшера), низкой энергетикой (коэффициент вегетации по Цветовому тесту).

Таким образом, психологический смысл КТС соответствует тому, что К.Г. Юнг назвал личностной интеграцией и индивидуацией и что прямо соответствует тому, что я назвал фактором К-транса или **общим транскомуникативным потенциалом** личности, ответственным за ее рост и трансформацию.

По аналогии и в противовес вышесказанному КСС можно осмыслить как **общий фактор коммуникативного стресса**, играющий адаптивную, защитную, компенсаторную функции в общении и личностном развитии. В наиболее благоприятном, гармонизированном варианте он, по-видимому, может действовать как **фактор нормативной коммуникабельности**.

Такая интерпретация КСС говорит в пользу высказанного ранее предположения, что нормативная коммуникабельность личности носит

преимущественно защитно-компенсаторный характер и, следовательно, должна содержать в себе фактор **здорового К-стресса**, выполняющего **охранительную функцию** в отношении К-транса. Однако в условиях доминирования К-стресс, видимо, блокирует К-транс и транскомуникативный потенциал развития личности, обрекая ее на порочный круг хронического К-стресса, ведущего к дистрессу.

В психотерапии и группах личностного роста в этом смысле были бы полезны экспресс-диагностика, анализ и управляемая коррекция динамичных отношений между К-трансом и К-стрессом, так как гармония их реверсивной динамики образует полноценный жизненный гештальт как внутреннюю основу самореализации и самотрансценденции личности.

В заключение следует обратить внимание на еще неиспользованный резерв ММКМ. Этот метод создавался на перспективу, с одной стороны, выхода в качественную постметодологию, с другой стороны – в моделирование многомерных смысловых транскомуникативных хронотопов. Этот хронотоп моделируется как репрезентация всех отношений между множеством тем и множеством партнеров, и, видимо, должен быть похож на причудливую голограмму, характеризующую индивидуальность личности.

Инструкция сбора информации для респондента «Ваш жизненный мир»

Уважаемый коллега!

Может быть, Вам будет интересно осознать и проанализировать некоторые существенные аспекты Вашего жизненного мира. Для этого Вам предлагается специальный бланк для самоанализа.

В основных колонках бланка даны исчерпывающие инструкции по их заполнению.

1. Бланк удобнее заполнять по колонкам.
2. Главное – творчески подойти к заполнению второй основной колонки бланка.
3. Охарактеризуйте Ваши интересы и проблемы (верхняя часть колонки); напишите главные характеристики партнеров в Вашем круге общения (нижняя часть колонки).
4. Сделайте это как можно более конкретно. Чем больше характеристик каждой проблемы и каждого партнера, тем лучше.
5. Если Вы испытываете затруднения в выборе и описании основных интересов и проблем, а также качеств партнеров, то отвлекитесь на минуту и представьте как можно ярче жизненный мир Вашего любимого сказочного персонажа. Какими проблемами он живет? С кем вступает в отношения? Как его можно охарактеризовать... и возвращайтесь к Вашему жизненному миру.
6. Не забудьте подчеркнуть проблемы, интересы и качества партнеров, которые непосредственно характеризуют и Вашу личность.
7. В третьей, четвертой и пятой колонках Вы делаете интуитивную субъективную оценку по шкале от «-3» (очень неприятные переживания) до «+3» (очень приятные переживания). В каждой клетке вы можете поставить любую цифру от «-3» до «+3». При этом 0 означает отсутствие каких-то определенных переживаний.
8. В каждую строку шестой колонки записывайте любое реальное количество соответствующих номеров проблем или партнеров, т.е. в верхнюю часть бланка записываются номера партнеров из нижней части бланка и наоборот.

Внимательно прочтите инструкции во всех колонках бланка и, поняв их смысл, приступайте к заполнению.

Приятного Вам путешествия по Вашему жизненному миру!

Ф.И.О.		Дата				
Возраст		Пол		Род занятий		
№ фраз	Интересы и проблемы, наполняющие мою жизнь Напишите не менее пяти свободных фраз и <u>подчеркните</u> наиболее близкие внутреннему миру	Приятны ли переживания, с ними связанные? Оцените по шкале: –3 –2 –1 0+1 +2 +3			В каждую строку запишите номера партнеров, которые обращаются к Вам по указанным проблемам	
		в прош- лом	в наст-м	в буду- щем		
1	2	3.1	3.2	3.3	4	
1						
2						
3						
4						
5						
6						
7						
8						
9						
10						
№ фраз	Партнеры моего круга общения, названные их основными характеристиками Назовите не менее пяти партнеров и <u>подчеркните</u> характеристики, относящиеся к Вам	Приятны ли переживания, с ними связанные? Оцените по шкале: –3 –2 –1 0+1 +2+3			В каждую строку запишите номера проблем, по которым Вы обращаетесь к указанным партнерам	
		в прош- лом	в насто- ящем	в буду- щем		
1						
2						
3						
4						
5						
6						
7						
8						
9						
10						

Сведения об авторах

Замарёхина Ирина Викторовна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии образования Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского (Чита)

Кабрин Валерий Иванович – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии Томского государственного университета, зав. лабораторией психологических практик

Лебединская Светлана Владимировна – доцент кафедры специальной психологии Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского

Мацута Валерия Владимировна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры организационной психологии факультета психологии Томского государственного университета

Мещерякова Эмма Ивановна – доктор психологических наук, профессор кафедры организационной психологии факультета психологии Томского государственного университета

Муравьёва Ольга Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности факультета психологии Томского государственного университета

Петрова Валерия Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии Томского государственного университета

Пяткова Ольга Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского (Чита)

Рыльская Елена Александровна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии Челябинского педагогического университета

Частоколенко Яна Борисовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности факультета психологии Томского государственного университета

Научное издание

**ТРАНСКОММУНИКАЦИЯ:
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ МИРОВ
ЧЕЛОВЕКА**

Редактор *В.Г. Лихачева*
Компьютерная верстка *А.С. Маркушенко*

Подписано в печать 20.08.2011 г.
Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 25,0; усл. Печ. л. 23,3; уч.-изд. л. 23,1.
Тираж 300 экз. Заказ № .

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Типография «Иван Федоров»,
634026, г. Томск, ул. Р. Люксембург, 115, стр. 1